4
В-78

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

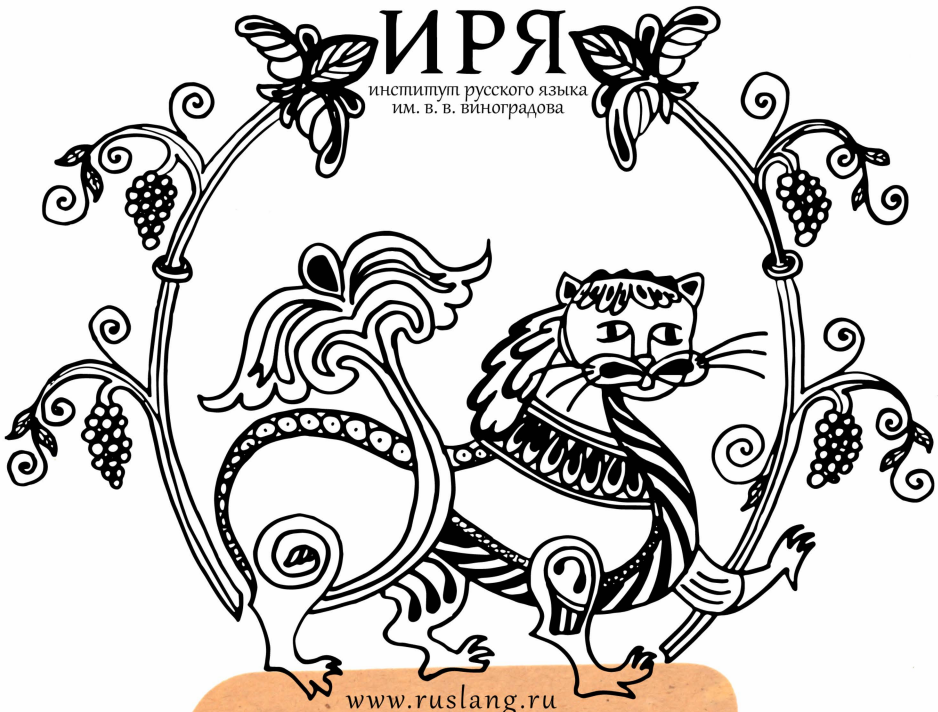
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

2000

Выпуск 3

Москва
2000

4
В-78
1) Восточнослав. яз. Общ. г.
2) РЯ. Диалектология.

90431

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

В библиотеку Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН – с благодарностью от авторов

16.I.2003г.

2000

Выпуск 3

Москва
2000

4
В-78
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
90431

Ответственный редактор
доктор филологических наук Т. В. Попова

Рецензенты:
доктор филологических наук Г. К. Венедиктов,
кандидат филологических наук Л. В. Вялкина

Данное исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
грант № 97-04-06375

К 80 - летию
Софьи Владимировны Бромлей

АННОТАЦИЯ

В третьем выпуске коллективной монографии «Восточнославянские изоглоссы», представляющей собой новый тип атласа, продолжается комплексное лингвогеографическое исследование диалектов восточнославянской группы языков (русского, украинского и белорусского). В данный выпуск вошли комментарии и карты, на которых методом сопоставительного картографирования показаны явления разных языковых уровней, имеющие важное значение для членения всего восточнославянского диалектного пространства, для сравнительной характеристики восточнославянских диалектов и интерпретации их контактов, а также для разработки целого ряда вопросов восточнославянского глоттогенеза и этногенеза.

Для языковедов – специалистов по славянским языкам.

90431

ИРЯ
институт русского языка

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие (*Т. В. Попова*) 5
2. Список сокращений названий атласов и программ, использованных в монографии 9
3. Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов. (*Л. Э. Калнынь*) 10
4. Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией прасл. сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными. (*Л. Э. Калнынь*) 31
5. Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных. (*Н. Н. Пшеничнова*) 39
6. Морфонологические особенности склонения имен существительных с основой на заднеязычный согласный. (*Л. Е. Лопатина, А. В. Тер-Аванесова*) 51
7. Отражение флексии *пот.-асс. dualis* в счетной форме существительных *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода. (*А. В. Тер-Аванесова*) 66
8. Флексии творительного падежа множественного числа существительных. (*С. К. Пожарицкая*) 79
9. Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот – этот*. (*Н. Л. Голубева*) 94
10. Формы инфинитива от глаголов с основой на /к, г/ типа рус. лит. *печь, беречь*. (*Т. В. Попова*) 106
11. Формы инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус. лит. *ходить, видеть, гнать, писать*. (*Т. В. Попова*) 120
12. Формы инфинитива от глаголов с основой на согласный типа рус. лит. *плести, вести, грести* и *класть, прясть, грызть*. (*Т. В. Попова*) 129
13. Конструкции типа рус. *корова* (*корову*) *подоено*, бел. *грыбы пазбирана*, укр. *гроші узято*. (*Л. Е. Лопатина*) 139
14. Формы винительного падежа множественного числа одушевленных существительных. (*Л. Е. Лопатина*) 142
15. Названия частей плуга: 1. ‘лемех’, 2. ‘отвал’. (*Г. П. Клепикова*) 149
16. Названия ‘муравьев’. (*Г. П. Клепикова*) 161

www.ruslang.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очередном выпуске коллективной монографии "Восточнославянские изоглоссы" (далее – ВСИ) продолжается исследование тех явлений, которые имеют важнейшее значение для разработки ряда вопросов, связанных с проблемами восточнославянского этногенеза и глоттогенеза. Карты и комментарии, вошедшие в данный выпуск монографии, содержат сведения, необходимые для разработки актуальных для восточнославянской области проблем исторического и типологического плана (например, вопросов о диалектном членении позднепраславянского и древнерусского языков, о происхождении сходств и различий в рамках современного восточнославянского диалектного пространства, о современном диалектном ландшафте трех восточнославянских языков и др.). Важно, что лингвогеографическое изучение восточнославянских диалектов дает возможность четко описать современные границы противопоставленных явлений, а также определить лингвогеографически значимые феномены из области фонетики, морфонологии, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики. Изучение конкретных языковых фактов в рамках всего восточнославянского диалектного пространства, предпринятое в монографии ВСИ, позволяет не только формулировать неизвестные ранее задачи, но и вносить существенные коррективы в некоторые из исследованных уже проблем. Так, весьма интересные результаты получены авторами монографии при изучении таких вопросов, как, например, соотношение вокальных и консонантных систем с точки зрения развертывания звуковых последовательностей, судьба инфинитивных форм разных типов глаголов, исследование целого ряда словообразовательных, синтаксических и лексических явлений и мн. др.

Ранее указывалось, что одной из задач данного труда является поиск новых лингвогеографических (ареалогических) аргументов для решения фундаментальных и до сих пор остающихся дискуссионными проблем современной славистики (например, каким было диалектное членение позднепраславянского языка; действительно ли можно считать позднепраславянский период временем возникновения диалектной дифференциации праславянского языка; представлял ли собой общевосточнославянский праязык генетическое единство или же такое единство изначально отсутствовало; можно ли считать современную близость русского, украинского и белорусского языков результатом длительных конвергентных процессов и др.). Не вызывает сомнения тот факт, что ответ на поставленные вопросы может дать только наличие достаточно большого количества карт, на которых показано распределение явлений разных уровней языковой системы на всем восточнославянском языковом пространстве. При этом чрезвычайно важное значение приобретает также типологическая и диахроническая интерпретация всех основных изоглосс, которые могут быть сконструированы именно на основе данных карт.

Следует с удовлетворением отметить, что к настоящему времени уже накоплен большой объем важной информации о типах изоглосс (= ареалов), которые фиксируются в восточнославянской лингвистической области и отражают явления различных языковых уровней. Совокупность сведений, содержащихся в картах и комментариях трех выпусков ВСИ, позволяет все более уверенно говорить как о правомерности гипотезы, согласно которой корни и истоки многих современных восточнославянских диалектных различий следует искать в глубокой древности – в правосточнославянских (племенных) диалектах, так и о признании наличия известной гетерогенности изначальной восточнославянской основы.

В исторической диалектологии восточнославянских языков неоднократно высказывалось мнение о том, что по данным современного лингвистического ландшафта можно судить о преимущественно архаических и инновационных зонах восточнославянского диалектного пространства. Эти выводы делались, правда, в результате изучения истории и диалектологии лишь отдельных восточнославянских языков и на основании анализа прежде всего фонетических признаков (из последних работ см., например, работы В. Г. Орловой, К. Ф. Захаровой, К. В. Горшковой, С. В. Бромлей и др.). Сопоставление результатов

исследований, проведенных авторами монографии "Восточнославянские изоглоссы", дало возможность подтвердить мнение о том, что говоры, расположенные в центральной части всего восточнославянского диалектного пространства, содержат, по преимуществу, инновационные черты; говоры же, занимающие периферию данной территории, характеризуются многими архаическими признаками. (Кстати, напомним известный факт, свидетельствующий о том, что в пределах русского языка к периферийным говорам, которым свойствен целый ряд архаических явлений, относятся, как правило, говоры русского севера и особенно северо-востока; центральные русские говоры, характеризующиеся в значительной степени новообразованиями, по своему происхождению являются преемниками бывшего ростово-суздальского диалекта). На указанную закономерность, существующую между "центральными" и

"периферийными" говорами, обращал в свое время внимание и Р. И. Аванесов: "С исторической точки зрения полярные диалекты представляют более древнее образование сравнительно с центральными говорами" (см. Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии. //"ОЛА". М., 1965, с. 30).

Большим достижением проведенных ранее исследований в области диалектологии можно считать выявление в "периферийных" говорах ярко выраженных вокальных признаков, а в "центральных" – консонантных. По этому поводу С. В. Бромлей пишет: "Все явления исторической фонетики, которые свидетельствуют о повышенных свойствах вокальности языковых систем, основной областью своего распространения имеют юго-запад древнерусской территории, где происходило формирование черт, на основе которых выделились украинский и белорусский языки. Русским говорам свойственна только часть этих явлений..., причем все они характеризуют периферийные говоры" (см. Бромлей С. В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров. //"Диалектография русского языка". М., 1985, с. 27).

Изучение разноуровневых явлений в настоящем и двух вышедших из печати выпусках монографии ВСИ (см. "Восточнославянские изоглоссы. 1995". М., 1995; "Восточнославянские изоглоссы. Выпуск 2. 1998". М., 1998) помогло определить целый ряд изоглосс, которые выделяют на территории всего восточнославянского диалектного пространства, с одной стороны, "периферийные" говоры (где могут быть отмечены как архаические явления, так и признаки повышенной вокализованности), а с другой, – "центральные" говоры (характеризующиеся новообразованиями, а также усиленным развитием некоторых консонантных признаков). Приведем в качестве иллюстрации вокальной "периферии" и консонантного "центра" некоторые примеры.

Карта, показывающая территориальное распределение рефлексов сочетаний взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами, свидетельствует о том, что явление назализации сочетаний [дн, бм, бн] и переход их в сочетания [нн, мм, мн] (*ла́нно*, *омма́н*, *дри́мни*), что говорит о понижении признака консонантности в звуковой цепи, характерно именно для "периферийных" говоров (юго-запад, запад, северо-запад, север и северо-восток восточнославянской территории).

Замена веляризованного сонанта билабиальным спирантом (*л* → *ў*) в позиции перед согласными и на конце слова, возникшая после падения редуцированных, отмечена на крайнем северо-востоке и в юго-западной части восточнославянской диалектной территории (т. е. в украинском и белорусском языках, в юго-западных русских говорах и в крайних северо-восточных русских говорах).

Процесс превращения др.-рус. фонем /ш'т'ш'/ и /ж'д'ж'/ в двухфонемные сочетания находим в русских "периферийных" говорах и в говорах украинского и белорусского языков; в центральных же русских говорах фиксируется наличие особых фонем – наследниц др.-рус. фонем /ш'т'ш'/ и /ж'д'ж'/. Данное явление также подтверждает тезис о консонантном "центре" и вокальной (с меньшим количеством консонантных фонем) "периферии".

Вокалические флексии в формах твор. пад. числительного *два* (*двома*, *двума*, *двумя*, *двуми*) противопоставлены консонантной флексии (*двум*); они охватывают небольшой ареал на северо-востоке и обширный ареал на юго-западе и юге восточнославянской территории (говоры украинского и белорусского языков и южнорусские говоры).

Яркой иллюстрацией противопоставления "центра" и "периферии" (с точки зрения сохранения зон с архаическими чертами и наличия зон с инновациями) могут служить карты, на которых показаны суффиксы в формах инфинитива разных глагольных групп (типа *писати/писат'*, *пасти/паст'*, *печи*, *пекчи*, *пекти/печ'*); архаические суффиксы с вокальной структурой (/т'и/, /чи/) – *писати*, *пасти*, *печи*, а также *пекчи*, *пекти*) – характеризуют "периферийные" говоры восточнославянского диалектного пространства, а новообразования с консонантной структурой суффикса (/т'/, /ч/) – *писат'*, *паст'*, *печ* – свойственны "центральным" говорам.

Лексические карты дают не менее интересный и убедительный материал. Так, например, названия озимых всходов зерновых культур с архаическим корнем *зим* = (*озимь*, *прозимина* и др.) находим в северных и северо-восточных русских и отчасти в среднерусских говорах, а также в юго-западных украинских говорах.

Наличие объектно-целевых конструкций типа *по врача*, *по овец* также объединяет северо-восток и юго-запад исследованной территории.

Описание явлений, показанных на картах ВСИ, которые свидетельствуют о противопоставлении "центра" и "периферии" по разным признакам (как и глубокий анализ этого противопоставления), является одной из задач в дальнейшей работе над монографией ВСИ.

Тщательное исследование всех выполненных к настоящему времени карт с целью сопоставительного

изучения полученных изоглосс, а также анализа пучков изоглосс, может привести к чрезвычайно интересным выводам о членении восточнославянского диалектного пространства в прошлом и настоящем и о наличии архаических и инновационных зон. Совокупный лингвогеографический анализ русских, украинских и белорусских диалектных данных позволяет вносить определенные коррективы в существующие гипотезы, связанные с развитием тех или иных диалектных явлений, и, несомненно, дает новые сведения о современной дифференциации восточнославянского диалектного континуума в целом. Так, например, по некоторым признакам из области фонетики (ср. устройство слога, реализацию инициальной протезы, наличие сочетания [ый] в формах типа *молодый*), из области морфонологии (ср. структуру глагольной основы в парадигме настоящего времени), из области морфологии (ср., например, флексии 3 л. ед. наст., формы инфинитива), из области синтаксиса (ср. такие конструкции, как, например, *мене болить голова*), из области лексики (ср. наличие названия *діжка*) и мн. др. – четко выделяются в восточнославянском диалектном пространстве говоры украинского языка. В связи с этим можно согласиться с выводами тех славистов прошлого и настоящего, которые склоняются к мысли о том, что украинский язык по своему происхождению занимает особое место среди других восточнославянских языков, нередко нарушая представление о едином в прошлом восточнославянском диалектном континууме. По многим явлениям, рассмотренным в монографии ВСИ, выделяется и белорусско-украинская зона, а также зона северо-восточных русских говоров и крайних юго-западных украинских говоров (см. карты по акцентологии, фонетике, морфологии, словообразованию, синтаксису и лексике). Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что в ряде случаев наибольшее количество сосуществующих диалектных вариантов отмечается в говорах белорусского языка. Эта нестабильность может свидетельствовать о незавершенности в настоящее время процессов в становлении того или иного явления в данном диалектном регионе (ср., например, высокую степень вариативности в формах инфинитива, в словообразовательных моделях названия **letexъ*, в личных именах с суффиксом **ок*, в названиях *кукушки* и др.), что может быть объяснено в какой-то мере и географическим положением белорусского языка, находящегося на стыке некоторых противопоставленных (север – юг) явлений.

В заключение подчеркнем еще раз, что карты, содержащиеся в монографии ВСИ, в том числе и в ее третьем выпуске (в сочетании в ряде случаев с данными памятников письменности), несомненно, содержат важные аргументы, позволяющие высказать более или менее убедительные соображения как относительно времени возникновения показанных на картах явлений, так и относительно современной картины географического расположения ареалов, образованных явлениями разных языковых уровней.

Авторы выражают надежду, что очередной, третий, выпуск ВСИ будет способствовать активизации исследований в области исторической диалектологии и типологии славянских языков.

Руководитель темы Т. В. Попова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ АТЛАСОВ И ПРОГРАММ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В МОНОГРАФИИ*

[АУМ 1] – Атлас української мови. Ч. 1. Київ, 1984.
[АУМ 2] – Атлас української мови. Ч. 2. Київ, 1988.
[Вост. 1957] – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты. М., 1957.
[Вост. комментарии, 1957] – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи. Справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957.
[ДАБМ] – Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск, 1963.
[ДАБМ, каментарыі] – Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы, каментарыі да карт. Мінск, 1963.
[ДАРЯ I] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Карты. М., 1986.
[ДАРЯ I, комментарии] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Вступительные статьи. Комментарии к картам. М., 1986.
[ДАРЯ II] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Карты. М., 1989.
[ДАРЯ II, комментарии] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Комментарии к картам. М., 1989.
[ДАРЯ III] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. III. (Часть 1). Лексика. Часть 1. Минск, 1997.
[ДАРЯ III, комментарии] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. III. Лексика. Синтаксис. М., 1997.
[Зап.] – Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы. (Рукопись).
[ЛГГБГ 1969] – Лінгвістычная географія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.
[МУ 1957] – Методические указания к "Программе собирания сведений для составления "Диалектологического атласа русского языка" (под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой). М., 1957.
[Назарова 1985] – *Назарова Т. В.* Лінгвістичний атлас Нижньой Прип'яти. Київ, 1985.
[ОКДА 1987] – Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуок. Скопје, 1987.
[ОЛА 1994] – Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1994.
[Праграма 1950] – Праграма па вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.
[Програма 1949] – Програма для збирання матеріалів до Діалектологічного аталасу української мови. Київ, 1949.
[Программа 1947] – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.: Л., 1947.
[С.] – Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы. (Рукопись).
[С.-Зап.] – Атлас русских говоров северо-западных областей СССР. (Рукопись).
[Ю.] – Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы. (Рукопись).
[Ю.-Зап.] – Атлас русских говоров юго-западных областей РСФСР. (Рукопись).

* Работы, не вошедшие в этот список, даны в конце каждого раздела.

Л. Э. Калнынь

ОТНОШЕНИЕ К ПРИЗНАКАМ ВОКАЛЬНОСТЬ/КОНСОНАНТНОСТЬ В ФОНЕТИКЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Концепция карты основана на том, что констатация конкретных компонентов фонетических диалектных различий сама по себе еще не в полной мере отражает существо фонетической дифференциации диалектов определенного региона. Подобная констатация образует исходный уровень информации, обобщение которой позволяет выявить фонетические характеристики более высокого ранга, т. е. типологические.

Как известно, первый опыт создания типологической классификации славянских языков на фонологическом/фонетическом уровне был предпринят в [Исаченко 1963]. В основу классификации было положено количественное соотношение единиц вокального и консонантного инвентаря, возможность использования тонового ударения как фонологического средства, некоторые правила фонетической синтагматики. Именно эти данные были положены А. Исаченко в основу разделения славянских языков на консонантический и вокалический типы. Все три восточнославянских языка были отнесены к «радикально-консонантическому» типу, поскольку в их консонантизме присутствует фонемная корреляция твердость-мягкости (высоты тона), которая значительно расширяет консонантный инвентарь [Исаченко 1963, 115]. Между тем, если обратиться к материалу диалектной фонетики, в том числе и к тому, который содержат восточнославянские атласы, то можно обнаружить, что разные диалекты демонстрируют неодинаковое отношение к признакам вокальность/консонантность в своем фонетическом строе вообще, и в правилах образования звуковых последовательностей в частности.

Существо различий заключается в составе используемых гласных и согласных, а также в том, что конкретные синтагматические правила эксплицируют усиление или ослабление признака вокальность/консонантность в создаваемой в процессе речи звуковой последовательности. Этот аспект восточнославянской диалектной фонетики в последние годы рассматривался в ряде работ [Пауфошима 1983; Бромлей 1985; Калнынь 1992; Калнынь 1998]. Предлагаемая карта развивает наметившиеся подходы и имеет своей целью показать восточнославянские диалектные различия, выражающиеся в уровне значимости признаков вокальность/консонантность в фонетическом строе диалектов как в парадигматическом, так и синтагматическом аспектах.

Проекцию диалектного материала на карту предваряют следующие пояснения. Признаки вокальность/консонантность далее понимаются не только как универсальные первичные признаки звуков, включенных в дихотомию «вокальность-невокальность», «консонантность-неконсонантность» [Ахманова 1966], чему с артикуляционной точки зрения соответствует различие между звуками, образованными с преградой и ее преодолением, с одной стороны, и с отсутствием преграды, с другой [Трубецкой 1960, 104]. Предполагается, что эта дихотомия может быть детализирована в рамках фонетического устройства диалектных идиомов следующим образом.

Отношение к признакам вокальность/консонантность в диалекте определяется как на основе сведений об инвентарном составе гласных и согласных, так и о правилах звуковой синтагматики. Выводы об уровне использования рассматриваемых признаков предполагают сопоставительную процедуру (диалекта с литературным языком, одного диалекта с другим), поскольку получаемое заключение всегда имеет значение "больше~меньше". В аспекте инвентарном большее количество используемых в идиоме гласных соответствует большей вокализованности этого идиома и, наоборот; то же можно сказать о составе согласных по отношению к признаку консонантность.

В синтагматике определение уровня вокальности и уровня консонантности звуковой последовательности основывается на разных критериях. Это связано с особенностями артикуляции гласных и согласных.

Артикуляция гласных практически находится вне возможности снижения уровня вокальности, поскольку фундаментальное артикуляционное свойство гласного звука – отсутствие преграды не может меняться по шкале «больше~меньше». В этой связи в [Брок 1910, 13] сказано – «акустическое впечатление гласного определяется комплексом собственных тонов, «собственным звуком» его резонатора» и «замена голосового звона шепотом в сущности не изменяет данного отношения».

Известное изменение *i*, *u* > *j*, *ŭ* после гласного ведет к образованию дифтонгоидного сегмента, кото-

рый близок к вокальной единице, в частности, потому, что при любом типе слогоделения этот сегмент находится в пределах одного слога. Но сама по себе спирантизация гласного переводит его в класс согласных. Ситуация не меняется от того, что *j*, *ŭ* обычно называются «неслоговыми гласными».

Снижение уровня вокализованности звуковой цепи может достигаться редукцией безударного гласного до нуля, чем уменьшается количество вокальных элементов в последовательности.

Экспликация уровня вокальности в построении звуковых цепей может оцениваться и с точки зрения стабильности вокального состава слова – вокальность тем выше, чем в меньшей степени представлено позиционное свертывание максимального для данного идиома позиционного набора гласных. Позиционное сокращение снижает контраст между гласными, делая вокальную модель слова более монотонной.

Согласные, в отличие от гласных, располагаются на «шкале нарастания консонантных признаков», в соответствии с которой наибольшая консонантность присуща взрывным глухим, а наименьшая – сонантам [Пауфошима 1983, 50]; ср. также – «Смычные и сонанты как с точки зрения акустической, так и с точки зрения артикуляционной являются максимально полярными типами» [Трубецкой 1960, 172]. В соответствии с этим, звонкие шумные менее консонантны, чем глухие; то же относится к фрикативным в сравнении с взрывными и аффрикатами. Синтагматически обусловленную замену более консонантного согласного менее консонантным можно оценивать как понижение уровня консонантности данной звуковой последовательности.

Консонантность звуковой последовательности тем выше, чем стабильнее артикуляция консонантных сочетаний. Имеется в виду прежде всего наличие/отсутствие ассимилятивного уподобления в консонантных группах – уподобление снижает артикуляционный контраст и делает его с точки зрения консонантных составляющих более однообразным.

Уровень вокальности/консонантности отражается в характере взаимоотношений вокальной и консонантной частей слова. Если выбор гласного зависит от соседнего согласного, то это указывает на уменьшение значимости признака вокальность – например, русские *і*, *ы* в зависимости от твердости/мягкости предшествующего согласного; изменение *а* > *е* после мягкого (укр.) или перед мягким (рус.) согласным; изменение *ы* > *у* после губных согласных в белорусских говорах (*му́ло*, *бук*, *муш* = муж и мышь). И, напротив, независимый от соседних согласных выбор гласного противостоит снижению уровня вокальности.

Как явствует из сказанного, отношение к признакам вокальность/консонантность в диалектной фонетике имеет многообразные проявления. Полный корпус сведений о них может быть получен путем монографического описания фонетического строя отдельных диалектов. Но это – иной диалектологический жанр, чем тот, который представлен лингвогеографическими штудиями. Диалектная карта несет информацию о значительно более ограниченном составе диалектных явлений, чем это может содержаться в монографических описаниях диалектов. Но преимущество диалектной карты состоит в том, что из нее можно почерпнуть сопоставимые сведения об определенных языковых характеристиках на большой территории. Предлагаемый в данной статье показ того, как восточнославянские диалекты в их лингвогеографической интерпретации эксплицируют в своей фонетике отношение к признакам вокальность/консонантность, осуществляется следующим образом.

Отдельно рассматриваются явления, связанные собственно с гласными и согласными. Из многообразного диалектного материала выбираются такие фонетические явления, которые могут быть сопоставлены в диалектах всей картографируемой территории. Естественно, за пределами рассмотрения остаются многие фонетические явления, составляющие специфику отдельных диалектных групп.

В разделе ***вокализма*** восточнославянские диалекты могут быть сопоставлены по следующим параметрам.

Карты под № 1 в АУМ 1 и в АУМ 2 показывают высокий уровень дифференциации украинских говоров по количеству и качеству гласных в позиции под ударением. Следует отметить, что, как явствует из комментариев, диалектные различия в ударном вокализме, показанные на картах, устанавливаются на уровне звукотипов, имеющих статус фонем. Количество гласных, представленных в отдельных говорах, располагаются по шкале [5~6~7~8].

В АУМ 1 **пять** гласных (*и-е-а-о-у*) представлены в небольшой группе говоров на северо-востоке карты в отдельных районах Черниговской и Сумской областей. Как отмечено на карте, фонема /и/ реализуется в виде *і* после мягких согласных – *т'і*, *в'і*. Так, в п. 8 (Семеновский р-н Черниговской обл.) – *в'і́лк'і*, *д'і́рка*, *св'ет*, *дам*, *дом*, *ду́ма*. Такая модель ударного вокализма в целом не характерна для украинских диалектов.

Семь гласных фиксируются в северной части картографируемых украинских диалектов, а также на

крайнем юго-западе. В северных говорах разнообразие вокализма обусловлено дифтонгическими рефлексами *ě и *o, *e в новых закрытых слогах. Дифтонги, развившиеся в закрытых слогах, весьма многообразны [Жилко 1955, 65; 1963, 12; Бевзенко 1980, 44-46]. Но на картах они обобщены в виде *уо, уе, уи* в АУМ 1 и *уо, уи* в АУМ 2. В [Жилко 1963, 12] семичленный набор гласных под ударением показан как *п'і̯е̂ч – син – ден' – там – сон – бі̯е̂б, ні̯е̂с – зуб.*

В юго-западных говорах позиционный набор гласных под ударением расширяется за счет несовпадения рефлексов *ў и *і. Примеры из бойковского говора (Турковский р-н Львовской обл.): *б'іб//біб, тік, він'* (= он), *двійка, к'ір – спит, тúхо, к'úвай – попéрек, бéрдо, зéрно г'ép'ік – пáс'іка, вáтра стáйа, молод'áта – бык, ры́йка, ты́ждж'ін' – бýда, задýха, к'ен'д'ýх – воўк, мóрку, тотó, т'óкло, пос'óму.* Из надсянского говора (Мостиский р-н Львовской обл.): *ріг, гріб – бри́тва – упскéрбла – грыб – чарáсло – на рóвйі – грýбый.* В этом говоре гласный *і* заменяет собою не только *ě и *e, *o в закрытом слоге, но и *і (зуб'іска, стіск, дíка).* Гласный *и* на месте *і выступает только после передненебных согласных (*чи́ста, піши́, бірú*) [Калнынь 1973, 134].

На юго-западе около Мукачева выделяется зона, где под ударением представлены **восемь** гласных (*а-е-и-і-ў-о-у-ы*). По количеству единиц это – максимально возможный для восточнославянских диалектов вокализм: *б'íлый, в'íз – мы́ло, сы́то – ми́ло, си́то – мўст, wўз, ус'ўм – ден' – сон – дам – суд* [Жилко 1963, 20].

Южнее северного региона, имеющего семь гласных, расположен массив украинских диалектов, имеющий ударный вокализм из **шести** гласных. В АУМ 1 это показано как *і-и-е-а-о-у*, в АУМ 2 – *а-е-и-і-о-у*. Надднестрянский говор (Калушский р-н Ивано-Франковской обл.): *б'ір, л'іс – ти́во, дúка – лебéда, п'ід зéмл'у, жит'é, ўгéн' – пáсмо, задáўнено, с'ійáпка – пóм'іч, убóго, пац'óрк'і – бýрый, т'ут'ýн* [Калнынь 1973, 91]. Гуцульский говор (Раховский р-н Закарпатской обл.): *стіл – стýд'ін' – гостéна – стоўп – петя́к, дєн' – парастáс; напойíти – йýда – пйéтий – йо – йєва – йáма* [Калнынь 1992, 58].

Варьирование ударного вокализма по диалектам происходит за счет наличия/отсутствия *і, і̯е, уо, уе, и, ы, ä/ɛ, ў*; постоянными компонентами являются *а, е, о, у*. Многообразие комбинаций этих единиц создает высокий уровень диалектной дифференциации в области ударного вокализма. В АУМ 1 на карте показано 7 вокальных структур, а в АУМ 2 – 15 структур.

В украинских диалектах уровень артикуляционной связи согласного и следующего гласного ниже, чем это имеет место в других восточнославянских диалектах. Компоненты сегмента CV, где знаку V соответствуют гласные *и, е, і*, независимы друг от друга и это проявляется в отсутствии уподобления (аккомодации) согласного последующему гласному по высоте тона. Наряду с традиционно принятым в руссистике представлением о вторичном отвердении согласных перед *і, е* (из **і, *е, *ь*) в украинском языке, существует мнение, согласно которому в праукраинских диалектах согласные исконно не повышали тон перед рефлексами **і, *е* [Німчинов 1926, Синявський 1927, Shevelov 1979, Калнынь 1994]. Неунифицированность сегмента CV по высоте тона (мягкости) повышает самостоятельную значимость вокального элемента – гласные переднего ряда не выделяются в отдельный класс, ограниченный в своей дистрибуции позицией после мягких согласных, как это имеет место в русских и белорусских диалектах. Это не значит, что перед *и, е, і* недопустимы мягкие согласные вообще во всех украинских говорах – при определенном развитии вокализма мягкие согласные выступают перед *е, и* из **ę, *а (д'ек, т'éжко, бáн'и)*, перед *і* из **ě, *е, *о* в закрытом слоге (*т'íсто, н'íс*).

Отклонение от принципа взаимной изолированности согласного и переднего гласного в сегменте CV представлено в виде мягкости переднеязычных согласных перед рефлексами **е, *ь, *і* в полосе говоров, граничащих с Белоруссией [АУМ 1 К.№ 102, АУМ 2 К.№ 87]. В [Жилко 1955, 77; Бевзенко 1980, 207] эти говоры определены как переходные с украинской или белорусской основой. Диагностическое значение при определении основы имеет твердость или мягкость согласных перед *і/и, е*. На Карте № 102 – *с'ін'і, н'íва, т'íхо, с'ело́, н'есý*. В [АУМ 2 К. № 87] изоглосса произношения *т', л'* (именно такие знаки употреблены на карте) перед *і, е* ограничивает говоры Гомельской обл.

Позиционной считается мягкость, если она представлена перед *і* не только из **ě, *е*, но и из **о (т'íло, н'íс* = нёс, нос). Эта ситуация, свойственная в основном юго-восточным говорам, дает повод для функционального отождествления *и* и *і*, т. е. их дополнительного распределения в зависимости от твердости/мягкости предшествующего согласного (*ти – т'і*) – однако такое решение не является общепринятым [Жилко 1963, 8].

На названных картах АУМ изоглоссой показаны большие диалектные регионы, где твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласным *і* благодаря твердости согласных перед *і* из **о*, т. е. *ніс – н'íс, віз – в'íз, сіл' – с'íно, мій – м'íсто, ріг – р'íзати.* В данном случае не касаемся ситуации, при которой

твердость перед *і* разного происхождения имеют зубные согласные, а губные смягчаются – так, например, в Раховском р-не Закарпатской обл.: *сті́л, сі́м, сн'і* (= гній), *мозі́л'* и *н'ін, ф'ісм, м'ісм*.

Взаимная изолированность согласного и гласного особенно эффектно проявляется в твердости зубных согласных перед рефлексами **ě*, примеры чего содержит материал [ОЛА 1988] – *'sino, did, nímyj* (Рожище Волынской обл.), *'sino, 'tilo* (Бахмач Черниговской обл.), *'tʲesto, dʲed, 'sʲeju* (Березное Ровенской обл.).

Но максимально выразительно взаимная изолированность компонентов сегмента CV эксплицирована в допустимости сочетаний *кы, хы, ћы* в группе говоров Закарпатской обл. В АУМ 2 на картах № 20, 21 показан регион, где фиксируется произношение *кы́йіў, хы́трый, лихы́й, йакы́й, ћы́нути, плућы́*. *В* основе этого явления лежит стремление сохранить контраст между рефлексами **і* и **у*, ослабление которого во многих славянских диалектах проявилось именно в изменении **ky, *xy, *gy > ki, xi, gi* [Бернштейн 1961, 275].

В твердости согласных перед рефлексом **і* принято видеть причину украинского совпадения континуантов **і* и **у* [Жилко 1963, 18]. Однако не менее вероятно, что это совпадение отражает независимую от консонантизма перестройку вокализма. Этим можно объяснить, что в некоторых говорах сохраняется различие между рефлексами **і, *у*, при котором континуант **і* имеет высокое переднее образование, хотя ему и предшествует твердый согласный. Например, в надсянском говоре (Мостиский р-н Львовской обл.) – *зубі́ска – бы́стру, сті́ск – паты́к* или *ћн'і́да* (= гнедая) – *ћні́да* (= гнида), т. е. твердость согласного не влияет на следующий гласный и не отодвигает его из переднего ряда.

В ДАБМ нет карт, дающих обобщенную информацию о составе гласных под ударением. Но на картах № 34 и 35 отражена рефлексация под ударением **ě* и **о* в закрытом слоге. В том случае, если рефлексы этих гласных отличаются от всех других ударных гласных, состав ударного вокализма расширяется. Рефлекс **ě* в этом случае имеет вид переднего закрытого гласного средне-верхнего подъема, обозначенного на карте как *ê*, или дифтонга *ɪe – л'êс, дз'êт, с'н'êх, б'êхц'і, в'ên'ік, сырајêшка* и под. Соответственно, рефлекс **о* представлен закрытым *ô* или дифтонгами *ɣo, ɣэ, ɣы – бôр, сôл', бôл'ш, мôцны, крôсна* и под. [Крывіцкі, Падлужны 1984, 194]. Изоглоссы рефлексов **ě* и **о* в закрытом слоге, как отличающихся от всех других ударных гласных, в основном совпадают. Это позволяет выделить регион, где имеются фонемы, реализованные названными рефлексами. Именно так делает А. А. Кривицкий, показывая дифференциацию белорусских говоров в зависимости от состава ударного вокализма [Крывіцкі, Падлужны 1984, 166, 180, 192].

В большей части белорусских говоров под ударением представлены **пять** гласных («галосных гукаў»). При этом гласные *ы* и *і*, как находящиеся в отношении дополнительного распределения, т. е. в зависимости от твердости/мягкости предшествующего согласного, репрезентуют одну фонематическую единицу – *б'іц', быц', ц'іха, п'еч, сон, суд, сам*. Там же, где представлены *ê, ô* ("паўднёва-заходняе дыялектнае вымаўленне"), ударный вокализм имеет **семь** гласных: «чатырохступеннае якаснае супрацьпастаўленне галосных па пад'ёму», т. е. *а-е-о-ê-ô-і(ы)-у*. Так в Лунинецком р-не Брестской обл. *н'іц' – с"н'êг – зан'ôс – агн'ém – дз'ен'ók – н'ан'ка – н'ух*; *шыц' – шум – шêс'ц' – на нажôх – м'ешéчка* род. ед. – *шоўк – шáпка* (в этом говоре гласный *ê* произносится и на месте **е* в новом закрытом слоге).

На западе Брестской обл. есть небольшой регион, где **ě* имеет рефлекс *і*, а **о, *е* в закрытом слоге продолжаются гласными *і, и* или *у* – в этих говорах под ударением также констатируется пять «галосных гукаў». Ср. примеры, данные в [Крывіцкі, Падлужны 1984, 242] – *л'іс, с'м'іх, б'ір, м'іцно; стил, лий; б'ур, вав'ýрка, т'ýтка, кл'ун*.

В белорусских говорах сочетания согласных (зубных, губных) с передними гласными в основном унифицированы по высоте тона – выбор гласного зависит от предшествующего согласного (хотя сочетания твердых согласных с *е* допустимы в большей степени, чем в русских говорах). Это свидетельствует о меньшей самостоятельности признака вокальность в звуковой цепи, чем это имеет место в украинских диалектах.

В то же время на западе Брестской обл. (Каменец, Кобрин, Лагишин, Столин, Пинск) фиксируется твердость согласных перед *и* (из **і*) и *е* (из **е, *ь*). На картах № 52, 53, 55, 56 показано распространение произношения *пы́ты, свы́тка, мы́ска, пен', вéчор, мéншы, зелéна, сéмя, зы́ма, сы́ла, тéплый, касы́цы, ты́ха, ты́снуты, ден', ды́кый*. Эта территория примыкает к украинским диалектам и продолжает свойственную им тенденцию твердости согласных перед *и, е*. Но перед *е* из **ě* в тех же белорусских говорах представлены мягкие согласные – *в'ек, м'éс'ец, дз'ед, в'éц'ер, с'éно, ц'éсны* (Пружаны, Лунинец Брестской обл.). На картах [ДАБМ № 52, 53] твердость губных согласных перед *е* (*грабé, на пéчы, вéчар, мéсці*) показана на несколько большей территории, чем перед *і*. Но в мас-

штабе предлагаемой в данной статье карты это нельзя отразить.

В белорусских говорах представлен еще один вид ограничения гласного консонантным контекстом. В ДАБМ на карте № 39 выделен регион, в котором в корнях слов после губных согласных вместо *ы* произносится лабиализованный гласный *у*, т. е. *бук*, *прывýк*, *муш* (= мышь и муж). Изменение *ы* > *у* может происходить и во флексиях – этой позиции посвящена карта № 41. А. А. Кривицкий иллюстрирует такое произношение следующими примерами – *бук*, *мýло*, *пул*, *вýк'інуў*, *снопý*, *коровý*, *н'емýје* и т. п.; при этом отмечается возможная разница в интенсивности изменения в разных морфемах [Крывіцкі, Падлужны 1984, 225]. Изменение *ы* > *у* не меняет состава вокальных единиц под ударением, и не только потому, что изменение осуществляется непоследовательно – важнее то, что устраняется гласный, находящийся в отношении дополнительного распределения с *і*. Однако само по себе это изменение подавляет вокальные составляющие звуковой цепи, артикуляционно унифицируя сегмент CV.

А. А. Кривицкий там же отмечает и другой менее распространенный вариант устранения *ы* после губных согласных, а именно его изменение в *і* со смягчением предшествующего согласного – *б'ік*, *м'іла*, *б'істры*, *п'іл*, *снол'і*, *в'ін'іў* и под.

Лабиализация *а* > *о* под ударением перед билабиальным спирантом *ў* показана в [ДАБМ К.№ 28] – как иллюстрация дается произношение *доў*, *казóў*, *прóўда*, *настóўнік*. Это произношение как безвариантное обозначено на карте в 12 пунктах, а в остальных – в рамках варьирования *оў*/*аў*. Лабиализация *а* указывает на то, что выбор гласного регламентируется качеством следующего согласного, т. е. в сегменте VC приоритет принадлежит согласному.

Лабиализующее воздействие спиранта *ў*/*w* на предшествующий гласный *а* является также особенностью говоров региона Карпат [Жилко 1955, 140; Бевзенко 1980, 57]. Так, *да^{o}ў*, *каза^{o}ў*, *поза^{o}ўчóра*, *снова^{o}ўка* (Калушский р-н Ивано-Франковской обл.); *гва^{o}ўт*, *ста'w* (= пруд), *він мрýга^{o}ў* (Мостиский р-н Львовской обл.); *ба^{o}ўс'*, *похова^{o}ў*, *да^{o}ўнó*, *йа^{o}ўка* (Турковский р-н Львовской обл). По свидетельству [Бевзенко 1980, 57], возможна и полная замена *а* гласным *о*, т. е. *прóўда*, *спóў*, *зóўтра*, *зóўши*, *казóў*, *укрóў*, *віддóў*.

Украинские и белорусские диалекты отличаются от русских тем, что в своей фонетике они имеют явления, которые отражают существование более высокого уровня вокальности в исконном состоянии фонетики этих диалектов. Одно из таких явлений показано в [ВСИ 1995, Карта 2].

В украинских и белорусских диалектах произносится билабиальный спирант *ў*/*ў* на месте латерального сонанта в континуантах прасл. сочетаний **tьlt*, **tьlt* (**vьlkъ*, **pьlnъ*, **stъlbъ*, **tъlstъ* и под., т. е. *воўк*, *пóўний*, *стоўп*, *тóўстий*) и на конце формы l-ptc m sg (*даў*, *спаў*, *стаў*). В сочетаниях с согласными, возникших после падения редуцированных, а также на конце слова в форме subst N sg m латеральный сонант ведет себя по-иному.

В белорусских говорах в этих случаях согласный *л* сохраняется [Крывіцкі, Падлужны 1984, 148]. В ДАБМ показано произношение *вал*, *пол*, *стол*, *белка*, *вясёлка*, *магілкі* (Карты 35, 308, 312, 318).

В украинских диалектах только в одном регионе на территории [АУМ 2, К.№127] показано произношение *гóўка*, *стрíўка*, *ціпўно*, *стіў*, *пчúўник*, *пóпіў*. Обычно же в украинских говорах произносится *гóлка*/*игóлка*, *вúлка*, *стіл*, *дятел*, *весéлка*, *могúлка* [АУМ 1, Карты 20, 25, 44 и др.].

Данная особенность украинских и белорусских говоров может указывать на то, что до падения редуцированных в соответствующих идиомах в названных сочетаниях более категорично реализовалось требование завершать слог настоящим гласным, и это достигалось образованием нисходящего *ў*-дифтонга на месте *ъл*, *ьл*. Происходило усиление признака вокальности в интерконсонантном сегменте *ъл*, поскольку в *ъў* контраст по наличию/отсутствию вокальности ниже, чем в *ъл*. Произношение *ў*/*ў* в конце формы l-ptc sg m, вероятно, является результатом того, что здесь редуцированный утратился раньше, чем в других формах, имеющих финальный **ъ* (например, N subst m sg). В этом случае пауза сыграла ту же роль, что и согласный после сонанта в **tъlt*, **tьlt*, т. е. вызвала дифтонгизацию предшествующего сочетания редуцированного с латеральным сонантом с последующим преобразованием сочетания в *ў*-дифтонг. Этим, хронологически достаточно ранним, стремлением к повышению вокализованности определенного фрагмента звуковой последовательности украинские и белорусские диалекты отличаются от всех других славянских диалектов [ОЛА 1994, карта VI].

Присущая украинским и части белорусских говоров охранительная тенденция в отношении уровня вокальности звуковой последовательности в рамках слова/морфемы проявляется в заменительном удлинении не только **ъ*, **ь*, но и **о*, **е* после утраты слабого редуцированного в следующем слоге (*возъ* > **во:з*, *везъ* > **ве:з*). Это удлинение компенсирует вокальную потерю, как бы сохраняя количественный состав вокальной части соответствующей последовательности – редуцированный утрачивается, а

в предшествующем слоге появляется долгий гласный, который можно приравнять к двум гласным (или двум морам). Заменительное удлинение явилось основой последующего расширения состава ударного вокализма за счет появления единиц верхне среднего подъема (монофтонгов и дифтонгов).

В русских говорах наиболее распространен **пятичленный** ударный вокализм, в котором *і* и *ы* находятся в отношении дополнительного распределения, т. е. *сад, с'а́ду – нос, пр'ин'о́с – л'е́то – лыко/л'ист – рук'и, кр'ук* [Русская диалектология 1964, 34].

Расширение ударного вокализма происходит за счет рефлексации **ě*, не совпадающей ни с одним из других существующих в говоре гласных, и за счет особого континуанта **о* под восходящим ударением.

В ДАРЯ 1 на карте № 40 показано размещение рефлексов **ě*, не совпадающих с *е*. Расширение состава ударного вокализма происходит там, где на месте **ě* перед твердыми согласными произносится передний гласный средне-верхнего подъема *ê* или дифтонг *i̯ę* (в атласе *i̯e*), т. е. *л'êс, д'êд, т'êсто*. Во многих говорах эти гласные не являются единственными континуантами **ě* и варьируются с *і, е*.

В ДАРЯ 1 на карте № 42 показана рефлексация гласного **о* под восходящим ударением в виде континуантов *ô, u̯o*, локализованных на средне-верхней ступени подъема, т. е. *корô̯ва, вôл'а, водô̯й* или *коru̯ô̯ва, вu̯ô̯л'а, водu̯ô̯й*. Специфическая рефлексация **ó* расположена в основном в ареале *ê, i̯ę/i̯e* из **ě*, но свойственна значительно меньшему количеству говоров. На карте показано также произношение *ɔ* (широкий гласный), *ɔu̯* на месте **о* не только под восходящим, но и под нисходящим ударением. Но подобная рефлексация имеет точечную локализацию.

Говоры, имеющие *ê, i̯ę* из **ě* и *ô, u̯o* из **ó* следующим образом расширяют ударный вокализм:

шесть единиц – *а-о-е-ê-і-у* (*с'а́ду, пр'ин'о́с, в'ерх, л'êто, л'ист, кр'ук*) или *а-о-ô-е-і-у* (*сад, год, вôл'а, лыко, лук*); при этом считается, что гласный *е* после твердых согласных не зафиксирован;

семь единиц – *а-о-ô-е-ê-і-у* (здесь, соответственно, после твердых согласных не отмечен *ê*, а после мягких *ô*) [Русская диалектология 1964, 32, 33, 34].

Сопоставление количества вокальных инвентарных единиц на карте показывает, что вокализм, имеющий больше пяти единиц, менее всего распространен в русских говорах.

В ДАРЯ 1 карта № 65 называется «Полумягкие и твердые согласные в соответствии с парными мягкими». Имеется в виду не мягкое (твердое, полумягкое) произношение согласных перед *і, е* (из **е, *ь, *ě*); на конце слова это касается только негубных согласных. В легенде иллюстративные примеры имеют вид *б'е́лый, д'ень, с'ила, п'ить* и/или *бе́лый, день, сыла, пыть*. Явление зафиксировано на северо-востоке карты в виде островных ареалов (Вологодская, Костромская обл.). На карте также обозначена ситуация, когда немягкие согласные зафиксированы только перед гласным *е*. Обратное соотношение – немягкость только перед гласным *і* отмечена в единичных примерах в трех пунктах, географически достаточно отдаленных друг от друга (Ленинградская, Вологодская, Горьковская обл.) [ДАРЯ I, комментарии, 167].

Данное фонетическое явление подробно описано в [Азарх 1973] на материале говоров вологодско-вятской группы. Из этого описания явствует, что произношение немягкого согласного не связано специально с позицией перед передними гласными, как это имеет место в украинских и южной части белорусских говоров – в русских говорах может играть роль качество гласного и согласного перед сегментом CV, морфемная принадлежность сочетания, лексикализация явления; не исключена твердость зубных согласных вместо ожидаемых мягких на конце слова. Все это автор интерпретирует как ослабление/разрушение консонантной корреляции по твердости/мягкости [Азарх 1973, 99]. При таком толковании твердость/немягкость согласных перед *е, і* в русских говорах получает иное содержание, чем то, которое имеет подобное же явление в украинских и в части белорусских говоров, поскольку в последнем случае речь идет об исконном отсутствии аккомодации согласных последующим рефлексам **і, *е*.

Между тем, существует и иной взгляд на генезис твердости согласных перед гласными *і, е* в русских говорах. В [Касаткин 1997, 167] те же факты русской диалектной фонетики рассматриваются как свидетельство исконного отсутствия аккомодации согласных гласным переднего ряда в соответствующих говорах. В этом случае просматривается известное совпадение с украинской ситуацией.

Твердые согласные перед *і, е* на карте ДАРЯ 1 отмечены также на юге в районе Острогожска Воронежской обл., в чем, возможно, сказывается близость украинских диалектов.

Уровень значимости признака вокальность в фонетике идиома диагностируется отношением вокализма к ударению. Если в зависимости от отношения к ударению состав гласных в слове не меняется, то это указывает на более высокую значимость признака вокальность в сравнении с ситуацией, при которой в безударном слоге представлен более короткий, чем под ударением, набор гласных.

Сокращение количества гласных в безударном слоге известно во всех восточнославянских диалектах. Говоры, имеющие под ударением гласные средне-верхнего подъема, утрачивают их в безударной позиции. Другие сокращения в безударном вокализме регулируются разными правилами. Так, в зоне неверхнего подъема после твердых согласных набор безударных гласных сокращается по модели аканья в русских и белорусских говорах (исключение юго-западные говоры в Брестской обл.). Это же отмечено в некоторых североукраинских говорах, где явление оценивается как результат белорусского влияния [Жилко 1963, 23].

В юго-западных украинских говорах в безударном слоге происходит изменение *о* > *у*, так называемое «уканье». В [Бевзенко 1980, 54] приводятся примеры разной интенсивности сближения *о* с *у* – *курóва*, *кумáр*, *ву"дá*, *во"дójу*, *мулу"кó*, *гуру"бéц'* *ку"гу'т*, *утúц'* и др. Пример сильного уканья из надсянского говора – *крóў – нiма круві*, *hулóўка – hулувá*, *даўнó – тóчну*, *кóжа – кужýх* (Мостиский р-н Львовской обл.).

Изменения, которым подвергаются гласные неверхнего подъема переднего ряда, в восточнославянских диалектах весьма разнообразны, как это показывают карты – АУМ 1 К.№ 2, АУМ 2 К.№ 2, ДАБМ К.№ 4, ДАРЯ 1 К. 4–8 (первый предударный слог). Но эти явления трудно сопоставимы на одной карте, поскольку условия, вызывающие изменения гласных в безударном слоге, различны.

Так, в русских и белорусских говорах – это позиция после мягких согласных с учетом в следующем слоге качества гласного и твердости/мягкости согласного (разные виды яканья).

В украинских диалектах – позиция не дифференцирована по твердости/мягкости предшествующего согласного, но учитывает подъем гласного в следующем слоге – перед высокими гласными не только *о* > *ô*, *оў*, но и *и* > *і*, *е* > *ê*, *и*. Позиционно значимой может быть и мягкость (высокий тон) следующего согласного. Явление, определяемое как аккомодация и гармония гласных независимо от ударения, показано в [АУМ 2 К.№ 58], где оно локализовано на юго-западе карты в основном в Закарпатской обл. Примеры изменения гласных переднего ряда в зависимости от гласного следующего слога и мягкости согласного: *отêц'*, *тêс'т'*, *пéрстên'*, *тênéр*, *лéгên'кий*, *вôрóбéц'*; *воротúло* > *на воротíл'і*, *пиўнúц'а* > *до піўнíц'і*, *у нéго* > *на нéйі*, *до пéтра* > *по пéтр'іх*, *намéлиме* > *помéл'ут*, *не много* > *не д'íло* (Великоберезненский р-н Закарпатской обл.).

Влияние безударности на состав вокализма сопоставим на примере синтагматического поведения гласного *о* после твердого согласного в первом предударном слоге. Возможны три ситуации: оканье ~ аканье ~ диссимилятивное аканье. При *оканье* в русских говорах, имеющих пятичленный вокализм, нет различия между набором гласных под ударением и без ударения. При *аканье* набор безударных гласных становится в сравнении с набором под ударением короче на одну единицу (устраняется *о*). Этим снижается уровень вокальности соответствующей звуковой последовательности, поскольку вокальные компоненты менее разнообразны.

Особый тип безударного вокализма репрезентует *диссимилятивное аканье* и не только потому, что при нем в предударном слоге изменяется не только *о*, но и *а* (*вóды* > *вадóй*, *въдá*; *сáм* > *самóй*, *съмá*). Ориентация на *а* ~ «не *а*» в слоге под ударением означает, что гласные в слове/словоформе выступают не как дискретные единицы, а как целостный вокальный блок (это же проявляется в двухступенчатой редукционной модели аканья, но в данном случае мы не выходим за пределы 1-го предударного слога). Неясно, как это следует оценивать с точки зрения признака вокальности: с одной стороны, ценность одного гласного снижается, но с другой – взаимосвязь гласных как бы повышает значение вокального компонента слова. Во всяком случае, диссимилятивное аканье является проявлением особого статуса вокальности в слове/словоформе. В связи с этим ср. высказанное В. Чекмонасом предположение, что в зависимости предударного гласного от гласного ударного слога просматривается субстратное влияние языков с гармонией гласных (угро-финских) [Чекмонас 1998, 128]. Термин «гармония гласных» в своем буквальном значении не вполне согласуется с расподоблением гласных разных слогов при диссимилятивном аканье. Но бесспорно и данная «дисгармония» эксплицирует высокую значимость вокального компонента как целостного составляющего последовательности, образующей слово.

Как уже сказано, устранение безударного гласного *о* путем его изменения в *у* показано в [АУМ 2 К.№ 2]. Эта фонетическая черта свойственна группе говоров, расположенных в основном в Львовской обл. и имеющих семь гласных под ударением. Ареал этот на предлагаемой карте не обозначен, так как это неудобно при ее масштабе.

К числу явлéний, снижающих значение признака вокальности в звуковой цепи, следует причислить редукцию до нуля безударных гласных.

В ДАРЯ 1 на картах отражены два типа подобных явлений. Карта 32 называется «Редукция гласных до нуля в безударном положении» и показывает распро-

странение утраты безударного гласного, соответствующего ударным *о*, *а*, между согласными и на конце слова, во втором предударном и в заударных слогах. Эта карта выполнена на основе материала, полученного в ответах на вопросы всего фонетического раздела в [Программа 1947], поскольку специального вопроса о редукции до нуля там нет. На карте 32 картографируемое явление иллюстрируется примерами *пер'крести́ть*, *платéнце*, *пталóк*, *зуарéлось*, *кýр'ца*, *хóлдно*, *вы́н'су*, *кóч'т* и др.

В ДАРЯ 1 карта 35 «Гласный на месте *о* или его отсутствие в предударном слоге в абсолютном начале слова» среди прочих замен инициального *о* фиксирует такие факты отсутствия инициального гласного, как *дногó*, *топр'і́*, выделяя при этом ситуацию, имеющую место только после гласного предшествующего слова (т. е. в условиях сандхи, а не в абсолютном начале слова). Утрата инициального гласного распространена на территории аканья в виде мелких ареалов, охватывающих иногда 1-2 пункта. На предлагаемой карте эти факты не отмечены именно благодаря дробности их локализации. Что касается редукции до нуля в интерконсонантном положении, то на данной карте это обозначено.

Редукция до нуля безударных гласных часто сопровождается вставкой вторичных интерконсонантных гласных [Бурова 1981]. Примеры такого произношения: *пърашóл*, *кърут'íт'*, *съмалá*, *р'ьв'óт'*, *мънóуа*, *ал'ьхá*, *кóръм*, *йáзъва* и др. (Моршанский р-н Тамбовской обл.). Эти гласные отнюдь не являются показателем повышения уровня вокальности звуковой последовательности, как это иногда утверждается – напротив, вставные гласные выражают тенденцию повышения уровня консонантности и понижения уровня вокальности звуковой цепи, поскольку способствуют стабилизации консонантных артикуляций в фонетической последовательности. Аргументация такого толкования вставных гласных в русских говорах изложена в [Калнынь 1993].

В [Праграма 1950] вопрос 20 предусматривает утрату начальных безударных гласных в белорусских говорах (*авéчка~вéчка*, *агóнь~гóнь*, *анýча~нýча*). Но в ДАБМ этот материал не картографировался. Описание этой фонетической черты в «Восточномогилевском мягкоэром произношении» дает А. А. Кривицкий. Среди особенностей этого произношения отмечается последовательное отсутствие инициального безударного *а* в примерах типа *дз'ін*, *днá*, *с'іна*, *бед*, *нýча*, *кýрык*, *бувáтца*, *тн'áў*, *в'éчка* и т. д. в районе Кричева, Костюковичей, Климковичей Могилевской обл. [Крывіцкі, Падлужны 1984, 158]. Кроме того там же отмечено спорадическое отсутствие безударного *ы/і* (из *о*, *а*) перед сонантами *р*, *л*, *л'*, а иногда и после них – *крáс'* < *кырáс'*, *жáўрынык*, *бырв'ік'і*, *дз'ір'в'áнный*, *мырз'áнка* < *мырыз'áнка*, *сырм'іц'* < *сырым'іц'*, *сóл'на* < *сóл'іна*, *хráкц'ір*, *крындáш* и др. (с. 159). Эта нулевая редукция сопоставима с аналогичным явлением в русских говорах и на карте она обозначена.

В украинских говорах нулевой редукции нет.

Вопрос о том, как отношение к признакам вокальность/консонантность проявляется в ***консонантизме*** восточнославянских диалектов, может быть решен в той мере, в какой явления, имеющие для этого диагностическое значение, отражены на картах атласов.

В атласах по-разному эксплицирована проблема инвентарного состава консонантизма.

В украинском атласе обобщенные сведения о составе согласных в диалектах разных регионов дают АУМ 1 К.№ 90, АУМ 2 К.№ 74. Согласные классифицируются по признаку наличия/отсутствия оппозиции по твердости-мягкости. Стабильным элементом является отсутствие различения по этому признаку у согласных губного ряда и наличие такого различения у переднеязычных согласных – оппозиция этих согласных обобщенно обозначается как *t – t'*.

В [АУМ 1 К.№ 93] на севере территории в Черниговской и Сумской обл. отмечено произношение *жáб'ачий*, т. е. мягкий губной согласный перед непередним гласным. Но поскольку это происходит почти всегда в варьировании с *бй*, *бл'*, *бе* (*жáбйачий*, *жáбл'ачий*, *жáбечий*, *жáб'ечий*), то общая картина отсутствия мягких губных в украинских диалектах не меняется.

Варьируется отношение к различению по твердости-мягкости у зубной аффрикаты *ц* и вибранта *р*. На карте № 90 показано территориальное распределение консонантных наборов, обозначенных как [t – t', ц, р], [t – t', ц, р – р'], [t – t', ц – ц', р], [t – t', ц – ц', р – р'].

Оппозиция *ц – ц'* свойственна только украинским диалектам, поэтому по данному явлению сопоставление восточнославянских диалектов бессодержательно. В это положение не вносит принципиальных изменений факт различения *ц* и *ц'*, появляющийся в русских говорах на фоне разрушения модели цоканья, когда *ц* произносится в соответствии с орфоэпическим согласным *ц*, а *ц'* *в* соответствии с орфоэпическим *ч'*, т. е. *цар'* – *ц'áй*, *цéлый* – *ц'ёрт'и*, *л'ицó* – *пц'óлы* [Орлова 1959, 76-83].

Что касается белорусской аффрикаты *ц'*, то по этому поводу можно заметить следующее. Как известно, белорусские аффрикаты *ц'*, *дз'* являются результатом палатализации переднеязычных смычных **t*, **d*. С акустической/артикуляционной точки зрения

согласные *ц* и *ц'* различаются высотой тона. Но и эта ситуация отличается от украинской. Как указывает А. И. Подлужный, *ц'* в белорусском языке находится в отношении дополнительного распределения с *т* и поэтому содержание оппозиции *ц – ц'* иное, чем в украинских диалектах [Крывіцкі, Падлужны 1984, 126]. Стоит отметить однако, что в описании разных видов диалектного произношения, данном в том же труде, в разделе консонантизма мягкая аффриката помещается то в пару со смычным согласным, то в пару с аффрикатой, т. е. [*т*, *ц'*] (с. 161, 176, 190), [*ц*, *ц'*] (с. 205, 217, 230).

В [АУМ 1 К.№ 90] изоглоссой, выделяющей центр территории карты, показано распространение оппозиции типа *ш – ш'*, ставшей возможной благодаря сохранению шипящими согласными мягкости перед *а* из **ę*, т. е. *лежáти* (inf) – *леж'áт* (3 л. мн.), *крічáти – крич'áт* [Жилко 1963, 28]. Это явление отличается от того, которое зафиксировано в [ДАРЯ 1, К.№63] как «мягкий звук в соответствии с *ш*, *ж*». В русских говорах речь идет об особенности артикуляции не противопоставленных по твердости-мягкости согласных – мягкие *ш'*, *ж'*, полумягкие *ш'*, *ж'*, «степень мягкости может варьироваться от совсем слабого до полного смягчения» [ДАРЯ 1 комментарии, 164] (не исключено, что впечатление разной степени мягкости передненебных фрикативных является производным от однофокусности~двухфокусности их артикуляции, когда однофокусные спиранты воспринимаются как имеющие более высокий тон). В украинских диалектах твердые и мягкие передненебные согласные, в отличие от русских говоров, образуют оппозицию по высоте тона.

В ДАБМ нет карт, обобщающих диалектные различия в консонантном инвентаре.

Карта № 50 рассматривает возможность употребления мягких губных согласных *б'*, *п'*, *в'* перед гласным *а*. Карта № 51 посвящена той же ситуации в применении к *м'*. Альтернатива состоит в произношении *б'*, *п'*, *в'* или *пй*, *бй*, *вй/ўй* (*п'áц'*, *в'án'е ~ пйац'*, *вйán'е ~ п'йац'*, *в'án'е*), *м'* или *мй*, *мн'* (*м'áса*, *м'áта*, *м'áц'* ~ *мйáса*, *мйáта*, *мйáц'* ~ *мн'áса*, *мн'áта*, *мн'áц'*). Выделение мягкости в отдельную артикуляцию означает устранение различения по твердости-мягкости в классе губных согласных. Это свойственно говорам, расположенным на юге территории карты, на границе с украинскими диалектами (Брестская обл., южная часть Минской обл., западная часть Гомельской обл.).

В большей части белорусских говоров отсутствует мягкий вибрант *р'*. В [ДАБМ К.№ 42] произношение *кур'ý*, *зар'á*, *сухáр'* зафиксировано лишь на юго-западе в Брестской обл. и на востоке в Витебской и Могилевской обл. на границе с русскими говорами.

Отсутствие мягких губных и *р'* в белорусских диалектах составляет параллель с украинской ситуацией.

Украинские и белорусские диалекты отличаются от русских тем, что в качестве инвентарных единиц имеют звонкие аффрикаты *дз*, *дж* [Крывіцкі, Падлужны 1984, 176, 190, 205, 217; Жилко 1963, 35; Бевзенко 1980, 71].

В [АУМ 1 К.№ 107] показано произношение *дзвін*, *дзеркало ~ звін*, *зеркало*; К.№ 106 *дзмій*, *дзвір ~ змій*, *звір*. Употребление аффрикат, хотя и имеет рассеянный характер, тем не менее более компактно представлено на севере Черниговской и Житомирской обл. В то же время, по свидетельству [Бевзенко 1980, 73], аффриката *дж* в большей степени присуща юго-западным говорам – именно в говорах региона Карпат фиксируется произношение *сáджа йíджа*, *мéджи*, *пр'áджа* и под. Сопоставление по этому признаку было бы возможно с белорусским регионом, но в ДАБМ нет карт на эту тему. В [Крывіцкі, Падлужны 1984] указание на существование аффрикат *дз*, *дж* в белорусских говорах есть, но об их конкретном употреблении сведения приводятся весьма ограниченно. Так, в «Слуцком екающем произношении» подтверждением существования аффрикат являются слова *худжéй*, *гладжéй*, *хаджáйін* (с. 208). Надо, однако, отметить, что известная украинским диалектам склонность к аффрикатизации спирантов в соседстве с сонантами напоминает фонетическую черту, свойственную центральным балканским диалектам (болг., мак., зап. серб.) [Brozović 1988], в которых уровень консонантности в фонетике в целом ниже, чем в восточнославянских диалектах.

Во всех русских говорах, в отличие от украинских и части белорусских, в корреляцию по твердости-мягкости включены губные согласные и передненебный вибрант. Уменьшению консонантного инвентаря могло бы способствовать неразличение аффрикат *ц* и *ч'*. Это явление показано в [ДАРЯ 1 К.№ 45-47]. Его особенность состоит в том, что оно не означает недопустимость одной из аффрикат, а эксплицирует реализующуюся с разной степенью последовательности тенденцию. Карты, учитывающие разную частоту мены аффрикат, демонстрируют дробную картину. С известным упрощением можно выделить регионы, в которых на месте орфоэпических *ц*, *ч'* произносится *ц'* или *ц*, чем снижается уровень консонантного разнообразия звучащей речи. Это – северо-восток карты, центр к востоку от Рязани и на северо-западе около Пскова.

Изменение *ц* > *с* (*сэп*, *ку́риса*, *кон'ёс*, *огурсы*) также могло бы способствовать сокращению консонантного инвентаря. Но это явление, локализованное на юго-западе территории ДАРЯ, реализуется непоследовательно и часто лексикализовано. В этом же регионе фиксируется изменение *ч'* > *ш'* (*ш'а́й*, *ш'и́сто́*, *нош'ка*, *тш'о́лы*), которое даже при последовательной реализации не меняет количественный состав консонантизма, поскольку вместо фонемы /ч/ появляется фонема /ш'/ [Русская диалектология 1989, 65]. Можно отметить, что спирантизация аффрикаты *ч'* известна закарпатским говорам – *конш'а́вут*, *ш'и́стый*, *вш'ір*, *ш'ім*, *ш'уж'і* (Великоберезненский р-н Закарпатской обл.). Но фонологические последствия этого иные, чем в русских говорах – *ш'* реализует фонему, входящую в оппозицию /ш/ – /ш'/, т. е. *шор* – *ш'о́рный*, *шіс'ц'* – *ш'ім*.

Как было сказано, снижение/повышение уровня консонантности звуковой последовательности может быть обусловлено правилами консонантной синтагматики. Установление этих правил вполне доступно при описании фонетического строя отдельного говора/диалекта. При массовом сборе материалов для атласа эти возможности ограничены содержанием программы атласа. Прежде чем рассмотреть эти возможности, сделаем следующее отступление.

В описании фонетики украинского литературного языка, сделанном М. Ф. Наконечным и включенном в [Курс сучасної 1951], дан каталог изменений, которым подвергаются согласные в сочетании с другими согласными и паузой. Изменения имеют регрессивную и прогрессивную направленность, выражаются в ассимиляции и диссимиляции по мягкости, участию голоса, по месту и способу образования.

В описании фонетики белорусского литературного языка, предложенном А. А. Подлужным, также дан список консонантных изменений по участию голоса, способу и месту образования согласных; но ассимиляция по мягкости не упоминается [Крывіцкі, Падлужны 1984].

Если сопоставить украинские и белорусские консонантные изменения с аналогичным списком, отражающим правила консонантной синтагматики в русском литературном языке [Панов 1967, 86-95], то обнаружатся следующие различия.

В укр. запрещено сочетание *шц* (ср. рус. *мышцы*), *чц* (рус. *волчцы*), *шс* (рус. *рижский*) – русские примеры взяты из [Панов 1967, 91]; *тш* >*чш* >*чч* (*коро́ччий*), *с'т'*, *з'д'* > *с'ц'*, *з'дз'*, *шш* > *шч* (*кра́шчий*); изменение *з'з* > *з'дз'* (*з'дзіў*), *с'с'* > *с'ц'* (*воло́с'ц'е*), свойственное, по замечанию М. Ф. Наконечного, в основном диалектам, не чуждо и литературному языку; сочетание типа Cj изменяется в долгий согласный; в меньшем объеме, чем в русском языке, реализуется ассимиляция по мягкости [Курс сучасної 1951, 205-211].

В белорусском также недопустимы сочетания *чц*, *шс*, сочетание типа Cj изменяется в долгий согласный, но, в отличие от укр., допустимо *шц* (дат. ед. *ношцы*); может не быть полной ассимиляции *д*, *т* следующей аффрикате – *ат^{ч}апіцца*, *ат^{ц}ура́цца*, *ад^{ж}жга́ц* [Крывіцкі, Падлужны 1984, 134]. Особенности украинской и белорусской синтагматики можно считать выражением тенденции к большему снижению контраста между сочетающимися согласными, чем это имеет место в русской фонетике. Исключение в этом плане составляет укр. *шш* > *шч*, *с'с'* > *с'ц'*, *з'з'* > *з'дз'*, когда, наоборот, контраст между согласными увеличивается. Сопоставляя украинскую и белорусскую фонетику с русской, как литературной, так и диалектной, следует назвать такой знак понижения уровня консонантности, как изменение *в* > *ў* перед согласными и на конце слова, присущее украинскому и белорусскому языкам в целом и лишь части русских диалектов, преимущественно западных.

Фонетика кодифицированной формы языка образует определенный фон, на котором формулируются вопросы программы атласа, поскольку отклонение от нормы и составляет собственно диалектную особенность, территориальную локализацию которой следует выяснить. Это означает, что особенности литературной фонетики, никак не отраженные в программе, составляют постоянный компонент системы данного языка (диасистемы).

Если с этой точки зрения подойти к [Програма 1949], то диалектные различия в консонантной синтагматике украинских диалектов образованы следующими явлениями.

Утрата~сохранение звонкости шумных согласных на конце слова и перед глухим согласным (вопросы 425, 426).

Наличие~отсутствие ассимилятивного смягчения в сочетаниях *св'*, *зв'*, *см'*, *зм'*, *ст'* (430, 431).

Позиционное отвердение мягкого латерального сонанта перед согласным (452).

Изменения *вн* > *мн*, *мн* > *вн* (456, 457).

Позиционное поведение *й* после *і* (413).

Возможность изменения *н'к* > *йк* (417).

Из этих различий на картах АУМ ограниченно отражено ассимилятивное смягчение согласных. В комментариях к картам это иногда объяснено тем, что ассимилятивная мягкость в материалах обозначается непоследовательно [АУМ 1, 20]. В легендах к картам

часто обозначение мягкости согласного сопровождается скобками. В АУМ 1 К.№ 10 – *с(')в'ім*, *з(')в'ір*, *с(')м'іх*, *з(')м'ій*; К.№ 111 – *капус(')та́ний*; К.№ 92 – *голуб(')йа́та*; АУМ 2 К.№ 96 – *с(')т'іна́*; К.№ 95 – *гіс(')т'*, *тес(')т'*; К.№ 77 – *с(')в'а́то* и др. Экспоненция скобок указывает на возможность мягкости, но без фиксации ее территориального распространения.

В АУМ не картографируется различие, связанное с наличием~отсутствием оппозиции по участию голоса шумных согласных перед глухими согласными и паузой. Отчасти этот сюжет рассматривается в [АУМ 2 К.№ 128], где показана локализация артикуляционного ослабления и утраты финального фарингального спиранта – *пор'і*, *пор'і*^{h}, *сн'і*^{h}, *р'і*, *р'і*^{h}; в комментарии к карте отмечены факты замены финального *h* > *й* – *пор'ій*, *поруй* (Володимирец Ровенской обл.), *р'ій* (Летин Винницкой обл.). Между тем, в описаниях украинской диалектной фонетики оглушение звонких согласных перед глухими и перед паузой определяется как признак юго-западного наречия, реализующийся с разной степенью последовательности [Жилко 1955, 93]. Изоглосса этого явления важна для вопроса об уровне консонантности звуковой последовательности – допустимость сочетаний типа *dt*, *d#* диагностирует более низкий уровень консонантности в сравнении с их недопустимостью, поскольку звонкие согласные менее консонантны, чем глухие.

Другие предусмотренные в [Програма 1949] явления консонантной синтагматики в том или ином виде отражены на картах АУМ следующим образом.

Изменения по способу образования в сочетаниях шумных согласных (прогрессивная ассимиляция) показаны в [АУМ 1 К.№ 108] – *роз'з'а́вити* ~ *роз'дз'а́вити* ~ *роз'д'а́вити*; К.№ 109–111 – *с'т'* ~ *с'ц'* в *гість*, *шість*, *шчастя*, *капустяний*, *стіна*, *тесть*; то же в [АУМ 2 К.№ 95, 96].

К этому можно добавить изменение *шт'* > *ш'ч'*, *жд'* > *ж'дж'* в гуцульском говоре (Раховский р-н Закарпатской обл.) – *д'іти* > *лиж' дж'іти*, *д'ідо* > *н'іж' дж'ідо даў*, *т'ма* > *лиш' ч'ма́та во́да*, *жду́* > *заж'дж'ім*, *ко́ждий* > *у ко́ж'дж'ім*.

Ассимиляция по месту образования в группе шумных согласных происходит на стыке морфем в суперлятивной форме на **-jьš*. Соответствующие словоформы используются для составления морфологической карты. Фонетика в этих словоформах имеет следующий вид.

[АУМ 1 К.№ 246] – *шш*, *шч*, *сш*, *сч* на месте *сш* в *висший* и *жш*, *жч* на месте *зж* в *близший*, т. е. *ви́шший*, *ви́шчий*, *ви́сший*, *ви́счий*, *бли́жший*, *бли́жчий*.

[АУМ 2 К.№ 224] – *дш*, *тш*, *чш*, *дч*, *тч*, *чч* на месте *дш* в *молодший*, *солодший*, т. е. *соло́дший*, *соло́тший*, *соло́чший*, *соло́тчий*, *соло́ччий*, *моло́тший*, *моло́дший*, *моло́чший*;

шш, *сш*, *сч*, *кш* на месте *сш* в *висший*, т. е. *ви́сший*, *ви́шший*, *ви́счий*; форма *викши* (диссимиляция по способу образования) представлена в некоторых говорах Волынской обл.

Не ассимилировавшиеся сочетания могли бы указывать на тенденцию стабилизировать консонантную часть слова, но вызывает сомнение адекватность фонетических записей в данном случае, поскольку главное на этих картах фонетический облик суперлятивной морфемы, а не исход корня. Как сказано в цитированном выше описании украинской литературной фонетики, изменение суффиксального *ш* > *ч* обусловлено диссимиляцией в группах *шш*, *жж*' – совершенно очевидно, что в *сш* такое изменение не могло произойти: ему должно предшествовать *сш* > *шш*.

В [АУМ 1 К.№ 245] картографируется притяжательное прилагательное *матчин* – везде, где оно зафиксировано, происходит изменение *тч* > *чч*.

В целом можно отметить, что факты изменений по способу и месту образования в группах шумных согласных, отраженные на картах АУМ, плохо сопоставимы с материалами других восточнославянских атласов. Тем более, что они в АУМ имеют весьма дробную локализацию, трудно соотносимую с масштабом предлагаемой карты. Исключение в этом плане составляет аффрикатизация смычного после спиранта (прогрессивная ассимиляция по способу образования) – *ст'* > *с'ц'* (*гіс'ц'*, *капус'ц'а́ний*). Эта черта свойственна большой группе говоров, протянувшейся по центру территории АУМ с северо-запада на юго-восток.

Отсутствие в других восточнославянских атласах сведений о прогрессивном уподоблении по способу, а также по месту образования в группе шумных согласных отнюдь не означает, что в диалектах нет подобных явлений. В литературе есть указания на прогрессивную ассимиляцию по месту и способу образования *шт*, *жд* > *шч*, *ждж* в русских говорах [Русская диалектология 1989, 68]. Можно привести следующие примеры такой ассимиляции. В Пинежском р-не Архангельской обл. (территория, не входящая в ДАРЯ) – *шчаны*, *шчу́ка* (= штука, щука), а также *шт"*, *жд"* > *шч'*, *ждж'* – *поéшч'е*, *дождж'éс"с"е*, *нуждж'éй* (род. мн. нужда); *ст"*, *зд"* > *с"ц"*, *з"дз"* – *з"дз"іной* (Дина), *в м'ес"ц"а́х*. Здесь же есть и прогрессивное уподобление по месту образования *шс"* > *ш'ш'* во 2 л. мн. императива *нама́ш'ш'е*, *н'е ур'éш'ш'е*, но в форме наст. вр. *шс"* > *с"с"*, т. е. *наку́р'іс"с"е* [Калнынь, Масленникова 1995, 191].

В Тотемском р-не Вологодской обл. (входит в ДАРЯ) – *йéшче, пошчó, шчóра, однáжджы* [Калнынь, Масленникова 1985, 97, 98].

В [Касаткин 1981] на основе анализа материалов ДАРЯ, не отраженных на фонетических картах, выделяются русские диалекты, имеющие *с'с'* на месте *с'т'* (*жыс'с'і, в гос'с'áх, с'с'óгънку* и под.). Аналогичное явление показано в [Касаткин 1997, 75] на севере Псковской обл. – *с'ц'*, *з'дз' > с'с'*, *з'з'* (*пус'с'íл'іс'*, *з'з'éлъц'*). В этом же регионе параллельно с *с'с'* из *с'т'* возможна обратная замена (*умóес'т'а, калóс'т'а*), что квалифицируется как гиперизм [Касаткин 1981, 68].

Явление сходного типа отмечает А. А. Кривицкий на юго-востоке Витебской обл. – *с'с'éны, кас'с'éй* (= костей), *з'з'éлъў, р'éшша* (= режте); и тут же противоположно направленное изменение, а именно – *с'с'*, *сс*, *зз*, *з'з'*, *шш*, *жж > с'ц'*, *з'дз'*, *сц*, *здз*, *шч*, *ждж*, т. е. *валóс'ц'а, мáз'дз'у, здзáдз'і, расцы́тъў, ш чулухóй, ш чышкъй, жджáр'іла, ж джóнкъй* (= с жонкой), *жджáл'і* (= сжали) [Крывіцкі, Падлужны 1984, 177, 178].

Хотя сведения об ассимиляции шумных согласных по месту и способу образования в русских и белорусских говорах соотносятся всего лишь с изолированными точками на картах атласов, тем не менее на предлагаемой карте эти данные используются с тем, чтобы сделать возможным сопоставление с украинскими диалектами, где ассимиляция рассматриваемого типа дает изоглоссу. При обозначении на карте ассимиляция по месту и способу образования не детализируется по направлению изменения и по составу изменяющихся согласных. Диагностическое значение имеет лишь сам факт ассимиляции по этим признакам.

Из других предусмотренных в [Програма 1949] и представленных на картах АУМ диалектных различий для суждения об уровне консонантности звуковой последовательности значение имеют следующие.

Унификация по способу образования в группе сонантов – *ўн > мн – р'íмний, дамнó*. В [АУМ 1 К.№ 96] это показано на юго-западе в Винницкой обл. В [АУМ 2 К.№ 82] явление распространено более широко в полосе говоров, проходящей по центру карты с северо-запада на юго-восток (с переходом в АУМ 1 в Винницкую обл.).

Унификация по высоте тона *л'н > лн* в *мельник* [АУМ 1 К.№ 125; АУМ 2 К.№ 114]. В комментарии к карте № 125 сказано, что диагностическое значение имеют записи с *л* и *л'*, а невеляризованный латеральный *л̇* объединяется или с *л*, или с *л'* [АУМ 1, 36]. Между тем, замена *л'* на *л*, с одной стороны, и на *л̇*, с другой, различна по своему содержанию. Для изменения *л' > л* сонант должен не только понизить тон, но и приобрести двухфокусную артикуляцию, в результате чего контраст между латеральным и назальным сонантом не становится меньше, чем в сегменте *л'н*, а может быть и больше. Сопоставление с картой «Рефлексация праславянского латерального сонанта (*1)» [ВСИ 1995], на которой показана изоглосса невеляризованного латерального в восточнославянских диалектах, заставляет предполагать, что в *мельник* мягкий латеральный заменяется в украинских диалектах преимущественно невеляризованным *л̇*.

Утрата *й* после *і* в *війт > віт* показана в [АУМ 2 К.№ 101]; то же возможно на конце слова. Последняя позиция не отражена на карте. Однако в юго-западных прикарпатских и закарпатских говорах, т. е. там, где фиксируется *віт*, известна и утрата финального *й* после *і*. Так, в Раховском р-не Закарпатской обл. – *л'і, тв'і, нн'і, поб'і, ид н'і, ч'і* и т. д. [Калнынь 1992]. Ослабление участия голоса в образовании *й* перед глухим согласным и паузой ведет к тому, что ослабленный шум средненебного спиранта делает его артикуляционно близким к протянутому произношению *і* – в этих условиях гласный как бы поглощает собою следующий спирант. Это изменение указывает на приоритет гласного (признака вокальности) в сегменте VC.

Изменение в сочетании согласных с *й* показано в [АУМ 1 К.№ 205, АУМ 2 К.№ 94]. Альтернатива состоит в долготе ~ краткости согласного, развившегося на месте сочетания типа Cj (*вес'íл'л'а ~ вес'íл'а*). Сочетание типа С'С' менее консонантно, чем Cj, так как артикуляционно менее контрастно и унифицировано по высоте тона. Поэтому в украинской фонетике сочетание типа С'С' квалифицируется как долгий согласный [Курс сучасної 1951, 197]; то же в белорусской фонетике [Крывіцкі, Падлужны 1984, 120]. Сокращение С'С' до одного согласного реализует дальнейшее снижение консонантности.

В [АУМ 1 К.№ 205] произношение *вес'íл'а, кам'íн'а, см'íт'а* показано на юго-западе территории в Винницкой обл. В [АУМ 2 К.№ 94] эта же фонетическая черта в южной части карты в районах Закарпатской, Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской, Черновицкой, Хмельницкой областей. На остальной территории, надо полагать, произносится в тех же словах *л'л'*, *н'н'*, *т'т'*.

В [ДАБМ К.№ 64] то же явление показано в виде произношения *н'н' ~ н' ~ н'й* (*нас'éн'н'е, вóс'ен'н'у, вóс'ен'йу*). Сочетание *н'й*, обычно параллельно с *н'н'*, *н'*, отмечено на севере карты. В целом вся украинская

и белорусская часть карты показывает результаты ассимиляции в группе C'j.

Понижение консонантности в звуковой последовательности особенно определенно выражается в замене шумного согласного сонантом в сочетаниях взрывных губных и зубных согласных с последующими назальными сонантами. Конкретно это проявляется в изменении *дн* > *нн*, *бм* > *мм*. Дифференциация восточнославянских диалектов по наличию/отсутствию такого изменения показана на специально посвященной этому явлению карте в [ВСИ 1998].

В украинских диалектах изменение *дн*, *дн'* > *нн*, *нн'* представлено в юго-западных говорах [Жилко 1955, 135]. Так, *полу́нне*, *сп'інни́ц'а*, *він'н'о́но*, *два нни́*, *нни́с'* (Турковский р-н Львовской обл.), *нни'ск'іва*, *два нны́*, *сту́н'н'а*, *молон'н'а́к* (Великоберезненский р-н Закарпатской обл.) и др. [Калнынь 1973, 30 и сл.].

Информация об ассимиляции в сочетаниях *бм*, *бм'* в украинских диалектах носит ограниченный характер. Материалы АУМ сведений об этом не содержат. Отмечены факты ассимиляции по способу образования (назальности) в юго-западных говорах: *омману́ти*, *ом'м'ін'а́ти* (Турковский р-н Львовской обл.), *оммéти*, *омм'ін'éти* (Путильский р-н Черновицкой обл.), *омману́ў*, *во́моmарок ом'м'т'éти* (Раховский р-н Закарпатской обл.).

К числу явлений, понижающих уровень консонантности звуковой последовательности, в украинских диалектах относится изменение *д'* > *й*, *л'* в слове *свадьба*, т. е. *сва́йба*, *сва́л'ба* [АУМ 1 К.№ 114].

В ДАБМ консонантная синтагматика в той ее части, которая связана с колебанием уровня признака консонантности в звуковой последовательности, отражена на картах № 45, 46 – сохранение ~ утрата звонкости шумных согласных перед глухими согласными и на конце слова. Зона безальтернативного сохранения звонкости, т. е. *дуб*, *род*, *рог*, *воз*, *нож*, *редка* и под. примыкает к украинским диалектам, имеющим ту же фонетическую особенность.

Замена шумного согласного сонантом (*дн* > *нн*) показана на карте № 60 – изоглосса этого понижения консонантности сегмента отражена в [ВСИ 1998]. Примеры из «Витебского мягкоэрого произношения» – *халóн:а*, *п'ір'éн':ік*, *м'éн:ъй*, *пън':áц'* и т. п. [Крывіцкі, Падлужны 1984, 177].

Хотя [Праграма 1950] предусматривает для белорусских говоров возможность изменения *бм* > *мм*, в ДАБМ карты на эту тему нет, и в комментариях к картам соответствующий фонетический факт не упоминается. Между тем, в [Крывіцкі, Падлужны 1984, 179] указано, что в районе Витебска возможно произношение *амма́н*, *амм'ép'іц'*, *амману́ц'*.

Правила сочетания зубных шумных согласных с передненебными фрикативными и аффрикатами в белорусских говорах в ДАБМ иллюстрирует материал морфологической карты № 130, посвященной суперлятивной форме с суффиксами *-ш* и *-эй*. В материале карты [ДАБМ каментарыі, 585] зафиксированы сочетания:

на месте *шс* (высшый) – *шш* и 1 раз (п.29) *сш*;

на месте *дш* (молодшый) – *тш*, *дш*, *чш*, 1 раз *шш* (п. 712);

на месте *тш* (багатшый) – *чш* (п. 381, 710, 779) и *тш* (п. 493, 741, 750).

Поскольку эта фонетическая черта, как объект картографирования, специального внимания не привлекает, трудно судить, насколько достоверны записи, не содержащие уподобления по способу и месту образования в названных сочетаниях согласных. Тем не менее, как сказано выше, эти факты изменения согласных по месту и способу образования на предлагаемой карте обозначены.

Специфика консонантной синтагматики в ее отношении к уровню консонантности отражена в описании "белорусского диалектного произношения" в [Крывіцкі, Падлужны 1984]. Разные типы произношения не только иллюстрируются большим количеством примеров, «по умолчанию» показывающих наличие/отсутствие ассимиляции по способу и месту образования в определенных сочетаниях. Ряд правил этого рода специально оговаривается автором описания А. А. Кривицким, как это сделано в отношении упомянутой выше ассимиляции шумных по месту и способу образования. Эта ассимиляция снижает уровень консонантности сегмента, что согласуется с присущим этим же говорам в окрестностях Витебска изменением *дн* > *нн*, *бм* > *мм*.

В [ДАРЯ 1] поводы для суждений об уровне консонантности звуковой последовательности в русских говорах, отраженном в консонантной синтагматике, дают следующие карты.

На картах 56, 58 показаны говоры с изменением *в* > *ў* на конце слова и перед согласными, чем сигнализируется понижение уровня консонантности в звуковой последовательности. Произношение *пра́ўда*, *даўно́*, *тра́ўка*, *оўса́*, *рука́ў*, *столо́ў*, *домо́ў* фиксируется в западной части русских говоров, примыкающих к украинским и белорусским, где это фонетическое явление репрезентует постоянный компонент фонетики диалектов этих языков. Кроме того, на русской территории изменение *в* > *ў* присуще говорам северо-востока карты в Вологодской обл.

Карта 70 выделяет говоры, в которых мягкие губные согласные допустимы на конце слова, чем повышается коррелятивный статус оппозиции твердых-мягких губных (*óз'ім'*, *сып'*, *крóф'*, *гóдуб'*). На юго-востоке территории ДАРЯ с этой изоглоссой совпадает изоглосса ассимилятивного смягчения губных перед *к'* *бáв'к'і*, *д'éф'к'і*, *мáи'к'і* [ДАРЯ 1 К.№ 72], что также отражает высокий уровень включенности губных согласных в корреляцию твердости-мягкости. Подобная синтагматика губных согласных указывает на то, что они в своем позиционном поведении тождественны зубным согласным, противопоставленным по твердости-мягкости. Все вместе это делает более значимым признак консонантности в фонетике соответствующих диалектов. Следует подчеркнуть, что диалекты юго-востока территории ДАРЯ образуют в рамках славянского континуума единственный ареал, где мягкие губные согласные сочетаются с паузой. Поэтому можно считать, что в этих говорах наиболее высок уровень использования признака консонантности в фонетике.

Карта 73 выделяет говоры, в которых шумные согласные сохраняют звонкость на конце слова, чем, как было сказано выше, противостоят повышению уровня консонантности в сегменте (*хл'éб*, *хóлод*, *воз*, *муж*, *рог*). Эта черта свойственна западнорусским говорам, примыкающим к украинской и белорусской территории, а также некоторым островным ареалам на северо-востоке ДАРЯ.

Карта 74 фиксирует произношение долгих мягких согласных в соответствии с сочетанием C'j – это произношение с точки зрения уровня признака консонантности имеет то же значение, что и соответствующее явление в украинской фонетике, т. е. снижает значение консонантности в звуковой цепи. В западнорусских говорах ассимиляция в группе C'j продолжает линию развития, свойственную украинским и белорусским говорам, а на северо-востоке и юго-востоке ДАРЯ то же явление имеет, видимо, самостоятельное происхождение. Карта 74 фиксирует разную частоту реализации ассимилятивного изменения – на северо-востоке оно более редко, чем на юго-западе. Материал, данный в комментарии к карте, показывает, что результатом ассимиляции может быть как одинарный (считается следствием утраты спиранта *j* – с. 178), так и удвоенный согласный (*плáт'а* и *плáт'т'а*). Характерной особенностью русских говоров является возможность удвоения согласного при сочетании губного согласного с *j* – *скам'м'á*, *с'ем'м'ý*, *здорóв'в'а*, *мурав'в'ó*, *вып'п'ит'*, *вып'п'у* [ДАРЯ 1 комментарии, 180]. Это явление фиксируется в основном в говорах Великолукской и Смоленской областей, примыкающих к белорусской территории.

Понижает уровень консонантности сегмента показанная на карте 82 назализация *вн* > *мн*, т. е. *рáмнó*, *дамнó*, *д'ер'émн'á*. Явление сосредоточено на юго-западе карты около Орла, Курска, Белгорода, а также на северо-восток от Москвы вокруг Костромы.

Наконец, карта 81 показывает назализацию шумного взрывного согласного губного и зубного ряда в сочетаниях *дн*, *дн'*, *бм*, *бм'*. Как было сказано, эта особенность русских диалектов, в качестве компонента восточнославянской фонетики, является предметом специальной карты в [ВСИ 1998].

Карта 79 посвящена диалектным заменам сочетаний *л'н*, *л'ш*. Это дает основание для сопоставления изменений, которым подвергается сочетание *л'н* в украинских и русских диалектах. Уподобление по высоте тона в этом консонантном сочетании реализуется в названных говорах по-разному.

В укр., как было сказано, происходит отвердение *л'* > *л*, *л'*. При этом, по данным [АУМ 1 К.№ 125], во многих говорах изменение не проводится последовательно, чем обусловлено варьирование *л'*||*л* в слове *мельник*.

В русских говорах возможна альтернатива – в сочетании *л'н* происходит не только регрессивная ассимиляция мягкого согласного твердому, но и прогрессивная ассимиляция твердого мягкому, т. е. *бáл'но* > *бóлно*/*бóл'но* ~ *бáл'н'о* (выбор *л* или *л'* соответствует изоглоссе веляризованности латерального сонанта, приведенной в [ВСИ 1995]). Отмечается и дальнейшая ассимиляция по способу и месту образования в сочетании сонантов. Так, *бóнно* в Мантровском и Кологривском р-нах Костромской обл., *бóл'л'о*, *бóн'н'о* около Кашина и Бежецка Калининской обл. Изменения сочетания *л'н* в украинских и русских диалектах сопоставимы, так как имеют одинаковые последствия – снижается контрастность компонентов консонантного сочетания, т. е. снижается уровень признака консонантность.

В [Праграма 1950] есть вопрос (53) о возможных изменениях сочетания *льн* в белорусских говорах. Но специальной карты в ДАБМ по этому вопросу нет. Изменения в сочетании *л'н* упомянуты и А. А. Кривицким в его описании вариантов белорусского диалектного произношения (*с'ілна*, *бóляна*, *вудз'ілнó*, *давóлна*) [Крывіцкі, Падлужны 1984, 163]. Некоторую информацию о возможности изменения *л'н* > *лн* дает карта № 262, на которой в окрестностях Витебска фиксируется произношение *кас'ілна*, *касав'ілна*, как соответствие слову *касільна*. На предлагаемой карте эта фрагментарная информация отражена.

Особенности, диагностирующие отношение к признакам вокальность и консонантность в фонетике диалектов, сопоставляются на двух картах, поскольку совмещение их на одной карте сделает ее трудно читаемой. При этом сопоставимость некоторых явлений имеет конвенциональный характер. Не исключено, что при расширении базы данных может обнаружиться иная картина сходств и различий. Карта 1а показывает, как диалекты различаются отношением к значимости признака вокальность, выраженным в инвентаре и синтагматике гласных. Карта 1б посвящена уровню значимости признака консонантность в устройстве консонантизма.

Картина ареальной дифференциации восточнославянских диалектов по избранным критериям выглядит следующим образом.

На **карте 1а** сравнительно высоким уровнем признака вокальность характеризуются русские говоры северо-востока, с одной стороны, украинские и часть белорусских говоров, с другой.

Эти ареалы противостоят центральной части картографируемой территории тем, что имеют больший набор гласных под ударением и не сокращают состав предударных гласных по модели аканья. При этом все явления, создающие специфику северо-восточных русских говоров, присутствуют в юго-западном регионе, но в более радикальном виде. Так, шесть гласных под ударением присущи лишь части окающих русских говоров, а в украинских – это основной тип вокализма. Тем более редок в северо-восточных русских говорах семичленный вокализм. А в большой полосе северо-украинских и южной части белорусских, как и в говорах региона Карпат, семь гласных под ударением – это вполне банальная черта. Нарастание количества ударных гласных завершается в говорах Закарпатья, где под ударением используется восемь вокальных единиц.

Констатация различий в вокальном инвентаре основана на известном обобщении реального качества картографируемых гласных. Если же это качество детализировать, то в соответствии с полученным разнообразием повысится уровень диалектной дифференциации соответствующего диалектного региона. В украинских диалектах многообразна рефлексация **o*, **e* в новом закрытом слоге – в [Жилко 1963] констатируется более десяти континуантов этих прасл. гласных. Это многообразие указывает на значимость признака вокальность в дифференциации украинских диалектов – черта, свойственная языкам, чья высокая вокализованность бесспорна (ср. описание фонетики словенских диалектов в [FO 1981]).

Как было сказано, уровень вокального статуса сегментной единицы тем выше, чем она более независима от консонантного окружения. Во всех украинских говорах и части белорусских эта независимость выражена в сочетании передних гласных с предшествующими твердыми согласными. На северо-востоке русской части карты это в минимальном виде присутствует в говорах на границе с Кировской обл. В целом же в русских говорах и большей части белорусских сочетания согласных с передними гласными унифицированы по высоте тона и составляют как бы единый артикуляционный комплекс. Но максимальное для карты проявление независимости гласного от согласного выражено в карпатских говорах в виде допустимости *кы*, *hы*, *хы* – именно независимость гласного от согласного позволила гласному сохранить первоначальную артикуляцию.

Особая ситуация в плане взаимодействия гласного и согласного представлена в тех белорусских говорах, где имеет место синтагматическая активность губных согласных. Последствия этого для вокального инвентаря неодинаковы. Изменение *ы* > *у* после губных устраняет в этой позиции гласный, находящийся в отношении дополнительного распределения с *і* (напомним, что в описаниях белорусского ударного вокализма *і* и *ы* функционально отождествляются). На инвентарном составе ударного вокализма (семь единиц) лабиализация *ы* после губных не отражается. Изменение же *а* > *о* перед *ў*, основанное на антиципации билабиального спиранта, снижает контраст между гласным и согласным за счет утраты гласным своей независимости от согласного. Если учесть, что в части этих говоров перед *е*, *і* допустимы только мягкие согласные, то надо признать, что зависимость гласного от согласного в этих говорах выше, чем в русских. В украинских диалектах также известна лабиализация *а* перед *ў*.

Минимально значим признак вокальности на юго-востоке русской диалектной территории, что с наибольшей очевидностью выражается в нулевой редукции безударных гласных.

Между акающими русскими и белорусскими говорами находится полоса диалектов с диссимилятивным аканьем. Это – зона особых вокальных отношений в звуковой последовательности, где уровень использования признака вокальность выше, чем в говорах с простым аканьем.

Изоглоссы отношения к признаку вокальность сопоставляются с изоглоссами отношения к признаку консонантность, показанными на **карте 1б**.

Вновь выделяются северо-восток и юго-запад карты. Но уровень признака консонантность в этих ре-

гионах имеет обратный знак в сравнении с признаком вокальность, т. е. там, где вокальность выше, консонантность ниже и наоборот.

Северо-восток и юго-запад в сравнении с центром характеризуются меньшим консонантным разнообразием. Но на юго-западе эта особенность выражена более радикально. В украинских и южных белорусских говорах отсутствуют мягкие губные согласные (диагностическое значение имеет позиция перед непередними гласными). В большей части белорусских и в некоторых украинских говорах отсутствует мягкий вибрант (*р'*). На этом фоне русские говоры северо-востока выглядят более консонантно, так как имеют в своей фонетике мягкие губные согласные и *р'*. Однако в сравнении с другими русскими говорами на северо-востоке представлена бóльшая консонантная монотонность звучащей речи, обусловленная возможностью цоканья.

Правила консонантной синтагматики, понижающие уровень признака консонантность, также имеют сходное проявление на северо-востоке и юго-западе карты. Это – сохранение звонкости шумных согласных перед паузой и глухими согласными, ассимиляция C'j > C'C'/C', ассимиляция в сочетании *л'н*, некоторые проявления прогрессивной ассимиляции по месту и способу образования в группах шумных согласных. Но на северо-востоке эти явления имеют островную фиксацию, а на юго-западе охватывают большую территорию. Можно отметить и расхождение в комбинации изоглосс. В украинских говорах изменение *вн* > *мн* сочетается с сокращенным составом консонантных инвентарных единиц, а в русских говорах, наоборот – при цоканье, предположительно снижающем консонантность идиома, назализация сочетания *вн* не отмечена. Как пример обратного соотношения можно привести карту из [ВСИ 1998], показывающую сонаризацию шумного согласного в сочетаниях *дн*, *бм*. Это явление, понижающее уровень консонантности звуковой последовательности, свойственно русским говорам северо-востока и северо-запада карты, а также некоторым говорам центра, имеющим высокий уровень консонантности по другим своим чертам. А из украинских диалектов сонаризацию указанных сочетаний показывают лишь говоры карпатского ареала.

Характерные для северо-востока карты 1б факты снижения уровня консонантности есть и на юго-западе, но не наоборот. Так, упрощение *війт* > *віт*, тем более *сніh* > *сній* > *сні* – только украинская черта.

На карте 1б особое значение имеют изоглоссы Cj > C'C'/C' и *в* > *ў* перед согласным и на конце слова. Помимо того, что они выделяют фрагменты северо-востока карты, эти изоглоссы проходят по русской территории от Пскова на юг до Белгорода. На запад от изоглосс начинается зона общего снижения уровня консонантности. Вблизи Калуги к этим изоглоссам присоединяется линия изменения *вн* > *мн*. Все вместе эти изоглоссы накладываются на зону диссимилятивного аканья. Это означает, что при переходе от русских говоров к украинским и белорусским сформирован ареал, для которого характерен особый статус вокального компонента слова, когда гласные в слове образуют взаимосвязанный блок, и это сочетается с понижением уровня консонантности в звуковой цепи в виде изменений, присущих в целом более западной части восточнославянских диалектов. В известном смысле, диссимилятивное аканье образует как бы критическую зону на переходе от большей консонантности/меньшей вокальности к меньшей консонантности/большей вокальности.

Самый высокий уровень консонантности присущ русским говорам, имеющим мягкие губные согласные на конце слова и ассимилятивное смягчение этих согласных перед *к'*. Это – говоры юго-востока территории карты. Диалектный регион, в котором эти черты сочетаются с нулевой редукцией безударных гласных, может считаться минимально вокалическим и максимально консонантным во всей Славии. Как показано в [Калнынь 1993], в этих говорах ценность вокальной артикуляции настолько снижена, что вокальные элементы в виде вставных гласных могут использоваться для поддержания уровня консонантности звуковых цепей – ситуация, когда вокальная артикуляция является компонентом консонантизма. Характерно, что в этом эпицентре консонантности отсутствуют какие-либо из тех явлений, которые на карте в других местах диагностируют снижение уровня консонантности. За пределами же нулевой редукции изменение *вн* > *мн* может сочетаться и с таким показателем высокой ценности признака консонантность, какой является допустимость мягких губных на конце слова.

По контрасту с зоной максимально высокого уровня консонантности на основе карт 1а и 1б можно выделить и ее антипод – зону с максимально высоким уровнем вокальности/низким уровнем консонантности. Это – северо-украинские говоры в пределах Волынской обл. Именно здесь объединяются все те явления, которые ассоциируются с повышением вокальности/понижением консонантности – нет мягких губных согласных, нет мягкого вибранта, звонкие согласные сохраняются на конце слова и перед глухими согласными, происходят изменения в группах согласных (*ст'* > *с'ц'*, *ій#*>*і*, *вн* > *мн*, *л'н* > *лн*) и, ес-

тественно, присутствуют такие общеукраинские черты, как изолированность передних гласных от предшествующего согласного, *в* > *ў* перед согласными и на конце слова, изменение в группе Cj. Но инвентарь ударных гласных здесь состоит из семи единиц, т. е. является не самым большим из тех, что известны украинским говорам.

В этой связи можно отметить некоторую парадоксальность фонетики закарпатских говоров. При большом количестве гласных (семь и даже восемь) эти говоры в консонантной синтагматике демонстрируют более высокий уровень признака консонантности, чем это представлено в других юго-западных украинских диалектах, – есть мягкий вибрант, звонкие согласные оглушаются на конце слова и перед глухими согласными, нет *ст'* > *с'ц'*, *д'н* > *лн*, *вн* > *мн*, происходит уподобление гласного следующему губному спиранту (*аў* > *а*^{u}*ў*, *оў*). Хотя именно здесь сосредоточено изменение *війт* > *вит*, а также сонаризация сочетаний *дн*, *бм*, отсутствующая в других украинских диалектах.

Не однородны в своем отношении к уровню вокальности/консонантности белорусские диалекты. Их южная часть сближается с северными украинскими говорами – семь гласных под ударением, отсутствие мягких губных согласных и *р'*. Северная же часть белорусских говоров похожа на украинские лишь отсутствием *р'*, изменением C'j > C'C'/C', *в* > *ў*. И при этом уровень вокального разнообразия звуковой последовательности понижается не только в результате аканья, но и изменения *аў* > *оў*. В то же время большая часть белорусских говоров демонстрирует сонаризацию *дн*, *бм* [ВСИ 1998]. Несколько выше уровень вокальности при диссимилятивном аканье. В целом можно считать, что белорусские диалекты по своему отношению к признакам вокальность/консонантность занимают промежуточное положение между украинскими и южнорусскими говорами. Можно было бы указать на сходство белорусских говоров с русскими говорами северо-востока карты, но там имеется оканье и цоканье.

Предложенные выводы достоверны в той мере, в какой они подтверждены выбранными диалектными различиями. При этом надо отметить, что, в принципе, селекция различий обусловливается не только тем, насколько они удовлетворяют критерию сопоставимости. Любое лингвогеографическое обобщение не может основываться на очень большом количестве явлений. Есть порог количественной допустимости, за пределами которого становится слишком сложной комбинация явлений друг с другом, тем более для проекции этой комбинации на карту.

Важно подчеркнуть, что выводы о признаках вокальность/консонантность в восточнославянской фонетике сделаны на основе сопоставления вполне известных в национальных диалектологиях диалектных различий, а не на основе каких-либо вновь открытых экзотических фактов.

В то же время сказанное не означает, что для создания картины отношения к признакам вокальность/консонантность в фонетике говоров, образующих восточнославянский диалектный континуум, не может быть привлечен более длинный список фонетических явлений, чем это сделано на предлагаемых картах. Но корпус таких сведений находится за пределами восточнославянских диалектных атласов и вовлечение их в создание типологических характеристик соответствующих диалектов – это дело будущего.

Список фонетических явлений, интерпретируемых в статье

Инвентарь гласных под ударением [5~6~7~8].

Артикуляционная связь согласного и гласного в сочетаниях:

согласный + передний гласный;

задненебный согласный + *ы*;

губной согласный + *ы*;

гласный + мягкий согласный;

гласный *а* + *ў*/*w*.

Отношение вокализма к ударению:

сокращение состава гласных в безударных слогах по модели аканья, диссимилятивного аканья, уканья;

редукция безударных гласных до нуля.

Уподобление гласных соседних слогов.

Рефлексация интерконсонантного сочетания **ъl*, **ьl* как свидетельство более высокого уровня вокальности укр. и белорус.

Инвентарь согласных:

мягкие губные согласные;

мягкий вибрант *р'*;

оппозиция *ш* – *ш'*, *ц* – *ц'* в укр.;

аффрикаты *дз*, *дж* в укр., белорус.;

ч'>*ш'* в рус., укр.;

цоканье, *ц* > *с* в рус.

Синтагматика согласных:

различение согласных по участию голоса на конце слова и перед шумными согласными;

различение губных согласных по твердости-мягкости на конце слова;

изменение *в* > *ў*;

регрессивно направленные изменения в группах согласных;

ассимиляция по высоте тона (смягчение, изменение *л'н* > *лн*);

ассимиляция по месту и способу образования в сочетаниях *сш, зж, тш, тч, вн, дн, бм*, Cj;

прогрессивно направленные изменения по способу и месту образования в сочетаниях *ст', зд', сц', здз', шт, жд, жд', сс, с'с', шш, жж, л'н*;

поглощение спиранта гласным в сочетании *ій* > *і* (укр.).

ЛИТЕРАТУРА

[Азарх 1973] – *Азарх Ю. С.* О корреляции согласных по твердости-мягкости в одном вологодском говоре // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

[Ахматова 1966] – *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

[Бевзенко 1980] – *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.

[Бернштейн 1961] – *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

[Брок 1910] – *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб, 1910.

[Бромлей 1985] – *Бромлей С. В.* Различия в степени вокализованности сонантов и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985.

[Бурова 1981] – *Бурова Е. Г.* Гласная вставка в начальных группах согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

[ВСИ 1995] – Восточнославянские изоглоссы 1995. М., 1995.

[ВСИ 1998] – Восточнославянские изоглоссы 1998. М., 1998.

[Жилко 1955] – *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ,1955.

[Жилко 1963] – *Жилко Ф. Т.* Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слов'янськими. Київ, 1963.

[Исаченко 1963] – *Исаченко А. А.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963.

[Калнынь 1973] – *Калнынь Л. Э.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М., 1973.

[Калнынь 1992] – *Калнынь Л. Э.* Фонетический строй одного гуцульского говора // Исследования по славянской диалектологии 1. Карпатоукраинские диалекты. М., 1992.

[Калнынь 1993] – *Калнынь Л. Э.* Вставные гласные как обеспечение консонантности звуковых цепей в русских диалектах // Проблемы фонетики 1, М., 1993.

[Калнынь 1994] – *Калнынь Л. Э.* Об одном диалектном различии в украинском вокализме // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.

[Калнынь 1998] – *Калнынь Л. Э.* Особенности восточнославянского диалектного континуума в свете современной лингвогеографии // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.

[Калнынь, Масленникова 1985] – *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.

[Калнынь, Масленникова 1995] – *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Изучение вариативности в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. 3. М., 1995.

[Касаткин 1981] – *Касаткин Л. Л.* Об одном фонетическом гиперизме в смоленских и калининских говорах (*с'т'* на месте *с'с'*). // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

[Касаткин 1997] – *Касаткин Л. Л.* Некоторые особенности консонантизма говоров Гдовского района Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Осло, 1997.

[Крывіцкі, Падлужны 1984] – *Крывіцкі А. А., Падлужны А. І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

[Курс сучасної 1971] – Курс сучасної української літературної мови. Т. І. Київ, 1971.

[Німчинов 1926] – *Німчинов К.* Диспалаталізація приголосних перед *е, и.* // Записки історично-філологічного відділу УАН, т. 9. Київ, 1926.

[ОЛА 1988] – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 1. Рефлексы *ě. Белград, 1988.

[ОЛА 1994] – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 3. Рефлексы *ъг, *ьг, *ъl, *ьl. Warszawa, 1994.

[Орлова 1959] – *Орлова В. Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

[Панов 1967] – *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.

[Пауфошима 1983] – *Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

[Русская диалектология 1964] – Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

[Русская диалектология 1989] – Русская диалектология. Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989.

[Синявський 1927] – *Синявський О. Н.* Фонетична контроверса // Записки історично-філологічного відділу УАН, т. 13/14. Київ, 1927.

[Трубецкой 1960] – *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.

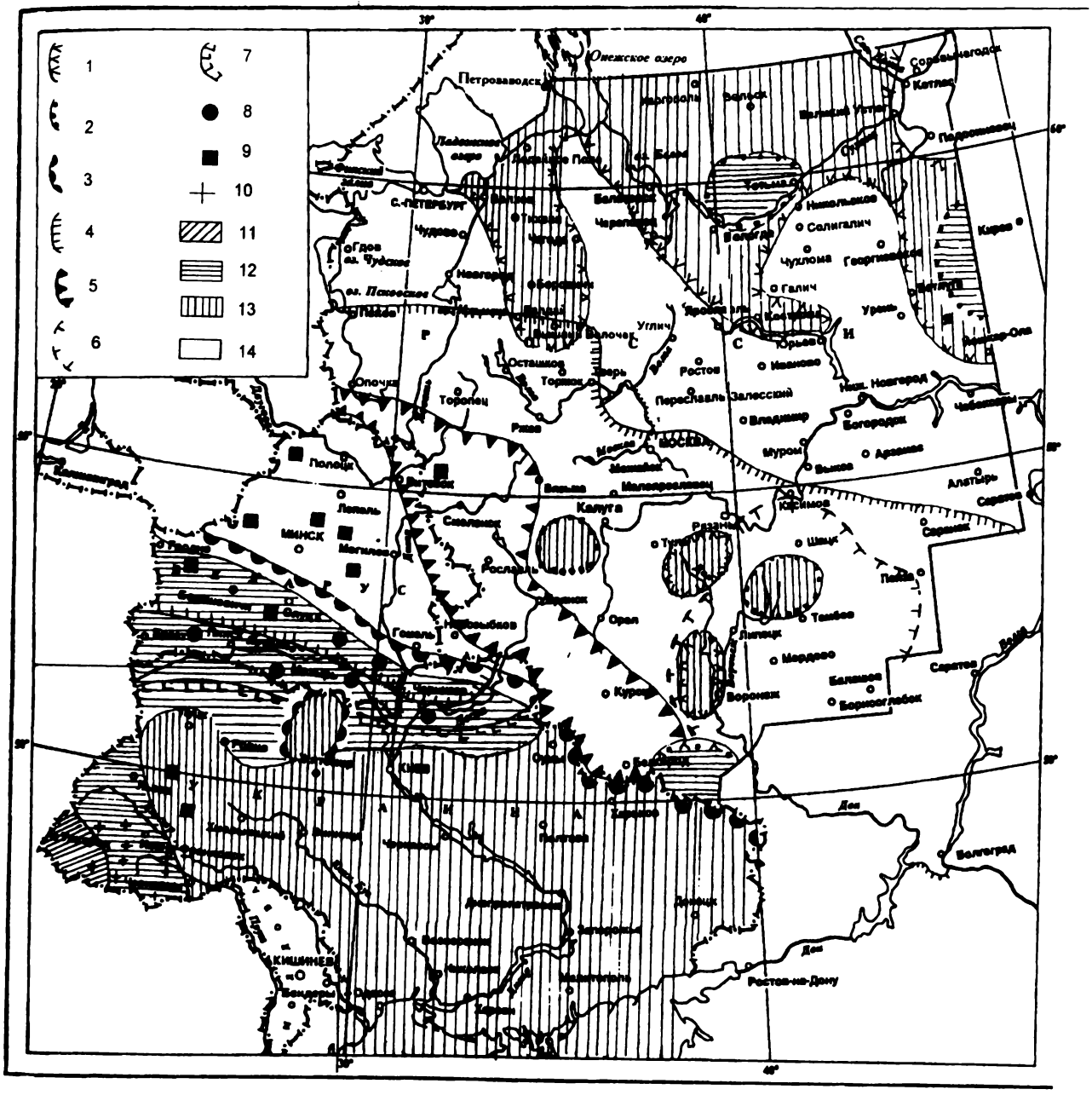
[Чекмонас 1998] – *Чекмонас В.* Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // Slavistica vilnensis. 1998. XII Международный съезд славистов. Доклады литовской делегации. Вильнюс, 1998.

[Brozović 1988] – *Brozović D.* O fonemu [ʒ] u balkanskim jezicima // Језичните појави во Битола и Битолско денеска и во миналото. Cronje, 1988.

[FO 1981] – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.

[Shevelov 1979] – *Shevelov G. Y.* A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Гайдельберг, 1979.

Карта 1а. Отношение к признакам вокальность / консонантность

Условные обозначения:

1. *ë→ e, ie; 2. *o → o, uo; 3. заменительное удлинение *o в бел., *o, *e в укр.; 4. неразличение предударных *a* и *o* по модели аканья; 5. неразличение предударных *a* и *o* по модели диссимилятивного аканья; 6. нулевая редукция безударных гласных; 7. твердость согласных перед передними гласными; 8. *ы → у* после губных согласных; 9. *a → o* перед *ў*; 10. допустимость *ы* после задненебных согласных; 11. 8 гласных под ударением; 12. 7 гласных под ударением; 13. 6 гласных под ударением; 14. 5 гласных под ударением.

Карта 1б. Отношение к признакам вокальность / консонантность

Условные обозначения:

1. отсутствие *р'* перед непередними гласными; 2. отсутствие мягких губных согласных перед непередними гласными; 3. совпадение *ц* и *ч*; 4. отсутствие оглушения звонких согласных перед глухими согласными и на конце слова; 5. допустимость мягких губных согласных на конце слова; 6. ассимиляция С'j в С' С'/ С'; 7. *в* → *ў* на конце слова и перед согласными; 8. *вн* → *мн*; 9. ассимиляция в сочетании *л'н*; 10. ассимиляция по месту, способу образования в сочетании шумных согласных; 11. *віт*, *сні*; 12. *сні*.

Л. Э. Калнынь

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РЕФЛЕКСАЦИЕЙ ПРАСЛ. СОЧЕТАНИЙ ПЛАВНЫХ СОНАНТОВ С РЕДУЦИРОВАННЫМИ ГЛАСНЫМИ

Темой карты являются континуанты сочетаний типа *trъt, *tlъt, *trьt, *tlьt и *#rъt, *#lьt. Согласно принятому в науке мнению, в этих сочетаниях после утраты слабых редуцированных произошла силлабизация сонантов, т. е., по терминологии С. Б. Бернштейна, образовались «новые слоговые сонанты» [Бернштейн 1961, 268]. При этом, как считает С. Б. Бернштейн, данное преобразование не происходило в прарусских диалектах, где после сонанта утвердился сильный редуцированный, в соответствии с чем позже появились последовательности *ro, re, lo, le*. Однако [Шахматов 1915, 233; Иванов 1983, 176] и для такого развития предполагают предварительную стадию слоговых сонантов, но лишь в тех сочетаниях, где редуцированные имели статус слабых. В этом случае гласные *о, е* после сонантов на месте слабых редуцированных объясняются аналогией с формами, содержащими *ъ, *ь в сильном положении (рус. *крови* под влиянием формы *кровь*).

«Новые слоговые сонанты» в части славянских языков могли сохраняться. Но в восточнославянских диалектах они утрачивали слоговость, что сопровождалось выделением гласного. Различие состояло в качестве выделяемого гласного и его положении относительно сонанта, т. е. SonV или VSon. При этом наиболее веским аргументом в пользу существования стадии «новых слоговых сонантов» принято считать выделение при сонанте гласных *у, і* в праукраинских и прабелорусских диалектах, поскольку эти гласные нельзя соотнести с восточнославянской рефлексацией *ъ, *ь. Считается, что первоначально это был «переходный гласный», который позже преобразовался в *у, і* [Дурново 1924, 221], При этом отмечается, что развитие гласных *у, і* происходило только в безударном слоге, а под ударением были представлены гласные *о, е*. Если же гласные *у, і* встречались под ударением, что не является редкостью, то это объяснялось аналогией, как и *о, е* в русских говорах в соответствии со слабыми редуцированными [Шахматов 1915, 233].

Ситуация, способствующая развитию "нового слогового сонанта", складывалась и в сочетаниях *#rъt, *#lьt после падения редуцированных. На это указывает развитие протетического гласного перед инициальным сонантом, за которым следует согласный. Явления такого рода фиксируются в диалектах всех трех восточнославянских языков.

Информация о разном развитии сочетаний плавных с редуцированными в рус., укр., белорус. языках/диалектах дается в описании их истории и современного состояния в виде констатации общего характера. Между тем картографирование этого явления в масштабах восточнославянского континуума показывает, что различие между восточнославянскими диалектами имеет несколько иное проявление, чем принято считать.

Программы восточнославянских атласов по-разному относятся к выявлению диалектных различий, обусловленных особенностями рефлексации сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными.

В [Програма 1949] вопрос 407 предлагает выяснить, произносятся ли в украинских говорах *дрова/дрива/дріва, кривавий/кровавий/кирвавий, криниця/кирниця* и т. п. Вопроса о возможном наличии протетического гласного в рефлексах сочетаний типа #rъt, *#lьt – нет. Отражение этого явления на картах атласа основано на материале ответов на другие вопросы программы.

В [Праграма 1950] в вопросе 21 (16б) предлагается выяснить произношение слов *дрыжаць, крышыць, глытаць, крывавы, дрывасек* с предударными гласными *ы~а~ъ*. Слова объединены тем, что предударному гласному в той же морфеме под ударением соответствует гласный *о*. Вопрос 25 (22) той же программы ориентирован на обнаружение наличия/отсутствия протетического гласного в словах *ржаны, ржа, рваць, льняны, лгаць, лъсціць*.

Что касается [Программа 1947], то в ней нет вопроса о рефлексации сочетаний типа *trъt, *tlьt в русских говорах, как априорно не дающей диалектных различий. При этом следует иметь в виду, что известное в русских говорах произношение *сл'иза́, гр'им'и́т, крыва́вый, крыша́т* и под. является результатом изменения безударных гласных неверхнего подъема по модели аканья и не может отождествляться с внешне сходным произношением тех же слов в укр. или белорус. говорах. Некоторые отклонения в этом плане, возможно, существуют в западнорусских говорах вблизи белорусской языковой

территории, о чем сказано ниже. Вопрос 20 русской программы предлагает выяснить, имеется или нет протетический гласный в словах *ржаной*, *льняной*, *льну*, *ржи*.

Следует отметить, что на картах национальных атласов материал, полученный при обследовании диалектов по названным программам, использован с неодинаковой полнотой. Для предлагаемой карты отобрана та информация, которая может быть соотнесена с восточнославянской территорией в целом. В связи с этим использованы данные о рефлексации рассматриваемых прасл. сочетаний в достаточно ограниченном списке слов (количество корней, содержащих сочетания плавных сонантов с редуцированными гласными, значительно превышает этот список).

В АУМ диагностическое значение имеет картографирование слов, содержащих корни *krъv-, *drъv-, *krьn-, *brьv-. Как объекты картографирования, эти слова неодинаково представлены в АУМ 1 и АУМ 2.

В АУМ 1 нет карты на *krъv-, из чего можно сделать вывод, что на всей территории представлено слово с сочетанием *ри* (*крива́вий*). Хотя по материалам ОЛА произношение *крова́вий* зафиксировано в районах Киевской, Сумской, Полтавской, Черкасской, Харьковской, Днепропетровской областей. Эта информация учтена на предлагаемой карте.

Карта № 186 показывает диалектные различия в фонетике слова с корнем *krъn-: *крини́ця ~ кирни́ця*.

Карта № 150 показывает место ударения в слове *дрова*. Подразумевается, что на всей территории независимо от ударения в корне произносится гласный *о*.

В АУМ 2 тема рефлексации сочетаний типа *trъt отражена более разнообразно.

Карта № 69 показывает локализацию фонетических вариантов *крива́вий/крыва́вий*, *кирва́вий/кырва́вий*, *крова́вий*. По замечанию [Жилко 1955, 93], развитие *ръ*, *лъ*, *рь* > *ри*, *ли*, а также *ир*, *ил* особенно характерно для юго-западных украинских диалектов.

Карта № 70 отражает фонетику слов с корнями *brъv-, *drьv-. Слово *дрова*, как и в АУМ 1, показывает гласный *о* под ударением и без ударения. В материалах ОЛА произношение *дрива́*, *дрыва́* отмечено в регионе Карпат и в районах Любомль, Ратне (Луцк). В Закарпатье представлены также слова, имеющие ударение на гласных *и*, *ы* – *дрыва*, *бри́ви*, *обы́рва*.

Карта № 71 показывает распределение вариантов *крини́ц'а* и *кирни́ц'а/кырни́ц'а*, дающее четкую изоглоссу, продолжающуюся на территории АУМ 1 (карта № 186).

Исходя из приведенных данных на украинской территории предлагаемой в данной статье карты показаны следующие явления:

к[ро]ва́вий – рефлекс отличается от преимущественно распространенного *к[ри]ва́вий*;

к[ир]ва́вий, *к[ир]ни́ц'а* – рефлекс имеет вид VSon;

д[ри]ва́, *д[ры]ва́* – рефлекс отличается от преимущественно распространенного *д[ро]ва́*, *д[ро́]ва*;

д[ры́]ва, *б[ри́]ви*, *об[ы́р]ви* – содержат под ударение гласный *и/ы*, что противоречит принятым представлениям об отношении рефлексации сочетаний типа *trъt к ударению.

В АУМ имеются карты, посвященные рефлексации сочетаний типа *tlъt, *tlьt.

В АУМ 1 на карте № 84 показана фонетика слов *яблоко*, *слеза*, *блоха*. Локализация разных типов рефлексов в этих словах не совпадает.

В *яблоко* – сочетание *ло* показано в небольшом регионе на севере карты. На остальной территории представлено *йа́блуко*, что в принципе может быть и результатом лабиализации гласного *и* в окружении велярных согласных.

В *слеза* – сочетание *ле* выделено изоглоссой близкой к *ло* в *яблоко*. В *блоха* – сочетание *ли* (*блиха́*) отмечено также на севере в ограниченной группе говоров. За пределами этих изоглосс на территории АУМ 1 представлено произношение *блоха́*, *сл'оза́*.

Фонетика этих же слов показана и в АУМ 2.

Карта № 67 показывает, что в *яблоко* сочетание *ло* распространено более широко, чем на территории АУМ 1. Изоглосса отчасти совпадает с *ро* в *кровавий*. Выделяются ареалы с сочетанием *ли/лы*. Кроме того, на карте обозначена территория, где латеральный сонант утрачен. Не получив слоговости, сонант усложнил консонантную группу. В целях ее упрощения сонант утратился, следствием чего и стало произношение *йа́пко*.

Карта № 66 противопоставляет произношение *блиха́/блыха́* на юго-западе и *блоха́* на остальной территории. В ряде мест Закарпатья отмечено произношение *бли́ха*, *блыха*. Такой же ударный рефлекс, но только на компактной территории юго-западных говоров показан в *ли́шка*, *лы́жки* (= ложка) на карте № 65.

Карта № 68 – в *слеза* сочетание *ли/лы* последовательно фиксируется в Закарпатье, а на остальной территории *сл'оза́*, *сл'еза́*.

Из перечисленных явлений на украинской территории предлагаемой в данной статье карты показаны следующие результаты рефлексации *tlъt, *tlьt:

йа́б[ло]ко, *йа́б[ли]ко* – рефлексы отличаются от более распространенного *яблуко*;

йáпко – утрата латерального согласного, как свидетельство отсутствия стадии слогового сонанта;

б[ли]хá, *б[лы]хá* – рефлекс отличается от более распространенного *б[ло]хá*;

фонетика слова *слеза* имеет разное диагностическое значение на картах АУМ 1 и АУМ 2: в АУМ 1 большей редкостью является рефлекс *ле*, а в АУМ 2 – *ли/лы*, в соответствии с чем они далее и обозначены на карте.

В ДАБМ не уделяется специального внимания рефлексации сочетаний типа *trъt, *tlъt. Возможно, это связано с тем, что данное явление не образует диалектного различия в белорусском языке. Как сказано в [Крывіцкі, Падлужны 1984, 146], для белорусских диалектов характерно произношение типа *дрывóтня ~ дрóў*, *грымéць ~ грóм*, *крывí ~ крóў*, *глытáць ~ глóтка* и под. Надо отметить, что в подробном описании диалектной фонетики, помещенном в названном труде, нет ни одного упоминания о фактах нарушения сформулированного правила.

Слова с корнями *brъv-, *drъv- использованы на картах №№ 108, 216 – под ударением последовательно произносится гласный *о*, без ударения *ы*, т. е. *брóў*, *дрóвы*, *брывó*, *брывíнá*, *дрывáмі*.

Карта № 107 показывает родовую принадлежность слова *яблык*, *яблыка* – безударный гласный *ы* присутствует во всех говорах.

Исходя из сказанного, белорусская диалектная территория может быть охарактеризована, как последовательно репрезентующая модель развития сочетаний типа *trъt, *tlъt, по которой под ударением развивались гласные *о*, *е*, а без ударения *ы*, *і*. Следует при этом иметь в виду, что в говорах с диссимилятивным аканьем гласный *ы* перед слогом с ударным *а* в равной мере может быть как рефлексом в сочетании *ъг, *ъl, так и результатом изменения *о* в безударном слоге по модели диссимилятивного аканья (*дрывá*, *глытáц'*).

В ДАРЯ нет карт на рефлексацию сочетаний типа *trъt, *tlъt. Все русские диалекты демонстрируют рефлексы *ро*, *р'е*, *ло*, *л'е* независимо от ударения. При этом безударные гласные неверхнего подъема могут изменяться по модели аканья. В то же время можно предположить, что зафиксированное в материалах ОЛА произношение *йáблык* около Смоленска показывает развитие *tъlt по белорусской модели.

Свидетельства о наличии «нового слогового сонанта» в рефлексах сочетаний типа *#rъt, *#lъt присутствуют в диалектах всех трех восточнославянских языков.

В АУМ 1 карта № 24 показывает наличие протетического гласного в словах *іржати*, *іржуть* в виде произношения *іржáти*, *ержáти*, *иржáти* по всей территории. Лишь в небольшой группе говоров на северо-востоке карты (Сумская, Черниговская обл.) произносится инициальное сочетание *ржс*.

Карта № 256 посвящена форме 1 л. ед. наст. вр. глагола *лити*. Но при этом специальным знаком выделены островные ареалы произношения *іл'ýў*, *ил'ýў*, *іл'йý*.

В АУМ 2 на карте № 3 протетический гласный показан в словах *іржати*, *іржище*, *ільну/ильну*, *ільвова/ильвова*. Лишь на юго-западе выделяется территория без протетического гласного в слове *ржáти*.

В ДАБМ протетическому гласному посвящены две карты.

Карта № 26 показывает произношение *іржаны́/аржаны́* на всей белорусской территории, при более частом варианте с *ар*. Лишь на западе около Бреста выделяется регион, где фиксируется *ржаны́*.

Карта № 27 показывает деление белорусской территории в зависимости от произношения *іл'н'аны́* (северно-восточная часть) и *л'н'аны́* (юго-западная часть).

В ДАРЯ на западе карты № 15 очерчивается территория произношения *иржáть*, *ильдóм*, *иржи́*, *аржи́*, *ържи́*. По материалам ОЛА на этой же территории отмечено произношение *илгáл*, *ирвáл*, *иржá*, *ил'нá*.

Нанесение на карту приведенной информации показывает следующее.

Рефлексация сочетаний *trъt, *tlъt, *trьt, *tlьt делит восточнославянский континуум на три региона в зависимости от качества гласного в *безударном* слоге. В русских диалектах последовательно представлены безударные гласные *о*, *е*. В белорусских говорах столь же последовательно выступают гласные *ы*, *і*.

Украинские же диалекты характеризуются тем, что они комбинируют русский и белорусский принципы развития названных прасл. сочетаний. В результате этого рефлексация сочетаний типа *trъt, *tlъt в украинских диалектах исключительно индивидуализирована по отдельным морфемам – нередко в одном регионе фиксируется разное развитие одного и того же сочетания в разных морфемах.

При этом украинские диалекты имеют рефлексы, принципиально отличающиеся от тех, которые известны белорусским и русским говорам. Это – последовательность *ир/ыр* (*кирвáвий*, *кырвáвий*, *кирни́ца*) и возможность ударения на рефлексах *ы*, *и* (*дры́ва*, *бри́ви*, *бли́ха*, *бль́ха*). Такое ударение традиционно принято объяснять аналогией с безударными слогами. Между тем, подравнивание ударного слога под безударный кажется маловероятным (ср. противопо-

ложное объяснение для безударных рефлексов *о*, *е* в русском языке – подравнивание под ударный слог, т. е. *кровáвый*, потому что *кровь*). К тому же рефлексы *и*, *ы* под ударением достаточно компактно локализованы в юго-западном регионе, а для размещения явлений аналогии такая компактность не характерна. Нельзя исключить, что ударные гласные *и*, *ы* в этих говорах являются знаком такой модели развития сочетаний плавных сонантов с редуцированными, согласно которой не только в безударном слоге, но и под ударением развивались гласные *и*, *ы*. Такое развитие подразумевает предшествующий этап в виде слогового сонанта независимо от ударения.

Отсутствие стадии «нового слогового сонанта» в украинских диалектах эксплицировано в виде произношения *йáпко* (*блък* > *блк* > *бк*).

Характерной особенностью украинского ландшафта является нарастание диалектных различий по мере приближения к юго-западному региону.

В целом карта показывает, что украинское развитие прасл. интерконсонантных сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными шло путем, отличающимся от того, который имел место в других восточнославянских языках. Комбинация разных тенденций развития на украинской территории, возможно, отражает некоторое генетическое расхождение между отдельными группами украинских диалектов.

Большее сходство между восточнославянскими диалектами проявляется в рефлексации прасл. инициальных сочетаний *#гъ, *#lъ. Выделение протетического гласного в ходе утраты сонантом слоговости объединяет белорусские, многие украинские и западные русские говоры. С другой стороны, отсутствие гласной протезы в периферийных регионах белорусской и украинской территорий сближает их с центральными русскими диалектами.

ЛИТЕРАТУРА

[Бернштейн 1961] – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

[Дурново 1924] – *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М-Л., 1924.

[Жилко 1955] – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[Иванов 1983] – *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983.

[Крывіцкі, Падлужны 1984] – *Крывіцкі А.А., Падлужны А.І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

[Шахматов 1915] – *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Легенда "Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией прасл. сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными"

Карта, посвященная рефлексации интерконсонантных сочетаний плавных с редуцированными, содержит настолько большую картографическую информацию, что обычным ручным способом ее нельзя совместить на плоскости одной карты. Выделяются три типа изоглосс, которые показаны на отдельных картах.

Первая карта дает общую информацию о различии рефлексации рассматриваемого элемента в трех языках. Здесь же показано наличие/отсутствие протетического гласного в последовательностях *#гъt, *#lъt (в легенде это знаки 1–3, 18–20).

На вторую карту наносятся изоглоссы, связанные с разными видами рефлексации *гъ в основном в украинских диалектах (в легенде это знаки 4–8).

На третью карту помещаются изоглоссы изменения *lъ тоже преимущественно в украинских диалектах (в легенде это знаки 9–17).

Вторая и третья карты даются в виде фрагментов общей бланковки.

Условные обозначения:

I. Обобщенная информация о типах рефлексации *trъt, *tlъt, *trъt, *tlъt в безударных слогах:

1) - ро, ло, ре, ле
2) - ры, лы, ли
3) - ро, ло, ре, ле, ри, ли, ры, лы

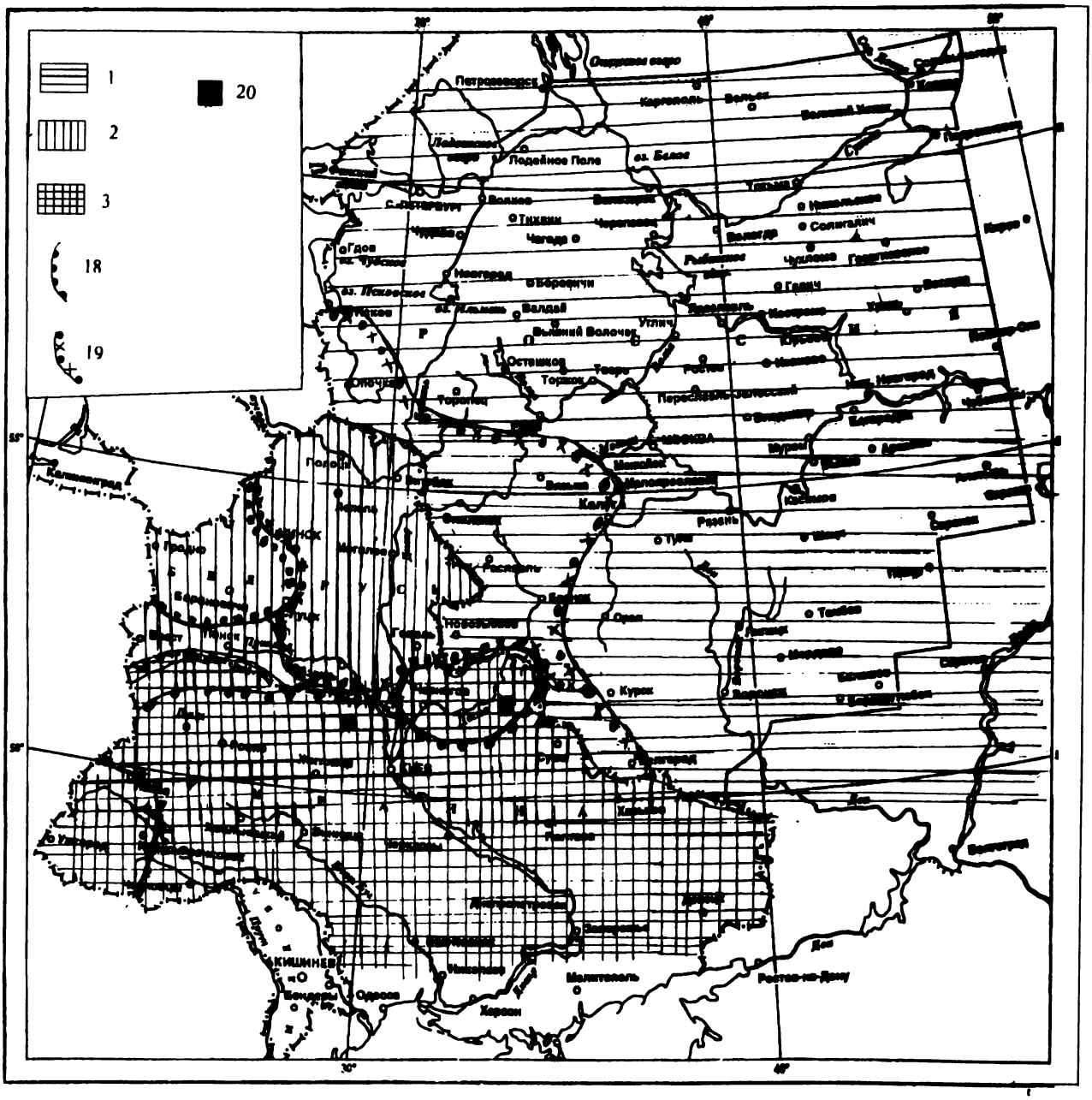
II. Конкретизация рефлексов:

4) - к/ро/ва́вий
5) - к/ир/ни́ц'а
6) - к/ир/ва́вий, к/ыр/ва́вий
7) - дрива́, дрыва́ по данным ОЛА
8) - ударение на *и, ы* (дры́ва, бри́ви, обы́рва)
9) - йа́б/ло/ко, с/ле/за́
10) - йа́б/ло/ко, б/ло/ха́
11) - йа́б/ли/ко
12) - б/ли/ха́
13) - б/ли/ха́, с/ли/за́
14) - йа́б/ли/ко, с/ли/за́, б/ли/ха́
15) - б/ли́/ха, б/лы́/ха
16) - йа́пко
17) - йа́б/лы/к по данным ОЛА

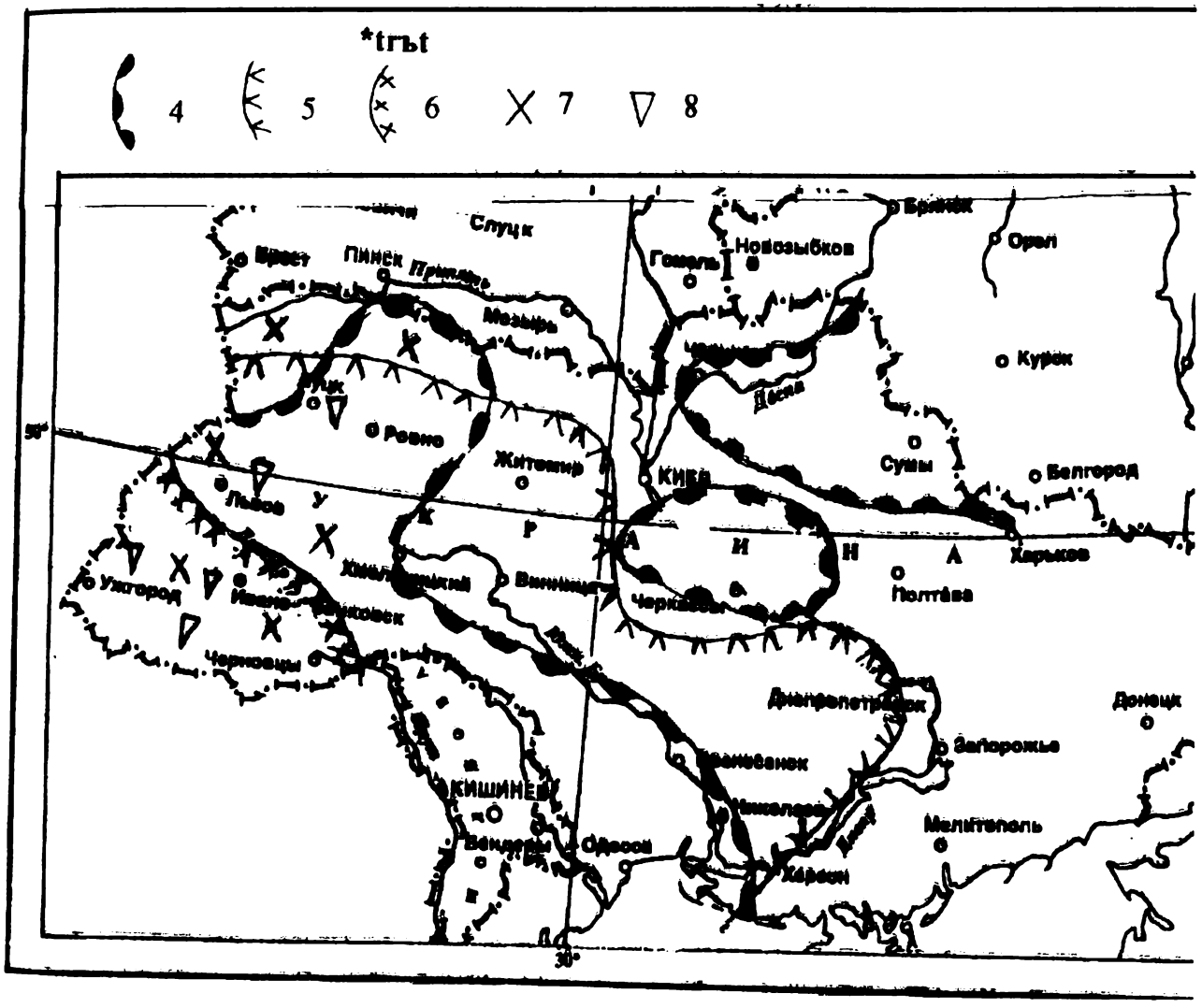
III. Протетические гласные:

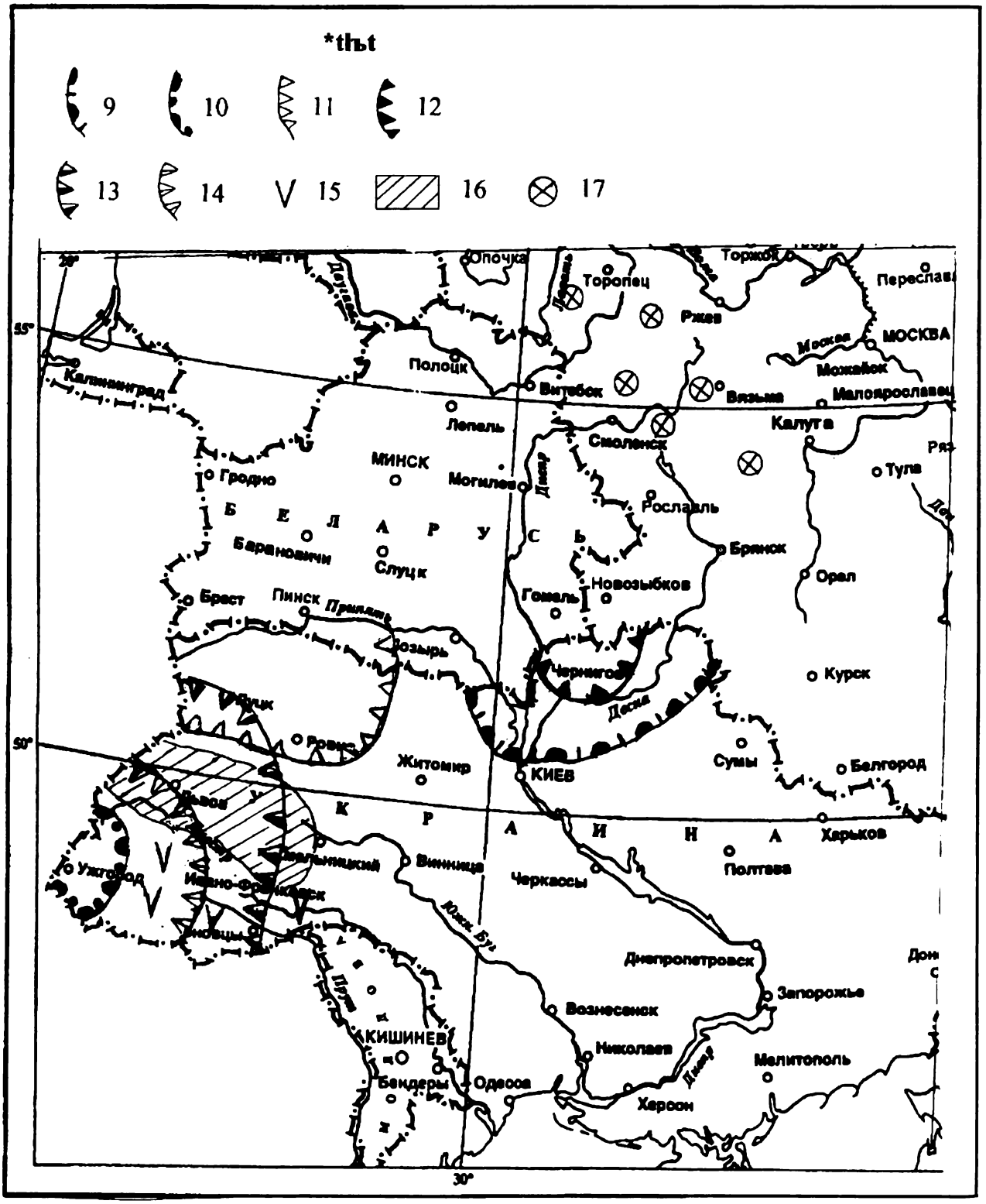
18) есть протетический гласный в *#гъt (иржать)
19) есть протетический гласный в *#гъt, *#lъt (иржать, ильна)
20) -и/іл':у́, іл'йу́

Карта 1.

1
2
3
18
19
20
Петрозаводск
Лодейное Поле
Вологда
Тихвин
Чагода
Гдов
Новгород
Боровичи
Валдай
Вышний Волочек
Торжок
Тверь
Ярославль
Рыбинск
Кострома
Галич
Солигалич
Чухлома
Нижний Новгород
Владимир
Иваново
Шуя
Калуга
Тула
Рязань
Орел
Курск
Воронеж
Липецк
Тамбов
Пенза
Саратов
Волгоград
Ростов-на-Дону
Калининград
Полоцк
Витебск
Могилев
Гомель
Брянск
Смоленск
Минск
Гродно
Брест
Луцк
Ровно
Житомир
Киев
Чернигов
Харьков
Белгород
Луганск
Донецк
Кишинев
Одесса
Николаев
Херсон
Мелитополь
Симферополь
Севастополь
Керчь
Феодосия
Ялта
Евпатория
Джанкой
Ужгород
Львов
Тернополь
Хмельницкий
Винница
Черновцы
Ивано-Франковск
Тирасполь
Бендеры
Оршанское озеро
Лодейное озеро
оз. Белое
оз. Псковское
оз. Ильмень
Онежское озеро
Ладожское озеро
Чудское озеро
Псковское озеро
Белое море
Баренцево море
Карское море
Каспийское море
Азовское море
Черное море
Балтийское море
Финский залив
Рижский залив
Куршский залив
Калининградский залив
Днепровский лиман
Днестровский лиман
Каховское водохранилище
Кременчугское водохранилище
Днепродзержинское водохранилище
Днепровское водохранилище
Киевское водохранилище
Каневское водохранилище
Канев
Кременчуг
Днепродзержинск
Запорожье
Днепропетровск
Новомосковск
Каменское
Днепр
Десна
Сож
Припять
Ока
Дон
Волга
Северная Двина
Онега
Мезень
Печора
Кама
Вятка
Белая
Сура
Мокша
Оскол
Северский Донец
Молочная
Ингулец
Ингул
Буг
Днестр
Прут
Серет
Тиса
Висла
Неман
Преголя
Западная Двина
Великие Луки
Ржев
Вязьма
Можайск
Малоярославец
Обнинск
Наро-Фоминск
Серпухов
Подольск
Москва
Коломна
Зарайск
Шатура
Дмитров
Сергиев Посад
Переславль-Залесский
Ростов
Углич
Рыбинское водохранилище
Горький
Чебоксары
Йошкар-Ола
Киров
Вятские Поляны
Нижнекамск
Набережные Челны
Елабуга
Чистополь
Казань
Ульяновск
Самара
Тольятти
Сызрань
Пенза
Тамбов
Воронеж
Липецк
Курск
Орел
Брянск
Смоленск
Витебск
Могилев
Гомель
Минск
Гродно
Брест
Луцк
Ровно
Житомир
Киев
Чернигов
Харьков
Белгород
Луганск
Донецк
Кишинев
Одесса
Николаев
Херсон
Мелитополь
Симферополь
Севастополь
Керчь
Феодосия
Ялта
Евпатория
Джанкой
Ужгород
Львов
Тернополь
Хмельницкий
Винница
Черновцы
Ивано-Франковск
Тирасполь
Бендеры
Оршанское озеро
Лодейное озеро
оз. Белое
оз. Псковское
оз. Ильмень
Онежское озеро
Ладожское озеро
Чудское озеро
Псковское озеро
Белое море
Баренцево море
Карское море
Каспийское море
Азовское море
Черное море
Балтийское море
Финский залив
Рижский залив
Куршский залив
Калининградский залив
Днепровский лиман
Днестровский лиман
Каховское водохранилище
Кременчугское водохранилище
Днепродзержинское водохранилище
Днепровское водохранилище
Киевское водохранилище
Каневское водохранилище
Канев
Кременчуг
Днепродзержинск
Запорожье
Днепропетровск
Новомосковск
Каменское
Днепр
Десна
Сож
Припять
Ока
Дон
Волга
Северная Двина
Онега
Мезень
Печора
Кама
Вятка
Белая
Сура
Мокша
Оскол
Северский Донец
Молочная
Ингулец
Ингул
Буг
Днестр
Прут
Серет
Тиса
Висла
Неман
Преголя
Западная Двина
Великие Луки
Ржев
Вязьма
Можайск
Малоярославец
Обнинск
Наро-Фоминск
Серпухов
Подольск
Москва
Коломна
Зарайск
Шатура
Дмитров
Сергиев Посад
Переславль-Залесский
Ростов
Углич
Рыбинское водохранилище
Горький
Чебоксары
Йошкар-Ола
Киров
Вятские Поляны
Нижнекамск
Набережные Челны
Елабуга
Чистополь
Казань
Ульяновск
Самара
Тольятти
Сызрань
Пенза
Тамбов
Воронеж
Липецк
Курск
Орел
Брянск
Смоленск
Витебск
Могилев
Гомель
Минск
Гродно
Брест
Луцк
Ровно
Житомир
Киев
Чернигов
Харьков
Белгород
Луганск
Донецк
Кишинев
Одесса
Николаев
Херсон
Мелитополь
Симферополь
Севастополь
Керчь
Феодосия
Ялта
Евпатория
Джанкой
Ужгород
Львов
Тернополь
Хмельницкий
Винница
Черновцы
Ивано-Франковск
Тирасполь
Бендеры

Карта 2.

*trъt
4
5
6
7
8
Брянск
Орел
Курск
Белгород
Харьков
Полтава
Сумы
Новозыбков
Гомель
Слуцк
Брест
Пинск
Мозырь
Ровно
Житомир
Львов
Ужгород
Черновцы
Винница
Черкассы
Днепропетровск
Запорожье
Донецк
Мелитополь
Одесса
Херсон
КИШИНЕВ
Бендеры
К И Е В
30°

*thst
9
10
11
12
13
14
15
16
17
Опочка
Торопец
Ржев
Торжок
Переславл
МОСКВА
Можайск
Малоярославец
Вязьма
Витебск
Полоцк
Калининград
Лепель
Смоленск
Калуга
Тула
Рязан
МИНСК
Гродно
Могилев
Рославль
Брянск
Орел
Барановичи
Слуцк
Новозыбков
Гомель
Брест
Пинск
Припять
Мозырь
Чернигов
Курск
Ровно
Житомир
КИЕВ
Сумы
Белгород
Харьков
Полтава
Винница
Черкассы
Хмельницкий
Ужгород
Ивано-Франковск
Днепропетровск
Запорожье
Вознесенск
КИШИНЕВ
Николаев
Мелитополь
Бендеры
Одесса
Херсон
Десна
Днестр
Южный Буг
Днепр
Дон
50°
55°
30°

Н. Н. Пшеничнова

УТРАТА ИНТЕРВОКАЛЬНОГО [J] И СТЯЖЕНИЕ ГЛАСНЫХ В ФОРМАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Рассматривается судьба древнерусского сочетания [VJV] в падежных формах знаменательных и местоименных прилагательных и порядковых числительных (в атрибутивной функции), на месте которого в современных говорах восточнославянских языков отмечено либо [VJV], либо [VV], либо [V]. К таким формам относятся следующие: И., В. пп. ед. ч. жен. р., И.-В. п. ед. ч. ср. р., И. п. мн. ч. (бел. *стара́*, *ц'о́пла* и т. п., *стару́*, *ц'о́плу* и т. п., *старо́* или *стары́*, *ц'о́плы* или *ц'о́пле* и т. п., *стары́*, *ц'о́плы* и т. п.; рус. *молода́*, *кра́сна* и т. п., *молоду́*, *кра́сну* и т. п., *молодо́*, *кра́сно* и т. п., *молоды́*, *кра́сны* и т. п.; укр. *мала́*, *бага́та* и т. п., *малу́*, *бага́ту* и т. п., *малі́*, *бага́те* и т. п., *малі́*, *бага́ти* и т. п.). [Варианты окончаний, обусловленные фонетической системой говора, не рассматриваются.]

При составлении настоящей карты и комментария к ней были использованы следующие карты атласов:

1) № 112 "Націскны канчатак назоўнага склону адзіночнага ліку прыкметнікаў жаночага роду" [ДАБМ].

2) № 113 "Ненаціскны канчатак назоўнага склону адзіночнага ліку прыкметнікаў жаночага роду" [ДАБМ].

3) № 114 "Націскны канчатак назоўнага склону адзіночнага ліку прыкметнікаў ніякага роду" [ДАБМ].

4) № 115 "Ненаціскны канчатак назоўнага склону адзіночнага ліку прыкметнікаў ніякага роду" [ДАБМ].

5) № 123 "Націскны канчатак вінавальнага склону адзіночнага ліку прыкметнікаў жаночага роду" [ДАБМ].

6) № 124 "Ненаціскны канчатак вінавальнага склону адзіночнага ліку прыкметнікаў жаночага роду" [ДАБМ].

7) № 127 "Націскны канчатак назоўнага склону множнага ліку прыкметнікаў" [ДАБМ].

8) № 128 "Ненаціскны канчатак назоўнага склону множнага ліку прыкметнікаў" [ДАБМ].

9) № 53 "Стяжение гласных в окончании именительного падежа единственного числа прилагательных женского рода" [ДАРЯ II].

10) № 54 "Стяжение гласных в окончании винительного падежа единственного числа прилагательных женского рода" [ДАРЯ II].

11) № 55 "Стяжение гласных в окончании именительного падежа единственного числа прилагательных среднего рода" [ДАРЯ II].

12) № 56 "Стяжение гласных в окончании именительного падежа множественного числа прилагательных" [ДАРЯ II].

13) № 238 "Назівний відмінок аднини прикметнікаў середняга роду" [АУМ 1].

14) № 243 "Назівний відмінок множыни прикметнікаў" [АУМ 1].

15) № 217 "Назівний відмінок аднини прикметнікаў середняга роду" [АУМ 2].

16) № 221 "Назівний відмінок множыни якісных прикметнікаў" [АУМ 2].

Кроме того, были использованы данные опубликованных исследований по белорусской, русской и украинской диалектологии.

На территории говоров восточнославянских языков рассматриваемые односложные окончания прилагательных образуют два больших четко разграниченных ареала: 1) северо-восточный – севернорусские говоры, бóльшая часть среднерусских окающих и некоторые среднерусские акающие; 2) юго-западный – почти все украинские (кроме закарпатских и небольшой части северо-восточных полесских) и примыкающие к ним юго-западные белорусские. На территории, разделяющей эти два ареала, распространены говоры – русские и белорусские, – в которых "стяженные" формы не отмечены или отмечены в единичных примерах в говорах отдельных разрозненных нас. пп. Такие единичные примеры стяжения зафиксированы почти исключительно на русской территории (см. указанные выше карты ДАРЯ).

Между двумя ареалами стяженных форм прилагательных есть как сходство, так и существенные различия.

В РУССКИХ ГОВОРАХ территория распространения стяженных окончаний прилагательных – [V] – в И., В. пп. ед. ч. жен. р., И.-В. п. ед. ч. ср. р., И. п. мн. ч. в целом совпадает. На карте показана зона преимущественного распространения стяженных форм. В пределах этой зоны стяженные формы образуют сложное "кружево" разновеликих, часто небольших, ареалов. (См. указанные карты ДАРЯ, а

также [Орлова 1970, 171-175; Сологуб 1970, 267-269].)

Наличие или отсутствие стяженных окончаний в русских говорах зависит от места ударения в слове: стяженные безударные окончания (*до́бра*, *ти́ха*, *све́жа* и т. п.; *до́бру*, *ти́ху*, *све́жу* и т. п; *до́бро*, *ти́хо*, *све́жо* и т. п.; *до́бры*, *ти́хи*, *све́жи* и т. п.) заметно преобладают, стяженные ударенные окончания (*молода́*, *глуха́*, *больша́* и т. п.; *молоду́*, *глуху́*, *большу́* и т. п.; *молодо́*, *глухо́*, *большо́* и т. п.; *молоды́*, *глухи́*, *больши́* и т. п.) отмечаются существенно реже. Это характерно не только для говоров территории, где расходятся изоглоссы стяженных ударенных и безударных окончаний (см. карту), но и для всей зоны в целом. В русских говорах за пределами показанной на карте зоны в отдельных, нигде не группирующихся говорах, чаще всего в единичных примерах отмечены стяженные окончания прилагательных, причем почти исключительно безударные.

На карте показана зона, в пределах которой отмечены двусложные окончания с утраченным [j] – [VV]. Такое окончание [VV] более всего характерно для И. п. ед. ч. прилагательных жен. р. (*худа́а*, *чужа́а*, *така́а* и т. п.; *бе́лаа*, *хоро́шаа*, *до́лгаа* и т. п.), реже отмечается в И. п. ед. ч. ср. р. (*худо́о* или *худо́е*, *большо́о* или *большо́е*, *плохо́о* или *плохо́е* и т. п.; *бе́лоо* или *бе́лое*, *хоро́шоо* или *хоро́шое*, *до́лгоо* или *до́лгое* и т. п.), очень редко – в В. п. ед. ч. жен. р. (*худу́у*, *большу́у*, *таку́у* и т. п.; *кра́снуу*, *хоро́шуу*, *до́лгуу* и т. п.) и в И. п. мн. ч. (*худы́е*, *чужи́е*, *таки́е* и т. п.; *кра́сные*, *хоро́шие*, *до́лгие* и т. п.).

Стяженные окончания, как и нестяженные без [j], почти всегда сосуществуют с нестяженными с [j] (*-ая*, *-уйу*, *-ойе*, *-ыйе*, *-ийе* или *-ыйи*, *-ийи*), которые свойственны почти всем русским говорам и русскому литературному языку, при этом в некоторых говорах сосуществуют все три варианта окончания одних и тех же падежей – стяженные, нестяженные без [j] и нестяженные с [j]. (Окончание *-ыи* приравнивается к *-ыйи* – см. [Бромлей 1972, 117-118].)

Зоны утраты интервокального [j] и стяжения гласных в формах прилагательных ([V] и [VV]) в русских говорах практически полностью совпадают с соответствующими зонами глаголов (ср. с данной картой карту в [Пшеничнова 1998, 77], а также [ДАРЯ II, карты №№ 53-56 и №№ 87-93]). Так, ареалы форм И. п. ед. ч. прилагательных ж. и ср. р. типа *молода́* и типа *молодо́* совпадают с ареалом форм типа *знаш*, *знат*; ареалы форм типа *кра́сна* и типа *кра́сно* совпадают с ареалом форм глаголов типа *де́лаш*, *делат*. Очень важно отметить, что совпадают также и ареалы нестяженного сочетания [аа] в глаголах и прилагательных (*молода́а* и т. п. и *зна́аш* и т. п., *кра́снаа* и т. п. и *де́лаш* и т. п.), а с этими ареалами совпадает ареал нестяженного сочетания [ое] или [оо] в форме И. п. ед. ч. прилагательных ср. р. (соответственно *молодо́е* или *молодо́о* т. п. и *кра́сное* или *кра́сно* и т. п.), хотя нестяженная форма без [j] прилагательных с ударенным окончанием отмечается несколько реже, чем такие формы глаголов, и несколько реже, чем нестяженная форма без [j] прилагательных с безударным окончанием (*молодо́е* или *молодо́о* и т. п. – реже, чем *мо́ет* или *мо́от* и т. п., и реже, чем *кра́сное* или *кра́сноо* и т. п.).

Второй ареал стяжения в формах прилагательных охватывает бо́льшую часть украинских говоров и часть юго-западных белорусских. Этот ареал, в отличие от ареала русских говоров, не совпадает с территорией распространения стяженных форм глаголов (см. карту в [Пшеничнова 1998]).

В преобладающей части БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ, как и в белорусском литературном языке, употребляются только нестяженные формы прилагательных (*маладо́йа*, *но́вайа* и др.; *маладу́йу*, *но́вуйу*, *но́вайу* и др.; *дурне́йе*, *маладо́йа*, *маладе́йе*, *маладо́йо*, *но́вайа*, *но́вайо* и др.; *мучны́йе*, *чужы́йе*, *густы́йи*, *чужы́йа*, *чужы́йи*, *малады́йа*, *густе́йа*, *круте́йи*, *даўге́йа*, *но́выйи*, *харо́шыйе*, *вядучыйа* и др.). Стяженные формы отмечены лишь в говорах, образующих северо-западную периферию юго-западного ареала стяжения (Брестская, Гродненская и юго-западная часть Гомельской обл.), для которых характерно разного рода сосуществование стяженных и нестяженных окончаний.

Для большей части УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ, как и для украинского литературного языка, характерны стяженные окончания И., В. пп. ед. ч. жен. р., И.-В. п. ед. ч. ср. р., И. п. мн. ч. прилагательных (*молода́*, *до́бра*, *весе́ла*, *наро́дн'а*, *жи́тн'а*, *до́бру*, *си́не*, *мале́*, *малі́*, *л'і́тни*, *до́бр'і* и др. [Дурново 1969, 188; Жилко 1955, 97, 109, 113, 130, 154, 162; Прилипко 1966, 104; АУМ 1 – карты №№ 238, 243; АУМ 2 – карты №№ 217, 221]. Исключение составляют северноукраинские и многие юго-западные говоры – закарпатские (кроме их западной части), надсянские, бойковские и некоторые надднестрянские. Почти во всех перечисленных юго-западных украинских говорах отмечены нестяженные окончания только И. и В пп. ед. ч. прилагательных ср. р., при этом в надднестрянских – значительно реже, чем в закарпатских и северноукраинских, и всегда наряду со стяженными [Жилко 1955, 113-114; Шило 1957, 134; Прилипко 1966, 104; АУМ 2, карта № 217]. В надсянских гово-

рах отмечены в И.-В. п. ед. ч. прилагательных ср. р. и в И. п. мн. ч. ударенные только нестяженные окончания, а безударные – в сосуществовании со стяженными; в закарпатских говорах – нестяженные окончания, ударенные и безударные, только в И.-В. п. ед. ч. прил. ср. р. и только в исключительном употреблении. (На карте все названные говоры условно закрашены так же, как и все другие украинские говоры, для которых характерны стяженные окончания всех рассматриваемых падежей.) Изредка нестяженные формы отмечаются и в юго-восточных украинских говорах, например, на Черкасчине, где они сосуществуют со стяженными [Могила 1958, 39; Прилипко 1966, 104; Прилипко 1983, 69]. Такие говоры в АУМ 1 (карта № 238) не отражены.

Территория распространения всех рассматриваемых стяженных окончаний в украинских говорах, в основной их части, как и в русских говорах, совпадает, образуя общий ареал. Расхождения по наличию или отсутствию стяжения в разных формах прилагательных наблюдаются в упомянутых юго-западных украинских говорах, но, как показывает карта, главным образом – в говорах полосы, пограничной между говорами, в которых отсутствует стяжение (бóльшая часть белорусских) и говорами, для которых характерны только стяженные формы. В основном это говоры, распространенные на северной периферии юго-западного ареала стяжения: северноукраинские – среднеполесские, северная часть восточнополесских и крайний север западнополесских и юго-западные белорусские – говоры Гродненской, Брестской, южных районов Минской и Могилевской областей. В некоторых белорусских говорах стяжение зависит от характера основы. Так, в говорах Минской и Гродненской областей стяжение отмечается преимущественно у прилагательных с основой на *-к* и с ударением на основе [Мурашка 1958, 203; Нарысы 1964, 192].

На карте показано также, что в этой "переходной" полосе стяженные формы сосуществуют с нестяженными. При таком сосуществовании стяженными в этих говорах чаще всего являются безударные окончания, а нестяженными – ударенные. Так, например, в западнополесских говорах отмечено: *рабóйе*, *тупóйе*, *кривóйе*, но *биззýбе*, *крикли́ве*, *гóрде*; *молода́йа*, *крута́йа*, но *чóрна*, *сúза*, *бóса* (с. Піски Кобринского р. Брестской обл.). Шире всего распространены безударные стяженные окончания И. и В пп. ед. ч. прилагательных жен. р. и И.-В п. ед. ч. прилагательных ср. р.: изоглоссы этих окончаний являются самыми северными, изоглоссы стяженных ударенных окончаний тех же падежей проходят значительно южнее. Изоглосса стяженного безударного окончания И. п. мн. ч. также проходит несколько севернее (юг Брестской обл.), чем изоглосса стяженного ударенного окончания. Большой материал, который характеризует данные на карте изоглоссы, приведен в [Мурашка 1958, 202-206, 209-210].

Таким образом, в говорах, например, северной и восточной частей Брестской обл., юга Минской и юго-запада Гомельской областей отмечено: *дóбра хáта*, *нóва*, *п'áта*, *дóўга*, *шырóка дарóга*, *малáда*; *с'úн'а л'éнта*, *л'ётн'а рáн'ица*, *харóшу дз'éўку*, *малáдў*, *ўустў*, *халóдну*, *дарагў*, *с'в'éжу*; *нóв'е с'алó*, *маладó жараб'á*, *нóва в'адрó*, *калýсно пол'е* и др. [Войтович 1954, 164], а в И. п. мн. ч. – нестяженное окончание: *нóвыйе хáты*, *ўустыйе дубы*, *с'úн'ийе л'ны* и др. (д. Велемичи Давид-Городокского р. Брестской обл.) [Войтович 1954, 164].

В закарпатских говорах нестяженная форма характерна только для И.-В. п. ед. ч. прилагательных ср. р. (*дóбройе*, *дóвгойе*, *нímбйе* и др.), в то время как окончания других рассматриваемых падежей в этих говорах являются стяженными. В отдельных говорах долины р. Боржавы зафиксированы также и примеры И.-В. п. ед. ч. прилагательных ср. р. без [j]: *дóброе*, *дóвгое*, *жóвтое* и др. [Вевзенко 1960, 194], которые отмечаются наряду с примерами, в которых [j] сохраняется.

В западных закарпатских говорах отмечено окончание И. ед. ср. р. *-ой/-'ой*, которое исследователи рассматривают как результат редукции конечного [е] окончания *-оје/-'оје*: *багáтой сéло*, *малóй йаг'á*, *дóўгой пóле*, *червóной тел'é*, *солóдкой молокó* и др. По свидетельству И. Панькевича, И. Верхратьского [Панькевич 1938, 250; Верхратський 1900, 73], а также некоторых других исследователей (см. [Прилипко 1983, 711]), это окончание отмечено также в южных закарпатских и в лемковских говорах (на территории Словакии) (в АУМ 1 – карта 217 – в южных закарпатских говорах эти окончания не указаны).

Специального замечания требует стяженное окончание И. п. ед. ч. ср. р. В отличие от русских говоров, для которых в этой форме характерно окончание *-о/-'о* (или варианты, определяемые редукцией заударных гласных, не отличавшиеся от окончаний И. п. ед. ч. жен. р.), в украинских и многих юго-западных белорусских говорах распространено окончание *-е/-'е*: бел. *молодé*, *дурнé*, *пустé*, *сырé*, *чужé*, *сух'é*, *так'é* и т. п., *гóле*, *розýмне*, *смáчне*, *дл'úнне*, *к'ислава́те*, *з'ал'óне*, *с'в'éже*, *снóдн'е*, *с'úн'е* и т. п. (примеры из [Мурашка 1958, 204]); укр. *биззýбе*, *крикли́ве*, *гóрде*, *дóбре* и т. п. (примеры

из [Прилипко 1983, 70]), *багáте*, *дóўге* и т. п., *малé*, *молодé* и т. п.

По мнению Ф. П. Филина, в этом случае "перед стяжением произошло обобщение местоименных окончаний по мягкому склонению (*добрее* вместо *доброе* по образцу *синее*) и только затем *-ее* подверглось гаплологическому стяжению, в результате которого возникла интересующая нас форма *-е*" [Филин 1972, 420]. Эта точка зрения не кажется убедительной, так как сравнительно ограниченная лексически категория прилагательных с мягкой основой едва ли могла оказать такое решающее воздействие на прилагательные с твердой основой, круг которых значительно более обширен.

Гораздо более обоснованной представляется другая точка зрения, согласно которой окончание *-е* в И.-В. п. прилагательных ср. р. развилось из *-ойе* в результате утраты [j] и регрессивной ассимиляции гласных, а затем и стяжения (например, [Мурашка 1958, 204; Бевзенко 1960, 195; Нарысы 1964, 1921]).

В связи со сказанным относительно окончания *-е* важным представляется следующее наблюдение. В юго-западных белорусских говорах отмечается окончание не только *-е*, но также в некоторых говорах и *-о*; *молодó с'в'инчо*, *старо гумно*, *сухó с'ена*, *грязно*, *холóдно*, *жы́рно*, *колхóзно* и др. (примеры из [Мурашка 1958, 204], *нóво*, *улыбóко*, *срéдн'о* и др. [ДАБМ комментарии к картам № 114, 115], при этом ударенное окончание *-о* зафиксировано всего в семи нас. пп. в Несвижском и Стародорожском р-нах Минской обл., в Копаткевичском и Петриковском р-нах Гомельской обл. и в Кареличском р-не Гродненской обл. [ДАБМ карта № 114].

В [Нарысы 1964, 192] развитие этих окончаний рассматривается так: "Канчатак *-о* (пры аканні *-а*) мог узнікнуць з *-ое*; пасля выпадзення інтервакальнаго *j о* прыпадабняла сабе наступны гук, а два аднолькавыя галосныя пасля сцяжэння і давалі гэты канчатак. У тых жа выпадках, калі дзейнічала рэгрэсіўная асіміляція (*о* асімілявалася наступнаму гуку), атрымліваўся канчатак *-э*." Из данного объяснения следует, что даже соседние говоры могут быть охвачены противоположными тенденциями в развитии одной и той же формы – ассимиляцией либо прогрессивной (развитие окончания *-о*), либо регрессивной (развитие окончания *-е*), а это представляется не вполне убедительным. Более вероятным кажется предположение, что стяженное окончание И. п. ед. ч. прилагательных ср. р. в говорах, которые образуют один целостный ареал, появилось в результате общего процесса, а именно как следствие утраты [j] и ассимиляции гласных не прогрессивной, как в говорах другого ареала – в русских говорах, а регрессивной, как в западнославянских языках, к которым данный ареал примыкает. Тот факт, что в одних говорах данного ареала отмечено окончание *-о* (*нóво* и под. и реже *сухó* и под.) или *-а* при аканьи, а в других – *-е* (*нóвэ* и под., *сухэ́* и под.), связано скорей всего с особенностями фонетико-морфологических процессов в данных говорах.

Стяженные окончания как *-е*, так и *-о* в названных говорах чаще всего сосуществуют с нестяженными. Так, в говорах юга Брестской обл. и юго-запада Гомельской окончание *-е* сосуществует с *-ейе* или *-ойе* (*-айе*), и это полностью объясняется характером фонетического процесса, о котором сказано выше. Окончание *-о* и сосуществующие с ним окончания *-айо* (*нóвайо* и под.) и *-óйо* (*маладóйо* и под.) характерны для говоров западной группы юго-западного белорусского диалекта, для которых в безударном конечном открытом слоге характерно [о] на месте этимологического *о* после твердых согласных (*мáсло*, *дéло*, *кóло* и т. п. [ДАБМ карта № 14]) и на месте *е* после мягких (*каменн*['о], *вéцц*['о] и т. п. [ДАБМ карта № 17]). Можно полагать, что в этих говорах, соседних с теми белорусскими, в которых не было утраты [j] и стяжения гласных в рассматриваемых формах, безударное окончание *-ойе* изменилось в *-айо* в соответствии с фонетической системой данных говоров при поддержке аналогии с безударным окончанием И. п. ед. ч. существительных ср. р. (*кóло* и под.). Односложное окончание *-о* (*нóво* и др.) в тех же говорах, т. е. при сосуществовании *-о* и *-айо*, могло появиться по аналогии, с одной стороны, с безударным окончанием И. п. ед. ч. существительных ср. р. (*дéло* и под.) и с безударным односложным окончанием И. и В. пп. ед. ч. прилагательных жен. р. (*нóва* и др., *нóву* и др.), которые характерны для тех же говоров, а с другой стороны, под влиянием соседних говоров, в которых безударное односложное окончание И.-В. п. ед. ч. прилагательных ср. р. – *-э* (*нóвэ* и др.), закономерно возникшее, как в говорах всего юго-западного ареала, в результате утраты [j], регрессивной ассимиляции гласных и стяжения.

В украинских (северных и юго-западных) говорах при сосуществовании стяженного и нестяженного окончаний И. п. ед. ч. прилагательных ср. р. отмечены окончание *-е* и двусложные только с конечным [е] *-ойе*/*-'ойе*, *-ейе*/*-'ейе* или их варианты, обусловленные фонетической системой говоров, для которых характерна нейтрализация фонем /е/~/о/ и /о/~/у/ [Прилипко 1963, 70]. По общему признанию исследователей, окончания *-ейе*/*-'ейе* в этих говорах возникли в результате ассимилятивного процесса [При-

липко 1966, 107]. Разумеется, что здесь могла быть ассимиляция только регрессивная и к тому же дистактная, т. е. осуществившаяся еще до утраты [j].

Рассмотренные факты отражают существенное отличие стяженных форм прилагательных в украинских и юго-западных белорусских говорах от соответствующих форм в русских говорах и различия в самом процессе, приведшем к образованию этих форм в говорах восточнославянских языков двух ареалов. Можно полагать, что здесь проявилось разное по говорам восточнославянских языков качество согласного [j] – его более вокальный характер в украинских и примыкающих к ним белорусских говорах, а также в севернорусских и менее вокальный – в остальных русских. Так, П. С. Кузнецов предполагал, что утрата интервокального [j] в севернорусских говорах (он имел в виду формы глаголов) связана с его послеударным положением и, возможно, "с меньшей напряженностью звонких согласных, к которым принадлежит *j*" [Кузнецов 1963, 155]. С. В. Бромлей на большом материале показала, что в русских периферийных, в том числе севернорусских, говорах [j] обладает большей вокальностью, чем в центральных русских говорах, и что "высокая степень вокализованности этой фонемы, реализующейся по преимуществу неслоговым гласным [й] со слабо выраженной артикуляцией трения (и несколько пониженного образования, приближающегося к [е]), приводит в этих говорах к его утрате в части интервокальных позиций" [Бромлей 1985, 17-19]. С. В. Бромлей, как и П. С. Кузнецов, имела в виду глагольные формы, так как рассматриваемые формы прилагательных она трактует не как результат фонетического процесса (см. об этом ниже). Вместе с тем территория распространения стяженных форм прилагательных и их фонетическая трактовка исследователями хорошо согласуется с высказыванием С. В. Бромлей о том, "что все явления исторической фонетики, которые свидетельствуют о повышенных свойствах вокальности языковых систем, основной областью своего распространения имеют юго-запад древнерусской территории, где происходило формирование черт, на основе которых выделились украинский и белорусский языки. Русским говорам свойственна только часть этих явлений..." [Бромлей 1985, 155]. Следует напомнить, что в основе этого важного вывода лежит идея Горшковой – Бромлей о противопоставленности русских говоров центра и периферии по степени их вокальности – консонантности [Горшкова 1972, 74, 133; Бромлей 1972, 8-31; Бромлей 1985, 17-19]. Возможно, что именно бóльшая вокальность [j] в украинских говорах явилась условием для дистактной ассимиляции.

Четкая разграниченность двух ареалов дает основания предполагать, что в русских говорах, с одной стороны, и в украинских и юго-западных белорусских, с другой, стяженные формы прилагательных появились независимо друг от друга и что "тенденция выпадения <j>, не чуждая различным славянским языкам на протяжении их истории, усиливалась и становилась более интенсивной в пределах восточнославянских языковых групп уже после того, как наметилось обособление будущих русского, украинского и белорусского языков, т. е. примерно со второй половины XIV в., а может быть, и начала XV в." [Орлова 1970, 175].

К относительно позднему времени появление в восточнославянских языках рассматриваемых окончаний прилагательных относят также и другие исследователи. Так, в [Історична граматика 1957, 272-279; Бевзенко 1960, 193] отмечается, что стяженные формы прилагательных в украинских грамотах до XIV в. встречаются очень редко, преобладать они стали лишь с к. XVI – н. XVII в. Полное размежевание функций именных и членных прилагательных завершилось лишь в 1-ой половине XIX в., и только в XIX в. стяженные формы стали считаться нормативными. В [Прилипко 1966, 103-104] приводятся (из разных исследований) показания письменных памятников, свидетельствующие о том, что в украинских памятниках XVI–XVII вв. стяженные формы прилагательных были еще очень редкими.

Рассматриваемые односложные окончания прилагательных исследователи трактуют обычно как результат фонетического процесса, в разное время охватившего все славянские языки, – утраты интервокального [j], последующей ассимиляции гласных и их стяжения (см., например, [Селищев 1941; Бернштейн 1968]). Известно, что этот процесс и в восточнославянских говорах протекал не в одно и то же время и имел по говорам свои специфические особенности.

Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в русских говорах (в частности и в прилагательных) на большом материале специально исследуются в [Коготкова 1953; Коготкова 1961; Орлова 1970; Бромлей 1972].

Т. С. Коготкова, а позднее и В. Г. Орлова считают рассматриваемые односложные окончания прилагательных результатом фонетического процесса утраты [j] и изменения в сочетаниях гласных. По мнению В. Г. Орловой, очагом этого явления, откуда оно позднее распространилось в других говорах, "была примерно та часть территории сложившегося к концу XIV в. Великого княжества Московского, на которой расположены такие современные области, как Мос-

ковская, Владимирская, Ивановская, Горьковская, т. е. современная Владимирско-Поволжская группа среднерусских говоров. В известной степени данное явление было, видимо, свойственно в период его возникновения говорам примыкающих частей территории соседних областей, таких, как Калининская и Ярославская" [Орлова 1970, 175].

В. Г. Орлова считает, что наиболее ранней была утрата [j] "в категории прилагательных женского рода с безударными сочетаниями, в формах которых [j] находился в положении между однородными по артикуляции гласными, что, очевидно, и способствовало его выпадению" [Орлова 1970, 176]. Так представляют себе механизм данного процесса и другие исследователи (см. в частности [Нарысы 1964, 191; Прилипко 1966, 108; Німчук 1994, 41]).

О том, что стяженная форма – результат фонетического процесса, свидетельствуют, как считают многие исследователи, так называемые "промежуточные" формы – варианты нестяженных окончаний с утраченным [j], которые встречаются не только в русских говорах, о чем было сказано выше, но также, хотя и очень редко, в белорусских и в украинских: укр. *бога́тое*, *мало́е*, *до́бре*, *ста́рое*, *воло́вое*, *бере́зовое*, *бу́ковое* и др. (Закарпатская обл.) – примеры из [Прилипко 1983, 71]; бел. *залата́а ка́ра*, *кра́снаа*, *прыго́жаа*, *до́бра́а жы́та*, *дурно́а дз'иц'а*, *высо́кую со́сну*, *гора́чую во́ду* [Нарысы 1964, 191]; *залата́а*, *харо́шаа*, *прыго́жаа*, *н'ишчасли́ваа*, *ску́чнаа*, *н'ев'ес'о́лаа* (Калинковичский р-н Гомельской обл.), *кра́снаа* (Житковичский р-н Гомельской обл.), *до́бра́а*, *бу́рноа дз'иц'а́* (Хойникский р-н Гомельской обл.) – примеры из [Мурашка 1958, 203]. Подобные примеры единичными "точками" отмечены также в других р-нах на территории говоров, которым свойственно стяжение: в Копыльском, Слуцком, Березинском р-нах Минской обл., в Жлобинском, Ветковском, Мозырском, Брагинском, Комаринском, Буда-Кошелевском р-нах Гомельской обл., в Кировском, Краснопольском, Бобруйском р-нах Могилевской обл., в Лунинецком р-не Брестской обл.

О фонетическом пути развития рассматриваемых форм в украинских говорах свидетельствуют и такие факты, как наличие в письменных памятниках XV–XVII вв. параллельных форм нестяженных и стяженных; распространение в памятниках XVI–XVII вв. формы И.-В. п. мн. ч. на *-ыи* (*-ии*); наличие параллельных стяженных и нестяженных форм в украинском фольклоре [Історична граматика 1957, 272-275].

Иная точка зрения представлена в [Бромлей 1972]. Детально проанализировав материал русских говоров, С. В. Бромлей приходит к выводу, что стяжение форм прилагательных в русских говорах может иметь морфологическое объяснение, и, следовательно, оно лишь внешне сходно со стяжением в глаголах. С. В. Бромлей рассматривает стяженные формы прилагательных "как остаточное явление той стадии развития системы, когда в ней различались в атрибутивной функции членные и нечленные формы (...). Выступая обычно наряду с формами типа *си́льная*, *чужа́я*, они являются их факультативными вариантами, не имевшими по сравнению с последними иной грамматической нагрузки", т. е. возникновение дублетности типа *си́льна – си́льная*, *чужа́ – чужа́я* можно объяснить "в связи с утратой нечленных форм как особого грамматического класса аттрибутивов" [Бромлей 1972, 120]. С. В Бромлей предполагает, что нечленные прилагательные, потеряв свое отличие в значении от членных, сохранились у части качественных прилагательных в тех падежах, где они отличались от членных только по признаку "стянутости – нестянутости". Первоначально это могли быть лишь такие прилагательные, "членные и нечленные парадигмы которых совпадали по признаку ударения". Такие условия были только у прилагательных с постоянным ударением на основе, и именно в них, возможно, и возникала такая дублетность, которая позднее распространялась на другие прилагательные, причем в них обобщалось ударение, ранее свойственное членным формам. Образование таких пар прилагательных, которые различаются только признаком "стянутости – нестянутости", по мнению С. В. Бромлей, возможно было лишь в системах, в которых такие пары уже существовали, а именно в севернорусских говорах, которым свойственны пары глаголов, различающиеся признаком "стянутости – нестянутости", возникшие фонетически. [Бромлей 1975, 116-123]. Точка зрения С. В. Бромлей очень убедительна и согласуется с особенностями "стяжения" в прилагательных в русских говорах: независимость от фонетической позиции [j], т. е. от качества гласных окончания, бо́льшая распространенность стяженных безударных окончаний, значительно меньшая, чем в глаголах, употребительность нестяженных окончаний без [j] – "промежуточных этапов стяжения" [там же, 122]. По мнению С. В. Бромлей, "стяжение" в прилагательных – явление сравнительно новое как по отношению к стяжению в глаголах, так и по отношению к процессу утраты нечленных форм в атрибутивном употреблении, который "по говорам длился, по-видимому, вплоть до XVIII в. включительно, а в отдельных говорах нечленные формы зафиксированы и в наше время" [там же, с. 123].

Доводы С. В. Бромлей вполне обоснованны. Вместе с тем представляются существенными и аргументы в пользу гипотезы о фонетическом происхождении рассматриваемых форм в русских говорах.

Так, приведенные факты, отражающие зависимость рефлексов старых сочетаний [VJV] от ударения и независимость от грамматического фактора могут свидетельствовать в пользу гипотезы о фонетическом происхождении рассматриваемых форм прилагательных, по крайней мере в севернорусских говорах, где отмечены сочетания гласных без [j] и в глаголах, и в прилагательных.

Статистический анализ материала, относящегося к глаголам, выявил общность тенденции развития стяжения в глаголах и прилагательных в русских говорах – зависимость интенсивности процесса стяжения от ударенности или безударности сочетания гласных [Пшеничнова 1983; Пшеничнова 1998, 69-70]. Выявленная тенденции при наличии сходства ареалов стяжения в глаголах и прилагательных позволяет считать, что стяжение гласных в результате утраты интервокального [j] в глаголах и прилагательных в севернорусских говорах является по происхождению общим и что в севернорусских говорах оно проходило как процесс фонетический, хотя в отдельных случаях возможно и сохранение старых именных форм. Так, по мнению А. М. Селищева, рассматриваемые формы в русских говорах неодинаковы по происхождению: они могут быть и результатом фонетического процесса утраты [j], ассимиляции и стяжения гласных, и сохранившимися старыми именными формами [Селищев 1968, 237, 274, 311]. С. П. Бевзенко, приводя из украинских памятников XIV–XV вв. примеры на прилагательные ср. р. с односложным окончанием в И. п. ед. ч. *-е* (*черепыне*, *памѧтне* и др), замечает, что в тех же памятниках есть и примеры на односложное окончание И. п. ед. ч. прилагательных жен. р., но эти примеры не показательны, "бо можуть сприйматися і як нечленни, короткі форми, в той час як наведені форми середнього роду справді є членні стягнені, бо нечленні форми твердої группи повинні були закінчуватися на *-о*" [Бевзенко 1960, 193-194]. Окончание же *-е*, по мнению С. П. Бевзенко, – результат фонетического процесса: *черепыно+е* > *черепынее* > *черепыне* и под. [там же].

В пользу гипотезы о фонетическом происхождении стяжения в формах прилагательных в русских говорах свидетельствует также следующее наблюдение А. М. Селищева об употреблении постпозитивной частицы *-от*: "В городецких говорах, как и в других севернорусских местностях, гласный частицы ассимилируется гласному в конечном слоге существительного – именно в формах именительного и родительного, дательного падежей единственного числа мужского и среднего родов и в некоторых других сочетаниях. (...) В именах прилагательных и местоимениях *-от* присоединяется к форме без *j*: *но́вот*, *ди́кот*, *ма́лен'кот*, *и́хот* ('ихой' – их). Так же и в именах городов, представлявших форму прилагательного: *Н'и́жнот*, *Го́р'кот*. Некоторые говорили *Н'и́жноj*, но с частицею *ту*: *пое́хали в Ни́жноj-ту*" [Селищев 1968, 463].

Различного рода расхождения между результатами стяжения гласных в глаголах и прилагательных могут свидетельствовать о том, что фонетический по происхождению процесс стяжения был все-таки с самого начала морфологизованным. Так, в прилагательных, возможно, он поддерживался тем, что могли сохраняться и старые именные формы [Селищев 1968, 237; Бромлей 1972, 119-123]. Кроме того, названные расхождения могут объясняться и воздействием на прилагательные местоименного склонения. Не только в восточнославянских, но и в других славянских языках местоименное склонение всегда играло большую роль в развитии склонения прилагательных, многие изменения которых идут параллельно с изменениями в местоимениях (см., например, [Історична граматика 1957, 277-278]). В частности, следует обратить внимание на тот факт, что стяженные формы во многих говорах (в пределах ареалов, представленных на карте) отмечаются лишь в местоименных прилагательных *кака́я*, *така́я*, *како́е*, *тако́е*, *каки́е*, *таки́е*, хотя здесь окончание прилагательных и является ударенным. "Возможно, что это связано с частой употребительностью данных слов в речи вообще и со слабой смысловой нагрузкой их" [Коготкова 1953, 12], и вместе с тем это также может свидетельствовать о существенности роли местоименного склонения в развитии стяженных форм у прилагательных. Что касается именных форм прилагательных в белорусских и украинских говорах, то здесь можно отметить следующее. В белорусских говорах именные формы сохранились только у прилагательных мужского рода и в говорах, которым не свойственно стяжение, а именно в северо-восточных белорусских [Нарысы 1964, 187-191]. В украинских говорах именные формы сохранились незначительно, главным образом в функции предиката [Прилипко 1965, 50].

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы.

1. В говорах восточнославянских языков формы прилагательных, чаще всего называемые стяженными, образуют два четко разграниченных ареала.

2. Процесс образования всех рассмотренных стяженных окончаний в прилагательных был общим и по своему характеру сходным в говорах обоих ареалов.

3. В говорах двух территориально разграниченных ареалов процесс протекал независимо друг от друга и в каждом из них имел свои особенности.

4. Происхождение рассматриваемых односложных окончаний в большей части говоров скорей всего объясняется фонетически, хотя в отдельных случаях, эти окончания могут представлять собой и старые именные формы.

5. Главное различие в характере фонетического процесса, послужившего причиной образования рассматриваемых форм в говорах двух ареалов, заключается в характере ассимиляции гласных после утраты интервокального [j]: в русских говорах ассимиляция прогрессивная, в украинских и примыкающих к ним юго-западных белорусских – регрессивная.

6. Рассмотренное явление хорошо согласуется с идеей о противопоставленности русских периферийных говоров и примыкающих к ним украинских и белорусских как говоров более вокальных русским центральным говорам как говорам более консонантным.

ЛИТЕРАТУРА

[Бевзенко 1960] – *Бевзенко С. П.* Історична морфологія української мовы. Ужгород, 1960.

[Бернштейн 1968] – *Бернштейн С. Б.* Контрактация и структура слога в славянских языках. // Славянское языкознание. Докл. сов. делегации. М., 1968.

[Бромлей 1972] – *Бромлей С. В.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия. // Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и иссл. 1970. М., 1972.

[Бромлей 1985] – *Бромлей С. В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров. // Диалектография русского языка. М., 1985.

[Булахаў 1971] – *Булахаў М. Г.* История адъективного формообразования и формоупотребления в белорусском языке. АДД. Минск, 1965.

[Войтович 1954] – *Вайтовіч Н. Т.* Да пытання аб дыялектнай аснове беларускай мовы. // Працы института мовазнаўства АН БССР, Вып. II. Мінск, 1954.

[Верхратський 1900] – *Верхратський І.* Про говор долівський. ЗНТШ, т. XXXV–XXXVI. Львів, 1900.

[Горшкова 1972] – *Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

[Дурново 1969] – *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

[Еськова 1957] – *Еськова Н. А.* Фонема <j> в современном русском языке. // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. XLII, вып. 4, 1957.

[Жилко 1955] – *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[Історія 1978] – Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978.

[Історична граматика 1957] – *Безпалько О. П., Бойчук М. К., Жовтобрюх М. А., Самійленко С. П., Тараненко І. Й.* Історична граматика української мови. Київ, 1957.

[Коготкова 1953] – *Коготкова Т. С.* Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. АКД. Л., 1953.

[Коготкова 1961] – *Коготкова Т. С.* Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям. // Мат-лы и иссл. по русской диалектологии. Вып. II, М., 1961.

[Кузнецов 1963] – *Борковский В И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

[Могила 1958] – *Могила А. П.* До характеристики середньочеркаських говірок. Київ, 1958.

[Мурашка 1958] – *Мурашка А. Р.* Склонавыя формы якасных і адносных прыметнікаў у беларускіх гаворках. // Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР. Вып. 5. Мінск, 1958.

[Нарысы 1964] – Нарысы па беларускай дыялектalогіі. Мінск, 1964.

[Німчук 1994] – *Німчук В.* Проблема українського діалектогенезу. // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.

[Орлова 1970] – *Орлова В. Г.* Выпадение интервокального /j/ и последующие изменения в сочетаниях гласных звуков // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

[Панькевич 1938] – *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Ч. І. Прага, 1938.

[Прилипко 1965] – *Прилипко Н. П.* Нечленні (якісні) прикметники в діалектах української мови. // Територіальни діалекти і власні назви. Київ, 1965.

[Прилипко 1966] – *Прилипко Н. П.* Форми називного відмінка однини прикметників середнього й

жіночого роду в говорах української мови. // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.

[Прилипко 1983] – *Прилипко Н. П.* Форми словозміни і ступені порівняння прикметників // Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. Київ, 1983.

[Пшеничнова 1983] – *Пшеничнова Н. Н.* Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах (о комплексном подходе к исследованию языковых явлений). // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.

[Пшеничнова 1988] – *Пшеничнова Н. Н.* Утрата [j] и стяжение гласных в глагольных формах. // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.

[Семенова 1989] – *Семенова О. Р.* Особенности утраты интервокального *j* в русских говорах разного типа. АКД. Саратов, 1989.

[Селищев 1941] – *Селищев А. М.* Славянское языкознание. Т. I. Западнославянские языки. М., 1941.

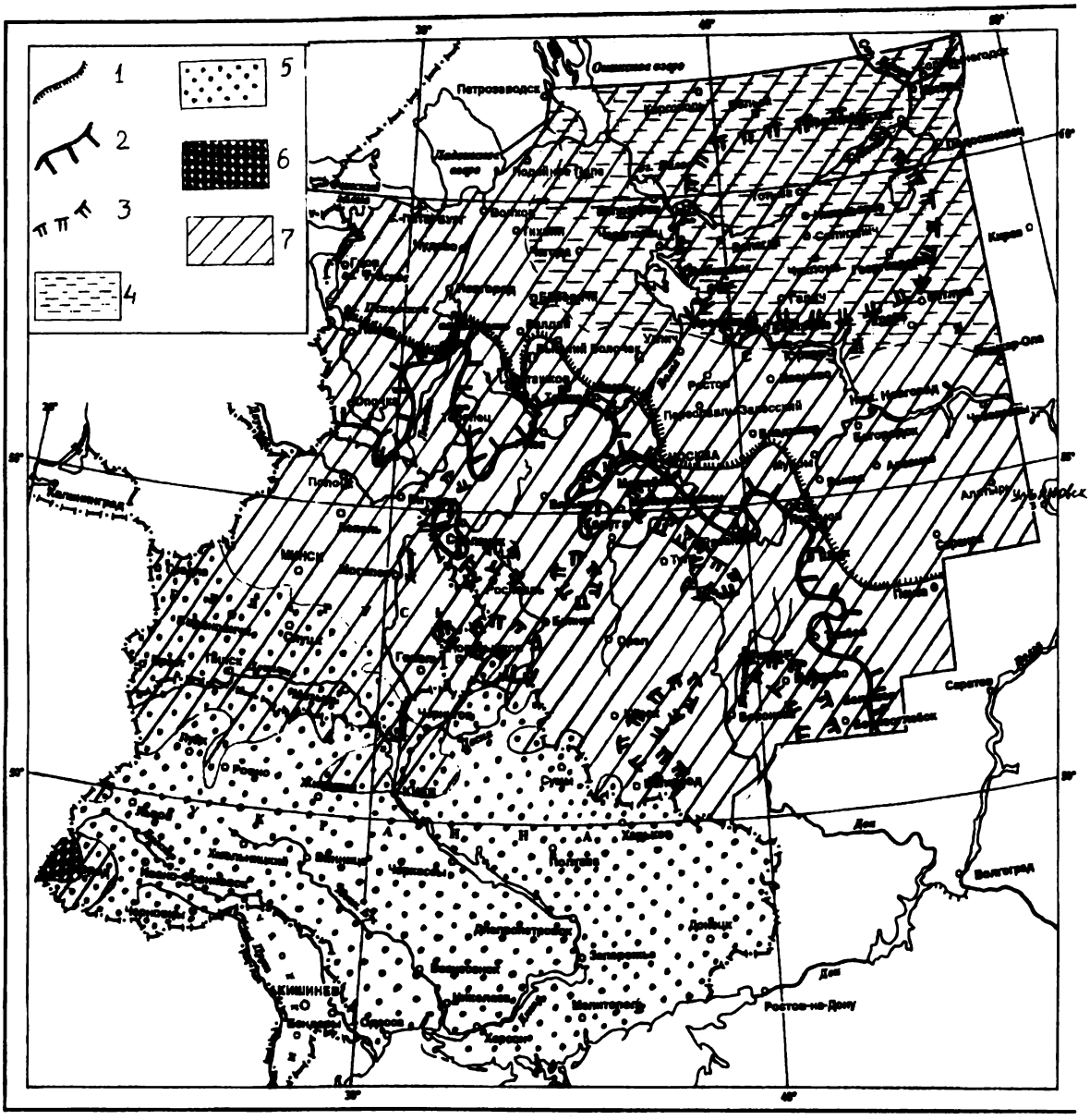
[Селищев 1968] – *Селищев А. М.* Русская диалектология. // Избранные труды. М., 1968.

[Сологуб 1970] – *Сологуб А. И.* Основные группы говоров северного наречия. Гл. 2. Вологодская группа говоров. // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

[Филин 1972] – *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Ленинград, 1972.

[Шило 1957] – *Шило Г. Ф.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

Карта № 1. Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных

Условные обозначения:

1. Граница преимущественного распространения стяженных ударенных окончаний: И. п. ед. ч. ж. р. -/*á*/ (рус. *молода́* и т. п.), В. п. ед. ч. ж. р. -/*ý*/ (рус. *молоду́* и т. п.), И.-В. п. ед. ч. ср. р. -/*ó*/ (рус. *молодо́* и т. п.), И. п. мн. ч. -/*и́*/ (рус. *молоды́*, *глухи́* и т. п.).

2. Граница преимущественного распространения стяженных безударных окончаний: И. п. ед. ч. ж. р. -/*а*/ (рус. *но́ва* и т. п.), В. п. ед. ч. ж. р. -/*у*/ (рус. *но́ву* и т. п.), И. п. ед. ч. ср. р. -/*о*/ (рус. *но́во* и т. п.), И. п. мн. ч. -/*и*/ (рус. *но́вы*, *си́ни* и т. п.).

3. Граница разреженного распространения стяженных окончаний.

4. Нестяженные окончания без [j] (зона преимущественного распространения): -[аа], -[уу], -[оо], -[ое], -[оа], -[ые], -[ие] и др. (рус. *молод*[а́а] и т.п., *но́в*[аа] и т.п., *молод*[у́у] и т.п., *но́в*[уу] и т.п., *молод*[о́е], *молод*[о́о] или *молод*[о́а] и т.п., *краси́н*[ое], *краси́н*[оо] или *краси́н*[оа] и т.п., *молод*[ы́е], *глу*[х'и́е] и т.п., *но́в*[ые], *си́*[н'ие] и т.п.).

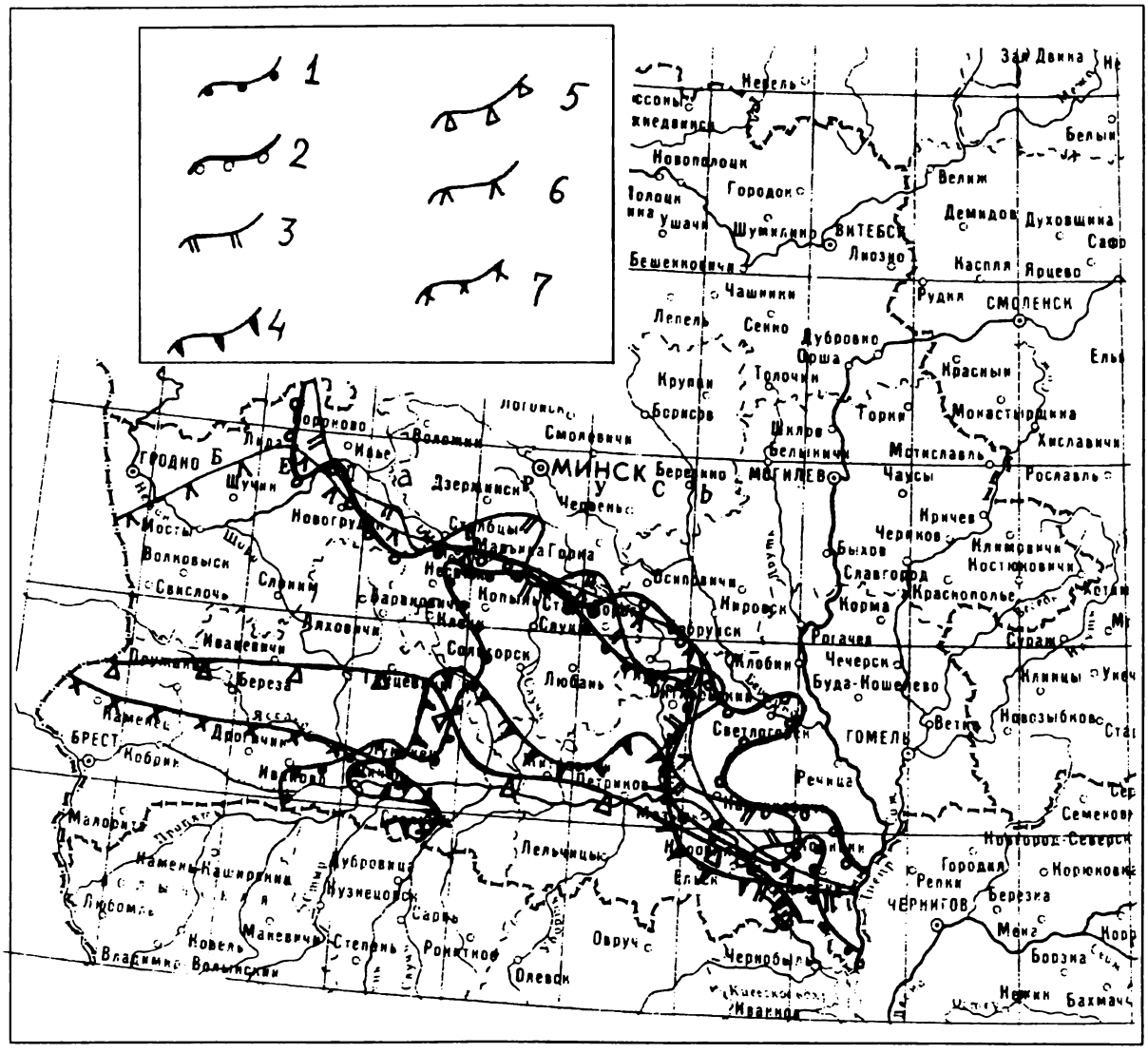
5. Стяженные ударенные и безударные окончания И. п. ед. ч. ж. р. -/*а*/ (укр. *стара́* и т.п., [с'и́за] и т.п., бел. *мала́* и т.п., *но́ва* и т.п.), В. п. ед. ч. ж. р. -/*у*/ (укр. *стару́* и т.п., *до́бру* и т.п., бел. *малу́* и т.п., *но́ву* и т. п.), И.-В. п. ед. ч. ср. р. -/*е*/, -/*о*/, -/*а*/ (укр. *криве́* и т.п., *до́бре* и т.п., бел. *мало́*, *мале́* и т. п., *но́ва*, *но́ве* и т.п.), И. п. мн. ч. -/*и*/ (укр. *мулуди́*, *чу*[ж'і] и т.п., *до́бри* и т.п.).

6. Ударенное и безударное окончание И. п. ед. ч. ср. р. -[ой] (укр. *мал*[о́й] и т. п., *но́в*[ой] и т. п.).

Дополнительное обозначение:

7. Нестяженные ударенные и безударные окончания с [j] И., В. пп. ед. ч. ж. р., И.-В. п. ед. ч. ср. р., И. п. мн. ч.: -[*айа*], -[*уйу*], -[*ойе*], -[*ойо*], -[*ейе*], -[*ыйе*], -[*ыйа*] и др.

Карта № 2. Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных в белорусских говорах

Условные обозначения:

1. Северная граница ареала стяженных ударенных окончаний И. и В. пп. ед. ч. ж. р. *-/á/* и *-/ý/* (*мала́* и *малу́* и т.п.).

2. Северная граница ареала стяженного безударного окончания И. п. ед. ч. ж. р. *-/а/* (*но́ва* и т.п.).

3. Северная граница ареала стяженного безударного окончания В. п. ед. ч. *-/у/* (*но́ву* и т.п.).

4. Северная граница стяженного ударенного окончания И.-В. п. ед. ч. ср. р. *-/é/* (*малé* и т.п.).

5. Северная граница стяженного безударного окончания И.-В. п. ед. ч. ср. р. *-/е/* (*но́в*[е] и т.п.).

6. Северная граница стяженного безударного окончания И.-В. п. ед. ч. ср. р. -[е], -[о], -[а] или др. (*но́в*[е] и т. п., *но́в*[о] и т.п., *но́в*[а] и т.п. или др.).

7. Северная граница стяженного безударного окончания И. п. мн. ч. *-/и/* (*но́вы* и т.п.).

Л. Е. Лопатина, А. В. Тер-Аванесова

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЙ СОГЛАСНЫЙ

На данной карте показано два рода морфонологических явлений, связанных со склонением существительных, основы которых оканчиваются на заднеязычный согласный: наличие-отсутствие чередования заднеязычных со свистящими перед окончаниями, восходящими к **ě* и **i* дифтонгического происхождения, и принадлежность основ на заднеязычный к твердому либо к мягкому типу склонения.

Диалектные различия, связанные с преобразованием исхода основы, противопоставляют украинско-белорусскую территорию (наличие переходного смягчения заднеязычных в большинстве говоров) русской (отсутствие в большей части говоров переходного смягчения). Принадлежность основ на заднеязычный согласный к мягкому типу склонения свойственна только существитльным *а*-склонения в части западнорусских говоров, тогда как в остальных восточнославянских диалектах основы на заднеязычный трактуются как морфонологически твердые (возможность трактовки заднеязычных как морфонологически мягких в отдельных украинских говорах обсуждается ниже в комментарии). Поскольку вопрос о морфонологической мягкости основ на заднеязычный в западнорусских говорах практически не освещен в литературе, ниже он подробно комментируется, а основной ареал этого явления (западнорусские говоры кривичского происхождения) показан на карте 2.

I. Чередование заднеязычных согласных со свистящими на стыке основы и окончания*

Переход заднеязычных согласных в свистящие перед **ě* и **i* дифтонгического происхождения (так называемая вторая палатализация заднеязычных) представляет собой одно из древнейших фонетических явлений праславянского языка, охватившее бóльшую часть славянской языковой территории. Неосуществление второй палатализации заднеязычных согласных было свойственно изначально лишь кривичским по происхождению говорам и древненовгородскому диалекту, вобравшему в себя ряд севернокривичских особенностей [Зализняк 1995], [Николаев 1987], [Николаев 1988]. В отдельных позициях вторая палатализация не осуществилась также в западнославянских языках.

В ходе исторического развития вторая палатализация утратила фонетический статус, а чередование заднеязычных согласных со свистящими в словоизменении, сохранившееся в большинстве славянских языков, приобрело характер морфонологического явления, сопровождающего образование определенных форм парадигмы. В системе склонения существительных таковыми формами являются Д. и М. ед. числа *а*-склонения, счетная форма, восходящая к nom.-acc. du. *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода, М. ед. и М. мн. числа *о*-склонения, И. мн. числа *о*-склонения мужского рода. Полная или частичная утрата чередования заднеязычных согласных со свистящими на восточнославянской территории связана либо с выравниванием основы внутри парадигмы (как в большей части русских говоров, некоторых белорусских и украинских), либо с утратой в той или иной форме исконного окончания, обусловливавшего вторую палатализацию (как это имеет место в случае со счетной формой *а*-основ и *о*-основ среднего рода, а особенно – в случае с И. и М. мн. *о*-склонения). Так, украинскому и белорусскому литературным языкам данное чередование свойственно только в формах ед. числа *а*- и *о*-склонения, ср. бел. *рука́ - руцэ́*, *дарóга - дарóзе*, *страха́ - страсе́*, *луг - на лу́зе*, *верх - на ве́рсе*, *малако́ - у малацэ́*; укр. *ри́чка - ри́ці*, *кни́га - кни́зі*, *му́ха - му́сі*, *язи́к - на язи́ці*, *бе́рег - на бе́резі*, *горóх - у горóсі* (см. об этом [Кривицкий и др. 1973, 76, 78], [Курс 1961, 139, 140, 230, 236]).

В украинских и белорусских говорах переход заднеязычных в свистящие сохраняется достаточно последовательно в формах Д.-М. ед. числа существительных *а*-склонения и в форме М. ед. числа *о*-склонения (в АУМ данное явление по этой причине не картографируется). Напротив, в русских говорах данный переход весьма редок и встречается лишь в узкой полосе говоров на границе с Белоруссией (по этой причине данное явление не картографируется в ДАРЯ).

В отдельных ареалах украинской и белорусской языковых территорий переходное смягчение заднеязычных в исходе основы перед гласными, восходя-

* Раздел написан Л. Е.Лопатиной и А. В. Тер-Аванесовой

щими к *ě и *i, отсутствует или имеет непоследовательный характер. Так, в Д.-М. ед. числа существительных *a*-склонения заднеязычные в конце основы сохраняются в белорусских говорах на север от Западной Двины, в отдельных говорах в бассейне Днепра. Сосуществование свистящих и задненебных в исходе основ на *к*, *г*, *х* отмечается в указанных формах по всему белорусскому Полесью, например, *об сох'и́* (Каменецкий р-н), *к дуу́ы́*, *на рек'и́* (Високовский р-н), *об сох'и́* (Ивановский р-н), *к дуу́ы́*, *ноу́ы́*, *об сохе́*, *на реку́ы́* (Столинский р-н). При этом, по свидетельству [Нарысы 1964, 162], чаще сохраняются конечные *г* и *х*, реже – *к*. Исконный характер неперехода заднеязычных в свистящие на стыке основы и окончания несомненен для говоров кривичского происхождения, расположенных в восточной части Витебской области и прилегающих к Смоленской области районах. Можно предполагать также достаточно раннее выравнивание исхода основ на задненебные согласные в полесских говорах.

Наличие-отсутствие переходного смягчения заднеязычных на стыке основы и окончания в М. ед. числа *о*-склонения на территории Белоруссии показывает примерно ту же картину, что и для Д.-М. ед. числа существительных *а*-склонения. Четкость этой картины, однако, в значительной степени затемняется распространением в указанной форме у основ на заднеязычные окончания *-у*, свойственным восточно- и центральнобелорусским говорам, а также говорам брестско-пинского Полесья (в последних также распространено окончание Д.-М. ед. числа *-ови*); во многих говорах эти окончания сосуществуют с "ятевыми". Тем не менее мы находим возможным на карте мелкого масштаба показывать совпадение ареалов наличия-отсутствия переходного смягчения конечного заднеязычного основы в Д.-М. ед. числа *а*-склонения и в М. ед. числа *о*-склонения на территории Белоруссии.

В украинских говорах, в отличие от украинского литературного языка, также встречается отсутствие перехода заднеязычных согласных в свистящие на стыке основы и окончания в Д.-М. ед. числа существительных *а*-склонения и М. ед. числа *о*-склонения, объясняемое, по-видимому, тенденцией к выравниванию исхода основы в парадигме. Это наблюдается в части слобожанских говоров (на границе с Белгородской и Воронежской областями), в части степных говоров [Жилко 1955, 198, 214, 262], а также в закарпатских говорах [Панькевич 1934, 215-216, 218].

Менее последовательно переход заднеязычных согласных в свистящие сохраняется перед окончанием счетной формы существительных *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода, представленной в сочетаниях с числительными *две*, *три*, *четыри*, *полторы*, *пол* и местоимением *обе*, *обедве*. Эта непоследовательность связана с тем, что в подавляющем большинстве современных украинских и белорусских говоров, где в твердой разновидности склонения сохраняется флексия счетной формы, восходящая к окончанию nom.-acc. dualis *-*ě*, она варьирует с инновационными флексиями, проникающими или из других падежных форм, или из мягкой разновидности склонения.

Сохранение окончания счетной формы, восходящего к nom.-acc. dualis, у *о*-основ среднего рода наблюдается на обширной территории, границы которой можно огрубленно обозначить реками Днестр на юге (ареал данного явления к югу от Днестра продолжается на территорию восточногуцульских и буковинских говоров), Неман на севере, Березина, Днепр и Тетерев на востоке (в широкой полосе прилегающих к Днепру правобережных говоров, как и в литературном языке, представлено окончание *-а*, восходящее к *-*а* gen. sg. либо к *-*а* nom. pl.). У существительных *а*-склонения указанное окончание счетной формы распространено на меньшей территории в пределах ареала соответствующей флексии *о*-основ: это прежде всего юго-западные галицкие говоры и южные говоры Украины, севернополесские и южнобелорусские говоры. Ареал данного явления показан на карте, посвященной счетной форме, в настоящем сборнике. Однако переходное смягчение заднеязычных согласных перед флексией счетной формы показано только на картах АУМ для *а*-основ; скудные данные по *о*-основам среднего рода взяты из диалектологической литературы ([Назарова 1964], [Дейна 1957]).

Переходное смягчение заднеязычных согласных перед указанным окончанием существительных *а*-склонения последовательно представлено только на территории юго-западных галицких говоров, где оно отмечается не только в позиции под ударением (*дв'і руц'і́*), но и в безударной позиции (*дв'і́ д'і́вц'і*, *дв'і́ ж'і́н'ц'і*) [АУМ 2, карта 274], [Жилко, 87, 221]. Впрочем, даже на этой территории эпизодически встречаются формы без переходного смягчения заднеязычных, преимущественно с безударными окончаниями, которые К. Дейна в своем описании говоров Тернопольской области интерпретирует как возникшие под влиянием окончания мягкой разновидности склонения *-*i* (ср. *dv'í kúrk'y*, *dv'í ruk'ý*, а также *dv'í báby*, *trý hodýny* [Дейна 1957, 84]. В других украинских говорах последовательное сохранение ятевого окончания счетной формы у основ на заднеязычные наблюдает-

ся только под ударением (*дв'і́ руц'і́*, но *дв'і́ д'і́вки* (-*к'і*). Это, в частности, касается севернополесских говоров, в которых в явном виде представлено противопоставление ударенных и безударных окончаний Р.,Д.,М. и Счетн.:

Р. *рукú*, *хáт'і*, *д'іéвки*, *земл'іé*, *вúшн'і*;

Д.-М. *руц'іé*, *хáт'і*, *д'іéвц'і*, *земл'іé*, *вúшн'і*;

Счетн. *руц'іé*, *хáт'і*, *д'іéвки*, *земл'іé*, *вúшн'і*, см. [Назарова 1964], [Назарова 1985, карта 83]. Подобная система представлена также в северско-белорусском говоре [Расторгуев 1927, 80, 92]. В севернополесских и северском говоре присоединение флексии мягкой разновидности склонения далеко не всегда означает отсутствие переходного смягчения конечного заднеязычного согласного основы, ср. *д'в'іé óц'і*, *йáблоци* [Назарова 1964, 58]), *на дорóз'і*, *свáс'і*, *свекрýс'і* (там же, с. 56 и далее), *на руцэ́*, *на назé*, *к Лявóнісі* [Расторгуев 1927, 93]. На это указывают также данные ДАБМ и во многом опирающаяся на них монография М. А. Жидович [Жидович 1969, 36-38].

Таким образом, существительные *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода с основами на заднеязычные согласные, имеющие наосновное ударение в Д.,М. и Счетн., за пределами описанного выше галицкого ареала (определяемого, в частности по наличию форм типа *дв'і́ д'і́вц'і*), обнаруживают тенденцию, более или менее последовательно проводимую, к присоединению окончаний мягкой разновидности склонения, что свойственно и другим типам баритонированных основ. Однако отсутствие переходного смягчения заднеязычных согласных перед рефлексами **-ě* и **-і* из перечисленных форм достаточно последовательно проявляется только в счетной форме, восходящей к nom.-acc. du.

Отличительной диалектной чертой украинского языка является также сохранение у существительных *о*-склонения мужского рода окончания nom. pl. **-і* и переходного смягчения заднеязычных согласных, наблюдаемое в закарпатских (русинских), западнобойковских говорах и лемковских говорах на территории Словакии (И. мн. *пастусú*, *дрýзи*, *пийаци́*, *вóўци* и др.). В последних это чередование носит, как кажется, вполне регулярный характер [Верхратский 1902, 7]. В бойковских и русинских говорах старое окончание и переходное смягчение перед ним сохраняется лишь у отдельных лексем (*птáси*, *пастусú*, *вóўци*, *пійаци́*, *хробаци́*, *слимаци́* в закарпатских говорах [Панькевич 1938, 189-190], *вóўци* в бойковских [Пура 1958, 54]). В АУМ, т. 2, в названных говорах наряду с рефлексами исконной флексии nom. pl. отмечаются также *-ы* < **-у* acc. pl. твердой разновидности склонения, обобщившаяся в формах И.-В. мн. числа (*вóўцы*), *-і* < **ě*, восходящая к флексии acc. pl. мягкой разновидности склонения (*вóўц'і*). Последняя рассматривается в украинской диалектологии как фонетический вариант исконной флексии [Матвияс 1983, 51].

Для составления сводной карты, прослеживающей морфонологические особенности склонения имен существительных с основой на заднеязычный согласный в белорусских и украинских говорах, были использованы следующие карты:

ДАБМ, карты:

№ 65 – формы дат. и местн. падежей ед. ч. сущ. ж.р. с основой на [г, х] типа *к назé*, *к нагé*, *на нагé*, *к назí*, *к нагí*, *на нагí*;

№ 66 – местн. п. ед. ч. сущ. ж.р. с основой на [к] типа *на рацэ́*, *аб дачцэ́*, *на ракé*, *аб дачкé*, *на рацы́*, *аб дачцы́*, *на ракí*, *аб дачкí*;

№ 74 – форма местн. п. ед. ч. сущ. м.р. с основой на [г] типа *на лýзе*, *на стóзе*, *на лузé*, *на стазé*, *на лугé*, *на стóге*, *на лýге*, *на стагé*, *на лугý*, *на стагý*, *на лýгў*;

№ 75 – форма местн. п. ед. ч. сущ. муж. рода *кажух*, *катух*, напр.: *у кажус'é*, *у катус'é*, *у кажух'é*, *у катух'é*, *у кажухý*, и т. д.

В украинских атласах соответствующих карт нет. О наличии или отсутствии чередования заднеязычных со свистящими дают материал, во-первых, монография Ф.Т. Жилко, и, во-вторых, следующие карты:

АУМ, т. 1, карта 274, отвечающая на часть вопроса № 236 Программы АУМ "*Дві жінки* чи *жінці*..." и на часть вопроса № 237 "*Купалося дві дівки* (*дівці*)...";

АУМ, т. 2, карта 193, отвечающая на часть вопроса № 303 Программы: "*Вовки*, *парубки*, ...*пастухи*, *чи вовці*, *парубці*, ..., *пастуси*, чи *вовци*, *парубци*, *пастуси*...?";

АУМ, т. 2, карта 275, составленная в соответствии с ответами на часть вопроса № 236 Программы АУМ: "*Дві жінки* чи *жінці*, ...*Дві руці*...?" и часть вопроса № 237 "*Купалося дві дівки* (*дівці*) чи *купалися*...?"

На территории, картографированной в ДАРЯ, переход заднеязычных в свистящие в склонении встречается лишь в отдельных населенных пунктах, расположенных вдоль границы с Белоруссией, а также практически целиком охватывает так называемый "брянский угол". На данной карте переход заднеязычных согласных в свистящие показан только у существительных *а*-склонения, при этом использованы ответы на вопрос 68 Программы ДАРЯ. В говорах, где названный переход имеется в *а*-склонении, он есть и в loc. sg. *о*-склонения. В подавляющем большинстве говоров наряду с примерами перехода заднеязычных в свистящие имеются и словоформы с от-

сутствием такого перехода. Изредка наряду с примерами перехода заднеязычных в свистящие встречаются случаи их перехода в шипящие (подобные примеры записаны также в белорусском и украинском Полесье). Последнее особенно характерно для систем *а*-склонения, осложненных "предложным родительным", отличием Д. от М. и под.

За редкими исключениями в говорах с переходом заднеязычных в свистящие представлены системы *а*-склонения типа русской литературной, изредка среди них встречаются также "белорусская литературная" или какая-либо южнорусская система *а*-склонения. Для этих говоров типично "моновариантное" склонение. Переход заднеязычных в свистящие в *а*-склонении имеется в говорах следующих населенных пунктов: Зап. 501, 508, 512, 516, 519, 522, 523, 687, Ю. 1-10, 14, 15, 29, 30, 132-170, 174, 177-181, 184, 359. Единственный пример записан также в говоре Ю. 431, в отличие от перечисленных, расположенном в глубине русской территории.

Особенностью южнорусских систем *а*-склонения с переходным смягчением заднеязычных согласных является то, что этот переход сопровождает образование не только форм Д. и М., но и других форм ед. числа, где выступает "ятевое" окончание, например, Р. предложного. Напротив, в отдельных говорах переходное смягчение имеется лишь в Р. предложном и М., но не в Д., который имеет показатель *-ы/-и*.

Например, в говоре с. Городище Погарского р-на Брянской обл. (Ю. 180) имеется следующая система Р.,Д.,М. ед. после твердых основ: Р. предложный *жены́/жене́*, Р. беспредложный, Счетн. *жены́*, Д.-М. *жене́*. Говору свойственно непоследовательно проведенное переходное смягчение задненебных согласных, причем в одном случае заднеязычный "переходит" в шипящий, а не в свистящий согласный:

Р. предложный: *з уалавы́*, *с прасту́ды*, *з в'асны́*, *ат р'ак'и́*, но *ат жо́нцы*, *у даро́з'ь*, *з даро́жы*; Р. беспредложный, Счетн.: *пауо́ды*, *каро́вы*, *травы́*, *дв'е́ кашо́лк'и*; Д.-М. *на в'ар'о́ўк'и*, *на го́рк'и*, *у уло́тцы*, *у апт'е́цы*, *у р'е́цы*.

Также встречаем Р. предложный *у сас'е́* (Ю. 155), *у даро́з'е* (Ю. 161), Р. беспредложный *ра́нцы н'и было́* (Ю. 170).

II. Морфонологические закономерности выбора флексий после именных основ на задненебные согласные*

Как уже сказано выше, подавляющему большинству украинских и белорусских говоров свойственно переходное смягчение конечных заднеязычных согласных основы перед окончаниями, содержащими гласные дифтонгического происхождения **ě* и **i*. Существительные *а-* и *о*-склонения с основами на заднеязычные согласные в этих говорах присоединяют окончания твердой разновидности склонения; исключение составляют баритонированные основы, которые во многих украинских говорах имеют тенденцию к присоединению окончаний мягкой разновидности склонения и отказу от переходного смягчения конечных заднеязычных основы. Наиболее последовательно эта тенденция осуществляется в средне- и восточнополесских говорах (как на территории Украины, так и Белоруссии) в счетной форме слов женского и среднего рода. В подавляющем большинстве русских говоров при отсутствии переходного смягчения заднеязычных согласных соответствующие основы также присоединяют окончания твердой (как синхронно, так и исторически) разновидности склонения.

В некоторых русских говорах основы, оканчивающиеся на заднеязычные согласные, отклоняются от типичного для твердого типа склонения набора окончаний, причем эти отклонения носят ярко выраженный категориальный характер. Если существительные мужского рода в западнорусских говорах приобретают в локативе единственного числа окончания старого *и*-склонения, избавляясь тем от необходимости смягчать заднеязычный при словоизменении, то существительные женского рода в единственном числе присоединяют окончания мягкой разновидности склонения. Ниже рассматриваются основные типы систем *а*-склонения в западнорусских говорах, в которых при наличии противопоставления твердой и мягкой разновидности склонения основы, оканчивающиеся на заднеязычные согласные, присоединяют окончания мягкой разновидности, иными словами, в данной категории слов заднеязычные согласные ведут себя как морфонологически мягкие.

Различие мягкого и твердого вариантов в *а*-склонении – особенность западных русских говоров. Ареалы этого явления на русской территории практически нигде не соприкасаются с его украинскими и белорусскими ареалами. Более того, занимающий небольшую территорию северозападнорусский ареал, охватывающий юг Псковской и Новгородской областей и запад Тверской (отдельные говоры с такими системами *а*-склонения встречаются и севернее, это архаические говоры по течению Шелони, в окрестностях озера Ильмень, по берегам озер Псковского и Чудского, а также ряд говоров Архангельской области по течению Пинеги, Мезени и Оне-

* Раздел написан А. В. Тер-Аванесовой

ги), отделен от обширного югозападнорусского ареала широкой полосой говоров с системой *а*-склонения, мало отличающейся от литературной. Для северо-западных русских систем такого рода характерно окончание мягкого варианта склонения *-е* в Р.,Д., и М. падежах единственного числа (далее Р.,Д.,М.), восходящее к **ě*, (*от з'Емл'é, н'ét з'Емл'é, к з'Емл'é, на з'Емл'é*), – то же свойственно и литературному украинскому языку и большинству украинских говоров. В юго-западных системах выступает окончание *-и* мягкой разновидности *а*-склонения в тех же падежах (*от з'Емл'и́, н'ét з'Емл'и́, к з'Емл'и́, на з'Емл'и́*), что совпадает с системой белорусского литературного языка и центральнобелорусских говоров. Если русские юго-западные диалектные системы с различением твердой и мягкой разновидностей склонения охватывают значительную территорию и подробно описаны Л.Н. Булатовой [Бромлей, Булатова 1972, 56-58], то северо-западные описаны практически не были и встречаются лишь в полосе говоров, определяемых по происхождению как севернокривичские [Николаев 1988], [Николаев 1989]. Устройство твердой разновидности склонения в западнорусских говорах варьирует очень сильно: по материалам ДАРЯ насчитывается более десятка различных подсистем окончаний только Р., Д. и М.

Заднеязычные согласные ведут себя как морфонологически мягкие в отдельных говорах, разбросанных по юго-западной части России (см. сноску 20 у Л.Н. Булатовой [Бромлей, Булатова 1972, 58]). "Севернокривичские" же системы *а*-склонения в подавляющем большинстве трактуют заднеязычные согласные как морфонологически мягкие, и здесь, на северо-западе, такого рода системы *а*-склонения образуют сплошной ареал. На периферии этого ареала встретились (по материалам ДАРЯ) отдельные говоры, в которых *а*-основы, оканчивающиеся на заднеязычный согласный, имеют особый статус, отличаясь набором присоединяемых окончаний *а*-склонения как от твердых, так и от мягких основ.

Морфонологический статус (принадлежность к твердой/мягкой разновидности *а*-склонения) основ, оканчивающихся на заднеязычные согласные в русских говорах, показан на картах 1 и 2. Карта 1 показывает окончания существительных *а*-склонения с основами на заднеязычный согласный в тех русских говорах, где имеется противопоставление твердой и мягкой разновидностей склонения. На ней выделяется большой юго-западный ареал, где основы на заднеязычные присоединяют окончание твердой разновидности склонения *-е* (*на рук'é, к сах'é, на дуг'é*). В нем имеются вкрапления мелких ареалов и отдельные говоры с морфонологической мягкостью указанных основ, присоединяющих окончание мягкой разновидности склонения *-и* (*на рук'и́* и т. д.). Менее крупный "севернокривичский" ареал охватывает такие системы *а*-склонения, в которых основы на заднеязычные присоединяют окончания мягкой разновидности *а*-склонения *-е* либо *-е* наряду с *-и*. В этом ареале имеются вкрапления говоров, в которых окончание Р.,Д.,М. *-е* свойственно только существительным *а*-склонения с основами на заднеязычный.

На карте 2 изображен "севернокривичский" ареал систем *а*-склонения. "Севернокривичским" данный ареал назван потому, что с ним совпадает пучок изоглосс, отождествляемый с племенным диалектом кривичей, точнее, с его северной ветвью [Николаев 1988, Николаев 1989], а также ареалы распространения древнейших археологических памятников кривичей [Седов 1975]. Особые типы систем Р.,Д. и М. **а*-склонения представляют собой одну из таких изоглосс.

На карте 2 показаны основные типы систем Р.,Д.,М. *а*-склонения у основ на парные твердые согласные с учетом различия "баритонированных" и "окситонированных" форм и окончания тех же падежей, присоединяемые основами на заднеязычные и парные мягкие.

Ниже в комментарии рассмотрены системы Р.,Д.,М. *а*-склонения, показанные на карте 2. Приводятся примеры твердых (окситонированных и баритонированных) основ и окситонированных основ на парные мягкие и заднеязычные согласные, поскольку баритонированные формы с основами на парные мягкие и заднеязычные в большинстве говоров нерелевантны для различения окончаний -{е} и -{и}.

Карта 2 отличается от опубликованной во 2-м выпуске "Восточнославянских изоглосс" дополнительной карты северо-западного региона [Тер-Аванесова 1988] тем, что на первой детально показаны встречающиеся в говорах наборы окончаний мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения, тогда как на второй главным образом отражено наличие-отсутствие различения твердой и мягкой разновидностей склонения (объединяющей в себе мягкую в узком смысле и "заднеязычную" разновидности). Наоборот, типы твердых разновидностей склонения показаны на данной карте предельно обобщенно (ср. также еще более обобщенное отображение типов твердого склонения на карте, посвященной счетной форме, в настоящем сборнике).

Системы окончаний, присоединяемых основами на парный мягкий согласный и заднеязычный в рассматриваемом ареале, делятся на 3 группы. Первые

две группы – это системы с совпадением окончаний Р.,Д.,М. (а также, как правило, счетной формы), третья группа включает "обратные" системы флексий (Р. *з'Емл'е́*, *рук'е́*, Д.-М. *з'Емл'и́*, *рук'и́*); происхождение и устройство "обратных" систем флексий *а*-склонения описано, в частности, в статье об окончаниях счетной формы, помещенной в настоящем сборнике. Системам первой и третьей групп свойственно совпадение мягкой и "заднеязычной" разновидностей *а*-склонения, системам второй группы – их полное или частичное различение.

Подавляющее большинство говоров рассматриваемого региона имеет системы окончаний мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения, относящиеся к первой группе (совпадение флексий Р.-Д.-М. и совпадение мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения).

I группа. 1. Чаще других в говорах встречается система с окончанием Р.,Д.,М. *-е* у основ на парные мягкие и заднеязычные согласные. На карте отдельными знаками показаны говоры, в которых окончание *-е* записано только в Р. (примеры на Д. и М. отсутствуют) или только у основ на заднеязычный (примеры основ на парный мягкий отсутствуют); с большой долей условности они причисляются к данной группе, но ниже при подсчете примеров не учитываются.

1.А. Окончание Р.-Д.-М. *-е* у существительных *а*-склонения с основами на парные мягкие и заднеязычные согласные отмечено в сочетании с "обратными" системами твердой разновидности склонения на территории Атласа русских говоров к западу от Москвы (112, 119, 292, а также, по-видимому, 53, 99, 101, 140, 162), и в нескольких нас. пп. на терриории атласов С.-Зап. и БСТ:

Р. *жене́*, *коро́ве*, *земле́*, *руке́*, Д.-М. *жены́*, *коро́вы/коро́ве*, *земле́*, *руке́* (о встречающихся в "северно-кривичском" ареале систем *а*-склонения разновидностях "обратных" систем см. в [Тер-Аванесова 1998]).

Красное Пеновского р-на Великолукской обл. (Зап. 112).

Р. с предлогом тверд. окситон. *с вайн'е́*, *с Маскв'е́*, *с с'ёв'ирнай старан'е́*, *с ызб'е́*; баритон. *с рабо́т'и*, *с каро́в'и*, *ат с'и́л'и*, *у Кул'и́н'и*, *ат луч'и́н'и*, *ат паро́д'и*; мягк. *у с'в'ин'н'е́*; Р. без предлога тверд. окситон. *мно́гъ трав'е́*, *трав'е́ н'ь дава́л*, *пам'ён'иш изб'е́*, *мно́га шпан'е́*, *баран'е́ н'е́ту*; баритон. *кул'ту́р'и н'е́т*, *мо́д'и н'е́ была*; мягк. *св'ин'н'е́*, *з'амл'е́ ма́ла*; заднеязычн. *мно́га мук'е́*; Счетн. тверд. окситон. *дв'е́ прайм'е́*, *ч'аты́р'и с'т'ан'е́*; баритон. *дв'е́ па́р'и*; заднеяз. *дв'е́ рук'е́*; Д. тверд. окситон. *па изб'е́*, *к с'т'ан'е́*, *к в'асны́*; баритон. *па н'и́в'и*, *да́j каро́в'и*; мягк. *с'в'ин'н'е́*; заднеязычн. *к снах'е́*; М. тверд. окситон. *у избы́*, *на изб'е́*, *на вады́*, *на гар'е́*, *в Маскв'е́*; баритон. *на кватэ́ры*.

1.Б. Окончание Р.-Д.-М. *-е* у основ на парный мягкий и заднеязычный согласный часто предствлено в группе систем, которым свойствен синкретизм Р.-Д.-М. твердой разновидности склонения. Ниже приводятся три основные типа этих систем.

(1) Р.-Д.-М. *жены́*, *коро́вы*, *руке́*, *земле́*.

Стёпаново Холмского р-на Великолукской обл. (С.-Зап. 250). В счетной форме в данном говоре окончание моновариантное *-ы/-и*.

Р. тверд.: *у жены́*, *у сестры́*, *по́сле рабо́ты*, *для коро́вы*, *нет жены́*, *нет сестры́*; мягк. и заднеязычн.: *у снохе́*, *от реке́*, *для семье́*, *без родне́*. Счетн. тверд.: *две́ коро́вы*; заднеязычн.: *две́ снохи́*. Д.-М. тверд.: *к сестры́*, *к жены́*, *на воды́*; мягк.: *в родне́*, *в семье́*.

Блазново Плоскошского р-на Великолукской обл. (Зап. 89). В Д.-М. в данном говоре имеются примеры с *-е* в твердой разовидности склонения, появившиеся, по-видимому, под влиянием литературного языка.

Р. тверд. *у страны́*, *са шко́лы*, *с аўцы́*, *ад душы́*, мягк. *ат з'амл'е́*, заднеязычн. *наг'е́*, *из р'ак'е́*, *с р'ак'е́*. Счетн. тверд. *тр'и́ в'арсты́*, *д'в'е́ м'е́тры*, заднеязычн. *д'в'е́ наг'е́*, *д'в'е́ рук'е́*. Д.-М. тверд. *нъ вайны́*, *нъ вайн'е́*, *у Масквы́*, *у Маскв'е́*, *в ызбы́*, *в изб'е́*, *у шко́лы*, *на по́чты*, заднеязычн. *на р'ак'е́*.

Системы, подобные Стёпаново и Блазново, встречаются очень редко. Обычно при твердой разновидности Р.-Д.-М. *жены́*, *коро́вы* мягкая и "заднеязычная" с ней совпадают (Р.-Д.-М. *земли́*, *руки́*); системы этого устройства широко распространены на русском Северо-Западе.

(2) Р.-Д.-М. *жены́*, *коро́ве/коро́вы*, *земле́*, *руке́* (Зап. 60, 67, 90, 132, 168, 295). В таких системах баритонированные твердые основы присоединяют в Р.,Д. и М. смягчающее окончание, восходящее к *-*ě*; как правило, оно встречается наряду с *-ы*.

Фетинино Новосокольничского р-на Великолукской обл. (Зап. 67):

Р. тверд. окситон. *из вады́*; Д.-М. тверд. окситон. *к ызбы́*, *у гары́*, *на гары́*; Р. тверд. баритон. *з ба́ршын'е*, *с халст'и́н'е*, *з б'ар'о́с'т'е*, *з гн'и́лы*, *б'ез ры́б'е*, *сва́д'б'е н'е́ту*, *ма́м'ь н'е́ту*, *На́с'т'е н'е́ту*, *каро́в'е н'е́ту*, *хр'а́п'е*, *гн'и́л'е*; Д.-М. тверд. баритон. *гра́мат'е*, *у шко́лы*, *на машы́н'е*, *у газ'е́т'е*, *на па́хаты*; Р. мягк. *по́с'л'ь Ил'jе́*, *да́л'и з'амл'е́*, заднеязычн. *с мук'е́*, *б'ез рук'е́*, *дачк'е́*; М. мягк. *на з'амл'е́*, заднеязычн. *на рук'е́*.

(3) Р.-Д.-М. *жене́/жены́*, *коро́ве/коро́вы*, *земле́*, *руке́* (Зап. 48, 49). Системы с такой твердой разновидностью склонения встречаются преимущественно в юго-западной части ареала, причем обычно демон-

стрируют единый набор окончаний для всех типов основ.

Песчанка Пустошкинского р-на Великолукской обл. (Зап. 48).

Р. с предлогом тверд. *дъ вайны́*, *у с'астры́*, *с в'асны́*, *дъ в'асны́*, *ад гразы́*, *по́с'л'ь вайн'е́*, *з-зъ Масквʼе́*; *з-зъ рабо́т'и*, *с капу́с'т'и*, *с Украи́н'и*, *у ба́б'и*; мягк. *дъ з'амл'е́*; заднеязычн. *з мук'е́*, *б'из наг'е́*; Р. без предлога тверд. *с'астр'е́*, *вад'е́ нагна́ла*, *вад'е́ н'е́т*; *вз'ала́ расса́д'и*, *ил'д'и́н'и кусо́к*, *су́мку ры́бы*; Счетн. *тр'и́ с'астры́*; Д. тверд. *к с'астры́*, *пъ травы́*, *с'астр'е́*, *к в'асн'е́*, *з з'им'е́*; *да́й Л'е́ны*, *к ха́ты*, *к св'о́клы*; мягк. *св'ин'н'е́*; заднеязычн. *к дачк'е́*; М. тверд. *на кастры́*, *у вайны́*, *в вад'е́*, *у галав'е́*; *у ха́ты*, *нъ кабы́л'и*, мягк. *нъ з'амл'е́*.

1.В. Окончание *-е* Р.-Д.-М. мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения встречается в сочетании с так называемой "предложно-обратной" системой твердого окситонированного типа склонения, особенностью которой является окончание *-е* Р. с предлогами при *-ы* в других контекстах Р., а также Д. и М. По происхождению "предложно-обратная" система, очевидно, связана с рассмотренными в разделе Б. "синкретическими" системами; она возникает в результате выделения "предложного родительного" падежа. Севернокривичский ареал систем *а*-склонения является северо-западной окраиной обширного южно- и среднерусского ареала систем с "предложным родительным", отличным от "беспредложного родительного" (см. карту 1 ДАРЯ, т. 2).

Р. с предлогом *жене́* (*/жены́*), *коро́ве* (*/коро́вы*), *земле́*, *руке́*, Р. без предлога-Д.-М. *жены́*, *коро́вы* (*/коро́ве*), *земле́*, *руке́* (Зап. 32, 72, 92, 130, 162).

Снегири Ленинского р-на Великолукской обл. (Зап. 92).

Р. с предлогом тверд. *дъ вайн'е́*, *дъ вайны́*; *у каро́вы*, мягк. *у св'ин'је́*, *з з'амл'е́*; заднеязычн. *кълъ сах'е́*, *з гарóхъвъй мук'е́*, *кълъ р'ак'е́*, *зл'и р'ак'е́*; Р. без предлога тверд. *каро́вы н'е́ту*; мягк. *н'е́т з'амл'е́*, *з'амл'е́ сы́пл'ут'*; Д.-М. тверд. *у йа́мы*, *у Масквы́*, *у газ'е́ты*, *у Жукапы́*, *нъ рабо́ты*, *па учо́бы*, *к казы́*, *нъ вады́*, *ф шко́лы*, *нъ жары́*, *нъ галавы́*; мягк. *к з'амл'е́*, *к с'амйе́*, *к св'ин'йе́*, заднеязычн. *к р'ак'е́*, *нъ наг'е́*.

Горки Луковниковского р-на Калининской обл. (Зап. 162).

Р. с предлогом тверд. окситон. *у жын'е́*, *у с'истр'е́*, *с вайн'е́*, *из ызбы́*, баритон. *дл'а каро́в'и*, *по́сл'е рабо́т'и*, заднеязычн. *у снах'е́*, *из р'ик'е́*, мягк. *дл'а с'им'је́*, *ад з'имл'е́*, *б'из радн'е́*; Р. без предлога тверд. окситон. *н'е́т жаны́*, *н'е́т с'астры́*; заднеязычн. *у на́с р'ик'е́ тако́й н'е́ту*, мягк. *н'исап'е́тв'иннъј з'имл'е́*; Счетн. тверд. *д'в'е́ каро́в'и*; заднеязычн. *д'в'е́ снах'е́*. Д.-М. тверд. окситон. *пъ з'имы́*, *к с'астры́*, *с жаны́*, *к ызбы́*, *пъ в'асны́*, *на галавы́*, *в Масквы́*, *на то́ј стъраны́*, *нъ избы́*, баритон. *к ма́мы*, *с ба́бы*, *на ба́рш'ш'ины*, мягк. *к с'имје́*, *к ранн'е́*.

2. Сосуществование окончаний *-е* и *-и* в Р.-Д.-М. мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения отмечено при следующих типах твердой разновидности *а*-склонения.

2.А. "Обратные" системы твердой разновидности склонения (Зап. 105, 125, 159).

Поляки Октябрьского р-на Великолукской обл. (Зап. 105).

Р. тверд. окситон. *с Масквʼе́*, *б'ис труб'е́*, *ат кас'е́*, *с Масквы́*, *по́с'л'и вайны́*; *вады́*, *капны́*, *н'е́т афце́*, баритон. *с рабо́т'и*, *ат м'ак'и́н'и*, *ат р'аз'и́ны*, *б'ис каро́в'и*, *б'ис каро́вы*, *с усад'б'и*; *ба́б'и*, *сало́м'и*, *с м'е́ста рабо́т'и*, мягк. *б'из радн'е́*; *ско́л'ка з'амл'е́*, заднеязычн. *с р'ак'е́*, *с р'ак'и́*; *н'е́т р'ак'е́*; Счетн. *д'в'е́ с'астры́*, *д'в'е́ пчал'е́*, *д'в'е́ душе́*; Д. тверд. окситон. *пъ с'т'аны́*, *пъ цаны́*, *пъ жары́*, *пъ казы́*, *пъ жаны́*, мягк. *г з'амл'и́*; М. тверд. окситон. *в ызбы́*, *нъ Дв'ины́*, баритон. *на в'е́р'б'и*, *у Таро́пы*, *у ха́ты*, *в ахо́ты*, *в бр'ига́ды*, мягк. *в з'амл'е́*, заднеязычн. *нъ с'т'ah'е́*.

2.Б. Системы твердой разновидности *а*-склонения, характеризующиеся синкретизмом Р.-Д.-М.

Р.-Д.-М. *жены́*, *коро́вы*, *земле́/земли́*, *руке́/руки́* (Зап. 1, 85, 88, 137, 139).

Шарыгино Сережинского р-на Великолукской обл. (Зап. 85).

Р. с предлогом тверд. окситон. *з гары́*, *у с'астры́*, тверд. баритон. *по́с'л'и р'афо́рмы*, *ат рабо́ты*; мягк. *ат шашуйе́*, заднеязычн. *с мук'и́*, *у сах'е́*, *б'ъз наг'е́*; без предлога тверд. окситон. *вады́*, *нажы́л б'ады́*, тверд. баритон. *рабо́ты мно́га*, мягк. *з'амл'е́*, заднеязычн. *пъшан'и́шнъй мук'е́*, Счетн. *д'в'е́ в'арсты́*; Д. тверд. окситон. *пъ вады́*, *пъ расы́*, тверд. баритон. *к ма́мы*, мягк. *к суд'йи́*, заднеязычн. *к р'ак'и́*, *пъ наг'и́*, *пъ р'ак'е́*; М. тверд. окситон. *на дратвы́*, *ф чужо́й избы́*, *нъ избы́*, *нъ вайны́*, *аба т'мы́*, *в Масквы́*, *ф старан'е́*, баритон. *нъ кварт'и́ры*, мягк. *на з'имл'и́*.

В данной системе можно также усматривать "обратный" принцип устройства мягкой разновидности склонения.

Р.-Д.-М. *жены́*, *коро́ве/коро́вы*, *земле́/земли́*, *руке́/руки́* (Зап. 64, 68, 69, 76, 91, 122, 141, 155, 280, 298).

Черепяги Локнянского р-на Великолукской обл. (Зап. 64).

Р. тверд. окситон. *пас'ар'о́т избы́*, *с лазы́*, *по́с'л'и вайны́*, *му́ш с'астры́*, баритон. *са шко́л'е*, *у ма́м'и*, *н'а в'и́д'ьла атра́ды*, мягк. *н'е́т з'амл'и́*, *над'е́л з'амл'е́*, заднеязычн. *у снах'е́*; Д.,М. тверд. окситон. *в Масквы́*,

в' избы́, баритон. *фс'о́ в рабо́ты*, *гра́мът'ь вы́учыф-шы*, *нъ тако́й пагоды*, *на свад'бы*, *па по́чт'и*, *нъ рабо́ты*, *пр'и ба́ришын'и*; мягк. *нъ з'амл'е́*; заднеязычн. *нъ рук'и́*.

Если бы не малое число примеров с основами на заднеязычный, можно было бы предполагать "обратный" принцип устройства системы флексий в этой разновидности склонения.

2.В. "Предложно-обратная" система (Зап. 70, 71).

Р. с предлогом *жене́/жены́*, *коро́вы* (*/коро́ве*), *земле́/земли́*, *руке́/руки́*, Р. без предлога, Д.-М. *жены́*, *коро́вы* (*/коро́ве*), *земле́/земли́*, *руке́/руки́*.

Тарасы Великолукского р-на Великолукской обл.

Р. с предлогом тверд. окситон. *дл'а кръсат'е́*, *да вайны́*, баритон. *у Л'и́ды*, заднеязычн. *б'ез наг'и́*, *б'ез рук'е́*, *б'ез мук'е́*; Р. без предлога *дастáт' крупы́ и мук'е́*, *увóл'у мук'е́*, *мнóк з'амл'е́*; Счетн. *дв'е́ с'астры́*, *тр'и́ шкóл'и*, *дв'е́ карóв'е*, *4 дачк'е́*; Д.-М. тверд. окситон. *гълавы́ тру́нна*, *на пл'иты́*, *па с'астры́*, баритон. *на машыны́*, *карóвы с'е́на*, заднеязычн. *на л'ах'е́*.

В двух говорах отмечается противопоставление Р. с предлогами и Р. без предлогов в твердой баритонированной разновидности склонения при совпадении флексий Р.-Д.-М. твердой окситонированной разновидности ("предложно-обратная баритонированная" система) (Зап. 62, 102).

Р. с предлогом *жены́*, *коро́ве/коро́вы*, *земле́/земли́*, *руке́/руки́*, Р. без предлога, Д.-М. *жены́*, *коро́вы*, *земле́/земли́*, *руке́/руки́*.

Атрепово Локнянского р-на Великолукской обл. (Зап. 62).

Р. предл. тверд. окситон. *по́с'л'и вайны́*, *с Ма́квы́*, *у с'астры́*, баритон. *са шкóл'е*, *с рабóт'и*, *з б'ар'о́сты*, *у с'в'о́клы*, мягк. *с-пъд з'амл'и́*; Р. беспредл. тверд. окситон. *му́ш с'астры́*, *вады́*, мягк. *з'амл'е́ ма́ла*; Д.-М. тверд. окситон. *в Масквы́*, *нъ касы́*, *нъ пл'иты́*, *пъ м'ажы́*, (единично *к с'астр'е́*); баритон. *ф кóфты*; мягк. *к свайóй с'амйе́*; заднеязычн. *нъ сах'е́*, *на к'и́шк'е́*, *нъ рук'и́*.

Тарасиха Октябрьского р-на Великолукской обл. (Зап. 102).

Р. предл. *с в'асны́* (5), *къл'ъ шкóлы* (4), *б'ьс каров'и* (1), *б'ьз з'амл'е́* (3), *къл'ъ р'ак'е́* (3); Р. беспредл. *с'астры́* (2), *пóл'зы н'е́т* (1), *н'е́т дуг'и́* (1), *пу́т мук'е́* (1); Счетн. *дв'е́ с'астры́*, *казы́*, *жóны*, *дв'е́ дуг'е́*, *д'в'е́ дуг'и́*, *тр'и́ с'амйе́*; Д. *пъ вады́* (4), *к свад'бы* (5), *к з'амл'е́* (1); М. *нъ машы́ны* (2), *в з'амл'и́* (1) (приведены примеры на разные типы основ и типы падежных контекстов, в скобках указывается количество записанных примеров).

Следует специально подчеркнуть, что в пределах севернокривичского ареала систем *а*-склонения по материалам ДАРЯ отмечено всего два говора с различением разновидностей *а*-склонения в зависимости от исхода основы и окончанием *-и* Р.-Д.-М. мягкой и заднеязычной разновидностей склонения. В них представлена следующая система флексий:

Р. с предлогом *жене́*, *земли́*, *руки́*, Р. без предлога, Д.-М. *жены́*, *руки́*, *земли́* (Зап. 127, 183).

II группа. В значительно меньшем числе говоров наблюдается различение мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения. Встречается как полное, так и частичное их различение. Существенно для понимания путей развития таких систем, с какими из твердых разновидностей склонения совпадает та или иная из них.

1. Полное различение мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения (Р.-Д.-М. *-и* в мягкой разновидности склонения, *-е* в "заднеязычной") отмечается при следующих типах твердой разновидности *а*-склонения.

1.Б. Совпадение флексий Р.-Д.-М.

Р.-Д.-М. *жены́*, *коро́ве/коро́вы*, *земли́*, *руке́* (Зап. 77, 78, 126, 153, 160, 163, 286).

Богозино Невельского р-на Великолукской обл. (Зап. 286) (основы на заднеязычный согласный представлены только примерами Р.).

Р. тверд. окситон. *дъ вайны́*, *с ыржы́*, *дл'ь пл'и́ты́*, *з гары́*, *у пл'иты́*, *т'и жаны́ таб'е жа́лкъ ал' касы́*, *вады́ давóл'нъ*; баритон. *ры́б'и на́б'йет'*, *ха́т'и н'е́т*, *с'и́л'и н'е́т*, *ста́ж рабóт'и*, *пъвар'у́ ры́б'и*, *н'е́т карóв'и*; заднеязычн. *с' к'илъга́м мук'е́*, *у дачк'е́*, *мук'е́ мноуъ*; мягк. *къл'ъ з'амл'и́*. Д.-М. тверд. окситон. *нъ вайны́*, *у ва́ды́*, *на той гары́*, *w Масквы́*, *к с'астры́*, *нъ скъвъра́ды́*, *нъ пл'иты́*, *нъ с'т'аны́*, баритон. *у ха́т'и*, *к те́й сторъны́*, *у П'е́нзы*, *у ры́бы*, *ув адно́й бр'ига́ты*, *ув е́тъй ко́мнъты*; мягк. *у з'амл'и́*, *у те́й с'ам'йи́*.

Печки Новоторжского р-на Калининской обл. (Зап. 160).

Р. тверд. *у жаны́*, *у с'астры́*, *н'е́т жаны́*, *с'астры́*, *по́сл'и рабóты*, *дл'ь карóвы*, *ат Тама́ры*, *с уса́д'бы*, *из-зъ карóв'и* (смягчающее окончание – только у баритонированной основы на губной согласный); заднеязычн. *у снах'е́*, *б'ьз рук'е́*, *дуг'е н'е́ту*, мягк. *б'ьз з'амл'и́*, *дл'ь с'амйи́*, *б'ьз радн'и́*; Счетн. тверд. *д'в'е́ душе́*, *д'в'е́ карóвы*, заднеязычн. *по́ д'в'и снах'е́*; Д. тверд. *к казы́*, *к с'астры́*, *г жаны́*, *пъ расы́*, *г ба́бы*, *к н'ив'е́сты*, мягк. *г з'амл'и́*, *к с'амйи́*, М. тверд. *нъ вады́*, *нъ с'т'аны́*, *нъ стъраны́*, *нъ вайны́*, *нъ гары́*, *на то́й стъраны́*, *нъ пагóды*, *нъ машы́ны*, *нъ пружы́ны*, *на па́ры*, мягк. *в радн'и́*.

Ново-Никольское Нелидовского р-на Великолукской обл. (Зап. 153).

Р. тверд. окситон. *по́с'л'и вайны́*, *дл'и казы́*, *н'е́т*

с'астры́, баритон. *пос'л'и рабо́т'и, дл'а каро́в'и*, мягк. *дл'а с'ам'и́й, дл'а з'ам'л'и́*, заднеязычн. *ад дук'е́, ат р'ик'е́, ат цах'е́, з мук'е́, мук'е́ пр'ив'ос, з рук'е́, з р'ик'е́*; Счетн. *д'в'е каро́вы*, Д., тверд. окситон. *к с'астры́, к избы́, к вады́*, баритон. *к каро́в'и, па ко́мнаты*, мягк. *к с'ам'и́, пъ з'ам'л'и́*; заднеязычн. *пъ рук'е́*; М. тверд. окситон. *нъ вады́, нъ пъласы́, у Масквы́, нъ с'т'аны́, нъ ары́, у ъ́лавы́, нъ избы́*, баритон. *нъ ар'е́шыны, у ко́мнаты, у шко́лу*.

1.В. "Предложно-обратные" твердые системы (Зап. 124, 128).

Р. с предлогом *жене́/жены́, коро́ве/коро́вы, земли́, руке́*, Р. без предлога, Д.-М. *жены́, коро́ве/коро́вы, земли́, руке́*

Холм Октябрьского р-на Великолукской обл. (Зап. 124).

Р. с предлогом тверд. окситон. *с Маскв'е́, с в'асн'е́, про́т'иw избы́, по́с'л'и вайны́, у с'астры́, ад жа́ны, да Дв'ины́, ат Масквы́*, баритон. *б'ьс каро́в'и, ат ма́шын'и, с це́рквы, с рабо́ты*, мягк. *в адно́й с'ам'и́й*, заднеяз. *с р'ик'е́*; Р. без предлога тверд. окситон. *избы́, с'астры́*, баритон. *ста́р'ий Х'о́хлы, н'е́т с'в'окл'и, каро́в'и, сало́мы, рассо́ды, уса́д'бы*, заднеяз. *мук'е́, р'ак'е́*; Счетн. *д'в'е с'астры́, то́нны, каро́в'и, р'ак'е́, л'ах'е́*; Д.-М. тверд. окситон. *у избы́, нъ вайны́, нъ hр'ады́, в За́тънной Дв'ины́, у травы́, пъ травы́, г з'имы́, нъ сп'ины́, пъ ъ́лавы́, г ъ́лавы́, нъ избы́, к ъ́айе́ избы́, к с'астры́, у Дв'ины́, па цал'ины́*, баритон. *к каро́в'и, вр'е́ннъ ры́б'и, у це́ркве, к н'ав'е́сты, нъ хват'е́ры, адда́м скат'ины́, на маш'ины́*, мягк. *пъ з'ам'л'и́, нъ з'а́м'л'и́*, заднеязычн. *к р'ак'е́, нъ р'ак'е́*.

2. Наряду с рассмотренными системами, для которых характерно полное различение мягкой и заднеязычной разновидностей склонения встречаются в небольшом числе говоров такие системы, где указанные разновидности склонения различаются частично. Укажем типы встретившихся систем.

2.1. Р.-Д.-М. *-е* (мягкая разновидность), *-и/-е* ("заднеязычная" разновидность).

2.1.Б. Системы с совпадением флексий Р.-Д.-М. в твердой разновидности склонения Р.-Д.-М. *жены́, коро́ве/коро́вы, земле́, руке́/руки́*.

Иванцево Куньинского р-на Великолукской обл. (Зап. 95).

Р. *къ́ъ избы́* (1), *с халс'т'и́н'и* (4), *с уса́д'бы* (2), *из ал'х'е́* (1); *тра́вы н'е́т* (2), *ба́б'ъ* (4), *пу́т мук'и́* (1), *з'ам'л'е́* (1); Счетн. *д'в'е каро́вы, каро́в'и, же́н'шын'ь*, Д.-М. *к с'астры́* (1), *к ма́мы* (1), *г ба́б'ъ* (1), *к з'ам'л'е́* (1), *в Масквы́* (10), *б'ар'о́зы* (4),

2.1.В. "Предложно-обратная" система твердой разновидности склонения.

Шатры Торопецкого р-на Великолукской обл. (Зап. 96).

Р. с предлогом *изб'е́* (2), *жары́* (5), *з'ам'л'е́* (3), *р'ак'е́* (1); Р. без предлога *жены́* (4), *рабо́т'и* (2), *каро́вы* (4), *з'ам'л'е́* (1), *р'ак'и́* (1); Счетн. *бр'ига́ды* (1), *каро́в'и* (1), *а́ўцы* (1), *рук'и́* (1); Д. *цаны́* (6), *жар'е́* (1), *каро́в'и* (1), *н'ав'е́сты* (2), *с'ам'е́* (2); М. *пл'иты́* (6), *ко́мнат'и* (1), *слу́жбы* (10), *ранн'е́* (2), *рук'е́* (1).

2.2. Р.-Д.-М. *жены́, коро́вы, земли́, руке́/руки́* (Зап. 186).

2.3. Р.-Д.-М. *-и/-е* (мягкая разновидность), *-е* ("заднеязычная" разновидность).

2.3.А. "Обратная" система твердой разновидности склонения (Зап. 52, 147).

2.3.Б. Системы с совпадением флексий Р.-Д.-М. в твердой разновидности склонения. Р.-Д.-М. *жены́, коро́вы, земли́/земле́, руке́* (Зап. 113).

Р.-Д.-М. *жены́, коро́ве/коро́вы, земли́/земле́, руке́* (Зап. 127, 136, 149, 288).

Р.-Д.-М. *жене́/жены́, коро́ве/коро́вы, земле́/земли́, руке́* (Зап. 44, 47, 75).

2.3.В. "Предложно-обратная" система твердой разновидности склонения (Зап. 161).

По-видимому, системы с частичным различением мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения в большей части представляют собой результат разрушения исходной системы с мягкой и "заднеязычной" разновидностью Р.-Д.-М. *-е*. Но могут они развиваться и из систем с различением мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения.

Обращает на себя внимание тот факт, что в говорах с полным или частичным различением мягкой и "заднеязычной" разновидностей склонения последняя хотя бы в качестве вариантного имеет окончание Р.-Д.-М. *-е*, исторически являющееся окончанием твердой разновидности древнепсковской "синкретической" системы *а*-склонения [Зализняк 1993, 152], а первая – окончание *-и* в тех же падежах (опять же хотя бы в качестве одного из возможных), которое восходит к окончанию мягкой разновидности склонения древнепсковской системы. Совпадение окончаний Р.-Д.-М. твердой разновидности склонения свойственно большей части говоров, противопоставляющих мягкую и "заднеязычную" разновидности склонения. Можно поэтому предполагать, что такие системы восходят к древнепсковской "синкретической" системе Р.-Д.-М. *жене́, земли*, а флексия твердой окситонированной разновидности *-ы*, вариантная флексия мягкой разновидности, восходящая к *-*е́*, и флексия Р. с предлогами являются в относящихся к группе II системах инновациями, причем первая и последняя возникают под влиянием ареальных тенденций.

III группа. Изредка в материалах ДАРЯ встречаются говоры, в системах *а*-склонения которых просматривается при различии разновидностей склонения "обратные" системы мягкой и/или "заднеязычной" разновидностей склонения. Такие системы отмечаются в Зап. 58, 81, 82, 83, 85, 93, 94, 117, С.-Зап. 272. Эти системы несколько различаются по своему устройству.

В говоре *д. Козловка Торопецкого р-на Великолукской обл.* (Зап. 93) при "предложно-обратной" системе твердой окситонированной разновидности *а*-склонения, синкретических твердой баритонированной и мягкой разновидностях просматривается "обратный" принцип устройства "заднеязычной" разновидности склонения.

Р. с предлогом тверд. окситон. *у с'астр'е́, у жан'е́*; *с Маскв'е́, с вайны́, по́с'л'ь вайн'е́, ат ызбы́, ат вады́, ат с'т'аны́*, баритон. *дл'а каро́в'и, дл'а каро́вы, по́с'л'ь рабо́ты, н'а бо́л'шъ л'и́тры*; Р. без предлога тверд. окситон. *вайны́ н'ь было́, травы́ н'е́т*, баритон. *с'и́лы ма́ла, п'ар'и́ны, мал'и́ны*; мягк. *дл'а с'ам'је́, дл'а радн'е́, б'ьз з'амл'е́*; заднеязычн. *ът р'ак'е́; мук'е́; кълъ р'ак'е́*. Д. тверд. окситон. *пъ анно́й стараны́, пъ с'п'ины́, к Масквы́, к с'т'аны́, пъ вады́, г жаны́*; баритон. *к н'ав'е́сты, каро́вы, И́ры, к ма́мы, пъ каро́вы, пъ кварт'и́ры*; мягк. *г з'амл'е́, к с'ам'је́*. М. тверд. окситон. *в Масквы́, нъ гары́, в ызбы́, в т'ур'мы́, на м'ажы́, аб вайны́, в фаты́, в т'ьмнаты́, в гълавы́, нъ вайны́, в гълав'е́*; баритон. *в це́рквы, в па́хаты, нъ р'аз'и́ны, в Варша́вы, на жо́пы, на рабо́ты, нъ ахо́ты, в па́хът'ь*; заднеязычн. *в шалух'и́*.

Системы такого рода нуждаются в дополнительном изучении и проверке в ходе полевых исследований. Можно предположить, что они представляют собой остатки моновариантных "обратных" систем склонения.

Таким образом, распространенная в западнорусских говорах трактовка *а*-основ, оканчивающихся на заднеязычные согласные, как морфонологически мягких, лишь в северо-западных севернокривичских по происхождению говорах имеет ареальный характер. Фонетической предпосылкой этого явления оказывается исконное отсутствие в этих говорах второй палатализации заднеязычных согласных, известное по древнейшим новгородским берестяным грамотам. Присоединение *а*-основами на заднеязычный согласный окончаний мягкого типа склонения встречается уже в древнейших псковских грамотах XIV в. [Зализняк 1993, 152]. Это отмечается прежде всего в системах, восходящих к древнепсковской, отличительной чертой которой является синкретизм Р.-Д.-М. Напротив, "обратным" системам, одной из наиболее архаичных систем в данном регионе, которые, по-видимому, представляют собой особенность севернокривичского диалекта, изначально должно было быть свойственно неразличение разновидностей склонения. Отмечаемые в современных диалектах системы *а*-склонения имеют иновационный характер: они складываются, по-видимому, под влиянием ряда более поздних тенденций, среди которых важнейшими являются распространение несмягчающего окончания Р.,Д.,М. *-ы* в твердом варианте склонения; распространение (или сохранение?) смягчающего основу окончания у баритонированных *а*-основ; распространение окончания *-е* в мягкий вариант склонения; возникновение "родительного предложного" падежа; возникновение падежного синкретизма у отдельных типов основ в "обратных" системах *а*-склонения.

Можно предполагать, что наиболее архаичными из рассмотренных выше "синкретических" северо-западных систем *а*-склонения являются такие, в которых основы на заднеязычные согласные отличаются присоединяемыми окончаниями как от основ на твердые, так и на мягкие согласные. В этих системах основы на заднеязычные присоединяют окончание Р.-Д.-М. *-е*, свойственное твердому типу склонения в древнепсковском, а основы на мягкие сохраняют, как в древнепсковском, окончание *-и*. И лишь основы на парные твердые согласные подвергаются общей для северо-западного региона тенденции заменять старое окончание *-е* новым *-ы*. В большинстве же систем севернокривичского ареала основы на парные мягкие согласные присоединяют новое окончание *-е*, по всей вероятности, проникающее в мягкий тип *а*-склонения из твердого. Нельзя приуменьшать роль в этом процессе фонетически мягких перед гласными переднего ряда основ на заднеязычные согласные, сохраняющих старое окончание *-е* твердого типа склонения.

ЛИТЕРАТУРА

[Бромлей, Булатова 1972] – *С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[Верхратский 1902] – *І. Верхратський.* Про говір галицьких лемків. Львів, 1902.

[Дейна 1957] – *K. Dejna.* Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957.

[Жидович 1969] – *М.А. Жыдовіч.* Назоўнік ў беларускай мове. Ч. І. Адзіночны лік. Мінск, 1969.

[Жилко 1955] – *Ф.Т. Жилко.* Нариси з діалектології української мови. Київ 1955.

[Зализняк 1993] – *А.А. Зализняк.* К изучению языка

берестяных грамот. – В.Н. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1979-1986 гг.) М., 1993.

[Зализняк 1995] – *А.А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

[Кривицкий и др. 1973] – *А.А. Кривицкий, А.Е.Михневич, А.И.Подлужный.* Белорусский язык для небелоруссов. Минск, 1973.

[Курс 1961] – *М.А. Жовтобрюх, Б.М. Кулик.* Курс сучасної української літературної мови. Київ, 1961.

[Лопатина 1998] – *Л.Е. Лопатина.* Словосочетания числительных *два, три, четыре* с существительными. – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.

[Матвияс 1983] – *І. Г. Матвіяс.* Взаємодія основ с твердими і м'якими приголосними у відмінковій парадигмі іменника. // Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. Київ, 1983.

[Назарова 1964] – *Т.В. Назарова.* Іменникови ъ-закінчення в північноукраїнських говорах. // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

[Назарова 1985] – *Т.В. Назарова.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яти. Київ, 1985.

[Нарысы 1964] – Нарысы па беларускай дыялектологіі. Мінск, 1964.

[Николаев 1988], [Николаев 1989] – *С.Л. Николаев.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных русских народных говорах. 1. Кривичи. – Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

[Панькевич 1938]– *І. Панькевич.* Українські говори Підкарпатської Руси. Прага, 1838.

[Пура 1958] – *Я.О. Пура.* Говори західної Дрогобиччини. Львів, 1958.

[Расторгуев 1927] – *П.А. Расторгуев.* Северско-белорусский говор. Ленінград, 1927.

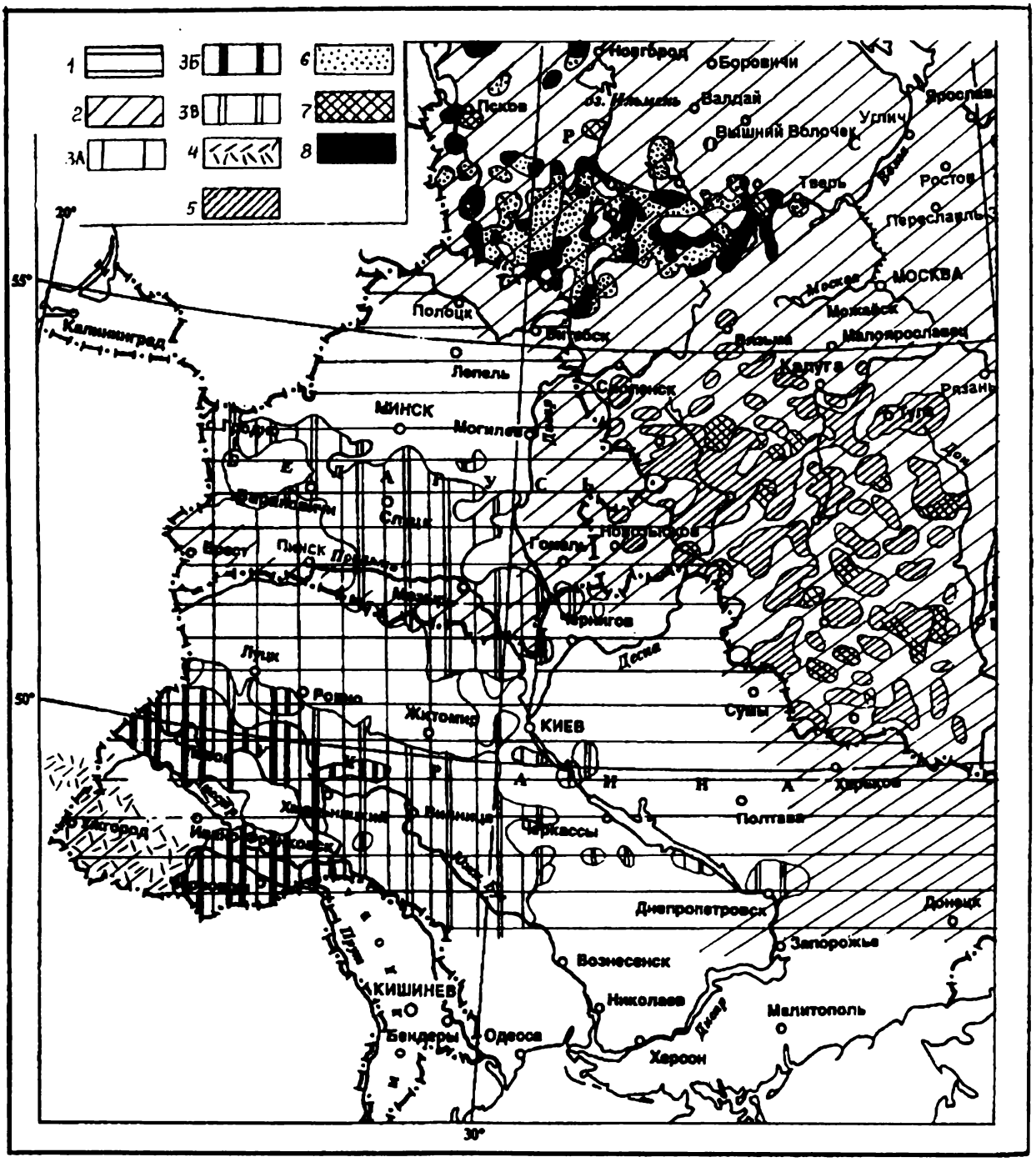
[Седов 1975] – *В.В.Седов.* Смоленская земля. – Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

[Тер-Аванесова 1998] – *А.В. Тер-Аванесова.* Окончания родительного, дательного и местного падежей *а*-склонения в восточнославянских диалектах. – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.

[Янов 1936] – *J. Janów.* Nie dostrzeżona przez badaczy kategorja językowa (dualis rzeczowników na *'a* w języku ukraińsko-ruskim). // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. R. XVI, z. 3. Lwów, 1936.

[Янов 1938] – *J. Janów.* Ważniejsze cechy gwar huculsko-pokutskich. // Komisja Naukowych Badań Ziem Wschodnich. Warszawa, 1938.

Карта № 1. Морфонологические особенности склонения имен существительных с основой, оканчивающейся на заднеязычный согласный.

Условные обозначения:

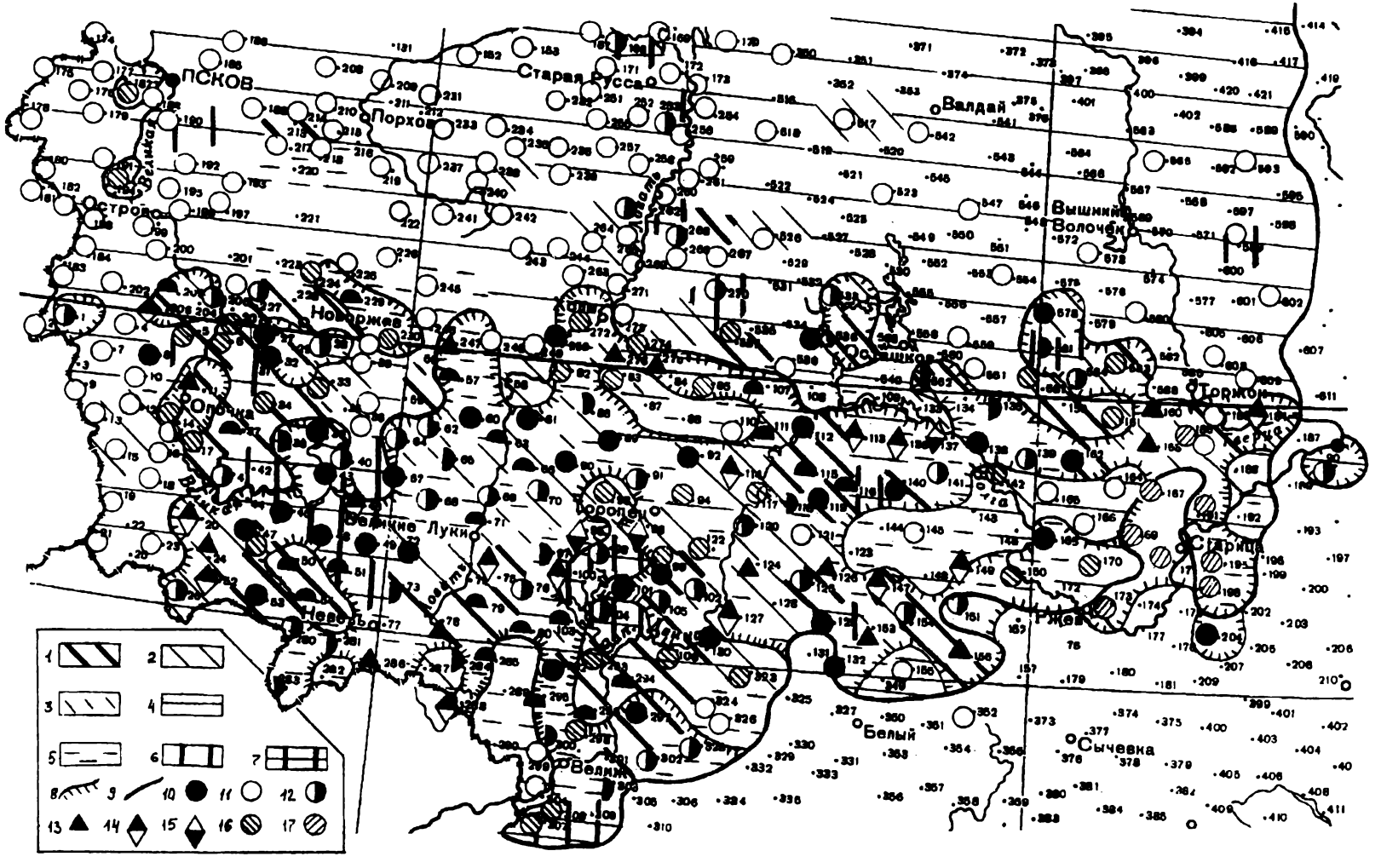
I. Наличие-отсутствие переходного смягчения заднеязычных согласных в исходе основы перед окончаниями, восходящими к *ě и *i дифтонгического происхождения.

1. Переходное смягчение заднеязычных согласных перед окончаниями дательного и местного падежей единственного числа существительных *а*-склонения и местного падежа единственного числа *о*-склонения (укр. *руц'і́, ноз'і́, бо́ц'і, бе́рез'і*, бел. *руцэ́, дуз'е́, стра́с'е, бо́цы*, рус. *руце́, наз'е́, бо́цы*). 2. Отсутствие переходного смягчения заднеязычных согласных в тех же случаях (бел. *рук'е́, наг'е́, стра́х'е, бо́к'е*, рус. *рук'е́, ног'е́, му́х'е, стра́х'е, враг'е́, бо́к'е*, укр. *рук'і́, ног'і́, бо́к'і*). 3. Переходное смягчение заднеязычных согласных перед окончанием счетной формы существительных *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода, восходящим к окончанию nom.-acc. dualis: А. отмечено у существительных *о*-склонения среднего рода (укр. *дв'і́ ја́блуц'і*, бел. *д'з'в'е́ в'е́ц'е*); Б. не зависит от места ударения у существительных *а*-склонения (укр. *дв'і́ руц'і́, дв'і́ д'і́вц'і*); В. только перед ударенными окончаниями счетной формы существительных *а*-склонения (укр. *дв'і́ руц'і́, дв'і́ д'івк(')и*, полесск., бел. *дв'іе́ руц'іе́, дв'іе́ д'іе́вк'і*, бел. *д'з'в'е́ руцэ́, д'з'в'е́ д'з'е́ўк'і*). 4. Переходное смягчение заднеязычных согласных перед окончанием именительного падежа множественного числа *о*-склонения мужского рода, восходящим к *i (укр. *во́вци* (*во́вц'і*)).

II. Принадлежность основ на заднеязычный согласный к твердой/мягкой разновидности склонения (русские говоры).

В говорах с различением твердой и мягкой разновидностей склонения основы на заднеязычные согласные присоединяют: 5. окончание твердой разновидности склонения *-е* (в Р. ед. числа с предлогами, М. ед. числа, по говорам – также и в Д. ед. числа); 6. окончания мягкой разновидности склонения: *-е* или *-е* наряду с *-и* (в Р., Д., М. ед. числа, счетной форме); 7. окончание мягкой разновидности склонения *-и* (в Р., Д., М. ед. числа и счетной форме); 8. особый набор окончаний, отличный как от твердой, так и от мягкой разновидности склонения.

Карта № 2. Окончания родительного, дательного и местного падежей ед. числа существительных *а*-склонения с основой на заднеязычный согласный в соотношении с окончаниями других разновидностей *а*-склонения

Условные обозначения:

Основные типы подсистем родительного, дательного и местного падежей единственного числа твердой разновидности *а*-склонения (с учетом ударенности/безударности окончания).

1. Р. *жен'е́, коро́в'е*, Д.-М. *жены́, коро́вы* (*~коро́в'е*).
2. Р. с предлогами *жен'е́, коро́в'е*, Р. без предлогов, Д.-М. *жены́, коро́в'ы* (*~коро́в'е*).
3. Р. *жены́, коро́в'е*, Д., М. *жены́, коро́вы* (*~коро́в'е*).
4. Р., Д., М. *жены́, коро́вы*.
5. Р., Д., М. *жены́, коро́вы* (*~коро́в'е*).
6. Р., Д., М. *жен'е́, коро́в'е*.
7. Р., Д., М. *жены́ ~ жен'е́, коро́вы ~ коро́в'е*.
8. Отмечено окончание *-е* в Р., Д., М. и счетной форме у существительных *а*-склонения с основами, оканчивающимися на мягкие и заднеязычные согласные.
9. Граница распространения систем с окончанием Д.-М. *-ы* твердой разновидности *а*-склонения.

(Примечание. Знаками 1-2 обозначаются также разновидности соответствующих систем, которым свойственно варьирование окончаний *-ы* и *-е* в Р. или Д.-М. Знаками 4-5 обозначаются также системы с различием окончаний Д. и М.).

Ударенные окончания, присоединяемые основами, оканчивающимися на заднеязычные и мягкие согласные.

	основы на заднеязычные	основы на мягкие	примеры
10.	*-е*	*-е*	*рук'е́, з'амл'е́*
11.	*-и*	*-и*	*рук'и́, з'амл'и́*
12.	*-е ~ -и*	*-е ~ -и*	*рук'е́~рук'и́, з'амл'е́~з'амл'и́*
13.	*-е*	*-и*	*рук'е́, з'амл'и́*
14.	*-е*	*-е ~ -и*	*рук'е́, з'амл'е́~з'амл'и́*
15.	*-и ~ -е*	*-е*	*рук'е́~рук'и́, з'амл'е́*

16. "Обратная" система флексий Р., Д. и М. в одной из разновидностей склонения при совпадении флексий указанных падежей – в другой (Р. *рук'е́, з'амл'е́*, Д.-М. *рук'е́, з'амл'и́*; Р. *рук'е́, з'амл'и́*, Д.-М. *рук'и́, з'амл'и́* и под.).

17. "Прямая" система флексий Р., Д., М. в одной из разновидностей склонения при совпадении флексий указанных падежей – в другой (Р. *рук'е́, з'амл'и́*, Д.-М. *рук'е́, з'амл'е́* и под.).

А. В. Тер-Аванесова

ОТРАЖЕНИЕ ФЛЕКСИИ NOM.-ACC. DUALIS В СЧЕТНОЙ ФОРМЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ *А*-СКЛОНЕНИЯ И *О*-СКЛОНЕНИЯ СРЕДНЕГО РОДА

Цель данной карты – отобразить такие флексии счетной формы существительных *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода в восточнославянских диалектах, применительно к которым можно говорить о сохранении старых окончаний nom.-acc. dualis *-*ě* (твердая разновидность склонения) / *-*i* (мягкая разновидность склонения). Счетной формой принято называть особую падежную форму, выступающую в контекстах с числительными *два*, *три*, *четыре*, *пол*, *полтора* и местоимением *оба*. В современном русском литературном языке, как показал А. А. Зализняк, счетная форма представлена особыми окончаниями только у небольшого числа существительных мужского рода, а также выражается в особенностях согласования прилагательных и глаголов с существительными, стоящими в указанных контекстах ([Зализняк 1967, 46-48], [Зализняк 1977]; добавления см. в [Мельчук 1985, 430-437]).

Исходя из поставленной задачи, на данной карте показаны флексии счетной формы твердой разновидности *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода, восходящие к -**ě*, например, рус. *-е*, *-ё*, *-ie*, бел. *-е*, *-ie*, укр. *-і*, полесск. *-ie*; такие флексии в украинских и белорусских говорах отмечены одним знаком, невзирая на фонетические различия. Что касается мягкой разновидности склонения, то на украинской и белорусской частях карты помещены только данные по *а*-склонению; относительно *о*-склонения среднего рода см. ниже в комментарии. На украинской и белорусской территории показаны не только рефлексы исконного окончания мягкой разновидности склонения *-*i* (укр. *дві́ земли́*, бел. *дзве́ зямлі́*), но и окончания, распространившиеся в мягкой разновидности под влиянием твердой и представляющие собой развитие *-*ě* (укр. *дві́ землі́*, бел. *дзве́ зямле́*). Данные о сохранении флексии nom.-acc. du. старой мягкой разновидности склонения в немногих русских говорах также нанесены на карту.

Флексии счетной формы другого происхождения (например, русские формы *два́ ведра́*, *три́ жены́*, *три́ жёны*, украинские *два́ ві́дра́*, *три́ жени́*, белорусские *два́ вядра́*, *тры́ жаны́* и др.) на данной карте не показаны. Они нашли отражение на опубликованной во 2-м выпуске «Восточнославянских изоглосс» карте «Словосочетания числительных *два*, *три*, *четыре* с существительными» [Лопатина 1998], где представлена также счетная форма существительных *о*-склонения мужского рода. В отличие от карты Л. Е. Лопатиной, предлагаемая карта, во-первых, имеет диахроническую направленность, отражая архаизм, неравномерно сохранившийся в диалектах восточнославянских языков (окончание nom.-acc. du. существительных *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода, функционирующее в современных диалектах как показатель счетной формы); во-вторых, она включает материал по среднему роду, на карте Л. Е. Лопатиной не помещенный. В-третьих, на данной карте показано распространение флексии *-е* счетной формы в русских говорах, причем учет свойственных этим говорам подсистем родительного, дательного и местного падежей единственного числа (далее Р.,Д.,М.) позволяет отделить говоры, в которых эта флексия исконна (восходит к формам dualis), от тех, в которых она вторична.

Следует специально подчеркнуть, что в современных восточнославянских диалектах счетная форма представляет собой род падежной формы существительных, выступая лишь в контекстах перечисленных выше слов. Речь не может здесь идти о сохранении граммемы двойственного числа хотя бы уже потому, что, во-первых, счетная форма сочетается не только с *два*, но и с *три*, *четыре*, *полтора* (а, стало быть, речь могла бы идти только о специальной форме 'небольшого количества', а никак не о дуалисе), а во-вторых, в отличие от форм двойственного числа, счетная форма резко ограничена по своей синтаксической функции: она возможна лишь в позициях подлежащего и неодушевленного дополнения (то есть синтаксически эквивалентна номинативу и неодушевленному аккузативу), тогда как набор синтаксических функций, выполняемых формами дуалиса в славянских языках (в старославянском, в современном словенском), охватывает всю падежную парадигму. Дополнительным аргументом в пользу того, что двойственного числа в современных восточнославянских языках не сохранилось, служит тот факт, что само морфологическое отличие счетной формы от генетива единственного числа сохранилось здесь только у существительных, тогда как в согласуемых

формах оно начисто исчезло. С точки зрения согласования прилагательного, причастия, личных форм глагола и анафорических местоимений счетная форма эквивалентна форме множественного числа.

Необходимо сделать оговорку, что содержание термина "счетная форма" применительно к существительным *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода оказывается существенно иным, чем если речь идет о существительных *о*-склонения мужского рода: последние, хотя бы в малой своей части, имеют в известных контекстах особый показатель, тогда как показатели счетной формы первых лишь в единичных говорах отличаются от показателей Р.,Д.,М. либо именительного падежа множественного числа. Так, в подавляющем большинстве современных восточнославянских диалектов флексия счетной формы *а*-склонения совпадает с флексией одного из перечисленных падежей. Употребляя ниже термин "счетная форма" применительно к существительным *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода, мы фактически имеем в виду падежные флексии, имеющиеся у этих существительных в типичных для счетной формы контекстах. Следует заметить, что такой же смысл имеют в настоящей работе и термины "Р.", "Д.", "М.". Случаи, когда речь идет о счетной форме как отдельном падеже, характеризующемся специфическими окончаниями, специально оговариваются.

Для составления восточнославянской карты использованы данные ДАБМ (карты 206 «Форма назоўнікаў ніякага роду у спалучэнні з лічэбнікамі *два*, *дзве*, *тры*, *чатыры*», 207 «Форма назоўнікаў жаночага роду у спалучэнні з лічэбнікамі *дзве*, *тры*, *чатыры*»), АУМ (т. 1, карты 274 «Словосполучення *дві руки*», 275 «Словосполучення *два відра*»; т. 2, карты 257 «Словосполучення *дві руки*», 258 «Словосполучення *два відра*»), «Лінгвістичного атласа Нижньої Прип'яти» [Назарова 1985], а применительно к русской территории – ответы на вопросы 68 и 131 «Программы», хранящиеся в архиве ДАРЯ. Используются также данные диалектологической литературы.

На территории Украины и Белоруссии окончания счетной формы существительных среднего рода твердой разновидности *о*-склонения, восходящие к -**ě*, образуют большой компактный ареал, включающий южнобелорусские, брестско-пинские, западно- и среднеполесские говоры, бóльшую часть правобережной Украины и юго-западные украинские говоры, исключая большинство бойковских, центрально- и западногуцульские и "карпатоукраинские" русинские говоры. Отметим, что отсутствие на карте 257 2 тома АУМ такого окончания у существительных среднего рода в говорах Тернопольской обл. является случайностью: оно объясняется отсутствием в них картографируемой лексемы *відро* (в соответствующем значении употребляется существительное *а*-склонения *путня*). Окончания счетной формы твердой разновидности *а*-склонения, восходящие к исконному окончанию nom.-acc. du. -**ě*, также образуют два компактных ареала: южнобелорусские говоры, исключая брестско-пинские и говоры бассейна Ясельды, и украинские говоры к северу от Днестра (по традиционной классификации – наддністрянские, надсянские и частично бойковские), подольские и покутско-буковинские. Оба эти ареала совмещаются с описанным выше ареалом флексий, восходящих к -**ě*, у существительных среднего рода, так что северная и восточная границы рассматриваемых ареалов практически полностью совпадают.

Типичное для современных говоров варьирование показателя счетной формы, восходящего к nom.-acc. du., с иными флексиями счетной формы более позднего, аналогического происхождения на карте не показано.

Карты АУМ и ДАБМ содержат сведения лишь о флексиях счетной формы твердой разновидности склонения. Тем не менее изоглоссу сохранения флексии nom.-acc. du. мягкой разновидности склонения можно провести, опираясь на косвенные данные. Так, в литературе, где описаны границы указанных ареалов на территории Украины, говорится о совпадении флексий счетной формы, восходящей к формам dualis, и Д.-М. как твердой, так и мягкой разновидностей *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода (а также ряда других флексий, имеющих в своем составе **-ě* и **-i*) (см. [Дейна 1957], [Янов 1936], [Янов 1938], [Кобылянский 1953]).

Таким образом, ареал распространения флексии счетной формы мягкой разновидности *а*-склонения, восходящей к **-i*, показан на основании карт АУМ, содержащих сведения о флексиях Р.,Д.,М. мягкой разновидности *а*-склонения, а также сводной восточнославянской карты ([Тер-Аванесова 1998]). Северная и восточная граница этого ареала совпадают с границей распространения системы флексий Р.,Д.,М. и Счетн. *а*-склонения, непосредственно восходящей к праславянской системе (Р. **ženy*, **zemlě*, Д.-М.-Счетн. **ženě*, **zemli* > укр. Р. *жени́*, *земли́*, Д.-М.-Счетн. *жені́*, *земли́*), а южная и западная – с границей ареала сохранения флексии nom.-acc. du. *а*-склонения в "счетных" контекстах. Данный ареал располагается на территории галицких говоров.

На остальной украинской территории, где сохраняются формы nom.-acc. du. в *а*-склонении, в преде-

лах распространения "украинской литературной" системы Р.,Д.,М. *а*-склонения, счетная форма имеет единую для твердой и мягкой разновидностей склонения флексию *-i*, восходящую к *-*ě*. При этом соблюдается принцип совпадения флексий Д.-М.-Счетн.: **ženě*, **zemlě* > укр. *жені́*, *земл́і*. То же наблюдается и в полесско-украинских говорах, но лишь в ударенных флексиях: Д.-М.-Счетн.: **ženě*, **zemlě* > полесск. *жен'іе́*, *земл'іе́*. Поэтому нами показана на территории рассматриваемого ареала граница "украинской литературной" и "полесско-украинской" систем *а*-склонения; в ее пределах распространена флексия счетной формы мягкой разновидности склонения, восходящая к **ě*.

Что касается интересующей нас флексии существительных среднего рода, то на основании указанных выше данных и наблюдений следует предполагать аналогичное наблюдаемому в *а*-склонении территориальное распределение окончаний мягкой разновидности склонения, восходящих к **ě* и **i* (ср. карту VI, изоглоссу 3 в [Дейна 1957]).

Безударные флексии Р.,Д.,М. и Счетн. по украинским говорам показывают некоторые отличия от ударенных, особенно заметные в счетной форме. Зона, где эти отличия минимальны – юго-западные галицкие говоры: здесь карта 275 2 тома АУМ показывает довольно последовательное употребление форм типа *дв'і́д'ĺвц'і*, *дв'і́ж'ĺн'ц'і* (с окончанием, восходящим к *-*ě*). Однако даже на этой территории встречаются формы (преимущественно с безударными окончаниями), традиционно объясняемые украинистами как возникающие под влиянием окончания мягкой разновидности склонения *-*i* (ср. *dv'í kúrk'y*, *dv'í ruk'ý*, а также *dv'í báby*, *trý hodýny* в говорах Тернопольской области [Дейна 1957, 84]). В полесско-украинских говорах безударным окончанием Р.-Д.-М.-Счетн. является исключительно *-і*, которое в этих говорах является закономерным развитием **i*: *дв'іе́ хáт'і*, *дв'іе́ в'ĺшн'і* [Назарова 1985, карта 83], [Назарова 1962]. Подобная система представлена также в северско-белорусском говоре [Расторгуев 1927, 80, 92]. В севернополесских и северском говоре присоединение флексии мягкой разновидности склонения далеко не всегда означает отсутствие переходного смягчения конечного заднеязычного согласного основы, ср. *д'в'іе́ о́ц'і*, *йáблоци* [Назарова 1962, 58], *на дорóз'і*, *свáс'і*, *свекрýс'і* (там же, с. 56 и далее), *к Лявóнісі* [Расторгуев 1927, 93].

Материалы, приводимые в комментариях к ДАБМ и в работе [Жидович 1969, 30-42], построенной в том числе на материалах ДАБМ, показывают системы флексий счетной формы двух типов. Системы "полесско-украинского" типа, составляющие бóльшую часть цитируемых примеров, характеризуются неразличением твердой и мягкой разновидностей склонения, но противопоставлением ударенной и безударной разновидности: *зьв'е́ зім́е*, *зьв'е́ пярэ́*, *абéзьв'е йайцэ́*, *абéзьв'е даццэ́*, а также без переходного смягчения *чатыры даскé*, *тры́ дачкé*, но *двí капы́цi*, *зьвé папорóсi*, *зьвé рýчкі*, *сóшке*, *вёске*, *тры́ йáйке* [Жидович 1969, 36-38] (не вполне ясно, какая фонетическая реальность стоит в приведенных записях за *е*, *э* в безударных слогах). Единичны данные о говорах с различением флексий счетной формы твердой и мягкой разновидностей склонения типа *зьв'е́ жанé*, *зьв'е́ душы́* (системы "белорусского" типа), ср. *тры́ в'адр'е́*, *тры́ йайцы́* (ДАБМ 668), *з'в'е́ вакн'е́*, *с'ал'е́*, *п'ис'м'е́*, *йайцы́* (ДАБМ 845).

В белорусских говорах отдельные лексемы сохраняют флексии двойственного числа Р.-М. (только *вóччу/ ваччý*, *вýшшу*) и Д.-Т. (у несколько большего числа слов: *вачы́ма*, *вушы́ма*, *плячы́ма*, *урашы́ма*, *гасцíма*, *зьв'ары́ма*) [Жидович 1969].

Ареал сохранения в счетной форме существительных твердого *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода исконного окончания nom.-acc. du. имеет и "естественные" границы: реки Неман (на севере), Березина, Днепр и Тетерев (на северо-востоке), Днестр (на юго-западе). Этот ареал соотносится с центральной и западной территорией Древней Руси; не включает он ее восточную часть: исконную территорию Русской Земли, переяславские, черниговские и северские земли. Древний Галич находится на границе современного распространения указанных форм: к югу от Днестра они вытесняются формами, совпадающими с nom. pl. у слов женского рода (*двí рýки/рýкы*), а у слов среднего рода – формами gen. sg. (*двá відрá*), либо счетные контексты у слов среднего рода вовсе отсутствуют, заменяясь сочетаниями с собирательными числительными (*двóе вíдер*).

Таким образом, в украинских и белорусских говорах наблюдается сохранение флексии nom.-acc. du. существительных *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода *-ě* в счетной форме (укр. *двí рукí*, *двí відрí*, бел. *дзвé жанé*, *дзвé вядрé*) на обширной территории, издревле населенной восточными славянами и бывшей частью Древней Руси. В одних говорах в пределах ареала встречаемости этих форм они являются единственно возможными, в других сосуществуют с инновационными формами. Рассматриваемое окончание у существительных *а*-склонения встречается на меньшей территории, чем у слов *о*-склонения среднего рода.

В отличие от украинских и белорусских говоров, в которых окончание счетной формы, восходящее к *-ě / *-i, встречается на обширной территории у существительных *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода, в русских говорах такое окончание отмечено только у существительных *а*-склонения. Все русские говоры, в которых отмечается флексия *-е* счетной формы в *а*-склонении, характеризуются существенными отличиями парадигмы *а*-склонения от соответствующей праславянской парадигмы, причем эти отличия касаются главным образом подсистемы Р.,-Д.-М. Спецификой русской территории является то, что далеко не во всех говорах, где встречается флексия *-е* счетной формы твердой разновидности *а*-склонения, она восходит к флексии nom.-acc. du., и наоборот, в некоторых говорах флексией счетной формы твердой разновидности *а*-склонения, восходящей к nom.-acc. du., является *-ы*. Разбору систем *а*-склонения с флексией счетной формы *-е* независимо от ее происхождения, всех систем, в которых окончание счетной формы восходит к nom.-acc. du., а также таких систем, где счетная форма представляет особый падеж, флексии которого отличны от флексий других падежей парадигмы, посвящено дальнейшее изложение.

В говорах русского языка окончания счетной формы у существительных *а*-склонения должны рассматриваться в системе падежных противопоставлений Р.-Д.-М., поскольку, во-первых, наличие счетной формы как особого падежа определяется тем, совпадает ли флексия словоформы, стоящей в "счетном" контексте, с флексиями каких-либо падежей в рамках этой подсистемы, а во-вторых, возможность возводить окончание *-е* счетной формы к nom.-acc. du. зависит от устройства системы флексий Р.-Д.-М. в говоре и ее происхождения.

Ниже учитываются следующие типы падежных контекстов, существенные для наших целей (здесь мы в целом следуем классификации, предложенной Л. Н. Булатовой в [Бромлей, Булатова 1977, 32-39]): Р. с предлогами (сравнительно редок в интересующей нас зоне Р. с предлогом *у*, противопоставленный прочим контекстам Р.), Р. без предлогов, Счетн., Д., М.; в случае совпадения в говоре флексий Р. с предлогами и Р. без предлогов мы пользуемся обозначением Р.

Для рассматриваемых в настоящей работе данных актуально деление существительных *а*-склонения на имеющие баритонированные (с ударением на основе) формы Р.,Д.,М. и Счетн. и имеющие окситонированные (с ударением на флексии) формы тех же падежей, а внутри каждого из этих классов существенно деление на основы, оканчивающиеся на твердые, мягкие и заднеязычные согласные. К твердой разновидности склонения в северо-западных русских говорах (в частности, в рассматриваемом ниже "севернокривичском" ареале) относятся основы на парные твердые согласные, к мягкой – основы на парные мягкие и (как правило) заднеязычные согласные; основы на отвердевшие шипящие и *ц* в одних говорах относятся к твердой разновидности склонения, в других (главным образом, расположенных в восточной части ареала) – к мягкой. В юго-западных говорах деление основ на морфонологически твердые и мягкие несколько иное: к мягкой разновидности склонения относятся основы на исконно мягкие согласные (лишь в небольшом количестве говоров сюда же относятся основы на заднеязычные и *р*), прочие типы основ относятся к твердой разновидности склонения (подробнее об этом см. в [Тер-Аванесова 1998]).

Ниже при характеристике систем *а*-склонения в качестве примера приводится по одной словоформе с каждым из окончаний, встречающихся в данном типе падежных контекстов у основ с тем или иным ауслаутом. В скобках после словоформы указывается число примеров с таким же окончанием. Например, "Д. *жены* (*5*), *жене* (*4*)" означает, что материалах по данному говору окончание *-ы* в контекстах, типичных для Д., в твердой "окситонированной" разновидности склонения встретилось 5 раз, а окончание *-е* – 4 раза.

Самый крупный ареал флексии счетной формы *-е* в твердой разновидности *а*-склонения на территории русского языка приблизительно очерчивается линией Опочка – Остров – Псков – Новоржев – Холм – Осташков – Торжок – Тверь – Старица – Ржев – Велиж, несколько мелких ареалов разбросаны на территории южного наречия.

I. Наиболее часто флексия *-е* счетной формы встречается в пределах ареала таких систем *а*-склонения, которым свойственны окончания Р. *-е* и Д.-М. *-ы* твердой разновидности склонения (в части этих систем окончания *-е* и *-ы* сосуществуют либо только в Р., либо только в Д.-М., либо во всех трех падежах). Этот ареал в другой работе [Тер-Аванесова 1998] был назван "севернокривичским", поскольку он соотносится с одной из наиболее архаичных областей распространения археологических находок, связываемых с племенем кривичей (см., например, [Седов 1975]), а также вписывается в более обширный ареал распространения архаизмов, восходящих к кривичскому племенному диалекту, точнее, его северной ветви [Николаев 1987], [Николаев 1988]. Помимо уже названных особенностей сис-

тем *а*-склонения, в говорах севернокривичского ареала отмечаются следующие: основы на мягкие и задненебные согласные обычно присоединяют окончание *-е*, реже, подобно твердым основам, показывают колебание *-е/-и*; безударным окончанием в большинстве систем является смягчающее основу окончание *-и* < **-ĕ* (реже встречаются *-е*, *-а* < **ĕ*), у твердых основ обычно сосуществующее с *-ы*.

Среди систем Р.,Д.,М. *а*-склонения севернокривичского ареала при рассмотрении вопроса о счетной форме целесообразно выделять следующие наиболее частотные (приводится только твердая "окситонированная" разновидность склонения):

А). Р. *-е* (*жене́*), Д.-М. *-ы* (*жены́*) (так называемая "обратная" система; ее разновидности допускают колебание окончаний *-ы/-е* либо в Р., либо в Д.-М.);

В). В пределах данного ареала изредка встречаются говоры с так называемой "ятевой" системой *а*-склонения: Р.-Д.-М. *-е* (*жене́*);

С). Р с предлогом *-е* (*от жене́*), Р. без предлога, Д.-М. *-ы* (*жены́*) ("предложно-обратная система"; ее разновидности допускают колебание окончаний *-ы/-е* либо в Р., либо в Д.-М.).

D). Р.-Д.-М. *-ы/-е* (*жены́*, *жене́*);

Окончание *-е* в "счетных" контекстах встречается также в системах, ареалы которых непосредственно примыкают к севернокривичскому:

Р.-Д.-М. *жены́*, *коро́вы*, *земли́*, *руки́*;

Р.-Д.-М. *жены́*, *коро́вы*/*коро́ве*, *земле́*, *руке́*.

Как следует из беглого обзора особенностей приведенных выше систем, для определения показателя счетной формы релевантна твердая окситонированная разновидность *а*-склонения (в мягкой и твердой баритонированной разновидностях, как правило, представлен единый для Р.-Д.-М.-Счетн. показатель).

А. Центральное место в рамках севернокривичского ареала (как в географическом смысле, так и с точки зрения их встречаемости) занимают так называемые "обратные" системы *а*-склонения (Р. *жене́*, Д.-М. *жены́*). Предполагается, что "обратные" системы возникли в результате распространения в твердой разновидности склонения окончаний мягкой разновидности [Зализняк 1993, 128]. Современное географическое положение "обратных" систем (в чистом виде они зафиксированы на крайнем западе, в окрестностях Опочки и Новоржева, и крайнем востоке севернокривичского ареала, а с "наложением" на "обратное" распределение флексий систем, не различающих Р.-Д.-М., встречаются по всему ареалу, особенно к югу от Торопца) свидетельствует о древности их возникновения в рассматриваемом регионе: основные очаги этих систем совпадают с районами древнейших археологических находок, атрибутируемых как кривичские [Седов 1975]. Данный тип преобразования системы *а*-склонения имеется также в сербском литературном языке.

Учитывая способ образования "обратной" системы, следует ожидать, что первоначальным показателем счетной формы (или nom.-acc. du.) ее твердой "окситонированной" разновидности должна была быть флексия *-ы*. Однако в современных говорах с "обратной" системой *а*-склонения в типичных для счетной формы контекстах чаще встречаются словоформы с флексией *-е*, совпадающей с показателем генетива. Исторически совпадение показателей счетной формы и Р. в "обратных" системах могло иметь место как до, так и после образования этих систем.

Примеры "обратных" систем и систем, тяготеющих к "обратным", с окончанием счетной формы *-е*:

1. Б о л д и н о Опочецкого р-на Великолукской обл. (Зап. 17).

Р. *по́сл'ь вайн'е́*, *с ызб'е́*, *с рабо́т'и*, *с то́рб'ь*, *са шко́л'ь*, *с каз'е́*, *с каро́в'е*, *съ свайо́й каро́в'ь*, *из б'ар'о́ст'и*, *у ла́вк'и*; *гл'и р'ак'е́*; *р'ак'е́ н'е́т*, *мук'е́ н'ь дала́*, *ца́шку мук'е́*; Счетн. *чаты́р'и ӑўце́*, *тр'и же́н'шшын'е*, *д'в'е́ гълав'е́*, *д'в'е́ рук'е́*; Д.-М. *ф то́й ха́ты*, *ф т'ьснаты́*, *н'и в аби́ды*, *нъ вады́*, *ф то́й избы́*, *йо́н хад'и́л в ба́нды*, *нъ гары́*, *к ха́ты*, *ф ха́ты*, *в вады́*, *во́лны*, *нъ скъвaро́ды*, *аб вады́*, *пъ расы́*; *в на́шей стран'е́*.

2. Т р у б н и к и Ильинского р-на Великолукской обл. (Зап. 106).

Р. *у с'астр'е́* (1), *с ызб'е́* (5), *с р'ик'е́* (2); *мно́уъ на́да трав'е́* (1); Д.-М. *ны жары́* (6), *па мо́ды* (4), *к каро́в'и* (2), *ўр'е́нна ɣылав'е́* (2), *к р'ик'и́* (2); Счетн. *д'в'е с'астр'е́*, *тр'и быраз'з'е́*.

"Обратные" системы с флексией счетной формы *-е* встречаются в говорах нас. пп. Зап. 5, 6, 11, 17, 37, 39, 43, 52, 54, 75, 106, 115, 292, 294, 297, С.-Зап. 206, 207, 227, 229, 230.

Примером "обратной" системы с окончанием счетной формы *-ы* может служить говор д. В о л к о в о Кудеверского р-на Великолукской обл. (Зап. 34).

Р. *у жан'е́* (4), *дл'а каро́в'ь* (2), *ат р'ак'е́* (1), *дл'а с'в'ин'је́* (1); *н'е́т с'астр'е́*; Счетн. *д'в'е́ гълавы́*, *д'в'е́ рук'и́*, *д'в'е́ каро́в'и*; Д.-М. *к казы́* (3), *г ба́б'и* (2), *к каро́вы* (1), *к с'ам'ји́* (1), *нъ вады́* (1).

Такая же система представлена в говорах нас. пп. Зап. 66, 70, 86, 117, 125, 156, 159, 162, 296, 301, БСТ 537, 562. По-видимому, лишь применительно к "обратным" системам *а*-склонения с флексией счетной формы *-ы* можно говорить о сохранении в них исходной флексии nom.-acc. du.

В говорах нас. пп. Зап. 29, 28, 50, 59, 101, 105, 293 представлено колебание флексии счетной формы *-е/-ы* в твердой разновидности склонения. Все эти системы демонстрируют наложение на "обратный" типа "новгородского" (см. о нем ниже), то есть показывают в целом высокий процент флексии *-ы* по сравнению с *-е* в Р.-Д.-М., поэтому их можно считать вторичными по отношению к "обратным" системам с флексией счетной формы *-е*.

В. Одной из архаических систем севернокривичского ареала является "ятевая" система: Р.-Д.-М. *жене́*. Она в точности соответствует системе древненовгородского диалекта (Р.-Д.-М. *женѣ, землѣ*) и, по-видимому, напрямую к ней восходит. В современных говорах эта система встречается очень редко (в рассматриваемом ареале – только в нас. пп. Зап. 8, 42, 50, 119, 140), чаще – в сочетании с "обратными" или "новгородской" системой, о которой речь пойдет ниже. Примером чистой "ятевой" системы может служить говор д. *Ермолово* (Зап. 42).

Р. *ис трав'е́, ът н'ичыстат'е́, с луцы́н'е, ът пчал'и́н'и, с е́туй пр'а́жы, с мук'е́, с карто́шк'а, ът рабо́т'и* (единственный пример с окончанием *-ы ът работы*, по-видимому, представляет собой заимствование из литературного языка); Счетн. *тр'и́ в'арст'е́, тр'и́ с'астр'е́*); Д.-М. *жан'е́, з'амл'е́, рук'е́*.

Флексия счетной формы в системах такого устройства уже на ранней стадии их существования совпадает с Р.-Д.-М.

С. Результатом фонетического, а затем морфонологического преобразования системы Р., Д., М. *а*-склонения древненовгородского диалекта (Р.-Д.-М. *женѣ, землѣ*) стала широко распространенная в современных северо-западных и северных говорах русского языка система Р.-Д.-М. *жены́, земли́*, которую мы условно называем "новгородской". Для нее характерно неразличение твердой и мягкой разновидностей склонения.

Обширный ареал новгородской системы примыкает к севернокривичскому с севера и запада. Между этими двумя ареалами расположены "островки" (иногда значительного размера) систем, характеризующихся флексией Р.-Д.-М. твердой "окситонированной" разновидности склонения *-ы* и "ятевым" окончанием мягкой и твердой "баритонированной" разновидностей:

Р.-Д.-М. *жены́, коро́ве* (*/коро́вы*), *земле* (*/земли*), *руке* (*/руки*);

Р.-Д.-М. *жены́, коро́вы, земле́* (*/земли́*), *руке́* (*/руки́*).

Обычно в новгородской системе флексией счетной формы является *-ы* (мягк. *-и*), а в близких к ней системах, различающих твердую и мягкую разновидности склонения, соответственно, *-ы* (мягк. *-е*). В последних также изредка встречается окончание *-е* счетной формы твердой разновидности склонения:

1. Д у б р о в ы Новоржевского р-на Псковской обл. (Зап. 27).

Р. *в жаны́* (2), *ат рабо́ты* (1), *гл'и каро́в'и* (2), *ат р'ак'е́* (4), *б'из з'амл'е́* (1), *б'из ранн'и́* (1); *н'ет забо́ты* (2); Д.-М. *г жаны́* (6), *г з'амл'е́* (3), *на ро́д'ины* (2), *к р'ак'е́* (1); Счетн. *д'в'е́ изб'е́, д'в'е́ каро́в'и, д'в'е́ дац'к'е́, д'в'е́ снах'е́*.

2. К р е т и в л я Усмынского р-на Великолукской обл. (Зап. 103).

Р. с предлогом *у*: *у жын'е́* (1); Р. *с кары́* (4), *с халст'и́н'и* (2), *б'аз радн'е́* (1), *ат сах'е́* (1); *см'ата́н'и* (1), *радн'е́* (1), *трух'е́* (1); Счетн. *д'в'е́ з'им'е́, д'в'е каро́в'и*; Д.-М. *избы́* (8), *пр'иро́ды* (1), *в адне́й изб'е́* (1, по-видимому, под влиянием конструкции с предлогом *у*).

3. К о р о л и Торопецкого р-на Великолукской обл. (Зап. 122).

Р. *с вайны́* (1), *у Кът'ар'и́ны* (3), *у ма́м'и* (1), *б'ъз наг'е́* (2), *б'ъз наг'и́* (1); *малъ з'амл'е́* (2); Счетн. *чатыр'и с'астр'е́, тр'и́ с'ам'jú*; Д.-М. *к с'астры́* (6), *к н'ав'е́сты* (5), *ть Дв'ин'е́* (2), *нъ рабо́т'ь* (1), *у р'ак'е́* (3).

Подобная система встречается также в говорах дд. Жуки (Зап. 295), Медведево (БСТ 578) и Остров (С.-Зап. 144).

Системы этого типа могли с большой вероятностью возникнуть и как "обратные древнепсковским", и в результате "скрещивания" принципов устройства древненовгородской и древнепсковской систем (можно представить это так, что в юго-западной зоне распространения древненовгородской системы не было фонетического развития конечного **-ѣ* в *-і*, а распространение *-ы* в твердой разновидности *а*-склонения носило "ареальный" характер; влияние соседних древнепсковских систем сказалось в сохранении различия твердой и мягкой разновидностей склонения). Счетная форма при этом осталась за пределами тенденций, действовавших в Р.-Д.-М. По-видимому, это объясняется тем, что в период перестройки этих систем счетная форма не включалась в парадигмы единственного и множественного чисел, оставаясь словоформой, "присоединенной" к падежно-числовой парадигме существительных *а*-склонения.

D. "Предложно-обратные" системы: Р с предлогом *-е* (*от жене́*), Р. без предл., Д.-М. *-ы/-е* (*жены́, жене́*).

Системы этого типа, по-видимому, происходят из "новгородской" (Р.-Д.-М. *жены́*) в результате выделения "предложного родительного" с окончанием *-е*. Как и в системах типа "новгородской", в "предложно-обратной" системе флексия счетной формы *-е*, по-видимому, восходит к общей для Р.-Д.-М. и И.-В. мн. и дв. флексии *-ѣ*. В рассматриваемых говорах старая флексия сохраняется только в "счетных" контекстах, которые остались за пределами действия тенденции к вытеснению "ятевых" окончаний окончанием *-ы*:

1. П у п о в и ч и Новосокольнического р-на Великолукской обл. (Зап. 72).

Р. предложный: *с трав'е́* (4), *ат н'ав'ёс'т'е* (3), *с п'ан'к'е́* (1), *по́с'л'и вайны́* (1, под влиянием литературного языка?); Р. беспредложный: *казы́* (2), *ко́хты* (1), *каро́в'е* (1), *мук'е́* (4); Д.-М. *нъ вайны́* (3), *пр'и ба́ршшын'е* (2), *г з'им'е́* (1), *на рук'е́* (1), *у с'амје́* (1); Счетн. *д'в'е́ с'астр'е́, д'в'е́ школ'е́, д'в'е́ р'ак'е́*.

2. О з ё р к и Подберезинского р-на Великолукской обл. (Зап. 58).

Р. предложный: *дъ вайн'е́* (1), *с калóд'и* (1), *с анно́й с'амје́* (1); Р. беспредложный: *вады́* (1), *кл'у́квы* (1), *мук'и́* (1), *з'амл'е́* (1); Д.-М. *травы́* (8), *на украи́н'и* (1), *стъран'и́* (1); Счетн. *д'в'е́ с'амје́, д'в'е́ р'ак'е́, д'в'е́ гълав'е́*.

Системы такого типа встречаются также в говорах нас. пп. Зап. 14, Зап. 20, С.-Зап. 203; в целом же для "предложно-обратных" систем характерно окончание счетной формы *-ы* (оно встречается в Зап. 12, 15, 24, 26, 32, 33, 35, 78, 96, 100, 114, 123, 130, 133, 142, 147 и в подавляющем большинстве нас. пп. С.-Зап.).

Е. Большую группу в севернокривичском ареале образуют говоры с такими системами флексий Р.-Д.-М. единственного числа *а*-склонения, для которых характерно колебание *-ы/-е* у окситонированных основ на твердые согласные во всех указанных падежах (*жены́, жене́*). Многие из них имеют количественное соотношение форм с *-ы* и *-е*, напоминающее "обратные" системы. Такие говоры распространены главным образом в верховьях рек Великой, Ловати, Западной Двины и Волги, а также встречаются севернее – в окрестностях оз. Ильмень и по р. Шелони. В одних системах такого устройства флексии *-е* и *-ы* встречаются примерно с одинаковой частотой; в большей же части преобладает *-е* в Р. и/или *-ы* в Д.-М. Окончания счетной формы в таких системах обычно "повторяют" окончания Р.-Д.-М., однако в некоторых говорах при колебании *-ы/-е* в указанных падежах в счетной форме представлено только *-е* (см., например, приведенный ниже материал говоров дд. Алёё, Букино, Нестерово), либо только *-ы*.

1. Ш е м е н е ц Пустошкинского р-на Великолукской обл. (Зап. 45).

Р. *у жаны́* (2), *из Маскв'е́* (5), *дл'и сало́м'ь* (5), *къл р'ак'е́* (2), *дъ з'амл'е́* (1); *з'амл'е́* (1); Счетн. *тр'и́ каро́в'е, ч'аты́р'ь маг'и́лы, дв'е́ даск'е́, ч'аты́р'и с'ам'је́, дв'е́ с'ам'ји́*; Д.-М. *пъ вады́* (6), *ха́ты* (2), *у трав'е́* (1), *пъ каро́в'е* (2), *пъ м'ижсе́* (1), *нъ р'ак'е́* (1).

2. А л ё Новосокольничского р-на Великолукской обл. (Зап. 46).

Р. *круго́м изб'е́* (5), *б'ез рабо́т'и* (3), *са слу́жбы* (1), *с мук'е́* (4), *ат з'амл'и́* (1); *рабо́т'е* (3), *рабо́ты* (1), *вады́* (1), *иржы́* (1), *з'амл'е́* (1); Счетн. *дв'е́ с'астр'е́, дв'е́ афце́, дв'е́ кас'е́, тр'и́ варо́н'е, дв'е́ ра́н'е, дв'е́ дуг'е́*; Д.-М. *на паласы́* (1), *в ызб'е́* (2), *каро́в'е* (3), *па наг'е́* (1), *на з'амл'и́* (1).

3. Б у к и н о Великолукского р-на Великолукской обл. (Зап. 75).

Р. *ад жары́* (2), *из б'ар'о́зы* (4), *с л'ас'и́н'е* (1), *с р'ак'е́* (1), *дл'а су́мк'и* (3), *дл'и з'амл'и́* (2), *да з'амл'е́* (1), *дл'а па́шн'а* (1); *вайны́* (1), *мо́ды* (1), *талшшын'е́* (1), *рабо́т'е* (1), *наг'е́* (1), *з'амл'е́* (3); Счетн. *дв'е́ изб'е́, дв'е́ д'ис'ат'и́н'е, тр'и́ каро́в'е, тр'и́ с'амје́*; Д.-М. *в ызбы́* (5), *гра́маты* (3), *к ызб'е́* (1), *ф пагод'е* (2), *в р'ак'е́* (2), *в з'амл'и́* (1).

4. Н е с т е р о в о Пореченского р-на Великолукской обл. (Зап. 79).

Р. *ат сп'ин'е́* (3), *с уса́д'б'и* (5), *с Масквы́* (1), *са сва́д'бы* (1), *у сахе́* (1); *капн'е́* (1), *м'ёр'е* (1), *з'амл'е́* (1); Счетн. *на́ дв'и кас'е́*; Д.-М. *вайны́* (5), *машы́ны* (2), *изб'е́* (2), *ба́б'и* (4).

Колебание *-е* и *-ы* в счетной форме имеется в говорах следующих населенных пунктов: Зап. 41, 45, 47, 101, 213, 217, 295, 296, 303, а также во многих нас. пп. С.-Зап. Флексия *-ы* счетной формы представлена в говорах нас. пп. Зап. 31, 48, 65, 74, 98, 104, 129.

Вопреки предполагавшемуся ранее происхождению всех систем такого устройства из древнепсковской системы *а*-склонения [Тер-Аванесова 1998], теперь представляется возможным возводить к древнепсковской лишь их северо-западную часть, расположенную вокруг Пскова и севернее его. В пределах севернокривичского ареала более правдоподобным кажется образование таких систем в результате действия тенденции к падежному синкретизму в обратных системах *а*-склонения.

II. Счетная форма с окончанием *-е* твердой разновидности склонения и *-и* мягкой разновидности отмечена в четырех населенных пунктах на юго-западе

Калужской области, образующих микроареал. Этим говорам свойственны весьма специфические системы флексий ед. числа *а*-склонения. Как и во многих юго-западных русских говорах, здесь совпадают флексии Р. без предлога и предложного падежей (последний определяется контекстом с предлогом *о* (*об*): в этих падежах в твердой разновидности склонения выступает флексия *-ы* (под ударением; без ударения наряду с *-ы* возможна флексия *-е*, как в говоре д. Мамоново). В Д. преобладает флексия *-ы*, причем у одушевленных существительных она является господствующей, а в некоторых говорах – единственно возможной, тогда как у неодушевленных в данном микроареале встретилось исключительно *-е*. В М. твердой разновидности склонения имеется только *-е*, а в предложном родительном наблюдается преобладание *-е* над *-ы*. В мягкой разновидности склонения во всех перечисленных падежах представлено окончание *-и* (к мягкой разновидности относятся основы на парные мягкие и шипящие). К числу специфических особенностей этого микроареала относятся: принадлежность основ на задненебные к мягкой разновидности склонения (за исключением говора д. Асмолово) и окончание *-е* в счетной форме. Ниже приводятся примеры этих систем склонения.

1. Мамоново Кировского р-на Калужской обл. (Зап. 592).

Р. с предлогом *с вайн'е́* (5), *с ха́т'и* (4), *б'ис каро́вы* (2); Р. без предлога *дарóжа ба́б'а* (2), *пóл'зы н'е́т* (1); Счетн. *ва фс'е́ чатыр'и стран'е́* (1); Д. *пъсла́т' Ан'у́ты* (1), *к аб'е́дн'и* (1); М. *у изб'е́* (3), *у шкóл'а* (4); П. *ап каро́вы* (1).

2. Лосиная Кировского р-на Калужской обл. (Зап. 593).

Р. с предлогом *из Маскв'е́* (2), *ис шу́б'а* (6), *с в'асны́* (4), *из рабóты* (1), *ат м'ажы́* (3), *из з'амл'и́* (2); Р. без предлога *тра́вы н'е́т* (1), *ам'о́т салóмы* (1); Счетн. *чатыр'и капн'е́* (1); Д. *твайе́й с'астры́* (2), *к Ар'и́ны* (4), *к радн'и́*; *к ск'ирд'е́* (1); М. *нъ вайн'е́* (2), *у ха́т'а* (4).

3. Асмолово Барятинского р-на Калужской обл. (Зап. 594).

Р. с предлогом *дъ вайн'е́* (1), *с рабо́т'и* (4), *дл'ь сах'е́* (1); Счетн. *дв'е́ с'истр'е́* (1); Д. *к с'астры́* (1); М. *у стар'ин'е́* (1), *нъ гул'н'и́* (1), *на п'е́ш'к'и* (1).

4. Малая Песочня Кировского р-на Калужской обл. (Зап. 596).

Р. с предлогом *дъ вайн'е́* (7), *с ха́т'а* (3), *дъ паб'е́ды + са шкóлы* (2), *с мук'и́* (1); Р. без предлога *п'ир'и́ны* (1), *мук'и́* (1); Счетн. *дв'е́ касе́*, *дв'е́ с'амйи́*; Д. *к ста́ръсты* (1), *у жан'е́* (1) *к Маскв'е́* (1), *к ск'ирд'е́* (1), *пъ з'амл'и́* (1); М. *нъ слъбад'е́* (1), *на н'и́в'а* (6).

Системы более простого устройства с окончанием счетной формы *-е* встречаются на юге Калужской обл. (Зап. 740, 742) в Брянской (Ю. 55) и Липецкой (Ю. 340) областях: Р. предложный, Счетн., Д.-М. *жене́*, *земли́*, Р. беспредложный *жены́*, *земли́*.

Применительно к приведенным юго-западным системам *а*-склонения можно с уверенностью говорить о сохранении в них рефлексов окончания nom.-acc. du.

Таким образом, можно говорить о сохранении рефлексов формы nom.-acc. du. *а*-склонения лишь в небольшом числе русских говоров, – меньшем, нежели число говоров, в которых существительные *а*-склонения в контекстах с числительными *две*, *три*, *четыре*, *полторы* и местоимением *обе* имеют окончание *-е*. Последнее наблюдается только в тех русских говорах, в которых представлены перестроенные системы Р.,Д.,М. Рассмотрение флексий счетной формы в связи с подсистемой флексий Р.,Д.,М. показывает, что счетная форма сохраняет старую флексию двойственного числа только в немногих говорах южного наречия.

В севернокривичских "предложно-обратных" и близких к ним новгородских" системах (точнее, в их разновидностях, характеризующихся различением "окситонированной" и "баритонированной", твердой и мягкой разновидностей склонения) флексия счетной формы *-е* твердой разновидности *а*-склонения, очевидно, восходит к общей для Р.-Д.-М.,И.-В. мн. и дв. флексии **-ě*. В Р.-Д.-М. эта флексия была вытеснена окончанием *-ы/-и*. Сохранение "ятевого" окончания только в счетной форме можно объяснить только тем, что счетная форма в этих говорах не входила в состав падежно-числовой парадигмы существительного. Такое же происхождение имеет флексия счетной формы *-е* в говорах с совпадением флексий Р.-Д.-М. в *-е* либо с колебанием в этих падежах *-е* и *-ы*.

В "обратных" системах флексия счетной формы *-е* не восходит к старому окончанию nom.-acc. du., по-видимому, появляясь под влиянием флексии Р. до или после возникновения "обратной" системы. Напротив, на сохранение исконного окончания nom.-acc. du. в современных "обратных" системах *а*-склонения указывает окончание счетной формы *-ы*, отмеченное лишь в нескольких говорах.

Счетная форма как особый падеж, показатели которого не совпадают с показателями других падежно-числовых форм в рамках парадигмы *а*-склонения, из рассмотренных систем свойственна только системам "новгородского" типа.

ЛИТЕРАТУРА

[Бромлей, Булатова 1972] – *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[Дейна 1957] – *K. Dejna.* Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957.

[Зализняк 1967] – *А. А. Зализняк.* Русское именное словоизменение. М., 1967.

[Зализняк 1977] – *А. А. Зализняк.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

[Зализняк 1993] – *А. А. Зализняк.* К изучению языка берестяных грамот // *В. Л. Янин, А. А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1979-1986 гг.). М., 1993.

[Зализняк 1995] – *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

[Жидович 1969] – *М. А. Жыдовіч.* Назоўнік ў беларускай мове. Частка I. Адзіночны лік. Мінск, 1969.

[Жилко 1955] – *Ф. Т. Жилко.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[Кобылянский 1953] – *Б. В. Кобилянський.* Синтаксичний зв'язок кількісних числівників *два, три, чотири* з іменниками (на матеріалі української і російської мов). «Мовознавство», т. XII, 1953.

[Лопатина 1998] – *Л. Е. Лопатина.* Словосочетания числительных *два, три, четыре* с существительными // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.

[Мельчук 1985] – *И. А. Мельчук.* Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.

[Назарова 1964] – *Т. В. Назарова.* Іменникови *ѣ*-закінчення в північноукраинських говорах // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

[Назарова 1985] – *Т. В. Назарова.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яти. Київ, 1985.

[Николаев 1986, Николаев 1987] – *С. Л. Николаев.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных русских народных говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988; Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

[Расторгуев 1927] – *П. А. Расторгуев.* Северско-белорусский говор. Ленінград, 1927.

[Седов 1975] – *В. В. Седов.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

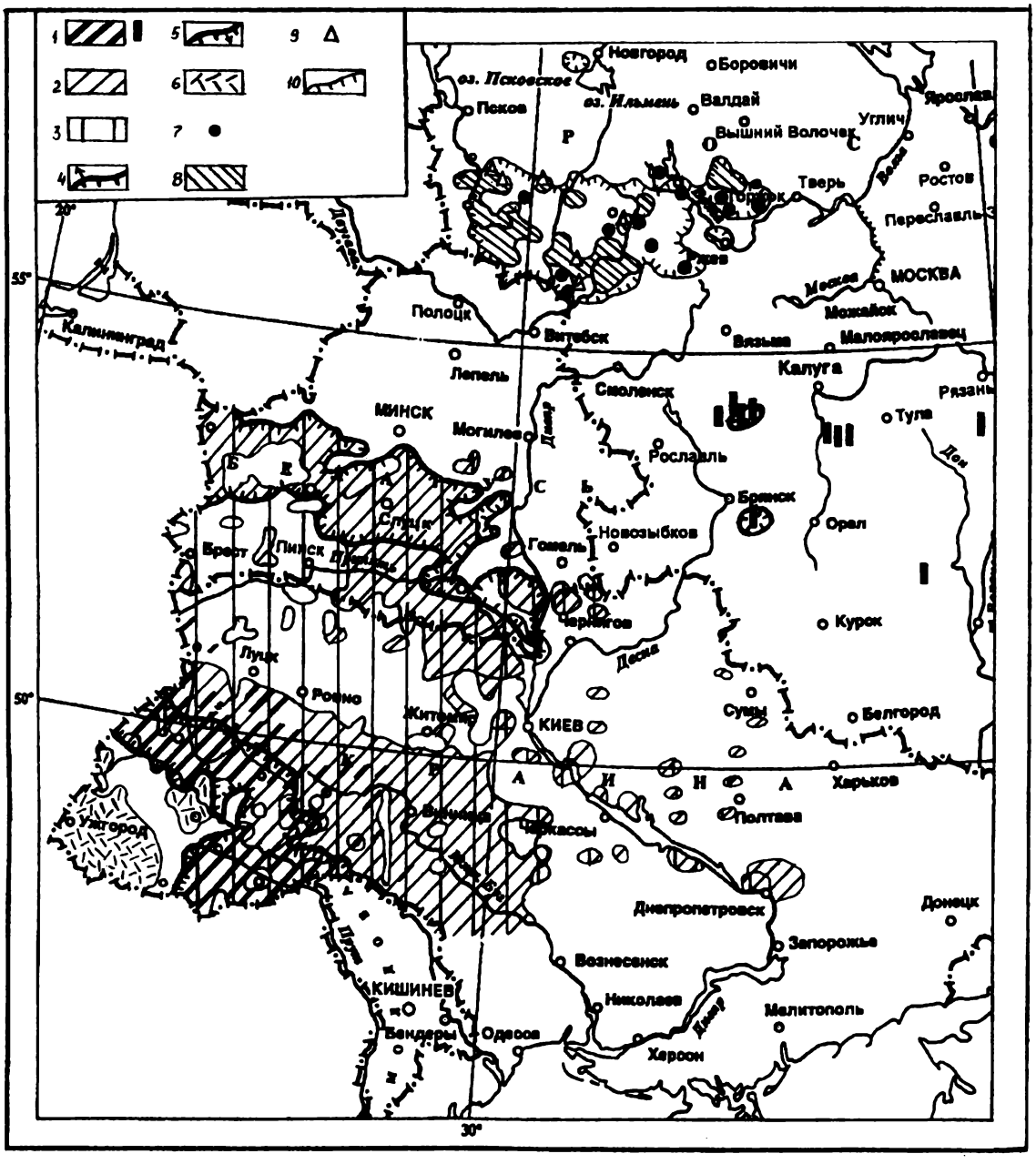
[Тер-Аванесова 1998] – *А. В. Тер-Аванесова.* Окончания родительного, дательного и местного падежей *а*-склонения в восточнославянских диалектах // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.

[Янов 1936] – *J. Janów.* Nie dostrzeżona przez badaczy kategorja językowa (dualis rzeczowników na *-'a* w języku ukraińsko-ruskim) // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. R. XVI, z. 3. Lwów, 1936.

[Янов 1938] – *J. Janów.* Ważniejsze cechy gwar huculsko-pokutskich. // Komisja Naukowych Badań Ziem Wschodnich. Warszawa, 1938.

www.ruslang.ru

Карта № 1. Отражение флексии nom.-acc. du. (**-ě* твердой разновидности склонения/**-i* мягкой разновидности склонения) в счетной форме существительных *a*-склонения и *o*-склонения среднего рода (укр. *-i/-u*, полесск. *-ie/-i*, бел. *-e/-i*, рус. *-e/-u*).

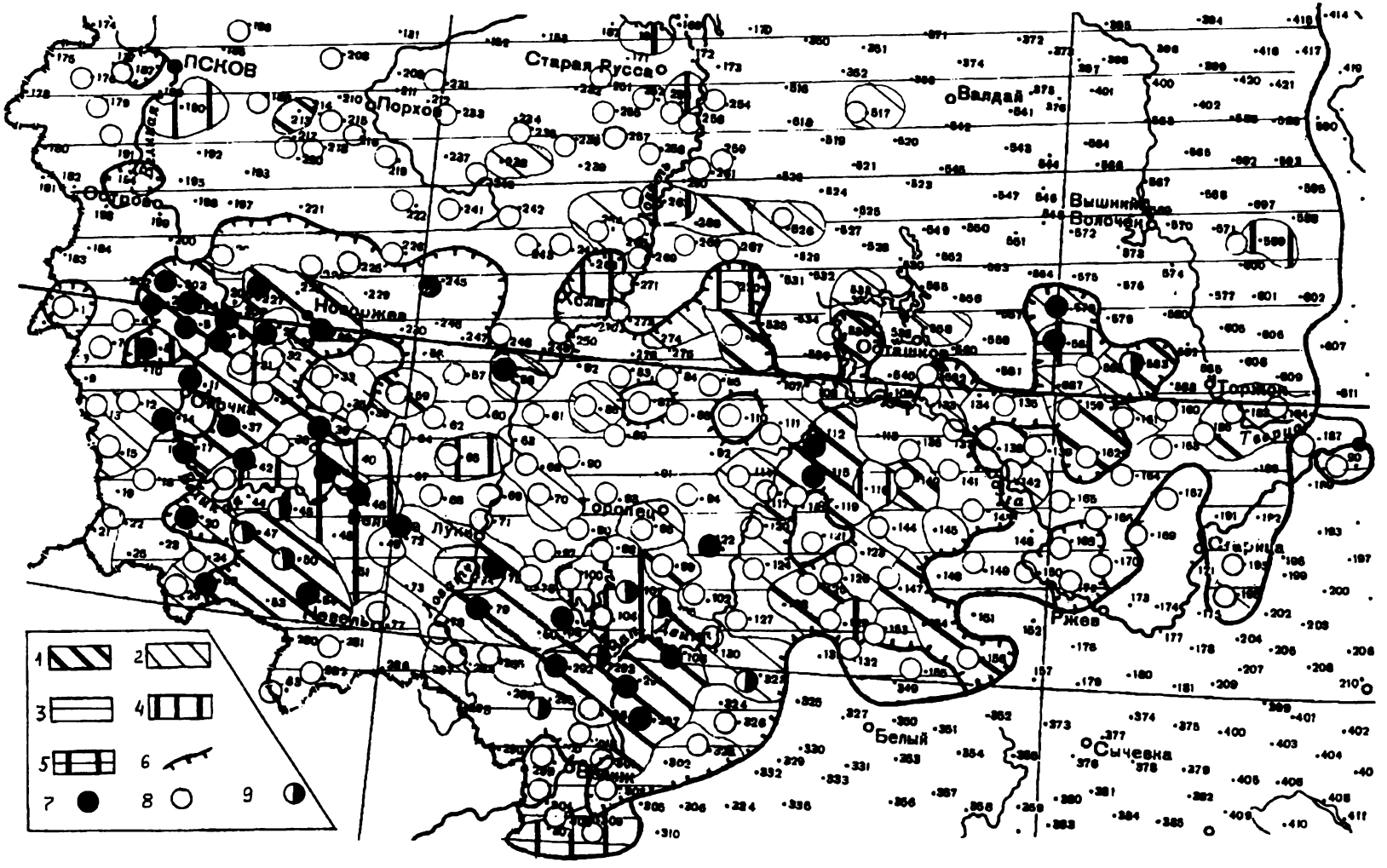
Условные обозначения:

Отмечены рефлексы: 1. **-ě* в твердой разновидности *a*-склонения независимо от места ударения (укр. *дв'і́ руц'і́, дв'і́ д'йвц'і*, бел. *дз'в'е́ руцэ́, дз'в'е́ дз'е́ўцэ*, рус. *д'в'е́ рук'е́, д'в'е́ д'е́вк'Е*); 2. **-ě* в твердой разновидности *a*-склонения с ударенными окончаниями, **-i* в том же классе слов с безударными окончаниями (укр. *дв'і́ руц'і́,*

дв'і д'і́вки, полесск. *дв'ié руц'ié*, *дв'ié д'iéвк'i*, бел. *дз'в'é руцэ́*, *дз'в'é дз'éўк'i*); 3. **-ě* в твердой разновидности *о*-склонения среднего рода с ударенными окончаниями (укр. *дв'і́ в'ідр'і́*, полесск. *дв'ié ведр'ié*, бел. *дз'в'é в'адр'é*); 4. **-ě* в мягкой разновидности *а*-склонения под ударением (укр. *дв'і́ земл'і́*, полесск. *дв'ié земл'ié*, рус. *д'в'é з'амл'é*); 5. **-i* в мягкой разновидности *а*-склонения под ударением (укр. *дв'і́ земл́и*, полесск. *дв'ié земл'і́*, бел. *дз'в'é з'амл'і́*, рус. *дв'é з'амл'и́*); 6. **-ě* в форме числительного среднего рода **дъvě* за пределами ареала сохранения форм nom.-acc. du. у существительных среднего рода (укр. *дві*).

Явления, характерные только для русских говоров. 7. Отмечены рефлексы **-i* в твердой разновидности *а*-склонения в "обратных" системах (Р. *жан'é*, Д.-М. *жаны́*, Счетн. *д'в'é жаны́*). 8. Окончание *-е* счетной формы у существительных *а*-склонения с основой на твердый согласный и ударенными окончаниями – независимо от его происхождения (*д'в'é жен'é*, *д'в'é рук'é*). 9. Отличие окончания счетной формы от окончаний Р., Д. и М. существительных *а*-склонения. 10. Отмечены рефлексы окончания **-ě* счетной формы у существительных *а*-склонения с основами, оканчивающимися на заднеязычные и/или мягкие согласные, а также на твердые согласные и ударением на основе (*д'в'é рук'é*, *д'в'é с'амjé*, *д'в'é бáб'е*).

Карта № 2. Окончания счетной формы и подсистемы родительного, дательного и местного падежей единственного числа *а*-склонения в "севернокривичском" ареале.

Условные обозначения:

Основные типы подсистем родительного, дательного и местного падежей единственного числа твердой разновидности *а*-склонения с ударенными окончаниями:

1. Р. *жен'е́*, Д.-М. *жены́* ("обратная" система).
2. Р. с предлогами *жен'е́*, Р. без предлогов, Д.-М. *жены́* ("предложно-обратная" система).
3. Р., Д., М. *жены́* ("новгородская" система).
4. Р., Д., М. *жен'е́* ("ятевая" система).
5. Р., Д., М. *жены́* ~ *жен'е́*.
6. Отмечено окончание *-е* в Р., Д., М. и счетной форме твердой разновидности *а*-склонения с безударными окончаниями, а также у существительных *а*-склонения с основами, оканчивающимися на мягкие и заднеязычные согласные.

(Примечание. Знаками 1-2 обозначаются также разновидности соответствующих систем, которым свойственно варьирование окончаний *-ы* и *-е* в Р. или Д.-М. Знаком 3 обозначаются также системы с различием окончаний Д. и М.).

Окончания счетной формы твердой окситонированной разновидности *а*-склонения.

7. *-е* (*д'в'е́ жен'е́*).
8. *-ы* (*д'в'е́ жены́*).
9. *-е* ~*-ы* (*д'в'е́ жен'е́* ~*-жены́*).

С. К. Пожарицкая

ФЛЕКСИИ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

История форм Т. мн. в диалектах восточнославянских языков определяется двумя факторами:

1. тенденцией к унификации типов склонения,
2. влиянием форм двойственного числа.

Допускается также воздействие некоторых фонетических факторов в тех случаях, когда морфологические объяснения оказываются недостаточными для интерпретации какой-либо из существующих форм.

В изначальном состоянии общерусской системы склонения имелось несколько вариантов флексии Т. мн.:

-ами (*ā*-основы),
-ьми (*ĭ*-основы и основы на согласный),
-ъми (*ŭ*-основы мужского рода),
-ы (*ŏ*-основы мужского и среднего рода);

В качестве "исходного материала" для формирования современных флексий Т. мн. существительных могли служить также флексия <ими> прилагательных и флексии двойственного числа Д.-Т. падежей на [ма] ([ама], [ома], [ьма], [ъма], [има]).

В результате падения редуцированных флексии <ьм'и> и <ъм'и> трансформировались в односложную флексию <м'и>, а в силу закона сокращения основ в пользу окончаний флексия <м'и> *ā*-склонения трансформировалась в двухсложную флексию <ам'и>, которая оказалась самой активной и в процессе унификации типов склонения существенно потеснила флексию <м'и> и почти полностью вытеснила из живого языка старую флексию *ŏ*-склонения <и>.

В истории унификации типов склонения в диалектах восточнославянских языков представляет интерес односложная (типа CV) флексия <м'и> и двусложная (типа VCV) флексия, которая в случае ее подударности имеет вид [ám'и], а в случае безударности может быть представлена как [ам'и], [ым'и], [ъм'и], [им'и], [ьм'и].

Обсуждать фонемное содержание первого гласного в составе безударной флексии имеет смысл только в связи с фонетическими и фонологическими особенностями соответствующего диалекта, поскольку "искомый" гласный занимает неконечную безударную позицию, которая в любой, в том числе и окающей системе со слабой редукцией, является наиболее уязвимой в плане фонетического варьирования гласного.

Первый гласный двухсложной безударной флексии может быть надежно интерпретирован как <и> в следующих случаях:

1. если у существительных с основой на заднеязычный этот согласный смягчается перед флексией Т. мн.: *ни́т*[к'и]*ми*, *подру́*[г'и]*ми*, *стару*[х'и]*ми* или *ни́т*[к'и]*ма*, *подру́*[г'и]*ма*, *стару*[х'и]*ма*.

Однако даже в таких системах совершенно не обязательно видеть ту же флексию у существительных с основами на другие согласные: *зе́м*[л'и]*ми*, *ба́*[н'и]*ми*.

2. если безударная флексия существительного явным образом индуцирована флексией прилагательного – такую ситуацию мы находим в говорах, где будет *молодыма ребятыма*, *старыма избыма*.

Поэтому в дальнейшем, за исключением этих двух случаев, мы условно принимаем первый гласный двухсложной безударной флексии за <а>.

Влияние двойственного числа в истории формирования флексий Т. мн. усматривается, во-первых, в наличии форм, которые могут считаться его прямыми реликтами – это формы с двухсложными флексиями, кончающимися на [ма] (типа [ама], [има]); во-вторых, его "идейном" влиянии в процессе формирования единой флексии Д. и Т. типа [ам]; и в-третьих, в качестве одного из возможных факторов в явлениях контаминации различных флексий с осложнениями фонетического характера (флексии типа [амы], [имы]).

Данная работа построена на материале следующих карт русских, белорусского и украинского атласов:

1) Карта № 113 "Форма творительного падежа множественного числа существительных" (АРНГ),

2) Карта № 114 "Безударное окончание на *-ми* творительного падежа множественного числа существительных с основой на задненебный согласный" (АРНГ),

3) Карта № 41 "Форма творительного падежа множественного числа существительных I и II склонения" (ДАРЯ II),

4) Карта № 51 "Форма творительного падежа множественного числа адъективного склонения" (ДАРЯ II),

5) Карта № 52 "Твердость или мягкость задненебного согласного в исходе основы существительных и прилагательных с безударными окончаниями в форме творительного падежа множественного числа" (ДАРЯ II),

6) Карта № 104 "Двухскладовы і аднаскладовы канчатак творнага склону множнага ліку назоўнікаў" (ДАБМ),

7) Карта № 204 "Орудный відмінок множини іменника *гість*" (АУМ II).

Использовался также материал комментариев к соответствующим картам ДАРЯ, АРНГ и ДАБМ и сведения, содержащиеся в некоторых опубликованных описаниях говоров восточнославянских языков.

Материалы, относящиеся к тем районам Архангельской области, которые не были включены в сетку обследования населенных пунктов для ДАРЯ, почерпнуты из архива Архангельского областного словаря, хранящегося на кафедре русского языка филологического ф-та МГУ, а также получены путем собственных наблюдений над говорами Мезенского, Лешуконского, Пинежского, Верхнетоемского, Устьянского, Вилегодского, Ленского, Онежского, Плесецкого и Каргопольского районов Архангельской области.

В восточнославянских языках существует следующий набор флексий Т. мн.: <ам'и>, <ами>, <м'и>, <ми>, <им'и>, <има>, <ома>, <ам>, <и>.

В украинском языке в результате диспалатализации согласных перед гласными переднего ряда отсутствует разница между флексиями <м'и> и <ми>, <ам'и> и <ами>, поэтому следует считать, что украинские флексии <ми> и <ами> тождественны русским и белорусским <м'и> и <ам'и>, тогда как русские и белорусские флексии <ми> ([мы]) и <ами> ([амы]) могут иметь иное, в том числе и нефонетическое объяснение.

В каждом из языков представлены почти все эти флексии: в русском и белорусском отсутствуют только самые архаические и редкие из них <и> и <ома>; в украинском же отсутствует (или по крайне мере не дает никакого определенного ареала) флексия <ам>, которую, как нам представляется, есть основания считать самой поздней из флексий Т. мн.

Таким образом, единство восточнославянских языков по этому признаку очевидно. Ввиду этого целесообразно рассматривать материал, группируя его в первую очередь по флексиям, а не по отдельным языкам, тем более, что исторические комментарии по поводу отдельных флексий, содержащиеся в работах А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, С. П. Обнорского, П. С. Кузнецова и других историков, в равной мере относятся к любому из восточнославянских языков.

I

Рассмотрим сначала флексии, исконно присущие формам Т. мн., в связи с явлением унификации типов склонения.

<и>. Эта флексия, принадлежавшая *ŏ*-основам мужского и среднего рода, сохранилась в современных говорах только украинского языка, о чем свидетельствует Ф. Т. Жилко: "Существительные женского рода старых *ā*-основ в части юго-западных говоров имеют следы влияния творительного падежа множественного числа существительных мужского рода старых *о*-основ, а именно, окончание *-и*. Например: *т'ими в'оли, з јег'о с'иротн* и др. Это же старое окончание существительных мужского рода в тв. п. сохраняется и в части югозападных говоров (в карпатских). Например, *з бар'аны, з дуб'ы, чотирма вол'и, т'ыми бык'и, с свойма хл'опы, вш'ыткыми г'азды* и др." [Жилко 1966, 83].

Значительный материал приводится в описаниях авторов, изучавших западноукраинские говоры в начале XX века (примеры приводятся в написании И. Панькевича, который частично почерпнул их из работ И. Верхратского, Гнатюка и Я.О. Пуры): *yz baranы, yz džuratы, yz p'anы, yz d 'ubы, s v'oly, s p'oры, 'ostrыtу koly, чотирма волы, iz v'olы, tыtу v'olы, s kruцl''anы, yz v'olы, yz b'ыкы, ź cyh'anы, z быкы, лютими йази, трьомя годи, trj'ota r'oky, із в'олкы* (с. 194), *з горшкы, с свойи́ма хлопы, з вшыткима газды, трьома годы, ys chl'ôpc'î, ys pasť'y^{c}ri* (с. 208), *z'jehn''êty, tel''êty, z jahn''aty, s p'it'aты, з поросяти, z jahn''aты, s tel''aты, пастух з в'iўцй* (с. 248), *над воротн, пуд вороты, з др'ывы, z dv'oma koles'ы* [Панькевич 1928, 237]. Эти примеры не свидетельствуют о широком обобщении этой флексии за пределами старого *ŏ*-склонения; но создается впечатление о предпочтительности употребления ее в семантически определенном круге слов – названиях живых существ. Возможно, по этой причине флексию <и> получили и два существительных женского рода *–сирота* и *в'iўця*.

<ам'и>. Эта флексия является основной нормативной для всех трех литературных восточнославянских языков, и в качестве таковой она в большей или меньшей мере присутствует во всех диалектах, поэтому a priori ее можно было бы картографировать на всей восточнославянской территории. Однако объективный показ современной ситуации не является главной целью данного исследования; значительно больший интерес представляет тот диалектный ландшафт, который сложился в результате спонтан-

ного развития системы склонения в различных регионах восточнославянской области. Поэтому мы не считаем нужным картографировать эту флексию там, где она представляется нам явно вторичной, поздней, результатом влияния литературного языка.

Однако и при таком ограничении флексия <ам'и> оказывается преобладающей на всей восточнославянской территории.

Русский язык. Распространение флексии <ам'и> на русской территории дает два обширных ареала, северный и южный, разделенных зоной распространения флексии <ам>. Южный ареал охватывает целиком южнорусское наречие и примерно половину территории среднерусских говоров к востоку от линии Ржев–Тверь–Калязин. Северный ареал значительно меньше: он захватывает северные районы Вологодской обл. (Вожегодский, Великоустюгский, Верховажский и Тарногский) и всю Архангельскую область. Особенность функционирования флексии <ам'и> на северной территории состоит в том, что если в южном ареале субстантивная флексия скоординирована с адъективной по конечному [м'и] (сух[и́м'и] дров[а́м'и]), то на большей части территории Архангельской области она не скоординирована с флексией адъективного склонения (сух[и́ма] дров[а́м'и]), а в некоторых районах (о которых ниже) ее функционирование ограничивается существительными с подвижным ударением (и ударной флексией) – сух[и́ма] дров[а́м'и], но но́в[ыма] и́зб[ыма].

Южный ареал распространяется на территорию белорусского и украинского языков.

Белорусский язык. На белорусской территории ареал флексии <ам'и>, скоординированной с адъективной флексией, <им'и> (больш[и́м'и], до м[а́м'и]), также разорван полосой среднебелорусских говоров, для которых первичными характерными флексиями следует считать <ами> и реже <има> (см. ниже). На севере ареал <ам'и> граничит с территорией распространения односложной флексии <ам>, единой для Д. и Т. мн.

<м'и>. Эта флексия является второй нормативной для трех восточнославянских языков в ограниченном круге лексики.

Русский язык. В литературном языке <м'и> признается нормативной флексией для слов *дверь*, *дочь*, *дети*, *лошадь*, *люди*; при этом единственной нормативной она считается только для слов *дети* и *люди*; для слова *лошадь* Орфоэпический словарь дает с пометой "доп." также и флексию <ам'и>, а для *дверь* и *дочь* <ам'и> приводится как равноправная с <м'и>. Словари упоминают также встречающиеся в фразеологизмах формы *плетьми* и *костьми*.

В диалектах функционирование флексии <м'и> может быть расширено по сравнению с литературным языком, однако она никогда не бывает не только единственной, но даже более или менее существенно преобладающей. Напротив, можно предположить, что в ряде диалектов она полностью вытеснена другими флексиями – однако на этот счет мы не располагаем достаточно надежными сведениями.

По сочетаемости этой флексии с субстантивными основами в диалектах резко выделяются слова *люди*, *дети*, *лошадь*; так, на территории Северного тома из 110 словоформ с флексией <м'и> 96 приходится на эти три слова (87%) и 14 – на 9 других; в Западном томе из 317 словоформ – 254 с теми же тремя основами (80%) и 63 – с 15 другими; в Восточном томе из 398 словоформ 324 (81%) составляют слова *дети*, *люди*, *лошадь* и 74 словоупотребления – 13 других слов; в Южном томе из 645 словоупотреблений 455 составляют слова *дети*, *люди*, *лошадь* (71%) и 190 – 29 других; в Северозападном томе отмечено только 2 словоупотребления *дверьми*.

В связи с этим при изучении расширенного употребления форм на <м'и> словоформы *людьми*, *детьми*, *лошадьми* не учитывались.

Изучение карт ДАРЯ показывает, что флексия <м'и> не "уживается" с флексией <ам>: она практически отсутствует на территории Северозападного тома; на территории Северного тома на 1458 обследованных пунктов приходится только 14 словоупотреблений (3 *дверьми*, 2 *ушми*, 2 *ночми*, по 1 *коньми*, *жердьми*, *дочерьми*, *матерьми*, *сетьми*, *костьми*, *кистьми*). На территории Восточного тома (938 пунктов) эти формы сосредоточены в юго-западном (акающем, Рязанском) его углу, где не отмечено форм на <ам>. Очевидно, что именно там могут быть говоры, в которых унификация типов склонения в форме Т. мн. осуществилась полностью, и все другие флексии заменены флексией <ам'и>. На территории Западного тома формы на <м'и> распространены преимущественно в восточной его половине; на территории Южного тома выделяется западная его часть западнее линии Брянск–Севск, где формы на <м'и> также почти отсутствуют.

Таким образом, расширенное употребление <м'и> весьма точно совпадает с границами юго-восточной диалектной зоны [Захарова 1970, 102].

Присутствие словоформ на <м'и> в записях ограничивается одним-тремя примерами, при этом более одного примера приводится из пунктов вокруг Рязани и южнее Курска.

Лексический состав и грамматические характеристики этих словоформ имеет смысл рассматривать

только в пределах данной зоны, исключив материалы Северозападного и Северного томов.

Материал состоит из 30 словоформ, некоторые из которых обладают относительной частотностью, в известной степени связанной с частотой употребления соответствующих слов в речи.

По грамматическим показателям – это преимущественно существительные женского рода 3-го склонения (*костьми* – 47, *дверьми* – 30, *дочерьми* – 23, *ночми* – 22, *грудьми* – 19, *матерьми* – 15, *жердьми* – 11, *плетьми* – 10, *горстьми* и *сетьми* – по 7, *речьми* – 4, *кистьми* – 3, *кроватьми* – 2); далее – существительные мужского рода (*гусьми* – 25, *коньми* – 15, *глазми* и *гостьми* – по 4, *зверьми* – 2, *ключми*, *гвоздьми* и *калачми* – по 1); существительные среднего рода, обозначающие предметы, которых обычно бывает два (*плечми* – 20, *ушми* – 7) и существительные pluralia tantum с неясной грамматической принадлежностью (*курми* – 11, *утьми* – 2, *саньми* – 1, *слюньми* – 1).

В плане семантики можно только отметить преимущественную употребительность этих слов во множественном числе.

Таким образом, сколь ни мала "расширенность" употребления форм на <м'и> в лексико-грамматическом плане (а можно думать, что количество, а тем самым и состав таких словоформ увеличился бы при специальной постановке такой задачи при записи диалектного материала), она является несомненно фактом лингвистической географии, и изоглосса ее могла бы быть включена в основной пучок изоглосс, характеризующих юго-восточную диалектную зону русского языка.

Белорусский язык. В белорусском литературном языке старая флексия Т. мн. *і*-склонения <м'и> оставила более ощутимые следы, чем в русском.

Для белорусского языка, как и для русского, основной нормативной считается флексия <ам'и>, но круг слов, в которых норма разрешает параллельное употребление флексии <м'и>, шире; это – *конь*, *гость*, *грудзь*, *корэнь*, *камень*, *косць*, *дровы*, *вочы*, *дверы*, *грошы*.

Флексия <м'и> не отражена в легенде карты № 104 ДАБМ, но некоторый материал по ней приводится в комментарии (ДАБМ, каментарыі).

Количество примеров и локализация словоформы *сл'аз'м'и́* свидетельствует о том, что она является своего рода диалектной нормой. Кроме того, комментарий приводит формы с *пл'ачм'і́*, *кал'ас'м'і́*, *нажм'і́*, *вушм'і́*, *дз'ац'м'і́*, *н'іц'м'і́*, *с карóўм'і*.

В "Очерках белорусской диалектологии" говорится, что "имена, которые употребляются только во множественном числе, обычно имеют окончание *-мі* [*грашм'і́*, *л'уд'з'м'і́*, *д'з'в'арм'і́*, *с'ён'м'і*, *сан'м'і́*, *дрыўм'і́*]. Это характерно для почти всей территории Белоруссии за исключением восточных районов Витебской, Могилевской и Гомельской областей. Изредка окончание *-мі* имеют и другие слова: [*за хл'аўм'і́*] (Полоцк.), *кóн'м'і́* (Вороновск.), [*пчалм'і́*] (Докшицк.), [*курм'і́*] (Радунск.), [*в'ілм'і́*] (Лидск.), [*лашад'з'м'і́*] (Барановичск.), [*кас'ц'м'і́*, *з ус'м'і́*, *з д'з'аўчáц'м'і*] (Березовск), [*кравáц'м'і́*, *пéчм'і*] (Старобинск.)". [Нарысы 1964, 182]; [*гасцьмі*, *грудзьмі*, *карэньмі*, *каменьмі*, *вазёрмі*, *брыўмі*, *паселішчмі*, *балотмі*, *варотмі*, *свіньмі*, *ягадмі*, *тысячмі*, *сабакмі*, *суседзьмі*, *мышмі*, *радасцьмі*, *хітрасцьмі*, *велічмі*] [Беларуская граматыка 1936].

Определенного географического ареала на территории Белоруссии эти формы не дают; очевидно, следует признать существование некоторой предпочтительности флексии <м'и> для существительных, употребляющихся преимущественно или исключительно во множественном числе, независимо от типа склонения, на всей белорусской территории.

Украинский язык. При том, что основной нормативной флексией Т. м. для украинского, как и для двух других восточнославянских языков, является <ам'и>, флексия <м'и> представлена в украинской норме еще большим количеством лексем, чем в белорусском и, тем более, русском.

По данным украинского орфоэпического словаря [Орфоепічний словник], только флексию <м'и> имеют существительные *очи*, *плечи*, *уши*, *люди*, *сани*, *сіни*, *діти*, *гуси*, *кури*, *свиня*; параллельные флексии <м'и> и <ам'и> – *сльоза*, *дверь*, *грош*, *кінь*, *гість*, *чобот*, *коліно*, *крило*, *кість*, *ворота*.

Украинский диалектологический атлас (АУМ) содержит только одну карту, демонстрирующую флексии Т. мн. слова *гість* (карта № 204).

Как видим, это слово входит в число тех, для которых флексия <м'и>допускается как нормативная, параллельная к <ам'и>. Почти вся территория украинских говоров, за исключением юго-западного ареала, отражает именно такую ситуацию: формы на <ам'и> и <м'и> для существительного *гість* никак не разграничены ни территориально, ни функционально.

Судя по описаниям юго-западных украинских говоров, флексия <м'и> наблюдается там в расширенном употреблении от разного типа основ. Г. Ф. Шило, М. Пшепюрська, Бр. Кобилянський, И. Панькевич приводят следующие формы (примеры даются в написании оригиналов – в орфографии, транскрипции латинской и кириллической): *свиньми*, *слізьми*, *л'удьми*, *горцми*, *пальцми*, *пінязьми*, *мальц-*

ми, кустьми, дверьми, гусьми, нат потятьми, сынмі, pôd dvêr''my, žerd''my, sit''my, 'tyšmy, 'kust'my, vülmy, 'hus'at'my, ťah'n'atmy, hus'atmy, tel'atmy.

П. Гладкий отмечает также в среднеполесских говорах *свин''ми, груд''ми, двер'ми, с'ін''ми, л'уд''ми, груш'ми, з dіw'чат'ми, кол''ис'ми, плеч'ми, крил''ми, те'л'ат'ми, кур'ми, кін'ми, чо'б'іт'ми* [Гладкий 1928, 126-128].

Ф.Т. Жилко считает распространение флексии <ми> особенно характерным для полесских говоров [Жилко 1966, 83].

Варианты флексии, отличающиеся твердостью или мягкостью согласного и – в связи с этим – гласными [і] или [и], не разграничиваются; очевидно, различие между ними считается чисто фонетическим.

Украинские диалектологи, как и белорусские, упоминают о некоторой "прикрепленности" флексии <м'и> к кругу слов, употребляющихся преимущественно во множественном числе. Из приведенных списков слов, в том числе, и русских, создается впечатление об особой предпочтительности этой флексии для слов-названий животных, которые несомненно входят в этот круг.

Таким образом, процесс унификации типов склонения дал неожиданный результат: прежние формальные отношения сменились некоторой семантической зависимостью выбора флексии от характера основы.

<ми>. Мы исходим из того, что применительно к современному русскому языку это отдельная флексия, которая не должна рассматриваться как фонетическая модификация флексии <м'и>, хотя исторически она может восходить к ней.

Эта флексия отмечена в говорах Заонежья (Медвежьегорский р-н Карелии) в ограниченном круге лексики: *лошад'мы́, дв'ер'мы́, йæиц'мы, йæгодмъ*[a], а также в словах с суффиксом *-онок//-ата* (*т'ел'æтмы, порос'æтмы*) [Тер-Аванесова 1990, 14].

С. П. Обнорский [Обнорский 1927, 345-349] приводит значительный и весьма разнообразный по составу список подобных словоформ, однако почти все они почерпнуты из фольклорных собраний А. Ф. Гильфердинга, Н. Е. Ончукова, П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова и П. В. Киреевского – т. е. из мест близких к Онежскому озеру.

Для интерпретации этой флексии важно, что, во-первых, она присуща существительным, употребляющимся преимущественно во множественном числе (а как уже отмечалось, для всех восточнославянских языков характерна флексия <м'и> именно в этом круге лексики); во-вторых, она находится в ареале говоров, для которых регулярной является флексия <ами>. Из этого следует, что, по всей вероятности, твердость согласного в этой односложной флексии имеет то же происхождение, что и твердость согласного в регулярной двусложной флексии <ами>, о которой см. ниже.

<им'и>. Как уже говорилось, эта флексия с достоверностью может быть установлена только для существительных с основами на заднеязычное согласные и с ударением на основе: [*игóлк'им'и, дорóг'им'и, старýх'им'и*].

Русский язык. Эти формы показаны на карте № 52 ДАРЯ. Основная территория их распространения – Тульская и Восточная (Рязанская) группы южнорусского наречия; в разреженном виде этот ареал простирается на север, на среднерусские говоры вокруг Москвы и на юг, в пределы Курско-Орловской группы вокруг Орла, а также в Ливно-Елецкие Межзональные говоры.

Эта флексия отсутствует или почти отсутствует в Западной, Верхнеднепровской, Верхнедеснинской группах, Межзональных говорах типа "А", в южной части Курско-Орловской группы и в Оскольских Межзональных говорах типа "Б". Таким образом, центральная часть этой территории совмещается с территорией расширенного употребления односложной флексии <м'и>.

Небольшие ареалы флексии <им'и>, показанные на северной территории (карта № 52 ДАРЯ) в Вельском, Красноборском, Котласском и Вилегодском районах Архангельской обл., не подтверждаются нашими наблюдениями над говорами этих районов. Возможно, что отдельные отмеченные там формы явились результатом окказиональной контаминации обычных для этих районов флексий: ударной <а́м'и> и безударной <има>. Во всяком случае, в Вилегодском районе, откуда мы располагаем действительно представительным материалом, количественные соотношения разнообразных флексий Т. мн. таковы: <а́м'и> – 24, <има> – 53, <ам'и> – 14, <ами> – 4, <им'и> – 1 (*с'ёрп'ик'им'и*) + 1, которая может быть интерпретирована и как <ам'и> (*кýч'им'и*).

Белорусский язык. Карта № 104 ДАБМ не фиксирует форм на <им'и>; в комментарии к карте говорится, что эти формы не картографируются, и материал по ним не приводится. В "Очерках белорусской диалектологии" говорится: "В говорах Могилевской области имена с основой на заднеязычный употребляются с окончанием <імі>. Возникла эта форма под влиянием адъективного типа склонения" [Нарысы 1964, 184].

Судя по карте № 52 ДАРЯ, русский и белорусский ареалы разделены, что свидетельствует о спон-

танном возникновении данного явления в языках с максимально сходной фонетической системой.

Относительно украинского языка мы не имеем сведений о наличии в его говорах флексии <им'и>.

С. П. Обнорский объяснял эти формы влиянием адъективного типа склонения; временем их возникновения он считал "эпоху, относительно недалеко отстоявшую от периода известного фонетического изменения *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*". [Обнорский 1927, 342].

Л. Н. Булатова, изучившая эту проблему на материале, собранном и картографированном для ДАРЯ, соглашается с мнением С. П. Обнорского относительно роли адъективного типа склонения, но возражает против предположения о связи данного явления с фонетическим процессом *кы>к'и, гы>г'и, хы>х'и*. По ее мнению, решающую роль здесь сыграла тенденция к "морфологическому выражению связи между значениями одноименных форм существительных и прилагательных". [Булатова 1981, 112].

Итак, в процессе унификации типов склонения в русском и белорусском языках была утрачена только флексия *ŏ*-склонения <и>.

Вполне вероятно, что существует немало говоров, в которых унификация типов склонения на базе флексии <ам'и> осуществилась полностью, захватив и такие слова, как *дети, люди, лошади*.

Но можно ли считать, что унификация не осуществилась полностью в тех говорах, где наряду с <ам'и> сохранилась также и флексия <м'и>? Думается, что в этом случае правильно было бы говорить только об отсутствии полной унификации флексий Т. мн.; следы же зависимости выбора флексии от типа склонения можно усмотреть лишь в том, что большинство существительных, для которых возможна флексия <м'и>, относятся к старому *ĭ*-склонению. В то же время, приведенные выше списки примеров содержат достаточно много слов, относящихся к другим типам склонения. А поскольку наблюдатели отмечают прикрепленность этой флексии к некоторому не вполне определенному кругу слов, которые часто (а некоторые и всегда) обозначают множество предметов, то, как уже говорилось, здесь можно констатировать наметившуюся замену старых формальных отношений некоторой семантической зависимостью выбора флексии от характера основы.

Что же касается флексии <и>, сохранившейся в некоторых украинских говорах, то она обнаруживает несколько более прочную связь с исконным для нее типом склонения; однако и там можно говорить лишь о следах былой связи флексии Т. мн. с типом склонения существительного, поскольку в массе своей существительные старого *ŏ*-склонения унифицировались по флексии Т. мн. с существительными других типов. Интересно, что и в списке слов с флексией <и> преобладают названия животных.

II

Результаты воздействия второго фактора – форм исчезающего двойственного числа – оказались более сложными и противоречивыми; к тому же в некоторых регионах восточнославянской области они в разной мере и по-разному проявились в категориях имен существительных, местоимений, прилагательных и числительных.

В самом простом виде влияние двойственного числа усматривается в наличии форм с двухсложными флексиями, кончающимися на [ма], которым соответствуют субстантивная флексия <ама> и адъективная <има>.

<ама>. Эта флексия существует в ударном и безударном вариантах, функционирование которых существенно различно.

Русский язык. ДАРЯ, карта № 41 показывает фрагментарность употребления ударной флексии <áма> вокруг Онежского озера и в некоторых районах Архангельской обл. В комментарии к этой карте [ДАРЯ Ком. 64] отмечается, что из 34 населенных пунктов, в которых отмечены формы на <áма>, в 23-х они представлены всего одним примером, а в остальных 11-ти – двумя-тремя. При этом следует заметить, что территория вокруг Онежского озера дает весьма неясную картину распределения флексий Т. мн.: вдоль западного берега карта показывает сосуществование флексий <ама> (ударной и безударной) и <ами> (ударной и безударной). Южное и восточное побережье входит в ареал единой флексии Д.-Т. <ам>, и там же отмечаются флексии <ами> (ударная и безударная), <áма> и изредка <ама>. Дистрибуция их абсолютно неясна. Тем самым, оказываются совместимыми *домáм*, *домáмы* и *домáма*; *жéнам*, *жéнамы* и *жéнама*.

Однако, судя по сведениям из опубликованных описаний говоров этой территории, а также по материалам архива ОЛА из Вытегорского р-на Вологодской области, характерными для говоров Прионежья следует признать флексию <ами> для субстантивного склонения и <има> для адъективного (см. ниже).

В комментарии говорится: "Форма же на <ама> более свойственна существительным с безударными окончаниями. В материалах она бывает представлена значительным количеством примеров (до 30)." [ДАРЯ II. Комментарии, 64].

Ареалы этой флексии, представленные на карте № 41 (Великоустюгский р-н Вологодской обл., Вельский, Красноборский, Котласский и Вилегодский р-ны Архангельской обл.), совпадают с ареалами флексии <им'и> для существительных с основой на заднеязычный согласный, но примеры из легенд плохо согласуются (карта № 41 – *селама*, *лавкама*; карта № 52 – *ниткими*, *подругими*, *орехими*).

Наши сведения о говорах этой территории дают иную картину: это ареал регулярной флексии <ám'и> (*домáми*) и безударной <има> (*úзбыма*).

Следует иметь в виду также, что безударные флексии <ама> и <има> после твердых согласных фонетически слабо противопоставлены, что влечет за собой возможность ошибок в записях.

Белорусский язык. Относительно флексии <ама> ударной и безударной наши сведения ограничиваются четырьмя примерами: *рукáма*, *ныгáма* (Славгородский р-н Могилевской обл.), *дварáма* (Копыльский р-н Минской обл.) и *дз'éўкама* (Дзержинский р-н Минской обл.) [Нарысы 1964, 182].

Украинский язык. Украинский литературный язык – единственный из восточнославянских, норма которого допускает употребление форм на [ма] для некоторых слов: *двери*, *гроши* параллельно с <м'и>, а для *очи*, *плечи*; *уши* – параллельно с флексией <ам'и>. Двухсложную флексию, кончающуюся на [ма], украинские диалектологи интерпретируют как <ама>, хотя первый гласный обычно бывает представлен звуками [і], [е] либо [и] после мягких или поздно отвердевших согласных: *'гост'[ема]*, *'гост'[іма]*, *'гост[има]*. На карте № 204 АУМ эти флексии образуют компактный ареал южнее линии Львов–Тернополь–Чортков–Коломыя–Яремча–Сколе.

С. П. Обнорский говорит о "двух слоях" образований на [ма], разного происхождения и "в чисто морфологическом, и, надо думать, в хронологическом отношении". Первым "слоем" он считает образования от существительных, форма которых непосредственно восходит к двойственному числу, – это слова, которые раньше употреблялись преимущественно в форме двойственного числа (*руки*, *ноги*, *уши*, *плечи*, *колени*, *рукава*) – они непосредственно восходят к форме Д.-Т. дв. Относительно более широкого круга слов С. П. Обнорский замечает, что "почти все эти формы на *-ма* принадлежат существительным, имеющим в данной форме ударение не на флексии, а на основе" [Обнорский 1927, 336]. И далее: "То обстоятельство, что формы на *-ма* ограничиваются по указанной норме лишь образованиями от слов с ударением в тв. мн. на основе, само по себе уже свидетельствует об общей вторичной почве этих образований" [Обнорский 1927, 337].

Обращая внимание на то, что "доминирующей флексией в приведенном материале форм на [ма] служит собственно *-ма*, *-има*, но не *-ама*", С. П. Обнорский приходит к выводу о том, что безударная флексия <има> ([ыма]) пришла в субстантивное склонение из адъективного.

Л. Н. Дедюхина также отмечает, что "форма на *-ма* не является основной формой тв. п. мн. ч. в современных русских говорах, а употребляется наряду с другими (*-мы*, *-м*, *-ми*). Ее распространение ограничено довольно узкой территорией, к тому же она все больше вытесняется литературной формой, сохраняясь только в речи стариков и в произведениях устного народного творчества" [Дедюхина 1968, 72].

На карте № 41 ДАРЯ отсутствует вариант флексии с первым элементом <и> типа *избыма*, *банима*. Можно предположить, что такие формы, если они встретились в материалах ДАРЯ (а они должны были встретиться!), были интерпретированы как фонетический вариант форм на <ама>. Такая возможность не исключена; однако в том случае, если [ыма] или [има] в субстантивном склонении поддерживается флексией <има> адъективного склонения, есть все основания видеть и здесь ту же флексию <има>.

Это относится к восточному ареалу тех говоров, которые на карте № 41 показаны с флексией <ама>, а на карте № 42 (в адъективном склонении) – <има>. В этом случае качество первого гласного двухсложной флексии на <ма> представляется нам существенным.

<има>. Эта флексия, восходящая к формам двойственного числа либо через посредство адъективного типа склонения, либо, по мнению ряда историков и диалектологов, путем контаминации старой флексии *ŏ*-склонения <и> и конечного <ма> флексии субстантивного типа, достаточно широко представлена во всех восточнославянских диалектах.

Русский язык. Легенда карты № 41 ДАРЯ II не отражает этой флексии; карта № 51 ("Форма творительного падежа множественного числа адъективного склонения") дает значительные (и не замкнутые с севера) ареалы флексии <има> (*худы́[ма]*, *бе́лы[ма]*) вокруг Онежского озера (Подпорожский р-н Ленинградской обл., Андомский, Вытегорский и Оштинский р-ны Вологодской обл., Приозерный и Пудожский р-ны Карелии), в Няндомском, Вельском, Шенкурском, Красноборском, Котласском и Вилегодском р-нах Архангельской обл.

Но полученные в последние десятилетия сведения о говорах более северных территорий (главным образом, в связи с работой над АОС и ОЛА) дают основания считать <има> регулярной флексией не только прилагательных, местоимений и числительных, но и существительных с неподвижным ударением в небольшом, но достаточно определенном ареале говоров. Приведем наиболее представительный из имеющегося материал из Вилегодского р-на Архангельской обл.:

<ám'и> (сущ.): *дровám'и, рукám'и, горст'ám'и, грабл'ám'и, головám'и, годám'и, со сл'езám'и, с д'ит'ám'и, с л'ешакám'и, ц'ертám'и, за крол'ém'и, сл'огám'и, словám'и, з'имám'и, цепám'и, за с'ем'енám'и, мысл'ám'и, голосám'и, сл'езám'и, с'ем'jám'и, с опошн'ám'и, простын'ám'и*;

<ам'и> (сущ.): *с н'émцам'и, мог'úлкам'и, грóб'икам'и, кос'илкам'и, над роб'átам'и, оммáншыкам'и, сарájам'и, бýквам'и, от отрыфкам'и, конф'étоц'кам'и, д'éфкам'и, за масл'átам'и, в'édрам'и, обл'игáц'ијам'и*;

<м'и>: *л'уд'м'ú, ноц'м'ú, з д'ит'м'ú*;

<ами>: *за обójамы, прáз'н'икамы, со роб'átамы, угóдн'икамы*;

<има> (сущ.): *дojáрк'има, в'édрыма, с коп'éйкима, стан'úц'има, дрóл'има, с заплáтк'има, кавáлк'има, р'él'сыма, сухáр'ик'има, jáйц'има, с лáпыма, ус'ик'има, д'éфкыма, с т'úткыма, подýшкыма, с роб'átк'има, за jáготк'има, за гýпк'има, полóск'има, поводóц'к'има, игóлкыма, д'éфк'има, цыган'има, полот'éнцыма, бýквыма, за гýбыма, с рóшк'има, бýлк'има, с кóшкыма, комун'úстыма, за р'áскыма, д'éвоч'к'има, пр'úступыма, л'ис'úц'к'има, с р'еб'átыма, котóмк'има, самол'ótыма, за крыл'ц'има, горбýшыма, пр'икóлоц'к'има, пр'икóлкыма, с т'ел'átыма, рýц'ен'кыма, налóг'има, за кóн'ема, с д'éушк'има, стóйк'има, с обóрк'има, с дырк'има, б'óрдыма, н'ед'él'има*;

<им'и> (сущ.): *с'érп'ик'им'и, кýч'им'и*;

<има> (прил.): *с рáн'иныма, с н'ебаск'úма, большúма, сырúма, ц'élыма, крýгл'ен'к'има, мáл'ен'к'има, с мáлыма, мáл'ен'кыма, рáзныма, Кáт'иныма, робóчыма, со здорóвыма, ц'ужúма, друг'úма, как'úма, магаз'úнск'има, э́т'има, так'úма*;

<им'и> (прил.): *п'ец'átным'и*.

Соотношение флексий <ам'и> и <има> в говорах Архангельской обл. в целом можно представить следующей схемой:

существительные	прилаг.	районы
-ám'и -ам'и	-има	Онежский, Приморский, Холмогорский, Пинежский, Мезенский, Лешуконский, Ленский, Устьянский, Няндомский, Вельский
-ám'и -има	-има	Вилегодский, Красноборский, Шенкурский, Виноградовский, Котласский, частично Верхнетоемский и Плесецкий
-ám'и -ам'и	-им'и	Каргопольский, Коношский

Белорусский язык. Территория распространения флексии [има] устанавливается только на основании сведений, которые содержатся в комментариях к атласу и других опубликованных работах. Отсутствие на карте объясняется, по-видимому, ее нерегулярностью; однако ввиду архаического характера этой флексии, восходящей к формам двойственного числа, она бесспорно заслуживает фиксации, тем более, что территория ее распространения весьма определенна: это юго-западная часть, составляющая примерно треть всей белорусской территории, без Полесской группы говоров. Там отмечены следующие формы: *ачы́ма, пл'ачы́ма, вачы́ма, кас'ц'и́ма, урашы́ма, ас'ц'и́ма, дз'в'ары́ма, с'л'а з'и́ма, нажы́ма, ос'ц'и́ма, пчалы́ма.* Белорусские диалектологи утверждают, что формы на [ма] (<има> и <ама>) более свойственны существительным, обозначающим парные предметы.

Украинский язык. Формы с безударной флексией украинские диалектологи интерпретируют как фонетическую модификацию флексии <ама> (см. выше); однако она представлена и в ударном варианте, не вызывающем сомнения в иной фонемной принадлежности первого гласного флексии: таковы допускаемые орфоэпической нормой формы *двери́ма, гроши́ма*, а также диалектные формы *груши́ма, кури́ма* [Гладкий 1928], *коси́ма, брови́ма* [Матвияс 1969], *ножи́ма* [Бандривский 1960] и др. Такие формы украинские диалектологи объясняют контаминацией старого окончания Т. мн. существительных мужского и среднего рода <и> и флексии двойственного числа на [ма].

Таким образом, уточнение лингвогеографических характеристик флексии <има> путем привлечения материала северных регионов, не картографированных в ДАРЯ, позволяет корректировать некоторые представления из области морфологии:

во-первых, наличие обширного и достаточно компактного ареала форм на <има> (как адъективных, так и субстантивных) "усиливает" представления о роли двойственного числа в формировании флексий множественного;

во-вторых, идея Л. Н. Булатовой "о реальности тенденций к морфологическому выражению связи между значениями одноименных форм существительных и прилагательных" [Булатова 1981, 112], которая опирается на материал тех картографированных говоров, в которых Т. мн. имеет либо двухсложную флексию типа <ам'и>, либо односложную типа <ам>, не подтверждается говорами Архангельской территории. Впрочем, и сама Л. Н. Булатова, которая располагала значительно меньшим материалом с северных территорий, не считает эту тенденцию всеобъемлющей: "Описанная выше эквивалентность окончаний существительных и прилагательных в трех падежах множественного числа не всегда сохраняется при диалектных окончаниях творительного падежа" [Булатова 1981, 109]. И далее: "...нерегулярность совпадения окончаний этих форм показывает, что такая тенденция проявляется только в особо благоприятных условиях" [Булатова 1981, 112].

Неправомерна также и категоричность высказанного М. В. Шульгой суждения о том, что "Между унификацией субстантивных форм множественного числа и адъективных существует причинно-следственная связь: однонаправленная и отсубстантивная." [Шульга 1988, 22].

<ома>. Эта флексия, прямо восходящая к форме двойственного числа *ŏ*-склонения, отмечается только в западноукраинских говорах [Панькевич 1928, Верхратский 1912, Брок 1899]. По свидетельству И. Панькевича, формы на <ома> чаще встречаются в говорах пограничных с словацкими, которым они также свойственны.

В современных говорах <ома> остается флексией того же класса существительных – об этом свидетельствуют все примеры, которые приводятся в указанных выше работах; тенденция унификации типов склонения в данном случае не возымела действия.

Два других варианта флексии Т. мн. требуют более сложных интерпретаций, которые могут учитывать и фонетические обстоятельства, и возможность контаминаций.

<ами>. Существуют два способа объяснения происхождения этих форм: А. И. Соболевский, а вслед за ним П. С. Кузнецов, объясняют их влиянием флексии [ы] старых *о*-основ на старое окончание <ам'и>; А. А. Шахматов же считал их возникшими на фонетической почве путем отвердения [м'] в старой падежной форме на <ам'и> под влиянием, с одной стороны, форм Д. мн. на [м], с другой – форм Д.-Т. на <ма> по системе двойственного числа.

С. П. Обнорский, присоединяясь к А. А. Шахматову, делает акцент на втором пути, опираясь на сведения о том, что формы на [амы] встречаются в говорах, далеких от ареала совпадения Д. и Т. и совмещаются с флексией на [ма] в адъективном склонении.

Материалы ДАРЯ показывают сосуществование в говорах вокруг Онежского озера субстантивных флексий <ама> (см. выше) и <има> с неясной дистрибуцией; описания же демонстрируют их весьма четкое распределение: субст. <ами>, адъект. <има>: – *за грыбáми, кам'éн'jамы, за своúма за срóдн'икамы, со своúма студ'éнтамы, з' д'ит'úшкамы* [Аванесов 1949, 248]; *скáскамы, молодýхамы, р'ýхамы, м'ер'óжамы, наýкамы, jáгодамы, д'éфкамы, д'ит'áмы, д'елáмы, м'естáмы, годáмы, кон'áмы, нап'úтоц'камы* [Кузнецов 1949, 88]; *кустáмы, с кушакáмы, клубáмы, садáмы, пап'цáмы, с угл'áмы, с крайáмы, гвоз'д'áмы, дн'áмы, с кошел'áмы, з брат'йáмы, сватов'йáмы, боронáмы, д'ен'гáмы, пол'áмы, з гус'áмы, с лошад'áмы, ноч'áмы, с кос'т'áмы, с л'уд'áмы, погóнамы, кол'éч'камы, корóвамы, с'úламы, за ówцамы, з брáт'йамы, од'ейáламы, йáмамы* и *так'úма, тóнк'има, гор'áч'има, цéлыма, с колхóзныма* [Очерки морфологии 1972, 298, 300].

Судя по этому материалу (в особенности, из "Очерков морфологии"), в этих говорах полностью осуществилась унификация типов склонения на базе субстантивной флексии <ами>, но не достигнута координация с флексией адъективного склонения.

Объяснение этих форм, предложенное А. А. Шахматовым, представляется нам вполне убедительным; что же касается объяснений А. И. Соболевского и П. С. Кузнецова, то их правдоподобие зависит от не вполне ясных представлений из области относительной хронологии явлений.

Небольшие ареалы флексии <ами> имеются еще на территории южнорусского наречия в окружении массива говоров с флексиями <ам'и> (субстантивной) и <им'и> (адъективной); в Брянской обл. в районе Новозыбкова, Стародуба и Трубчевска, на границе с Белоруссией, и в Курской обл. в районе Рыльска на границе с Украиной. В адъективном склонении здесь показаны флексии с конечной <и> и с твердым либо мягким (у основ на заднеязычные) согласным: *белымы, худымы* и *тонками, тонкими*.

С. П. Обнорский считает, что здесь твердое [м] имеет другое, чем в северных говорах, фонетическое объяснение.

Белорусский язык. На территории Белоруссии эта флексия дает два основных ареала, которые по-разному интерпретируются составителями ДАБМ. Один ареал, не отраженный ни на карте атласа, ни в комментарии, находится в пределах южной зоны белорусских говоров и совпадает с ареалами твердых губных согласных (карты № 50–54 ДАБМ). Применительно к этим говорам твердый согласный в составе флексии интерпретируется как явление фонетическое – и этим объясняется отсутствие этого ареала на карте.

Другой ареал, распадающийся на три части, находится в центре белорусской территории: на запад от Минска, в междуречье Немана и его притока Березины; на восток от Минска, в междуречье Березины (притока Днепра) и Друти; и третий – еще далее на восток, в междуречье Сожа и Беседи. Формы на <ами> в этих говорах получают то же объяснение (или, вернее, те же объяснения), что и аналогичные формы в русских говорах Севера, хотя территориально они соприкасаются с западнобрянским ареалом русских форм на <ами>, которые традиционно имеют фонетическое объяснение.

Следует заметить, что ареалы флексий <ама> и <ами> (в ее предположительно нефонетическом варианте) не совпадают.

<ам>. Односложная флексия типа VC ([ам], [ым], [ъм], [им], [ьм]) объединяет формы Д. и Т. мн. – и именно в этом усматривается влияние двойственного числа, хотя соответствующая его форма имела материально иное окончание на [ма] ([ама]). Эта флексия не проникла в литературные восточнославянские языки, но представлена обширным ареалом русских говоров и небольшим – севернобелорусских.

Относительно происхождения этой флексии, которая обычно бывает единой для всех категорий имен (*с тем двум большим домам*), существуют две гипотезы: морфологическая и фонетическая.

А. А. Шахматов: "Думаю, что *-м* нельзя фонетически возвести к *-ми*: оно заменило *-ми*, проникши из формы дательного множественного. Смешение дательного и творительного множественного вызвано совпадением обоих падежей в двойственном числе и стоит в прямой связи с проникновением окончания *-ма* из двойственного во множественное число" [Шахматов 1957, 359].

А. И. Соболевский: "Отпадение конечного *-и*, по-видимому, имело место в северновеликорусских формах творительного падежа на *-ми*" [Соболевский 1907, 97].

С. П. Обнорский: "Представляется именно несомненным источник этого обобщения флексии дат. мн. *-м* в двух падежах, дат. и тв., искать в судьбах в русском языке категории двойственного числа" [Обнорский 1927, 317].

П. С. Кузнецов: "Рассматриваемые формы допускают двоякое объяснение: морфологическое и фонетическое. Согласно морфологическому объяснению, это совпадение форм дательного и творительного падежей опирается на неразличение соответствующих форм в древности в двойственном числе... Но рассматриваемые формы могут объясняться и фонетически: конечное безударное *-и* после сонорного согласного легко подвергается редукции до нуля (такая редукция в соседстве с сонорными согласными широко известна и окающим говорам), конечное же *-м'* подвергается отвердению, также более широко распространенному на севере... Из двух предполагаемых путей развития более вероятен второй. Старые формы дательного и творительного падежей двойственного числа в некоторых северных говорах используются как формы множественного числа, но обычно как формы творительного, а не дательного падежа... Это говорит о достаточно сильной тенденции сохранять различие этих двух падежей даже в процессе утраты двойственного числа и воздействия его на множественное. Поэтому фонетический путь утраты различия между дательным и творительным падежами представляется более вероятным" [Кузнецов 1959, 78].

Точку зрения А. А. Шахматова и С. П. Обнорского разделяет Г. А. Хабургаев: "Изоглосса рассматриваемых форм (см. карту 2) указывает на то, что они оформились в древненовгородском говоре в период его обособления, следовательно, не позднее XIII–XIV вв. А так как моделью для совпадения форм Д. и Т. мн. могло послужить исконное совпадение форм этих падежей в дв. ч., то и развиваться (в процессе "поисков" нового окончания Т. мн. ч. в период вытеснения "старой" формы имен муж. и сред. р. на *-ы/-и*) они могли не позднее периода разрушения дв. ч. как категории грамматической.

Если учесть время разрушения категории дв. ч., то окажется, что хронология развития северновеликорусских синкретических форм Д.-Т. мн. ч., подсказываемая лингвистической географией, вполне реальна" [Хабургаев 1990, 140].

Г. А. Хабургаев проходит при этом мимо того факта, что приводимая им на карте 2 северная граница этого явления дана на основании карты ДАРЯ, для которого почти вся территория Архангельской обл. представляет собой terra incognita, и игнорирует известные С. П. Обнорскому и вызвавшие в свое время его недоумение сведения об отсутствии этих форм в

архангельских говорах, которые, заметим, действительно разделяют многие особенности морфологии с говорами новгородскими.

Г. А. Хабургаев не придает также значения и тому факту, что "...непосредственного отражения Т. мн. ч. существительных с флексией *-ам* как явления откровенно диалектного и в более поздних текстах почти нет, а может быть, и совсем нет" [Хабургаев 1990, 141]. Первое достаточно надежное отражение такой формы он видит в текстах Т. Фенне, относящихся к началу XVII века.

Совпадение Д. и Т. мн. в форме, соответствующей Д., авторами ДАРЯ отнесено к числу двучленных соответственных явлений, выделяющих севернорусское наречие [Захарова 1970, 75]. Однако даже в пределах ДАРЯ северная граница этого совпадения проходит по территории Вологодской обл. В северных ее районах (Вожегодском, Великоустюгском, Верховажском и Тарногском) и далее на север по всей Архангельской обл. формы Д. и Т. мн. сохраняют разные окончания.

В то же время односложная и единая для всех категорий имен флексия <ам> свойственна значительной (преимущественно западной) части среднерусских говоров, в том числе и акающих: Псковской, Новгородской, Селигеро-Торжковской и северным районам Владимирско-Поволжской группы. Ареал форм на <ам> выходит даже в пределы южнорусского наречия в южных районах Великолукской и северном (Велижском) р-не Смоленской обл. Тем самым, ареал форм на <ам> охватывает Ладого-Тихвинскую, межзональную Белозерско-Бежецкую, Костромскую и частично Вологодскую группы севернорусского наречия, а также Новгородскую, Псковскую, Селигеро-Торжковскую и частично Владимирско-Поволжскую группы среднерусских говоров. Эта среднерусская часть составляет более одной трети всей территории форм на <ам>.

Белорусский язык. Флексия <ам> дает компактный небольшой ареал, являющийся продолжением массива русских говоров, граница которого входит в Свирско-Лепельско-Витебский пучок изоглосс, выделяющий северную группу белорусских говоров (Лінгв. геагр. карты № 54 и № 74).

В украинском языке таких форм не отмечено.

Таким образом, ареал совпадения форм Д. и Т. мн., как нам представляется, слишком далеко смещен на юг, совмещаясь не только с окающими, но и с акающими системами, для того, чтобы этот признак мог быть включен в список двучленных соответственных явлений, выделяющих севернорусское наречие. Это понимал С. П. Обнорский, который писал относительно данного явления: "Непонятно обособление от этой черты говоров крайнего Севера, особенно Архангельской губ., в виду связи, в особенности архангельских говоров, по исконному их происхождению, с новгородским наречием, которому формы на *-м* свойственны" [Обнорский 1997, 330]. И далее: "Признание за формами на *-м* типичной северновеликорусской особенности встречает противоречие в наличии их в пределах южновеликорусского наречия" [Обнорский 1927, 331].

Традиция включения форм на <ам> в число основных особенностей севернорусского наречия с одной стороны, несомненно, обусловлена ограничением территории ДАРЯ с севера; с другой стороны, она, вероятно, восходит к "Опыту диалектологической карты русского языка в Европе" [Опыт 1915], согласно которому все окающие говоры, в том числе и новгородские, и владимирско-поволжские, включались в состав северновеликорусского наречия.

Ареал флексии <ам> представляет собой обширную компактную территорию с четко очерченными границами, расположенную если не в самом центре, то во всяком случае и не на периферии восточнославянской области. Флексия <ам> является единой не только для всех склоняемых имен, но и для всех типов склонения существительных.

Унификация их на базе этой данной флексии осуществилась полностью.

Все это, на наш взгляд, свидетельствует скорее о позднем характере явления. В пользу этого говорит и то, что в письменности эти формы находят отражение не ранее XVII века.

Кроме того, предположение об основополагающем влиянии форм двойственного числа, которое привело к совпадению двух падежных форм, едва ли отвечает внутренним тенденциям развития языка, ведь вытеснение старой флексии *ŏ*-склонения <и> объясняют стремлением, напротив, дифференцировать совпадавшие флексии двух падежей – винительного и творительного.

Фонетическая же гипотеза происхождения этих форм Соболевского-Кузнецова, которая по сути дела не нуждается в опоре на морфологические факторы, представляется достаточно убедительной только в части, касающейся отвердения конечного [м']: ареал форм Т. мн. на <ам> действительно хорошо "ложится" на ареал твердых губных согласных на конце слова, хотя этот последний уходит далеко на юг за границы изоглоссы форм на <ам> (ср. карту № 70 ДАРЯ I и карты № 41 и № 42 ДАРЯ II).

Что же касается редукции конечного гласного, то, хотя в принципе это явление известно в истории рус-

ского языка и в современных говорах, но оно не имело характера фонетической закономерности, если понимать под этим всеобъемлющий охват разных категорий слов, и не отразилось в виде определенных диалектных ареалов.

Одним из возможных стимулов совпадения форм Д. и Т. мн. считается также тенденция к выравниванию количества слогов в флексиях Д., Т. и М. падежей множественного числа.

Эта тенденция в совокупности с достаточно реалистичным предположением об утрате конечного безударного гласного и отвердении конечного [м'] представляется нам достаточной для возникновения односложной единой для Д. и Т. падежей флексии типа <ам>.

Двойственное число, в котором эти формы имели единую, но при этом другую флексию, вряд ли могло сыграть определяющую роль в формировании этого, судя по всему, относительно молодого ареала. Иное дело – отражение флексий двойственного числа в формах на <ама>, <има>, которые в субстантивном склонении представлены в периферийных говорах, сохраняющих наряду с ними и другие архаические особенности (а ареал форм на <ам> – это не та территория, которая удерживает архаику). Сохраниться в виде остатков, "обломков", может в принципе все, что угодно, даже самая глубокая архаика, но оказать влияние на формирование мощного диалектного ареала могло бы только достаточно живое и сильное явление, каковым уже не могло быть в то время двойственное число.

ЛИТЕРАТУРА

[Аванесов 1949] – *Аванесов Р. И.* Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. П. М., 1949.

[АРНГ] – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты. М., 1958.

[Бандривский 1960] – *Бандрівський Д. Г.* Говірки Підбузького району Львівської области // Київ, 1960.

[Белорусская грамматика 1936] – Беларуская граматыка. Марфалогія. Мінск, 1936.

[Брок 1899] – *Брок О.* Угрорусское наречие села Убли // Изд. ОРЯС АН СПБ 1899.

[Булатова 1981] – *Булатова Л. Н.* Взаимоотношение окончаний одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах (на материале безударных окончаний творительного падежа множественного числа) // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

[Верхратский 1902] – *Верхратський І.* Про говір галицьких лемків. Львів, 1902.

[Верхратский 1912] – *Верхратський І.* Говір батюків. Львів, 1912.

[Гладкий 1928] – *Гладкий П.* Говірка села Блиставиці Гостомського району на Київщині // Український діялектологічний збірник. Кн. 1. Київ, 1928.

[Дедюхина 1968] – *Дедюхина Л. Н.* К истории распространения окончания -ма в современных русских говорах // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, № 292, М., 1968.

[Жилко 1966] – *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

[Захарова 1970] – *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

[Кобылянский 1928] – *Кобилянський Бр.* Гуцульський говір и його відношення до говору Покуття // Український діялектологічний збірник. Кн. 1. Київ, 1928.

[Кузнецов 1949] – *Кузнецов П. С.* Очерк морфологической системы пильмасозерского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. П, М., 1949.

[Кузнецов 1959] – *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

[Лингв. геогр.] – Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.

[Мансикка 1914] – *Масикка В. П.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Изв. ОРЯС, т. XIX, кн. 4, 1914.

[Матвияс 1969] – *Матвіяс І. Г.* Форми множини іменників 1 відміни в українській мові // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Нарысы] – Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

[Обнорский 1927] – *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. II. Множественное число. Л., 1927.

[Образование 1970] – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970.

[Орфоэпический словарь 1983] – Орфоэпический словарь русского языка. М., 1983.

[Орфоепічний словник] – *Погрібний М.* Орфоепічний словник. Київ, 1983.

[Опыт] – Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

[Очерки морфологии] – *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[Панькевич 1928] – *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Прага, 1928.

[Пура 1958] – *Пура Я. О.* Говірка західної Дрогобиччини. Ч. 1. Львів, 1958.

[Пшепюрска 1983] – *Пшепюрська М.* Надсянський говір. Варшава, 1983.

[Тер-Аванесова 1990] – *Тер-Аванесова А. В.* Акцентуация частной диалектной системы (говоры Заонежья). АКД. М., 1990.

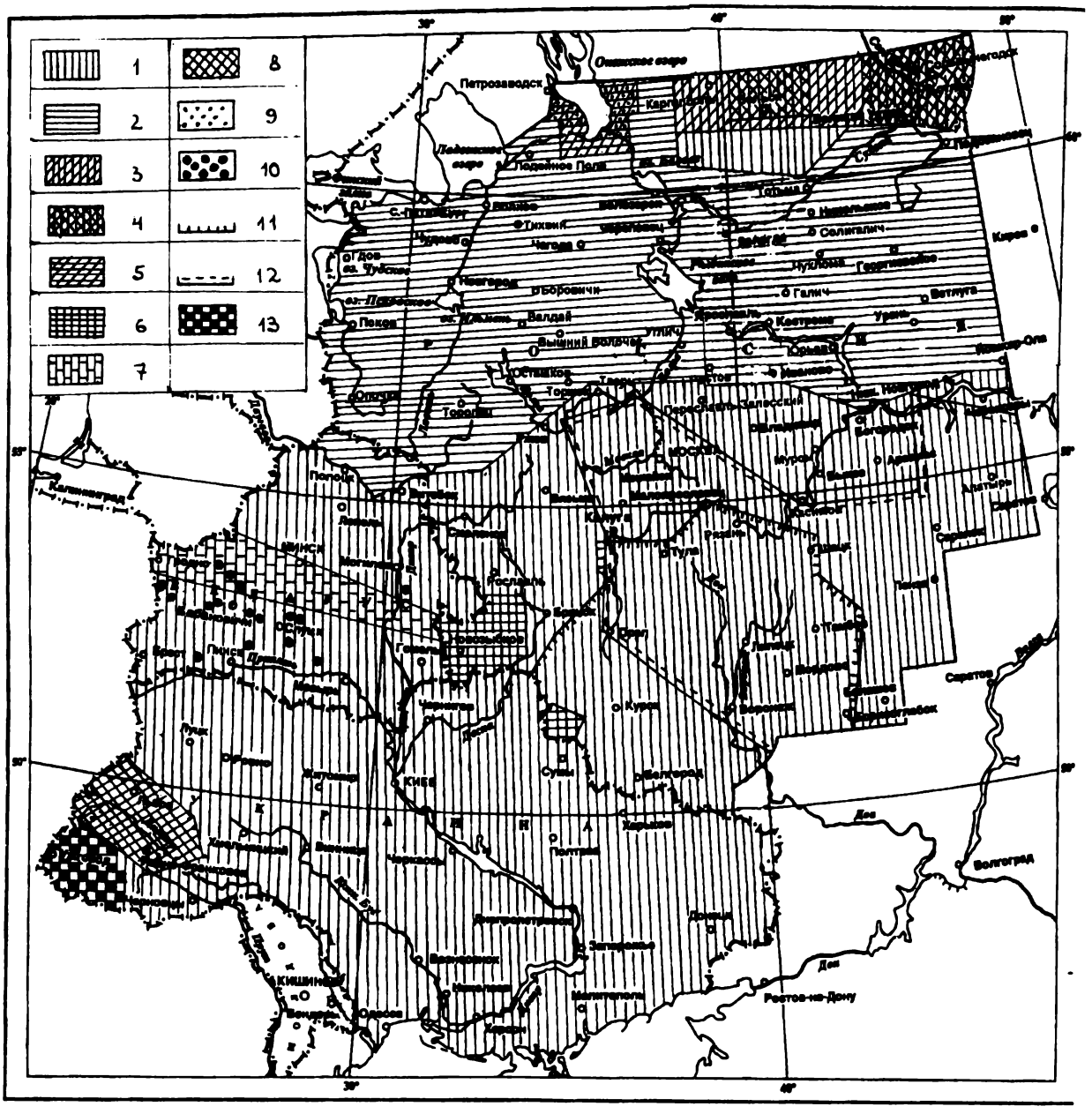
[Хабургаев 1990] – *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

[Шахматов 1957] – *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.

[Шило 1957] – *Шило Г. Ф.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

[Шульга 1988] – *Шульга М. В.* Развитие морфологической системы имен в русском языке. АДД. М., 1988.

Карта. Флексии творительного падежа множественного числа существительных

Условные обозначения:

	субстантивные флексии		адъективные флексии
	ударная	безударная	
1	<а́м'и>	<ам'и>	<им'и>
2	<ам>	<ам>	<ам>
3	<а́м'и>	<ам'и>	<има>
4	<а́м'и>	<има>	<има>
5	<а́ми>	<ами>	<има>
6	<а́ми>	<ами>	<ими>
7	<а́ма>	<ама>	<ими>
8	<ами> в отдельных словах		
9	<ама> в отдельных словах		
10	<и́ма> (<има>) в отдельных словах		
11	изоглосса расширенного <м'и>		
12	изоглосса <им'и> после заднеязычных согласных		
13	<ома> и <и>в отдельных словах		

Н. Л. Голубева

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РУС. ЛИТ. *ТОТ - ЭТОТ*

Важность описания местоименных слов не вызывает сомнений, тем более, если стоит задача установления родства языковых систем, при решении которой ценным материалом являются местоименные корни[1]. Ведь как известно, "чрезвычайно редки случаи заимствования основных указательных местоимений", а также личных и вопросительных [Майтинская 1969, 109, 283]. Кроме того, важнейшие элементы грамматического строя языка – артикли, союзы, частицы – "своим происхождением... чаще всего обязаны указательным или вопросительным местоимениям: подобная закономерность прослеживается во многих языках самых различных генетических и ареальных групп" [там же, 126]. При этом последним крупным исследованием местоимений в восточнославянской диалектологии была диссертация С.П. Самойленко [Самойленко 1959]. С тех пор накоплен большой материал: помимо национальных атласов восточнославянских говоров, это опубликованные в последние десятилетия наблюдения о специфически диалектных группах местоимений в отдельных говорах (например, [Сидоренская 1979; Ухмылина 1978] и др.). Но при этом вряд ли существует действительно полное описание местоименных корней хотя бы для одной языковой системы, не говоря об описании семантики и употребления местоимений[2].

В работах по истории и диалектологии восточнославянских языков главы, посвященные местоимениям, как правило, состоят из двух частей, двух групп проблем: вначале местоимения классифицируются по разрядам и здесь приводятся списки местоимений каждой группы (а иногда только примеры, так как полного списка некоторых разрядов местоимений пока не существует для восточнославянских говоров); затем описываются парадигмы. Как известно, последний, парадигматический аспект местоимений исследован гораздо лучше, чем первый, и в работах он обычно стоит на первом плане[3]. Личные и притяжательные местоимения, их список, а также варианты основ достаточно хорошо изучены. Что же касается других групп, то нередко мы имеем неполное представление даже о списке их основ (корней).

Указанный факт отражают словари. Так, в этимологическом словаре служебных слов и местоимений славянских языков Ф.Копечного [ESSJ] нет многих картографируемых в данной работе указательных местоимений; в этимологическом словаре белорусского языка [ЭСБМ] нет указательного местоимения *гэ́ны(й)*, большой материал по которому содержится в комментариях фонетического раздела белорусского атласа.

Нельзя исключить и возможности того, что систематизация уже имеющихся диалектных фактов по неличным местоимениям несколько изменит и представление о самих группах (разрядах) местоимений по значению, кажущееся на первый взгляд незыблемым. Так, в разрядах местоимений, традиционно выделяемых в восточнославянских литературных языках, как кажется, не находится места для псковских "утвердительных" местоимений *е́кого*, *е́чего*, *е́куда*, *е́нашто*, *е́льзе*, антонимичных отрицательным *не́кого*, *не́кого*, *не́чего* и т.д. [Сидоренская 1979]. Что касается данной работы, то в результате систематизации, обобщения материала восточнославянских говоров, славянских литературных языков подтверждается предположение[4] о том, что смысл трехчленной местоименной оппозиции в славянских языковых системах обнаруживается в указании не на три степени отдаления предмета, а на две; третье же местоимение этой оппозиции является общим, неопределенным указанием на предмет, безотносительно к его

[1] Так, на этимологиях местоименных слов строится гипотеза о родстве уральских и алтайских языков [Майтинская 1969].

[2] Опыт такого описания на материале русского литературного языка см. [Шведова, Белоусова 1995].

[3] Исключением является глубокое и разностороннее историко-диалектологическое исследование местоимений в монографии Г.А.Хабургаева [Хабургаев 1990], в сокращенном виде изложенное в [Горшкова, Хабургаев 1983]; а также работы по украинским местоимениям, см. [Бевзенко 1960].

[4] В данном случае статус гипотезы приобретает одно очень точное замечание Г.А.Хабургаева, подкрепленное материалом современных восточнославянских говоров, результатами исследований, проведенных на материале славянских литературных языков [Кржижкова 1972] и памятников [Лекомцева 1979] – см. далее.

отдаленности от говорящего (ср. рус. лит. *некий*). Возникает вопрос: не было ли такое соотношение местоимений в трехчленной оппозиции исконным для славянских языковых систем, ведь другого соотношения местоимений, по нашим данным, не обнаруживается.

В связи с изложенным представляется полезным описать накопленный в восточнославянской диалектологии лингвогеографический материал по тем указательным местоимениям, которые соотносятся с рус. лит. ***тот – этот***, представить территории их распространения. Кроме этого, местоимения, отмеченные в лингвогеографических материалах, сведены в единый список; подчеркнем, что он отражает только материалы атласов и, вероятно, может оказаться неполным, если сравнивать его с монографическими описаниями говоров, поэтому список имеет значение лишь первого шага в этом направлении и должен уточняться и пополняться.

Таким образом, в работе описывается в первую очередь распространение основ указательных местоимений в восточнославянских говорах, входящих в дейктические системы типа рус. лит. *тот - э́тот*. Ареалы этих основ показаны на двух картах: "Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот*" и "Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *э́тот*". В основу карт положены различные материалы (не только морфологического, но и фонетического, лексического разделов национальных атласов), но построены карты по принципу лексических[5]; в некоторых случаях рассматривается словообразование этих основ. Местоименные лексемы даются в обобщенной транскрипции без надстрочных знаков (в "орфографии говора"), иногда используется фонетическая транскрипция; основы, зафиксированные в материалах как ***э́тот*** и ***етот*** даются одинаково, основа с йотированным началом ***йэ́тот*** (***[je]тот***) показана отдельным знаком; не картографированы малораспространенные варианты [*y'э́*]*ты*, [*y'э́*]*ны*, см. карту № 49 ДАБМ[6].

В основу карт и комментария положены следующие материалы:

– карта № 134 ДАБМ "Форма назоўнаго склону адзіночнага лику мужчинскага роду указальнага займенника ***той***", а также комментарий к карте № 49 фонетического раздела ДАБМ (в комментарии полностью приведен материал по распространению слов ***йэ́ты, гэ́ты(й), гэ́ны(й)***, (***еный***) и однокоренным образованиям);

– карта № 69 ДАРЯ II "Форма именительного падежа единственного числа мужского рода местоимения *тот(I)*. Распространение местоимений с корнем *э́нт-(II)*". По местоимению ***э́тот*** (и др., указывающих на близкий предмет) использована картотека ОЛА (вопрос 2854[7]). В качестве сопоставительного и уточняющего материала использовались данные карт по другим формам указательного местоимения ***тот, той***, а также карта синтаксического раздела ДАРЯ III № 12 и комментарий к ней "Постпозитивные частицы, восходящие к местоимению ****тъ***, при именах".

– АУМ 1 – карты № 229 "Назівний відмінок однини займенника ***цей***" и № 233 "Назівний відмінок однини займенника ***той***", АУМ 2 – карты № 210 "Назівний відмінок однини займенника, що вказує на близкий предмет (***цей, ця, це***)" и № 212 "Назівний відмінок однини займенника, що вказує на віддаленний предмет (***той, та***)".

Трудность выполнения поставленной задачи связана с тем, что сбор материала по местоимениям для восточнославянских национальных атласов был свя-

---

[5] С одной стороны, картографировались прежде всего лексемы, а не их значения; но при этом материал атласа соотносился со сведениями словарей, которые говорят о том, что белорусские картографируемые лексемы однозначны и их распределение по двум картам соответствует функциональному принципу, а картографируемые русские диалектные местоимения (в первую очередь *этот*), по данным словарей, не во всех говорах имеют одно и то же значение. Можно оценивать этот факт, говорить о полноте лексикографических данных, величине территории русских говоров. Но так или иначе останется неизменной, во-первых, необходимость сбора сведений об указательных местоимениях; во-вторых, полезность для выполнения этой задачи даже огрубленной систематизации материала.

[6] Однако единство принципа графической подачи материала не удалось выдержать полностью, в частности распространить на единичные украинские местоимения; они извлечены из комментариев АУМ-1 и АУМ-2 к картам по всем падежным формам указательных местоимений, а не только №№ 229, 233 и 210, 212 и включены в сводный список (при этом словоформы с вариативностью во флексиях не учитывались). Сложность, как известно, заключается здесь в том, что алфавиты литературных русского и украинского языков во многом совпадают и буквенные символы используются в ДАРЯ и АУМ для передачи фонемного состава слов в обобщенной транскрипции, в то время как украинский и русский языки (и их говоры) существенно различаются в отношении категории твердости – мягкости согласных, ряда и подъема гласных, а значит одни и те же буквенные символы несут в атласах разное "содержание". Что касается более распространенных местоименных основ украинского (как и белорусского) языка и говоров, то их фонемный состав передается с ориентацией на то "содержание", которое несут в себе буквенные символы русского алфавита: украинская буква "и" в основах местоимений передается русской "ы", укр. "і" сохраняется, звуки ['а, 'о] передаются буквами "ѐ", "я", [*h, y, y'*] – буквой *г*; словоформы, имеющие в основе дифтонги и др. особенности гласных (закрытые "о", "і") не попали в список и обобщены как варианты более распространенных основ. Для того, чтобы не создавать сложности из-за стремления привести этот небольшой материал к некоему общему варианту графической передачи, – иногда единичные украинские словоформы даются так, как в АУМ.

[7] "При помощи каких местоимений выражается указание на близкий, отдаленный и еще более отдаленный предмет? *Этот, тот - ovaj, taj, naj...*"

зан прежде всего с их парадигмами (исключение составляет АУМ, где при этом учитывалось и значение местоимения), а в данной работе из материала по парадигмам извлекается, систематизируется и картографируется все имеющее отношение к лексическому и семантико-синтаксическому аспекту указательных местоимений. Что касается оппозиций типа *тот - э́тот*, то лишь программа ОЛА ставит цель собирать эти пары местоимений. В АУМ, как было сказано, этот аспект присутствует наряду со словоизменительным. При этом, однако, представляется возможным дать картину, о которой идет речь. В белорусских и русских материалах национальных атласов иногда приводятся пометы собирателей о том, указывает местоимение на близкий или отдаленный предмет; эти сведения соотнесены с данными словарей, исследований, хрестоматий говоров. Кроме того, материал по белорусскому местоимению *гэ́тот* (*[je]tot*), указывающему на близкий предмет, полностью приведен в комментарии к фонетической карте и картографирован в лексическом разделе ДАБМ. Материал ОЛА позволил восполнить отсутствующий русский материал по местоимению *э́тот*.

В результате составлена картина территориального распространения местоименных основ, которая, конечно, не может быть детальной и исчерпывающей, а представляет собой решение задачи лишь в первом приближении, в самом общем виде – по указанным выше и другим причинам. Добавим также и то, что задача эта выполняется на одном фрагменте парадигмы – на основе данных о формах М.р. Ед.ч. Им.п. Карты по другим словоформам указательных местоимений строго говоря несопоставимы: в каждом национальном атласе карты посвящены разным словоформам местоимений, то есть состав картографированных словоформ не совпадает[8].

Вопрос о том, какими языковыми средствами формируется оппозиция *тот - э́тот* в современных восточнославянских говорах, важен как для исторической, так и для современной диалектологии. Он граничит с синтаксисом – не изученным и слабо обеспеченным лингвогеографическим материалом; кроме того, он является частью проблемы, касающейся средств выражения категории определенности – неопределенности, таким образом, связан с актуальными задачами синхронной диалектологии и может иметь прогностическое значение для исследований на материале магнитофонных записей речи говоров. Для многократно обсуждавшихся в исторической диалектологии вопросов о двух или трех степенях отдаления предмета от говорящего (ср. старославянские местоимения *сь – тъ – онъ*) важно уже само по себе введение в научный оборот сводного восточнославянского материала.

Главным в противопоставлении картографируемых местоимений является указание на сферу видимого, ближайшего по отношению к речевой ситуации или же указание на сферу невидимого, отдаленного от нее. Это противопоставление является основополагающим и сохраняет свою актуальность несмотря на то, что эти местоимения имеют и другие функции, которые, по всей вероятности, следует считать вторичными[9]. (Так, Е.Кржижкова выделяет три функциональные сферы для указательных местоимений: А – дейксис (указание на близкий или отдаленный предмет), Б – анафора (предупомянутость), В – слово-заместитель придаточного предложения; в современных славянских литературных языках Е.Кржижкова не нашла систем, где для каждой из трех сфер существовало бы специальное указательное местоимение [Кржижкова 1972]).

При этом "принято считать, что старейшие памятники еще сохраняют древнюю (видимо, индоевропейскую по происхождению) традицию различения трех степеней отношения 3-го лица (или предмета) к участникам диалога: для указания на близкое ему лицо... *сь*; для указания на лицо, близкое собеседнику, – *тъ*; в остальных случаях... – местоимения ***и*** и ***онъ***" [Хабургаев 1990, 225]. Однако, как пишет Г.А. Хабургаев, если местоимения *тъ – сь* регулярно отмечаются в одном контексте для указания на близкий или далекий для собеседника предмет речи, то этого нельзя сказать о двух других указательных местоимениях. Слово ***онъ*** не отмечается в одном контексте с указанными выше местоимениями и служит

[8] При этом сравнение карт по разным словоформам говорит о том, что варианты корня местоимения могут не совпадать в пределах одной парадигмы. Так, часто нет параллелизма в типе местоименной основы (корня) между парадигмами мужского и женского рода, а нередко и внутри каждой из этих парадигм (параллелизма, предполагающего пары: *той - тая* и *тот - тота*). Вариативность обычно сводится к редуплицированности – нередуплицированности основы (*та - тота*), а также к оформлению окончаний по адъективному или субстантивному склонению (*та - тая, тота - тотая*). Членами одной парадигмы могут быть словоформы разной словообразовательной структуры и с двусложными и односложными окончаниями – это хорошо показывают соответствующие карты морфологических разделов в национальных атласах. О вариативности местоименных основ пишет Л.Н.Булатова [Диалектология 1973, 134-135].

[9] Эти функции не могут быть описаны ввиду отсутствия в современной диалектологии материала; его сбор представляется задачей нелегкой; анализ текстов диалектных хрестоматий в первом приближении показывает, как эти функции сложным образом распределяются, насколько они трудно уловимы, поэтому сведения могут собираться по специальному, детально разработанному вопроснику.

"для того, чтобы показать "внешний" характер названного", употребляется "как средство специального подчеркивания "чуждости". Оно используется в случаях, если важно отделить главных персонажей, близких мне и тебе, от второстепенных [Хабургаев, там же с. 226]. (Думается, что именно эта неравноценность и, возможно, "несопоставимость" функций местоимений ***тъ сь, онъ***, отмеченная Г.А. Хабургаевым, а также существующее несколько упрощенное, "одномерное" представление об их употреблении, дало возможность М.И. Лекомцевой констатировать, что в старославянском языке (исследовался один памятник – Мариинское Четвероевангелие) у этих местоимений "три степени удаления обнаружить не удалось", а отмечается лишь "противопоставление сферы видимого или ближайшего... сфере невидимого и отдаленного от данной ситуации", реализованное местоимениями ***тъ – сь*** [Лекомцева 1979, 230]). Что касается местоимения ***и***, то оно, как известно, "ушло" из Им.п." и "перестает употребляться в указательной функции" [Хабургаев, там же].

Исследования языков разных систем показывают, что большое количество указательных местоимений наряду с дифференцированностью их значений является показателем сохранения более ранней стадии развития языковой системы[10]. В современных славянских литературных языках, как пишет Е.Кржижкова, местоимения могут указывать лишь на две степени отдаленности; при этом оппозиция может включать не только два местоимения, но также три и более. Однако в этом случае наблюдается либо синонимия, либо немаркированность их употребления, индифферентность по отношению к указанию на отдаленность. В белорусском и русском литературных языках Е.Кржижковой устанавливается двучленная оппозиция из двух местоимений: ***тот - э́тот и той - ге́ты***. Украинский литературный язык включает пять местоимений: ***цей/оце́й - той/отóй/тамтóй***, образующих двучленную оппозицию. При этом ***той*** является немаркированным, то есть может отсылать и к ближнему и к отдаленному предмету, ***оце́й, отóй*** употребляются при подчеркнутом указании на близкий или отдаленный предмет, ***цей*** и ***тамтóй*** – при нейтральном указании на него [Кржижкова 1972, там же].

В случае, если в языке более двух местоимений, может отмечаться трехчленная оппозиция типа: близкий – далекий – немаркированный по близости/отдаленности. Такую картину Е.Кржижкова устанавливает для чешского, словацкого и нижнелужицкого литературных языков. (Польский язык характеризуется особенностями, отличающими его от восточнославянских и западнославянских).

Если двучленная система указательных местоимений свидетельствует о развитии большей абстракции в языке, а трехчленная – о сохранении более древнего состояния, характеризующегося детализацией в обозначении степени близости – отдаленности, то и простое наличие более чем двух местоимений для выражения двучленной оппозиции само по себе (она отмечается, по материалам атласов, и во многих белорусских, русских и украинских говорах) также представляет интерес как одна из стадий утраты архаического состояния, когда функции исчезли и поэтому местоимения стали избыточными, в ряде случаев синонимичными, но в то же время еще существуют в языковой системе (вероятно, такое состояние в системе может сохраняться долго). С другой стороны, лингвогеографический материал по восточнославянским говорам, результаты исследований памятников и современных славянских литературных языков – позволяют сделать предположение о том, что отмеченное Е.Кржижковой соотношений функций, семантики местоимений в тех случаях, когда имеется их трехчленная оппозиция, является исконным и сохранившимся поныне в отдельных славянских языковых системах, как в диалектах, так и в литературных языках. Третье местоимение в оппозиции всегда является общим, нейтральным указанием на предмет, безотносительно к его близкому или далекому расположению по отношению к говорящему; другими словами, языку достаточно двучленной оппозиции "близкий – далекий", большей детализации, то есть включения чего-то среднего, не потребовалось, и это говорит о развитии большой степени абстракции в языке.

Исследование Е.Кржижковой представляет для нас интерес как фоновый материал для сравнения с восточнославянскими говорами, а также как образец формализованного подхода к описанию функций и семантики указательных местоимений. При этом в данной, лингвогеографической работе невозможно осуществить такой подход в полном объеме – из-за отсутствия материала, а также из-за трудности сопоставления большого количества языковых систем (об этом пишет и Е.Кржижкова – с. 146). Наше лингвогеографическое описание дает представление о "списке" местоимений, выполняющих только функции типа А (дейксис, указание на близкий или отдален-

[10] Материал, подтверждающий это, приводит в своей монографии К.Е.Майтинская: в алеутском языке, например, существует двадцать указательных местоимений, более дифференцированно выполняющих функции, аналогичные тем, которые существуют у местоимений *тот - этот* [Майтинская 1969, 48].

ный предмет) на территории восточнославянского диалектного континуума.

Как было сказано, данные словарей и атласных материалов свидетельствуют, что в русских говорах местоименные лексемы не всегда имеют одно и то же значение. П.Я. Черных пишет, что местоимение ***тот*** издавна отмечалось в функции указания как на близкий, так и на отдаленный предмет, и материал западноукраинских говоров дает яркое свидетельство этому (см. карту № 2). По материалам ДАРЯ, русское ***э́нтот*** указывает на отдаленный предмет; по данным этимологического словаря П.Я. Черныха [Черных 1994] – на близкий предмет; по данным словаря В.И. Даля, оно может указывать и на близкий и на отдаленный предмет; по данным словаря д.Деулино [Словарь... говора 1969], функция указания на близкий предмет у него все-таки преобладает. Отметим, что говор д.Деулино расположен в северной, пограничной части ареала слова ***э́нтот***; при этом большая часть помет ДАРЯ о том, что оно указывает на удаленность, относится к южной части ареала – к юго-восточным говорам.

Данные картотеки ДАРЯ позволяют предположить, что распространение местоимения ***тот*** в русских говорах завышено, юго-восточная территория отсутствия местоимения ***тот*** могла бы быть более широкой и компактной при иной формулировке вопроса Программы. В некоторых ответах приводятся только устойчивые сочетания с этим местоимением, например, ***и то и другое*** (ср. рус. лит. устойчивые сочетания с местоимением *сей*, утраченным в литературном языке: *до сих пор*, *ни то ни се* и др. [Шведова, Белоусова 1995]). В других ответах приводятся формы местоимения ***тот***, сопровождаемые замечанием о том, что вместо них употребляется местоимение ***э́нтот***.

По всей вероятности, можно предполагать, что ситуация в южнорусских говорах в целом характеризуется, во-первых, сокращением числа местоимений для указания на близость – отдаленность; (***тот*** (***той***) - ***э́тот***; ***э́нтот*** - ***э́тот***), местоимение ***э́фтот*** в материалах ДАРЯ не отмечено, единично отмечается ***э́стот***, тогда как эти варианты местоимения отмечаются в словарях В.И. Даля, П.Я. Черныха). Во-вторых, указательные местоимения в южнорусских говорах характеризуются немаркированностью функций, отсутствием строгой дифференциации значений. Это сближает южнорусские говоры с ситуацией в сербском литературном языке, для которого Е.Кржижкова констатирует наличие двух местоимений, образующих немаркированную оппозицию (Ср.: К.Е. Майтинская отмечает, что в сербском языке не дифференцировано указание на близость – отдаленность и существует лишь общее указание).

В севернорусских говорах для указания на удаленный предмет существуют местоимения со сложной основой – ***то́ттам***, ***те́тамы*** и др. Ср.: украинские местоимения со сложной основой построены по типу "наречие + указательное местоимение", а в русских корни меняются местами – "указательное местоимение + наречие". По крайней мере в некоторых архангельских (и, вероятно, других севернорусских говорах, в частности, вологодских) местоимение ***э́тот*** отсутствует или является малораспространенным (оно не встречается в текстах хрестоматий). В значении "этот" употребляется местоимение ***тот***, в значении "тот"- ***то́ттам***.

Сравнение карт ДАРЯ по местоимению ***тот*** и частице ***-то*** объясняет особенности ареалов и позволяет говорить о взаимозамене средств выражения определенности – неопределенности. Общеизвестно, что указательное местоимение ***тот*** и постпозитивная частица ***-то*** произошли из местоимения ****тъ***; что функция их заключается в указании на определенность в широком смысле слова (понимаемую как часть категории определенности – неопределенности: предупомянутость, известность) и возможны отношения их корреляции, взаимозамены. Карты ДАРЯ позволяют сделать некоторые предположения.

Постпозитивная частица отмечается на северо-востоке и востоке ДАРЯ. На этой же территории отмечаются ареалы отсутствия местоимения ***тот*** (см. карту № 1 к статье). На картах ДАРЯ № 70 и 74 [ДАРЯ II], посвященных формам Жен. и Ср. рода местоимения ***тот***, отмечается еще больше говоров с отсутствием этого местоимения. Эта "разреженная" территория распространения местоимения ***тот*** совпадает с территорией местоимения ***э́нтот*** в русских говорах, показанной на карте изоглоссой; употребление местоимения ***э́нтот*** в значении "тот" надежно подтверждается материалами ДАРЯ (см. комментарий к карте № 69 [ДАРЯ II, комментарии]). Однако при этом обращает на себя внимание достаточно большой и компактный ареал отсутствия местоимения ***тот*** по течению реки Клязьмы на север и на запад от городов Владимир и Нижний Новгород, ведь этот ареал находится вне зоны распространения местоимения ***э́нтот***, заменяющего местоимение ***тот***.

Как показывает карта № 12 синтаксисического раздела, посвященная постпозитивной частице [ДАРЯ III, карты, рукопись], именно в этом районе – Владимир – Н.Новгород – отмечается ареал наибольшей "активизации" частицы ***-то***, употребления ее в различных формах согласования (***-от***: *дом-от*;

-та: *вода-та*), как грамматического, так и "согласования" по фонетическому признаку, то есть по созвучию с флексией существительного (*воду-ту*). Становится понятным, почему это местоимение реже употребляется в форме Им.п. Муж.р. и чаще – в форме Ж.р. Возможно, что формы первого типа ***дом-от*** вытесняют указательное местоимение ***тот***, а формы типа ***вода-та***, напротив, поддерживают употребление местоимения ***та***, как в постпозитивной, так и в препозитивной позиции: ***вода-та*** и ***та вода***, но ***дом-от*** и ***тот дом***. (Ср. замечание собирателей, приведенное И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко: "очень редко – ***стол-тот***" [Русская диалектология 1973, 196]). Другим способом трудно объяснить наличие достаточно большого и компактного ареала отсутствия формы Муж. рода местоимения ***тот***. Что касается форм Жен. и Ср. рода, то отсутствие их отмечается лишь в отдельных говорах данной территории между Владимиром и Н.Новгородом, то есть ареал не компактный, разреженный. На карте, посвященной форме мн.числа этого местоимения, ареал отсутствия формы ***те*** также существует, хотя он "разорван" на две части и при этом гораздо меньше, чем ареал отсутствия формы ***тот***. Наличие этого ареала также может быть связано с совпадением и "замещением" формы указательного местоимения формой постпозитивной частицы – ср.: *те дома → дома-те*.

В пределах зоны распространения местоимения ***э́нтот*** также обнаруживается ареал "сгущения", активизации постпозитивной частицы, отмечается согласование ее с существительным, прежде всего, по "фонетическому" признаку. За пределами этой территории какое-либо согласование и активизация постпозитивной частицы ***-то*** отмечается реже. Интересно, что этот ареал находится в отрыве от основного ареала распространения постпозитивной частицы и вблизи территории ее отсутствия – юго-западной зоны русских говоров. Без сопоставления с картой по указательным местоимениям такое расположение наиболее активных зон употребления постпозитивной частицы было бы трудно интерпретировать; сравнение карт позволяет предположить, что в говорах этих ареалов происходит замена указательного местоимения ***тот*** формами постпозитивной частицы.

В связи с разреженным распространением местоимения ***тот*** в юго-восточных русских говорах интересно рассмотреть данные словаря д.Деулино [Словарь... говора 1969]. Этот населенный пункт не вошел в сетку ДАРЯ[11], поэтому о наличии в нем местоимения ***тот*** можно судить лишь по говорам близлежащих населенных пунктов: на картах, посвященных разным формам местоимения ***тот***, в этих говорах отмечается как наличие, так и отсутствие этих форм, поэтому можно предположить, что и в говоре д.Деулино отмечается нерегулярное, непоследовательное употребление этого местоимения. Материал ДАРЯ по местоимению ***тот*** в районе расположения д.Деулино не может быть уточнен с помощью словаря Деулино [Словарь... говора 1969]. Как известно, словарь составлен по дифференциальному принципу, поэтому слова типа ***тот***, общие для говора и литературного языка, в него не вошли.

Интересно при этом, что в говоре д.Деулино функции и значение указательного местоимения ***э́нтот*** весьма широки: 1. Находящийся вблизи по сравнению с отдаленным, 2. Выделяющийся из ряда других, 3. "в значении существительного", то есть предупомянутость – функция местоимения ***он***, 4. "Тот, другой, более отдаленный во времени и в пространстве, чем подобный (обычно парный) предмет", 5. Рус.лит. ***тот***. Указание на предмет, лицо, выделяющиеся из ряда других. Противоположно по значению местоимению ***э́тот*** ([Словарь... говора 1969], автор статьи К.П. Смолина) [выделено мной – *Н.Г.*]. Таким образом, отмечается употребление местоимения ***э́нтот*** как для указания на близкий предмет, так и на отдаленный. Иными словами, в говоре наблюдается ослабление его маркированности по отношению к оппозиции "близкий – далекий".

Украинские диалектные местоимения исследовались М.М. Онишкевичем, С.П. Бевзенко. Авторы пишут о ярких особенностях украинских местоимений, и это подтверждается данными атласов. В частности, "украинский язык имеет большое количество своих, свойственных только ему местоименных образований, которые возникли на украинской основе". Прежде всего, это местоимения со сложной основой, образующие ареалы в юго-западных украинских говорах. Местоимения со сложной основой отмечаются и в севернорусских говорах.

"Современные украинские ***той***, ***сей*** образованы от старых указательных местоимений ***тъ***, ***сь*** путем присоединения окончаний прилагательных. Они засвидетельствованы в старославянских, древнерусских, староукраинских памятниках, однако в русском языке они вытеснены редуплицированным местоимением ***тътъ***" (из ***тъ***). С другой стороны, редуплицированные образования местоимений "большое распространение получили... в украинских памятниках XIV–XV вв., однако со временем вышли из употребления, оставшись только в карпатских говорах"

[11] Местоположение д.Деулино показано на карте № 1 символом "Д".

[Бевзенко 1960] – см. ареалы редуплицированных форм на картах. "По отсутствию редуплицированных форм от местоимения ***тъ*** большая часть украинских говоров вместе с белорусским языком противостоит русскому языку" [там же].

"В русском языке словоформа ***тот*** стала преобладающей, зато образования типа ***сесь*** совсем утратились, были заменены новым образованием ***э́тот***, известным с XVII в." [там же].

"В украинском языке распространены образования с начальной частицей ***о-***, а также ***он-***: ***оцей***, ***онтой***, характерные для устной речи" [там же]. С этим местоимением можно сравнить севернорусские ***унетот***, ***вонетот*** (см. карту).

Материал свидетельствует о следующих различиях восточнославянских говоров в отношении указательных местоимений.

1. В украинских и белорусских говорах указательные местоимения разнообразны, характеризуются большей однозначностью, более четким противопоставлением по значению (маркированная оппозиция, по Е.Кржижковой; то же отмечается в русском литературном языке). В части южнорусских говоров отмечается сокращение числа указательных местоимений, а существующие в этих говорах местоимения характеризуются многозначностью, немаркированностью.

2. Двучленная оппозиция "близкий – далекий", характерная для восточнославянских говоров, может иметь как два, так и три местоимения. Три местоимения для выражения двучленной оппозиции отмечаются в следующих говорах:

– севернобелорусский ареал: ***той***, ***гэ́ны - гэ́ты***;

– единичные украинские говоры: ***той***, ***тот - цесь***, ***тамтой - сей***, ***той***;

– ареал вокруг г.Тернополь: ***той - сей***, ***цей***;

– север и северовосток Украины: ***той - сей***, ***цей***;

– некоторые русские говоры – см. далее.

На территории всех украинских говоров отмечаются местоимения ***отой***, ***отот***, ***оцей***, но сплошной ареал эти местоимения образуют в северо-восточных украинских говорах; они не создают трехчленной оппозиции.

3. В украинском языке сохранилось местоимение ***сей***, указывающее на близкий предмет, возникли образования от него; в белорусском и русском – утвердилось местоимение ***э́тот***, ***йэ́тот***, ***гэ́тот***.

4. Белорусский язык противостоит украинскому и русскому по отсутствию в нем редуплицированных местоимений. Наиболее разнообразны эти образования в украинском языке, но локализованы в юго-западных говорах. В русском языке этот способ ограничился формой Им.п. М.р. Ед.ч. ***тот***, которая, однако, получила общерусское распространение.

5. Украинские, белорусские и западнорусские говоры противопоставлены большей части русских говоров по наличию – отсутствию чередования основ в местоимении, образованном от ****тъ***: ***той***, ***того...та́я***, ***таей... - тот***, ***того... та***, ***той...***: в говорах Украины, Белоруссии и Западной России в местоимении выступает основа ***т-***, а в большей части русских говоров эта основа чередуется с редуплицированной основой ***тот-/т-***.

6. Местоимения со сложной основой, состоящей из указательного местоимения и наречия, отмечаются в юго-западных украинских говорах и в севернорусских, но при этом украинские местоимения образуются по модели "наречие + указательное местоимение", а севернорусские по модели "указательное местоимение + наречие": укр. ***тамта́*** – арханг. ***та́тама***.

Изоглоссой 1 показана территория, в части говоров которой, по материалам ОЛА, существует только одно местоимение – ***тот*** или ***э́тот***. При этом неизвестно, как оно употребляется: для указания одновременно на близкий и отдаленный предметы или лишь в одном из этих значений; материалы тем более не дают сведений о других средствах, соответствующих отсутствующему местоимению. Впрочем, как известно, на территории, показанной изоглоссой 1, употребляется постпозитивная частица ***-то***. В говорах пяти нас.пп. материалы ОЛА отмечают только местоимение ***тот*** (в ответ на вопрос о том, какие местоимения употребляются в соответствии с рус. лит. *тот - э́тот*): ОЛА-570 (Карга Арх.Каргоп.), 583 (Дубняги Ленингр.Кириш.), 636 (Слизениха Новг.Мошен.), 640 (Голодяйка Яросл.Пош.), 668 (Родниково Волог. Гряз.); в говорах пятнадцати нас.пп. – только местоимение ***э́тот***: 575 (Акич.Починок Арх. Устьян.), 588 (Старина Волог.Бабаев.), 603 (Горка Волог. Великоуст.), 612 (Сиуч Волог.Бабаев.), 613 (Рыконец Волог. Кадуев.), 620 (Папинская Волог.Верховаж.), 621 (Зык.Конец Волог.Тотем.), 641 (Озерки Волог.Волог.), 663 (Бикалово Калин. Молок.), 670 (Головинское Костр. Чухл.), 712 (Осташево Псков. Куньин.), 716 (Романово Калин. Стариц.); кроме того, в архангельских говорах, не вошедших в сетку ДАРЯ: 529 (Ручьи Арх. Мезен.) – только ***тот***, 536 (Азаполье Арх. Мезен.) – только ***э́тот***. Есть также замечание в материалах ОЛА о том, что в говоре нет различий в местоимениях, указывающих на близкий или далекий предмет.

Единично на территории русских говоров материалы ОЛА фиксируют архаические и редкие корни указательных местоимений: ***ну́ты(й)*** в архангель-

ских говорах 548 (Сура Арх. Пинеж.) и 549 (Нюхча Арх. Пинеж.); ***то́ттам*** 532 (Куя Арх. Примор.), 542 (Валдокурье Арх. Пинеж.), 543 (Вальтево Арх. Пинеж.), 547 (Кеврола Арх. Пинеж.), 549 (Нюхча Арх. Пинеж.); ***таттот*** 531 (Верх.Золотица Арх. Примор.); ***то́йтам*** 548 (Сура Арх. Пинеж.); местоимение ***ёный*** (наряду с ***сей***) отмечено в нас.п. 589 (Семеновская Волог. Вытег.). Местоимение ***сей*** отмечено, по материалам ОЛА, в нас. пп. 553 (Першлахта Арх. Плесец.), 587 (Плоское Волог. Бабаев.), 589 (Семеновская Волог. Вытег.), 627 (Томашево Волог. Великоуст.), а также в архангельском говоре 542 (Валдокурье Волог. Пинеж.) – обычно в сочетании *сей год* (это сочетание в материалах пишется раздельно, в два слова, что в какой-то мере отражает произношение и говорит в пользу того, что это два слова, а не одно сложное наречие, аналогичное рус. лит. *сегодня*).

Не показана на карте оппозиция из трех местоимений: ***э́тот*** - ***тот*** - ***э́фтот*** ОЛА-689 (Калинино Костр. Галич.) и 705 (Новое Иван. Фурм.); ***э́тот*** - ***э́нтот*** - ***тот*** (редко, малоупотребительно): 754 (Курлово Владим. Гусь-Хр.), 769 (Мимишкино Ряз. Касим.), 763 (Самородка Калуж. Медын.), 776 (Сильково Калуж. Перемышл.), 777 (Вишневое Тул. Алекс.), 788 (Зимницы Калуж. Думин.), 790 (Малахово Тул. Одоев.), 791 (Пришня Тул. Щекин.), 805 (Михайловское Тул. Курк.), 806 (Мамоново Липецк. Красн.), 816 (Капризка Орл. Покров.), 817 (Щербачево Орл. Новодер.), 820 (М.Самовец Тамб. Петр.), 827 (Кр.Поляна Липец. Елец.), 834 (Н.Ольшанка Ворон. Нижнедев.). Оппозиция ***э́нтот*** - ***тот*** в нас. пп. 694 (Медведево Калин. Торопец.), 678 (Заплавье Калин. Осташ.), 783 (Юзга Ряз. Кадом.); оппозиция ***э́тот*** - ***э́нтот*** в нас. пп. 768 (Деулино Ряз. Ряз.), 718 (Устье Моск. Конан.), 826 (Быковка Липец. Елец.), 828 (Хреновое Ворон. Новокуз.).

Возможно, что сбор материала в живых говорах подтвердит или же заставит еще раз пересмотреть сложившееся представление о местоименных оппозициях в современных славянских языковых системах (мы имеем в виду мнения Е.Кржижковой и Г.А. Хабургаева – см. выше). Во всяком случае, даже лингвогеографические материалы, представляющие собой уже некоторый уровень обобщения по сравнению с материалом живых говоров, – говорят о наличии в украинских и русских говорах еще одного значения у местоимений – указания безотносительно к отдаленности предмета от говорящего, а это значение Е.Кржижкова усматривает для чешского, но не для украинского и русского языков (здесь следует подчеркнуть, что Е.Кржижкова работала с материалом **литературных** языков). О наличии в русских говорах "третьего", нейтрального указания на предмет, безотносительно к отдаленности предмета от говорящего, свидетельствуют также и диалектологи, имеющие большой опыт сбора материала для ДАРЯ.

Список местоимений, отмеченных в материалах ДАБМ, АУМ, ДАРЯ и ОЛА

1. Местоимения, указывающие на предмет, находящийся вблизи по отношению к говорящему

Ато́т укр. (*аты́й*, *ото́й* укр. ед.)
аце́ укр. ед. (ср.р.)
вон-э́тот рус. ед. ОЛА
вот-э́тот рус. ед. ОЛА
воц'е́йе укр. ед.
гэ́нан, *гэ́йнан* бел. ед.
гэ́ный, *гэ́ны*, *ге́ны* бел.
ге́той бел., укр. ед. (ж.р. и ср.р.)
гоца́, *гоце́* укр. ед. (ж.р. и ср.р.)
ісе́, *ися́* укр. ед. (ж.р. и ср.р.)
онта́ укр. ед.
онтота́ укр. ед.
ототá, *отото́* укр. ед. *оте́та* укр. ед. (ж.р.)
ото́й укр.
осе́й укр. ед.
оце́й укр. *оце́с* укр. ед.
йэ́ный рус. ед. (Вологод. Вытегор.)
йэ́той рус.
сей укр., рус. ед. *сйа* укр. ед. (ж.р.) *с'айа* (ж.р.),
сый укр. ед.
сесь укр., *сісь*, *сысь* укр. ед.
сёй укр.
сúта укр. ед., *сьта* укр. ед. (ж.р.)
сявó, *савó*, *севó* укр. ед.
тавó укр. ед.
той рус., бел., укр., *то* укр. ед. (ср.р.), *тод* укр. ед.
тон, *тонь* укр. ед.
тот рус., укр., бел., *тóта́*, *тута́* укр. ед.
тóт-то рус. ед. ОЛА
туйвó укр. ед.
тутой укр. ед.
цей укр.
цесь, *оцéсь* укр.
цúтóй, *цúта* укр. ед.
э́тот-то рус. ед. ОЛА
э́нтот, *йэ́нтот* рус.
э́тот, *йэ́тот* рус., бел., укр. ед.

2. Местоимения, указывающие на предмет, отдаленный от говорящего

Антóт укр. ед., *антóй* укр. ед. (ж.р. тв.п.)
атотá укр. ед.
вонéтот, унéтот рус. ед., *вотéйу* укр. ед. (ж.р. тв.п.)
вон-тóт рус. ед. ОЛА
гэ́ндой ДАБМ-121
гинтóт укр. ед.
гэ́ны бел., *гетойу* укр. ед. (ж.р. тв.п.)
нýты рус. ед. ОЛА
отóй, утóй, отéй укр. ед.;
отé, отó, отéйе укр. ед (ср.р.)
отóт укр. ед.
онтóй укр. ед.
сéйе, сёйе укр. ед. (ср.р.)
тáмтой укр., *тамтéй* укр. ед.
тамтот укр., рус. ед. ОЛА, *тамтутá* укр. ед. (ж.р.)
тамтóн укр. ед.
тантóй укр. ед.
тантóн укр. ед.
тантá укр. ед.
той бел., укр., рус.
тот рус., укр., бел., *тутá* укр. ед. (ж.р.)
тóттам рус. ед. арх. ОЛА
тэ́й бел., рус.
тый бел., рус., укр. ед., *туй* укр. ед.,
тíйеи, тийейи, туйейи укр. ед. (ж.р. вин.п.)
э́нтот, йэ́нтот рус.

Итак, задача данной работы свелась к систематизации лингвогеографического материала, сведению его в единую картину; опубликован и новый материал по указательным местоимениям (данные русского фрагмента ОЛА). Результатом данной работы явилась сводная восточнославянская лингвогеографическая картина распространения местоимений, указывающих на близкий и отдаленный предметы (соответствующих рус.лит. ***тот - э́тот***). Эта картина весьма обобщенная. Кроме того, лингвогеографический материал представлен как список корней указательных местоимений, который составлен на основе как картографированных данных, так и извлеченных из комментариев к картам национальных атласов. Все это, как нам кажется, позволяет увидеть и обозначить аспекты дальнейшего изучения указательных местоимений – они давно осознаны в современной лингвистике, а применительно к диалектному лингвогеографическому материалу еще предстоит их обосновать и конкретизировать.

Проблематика изучения местоимений многогранна. В данной работе описан материал, имеющий отношение к вопросам семантико-синтаксического характера (парадигматика местоимений не рассматривается – см. начало статьи).

В итоге наиболее общие задачи изучения указательных местоимений в говорах видятся в том, чтобы, во-первых, пополнять списки корней этих местоимений, уточнять дейктические оппозиции, затем, по возможности, выявлять другие средства – лексико-грамматические (частицы), интонационные экстралингвистические (жесты), – подвизающиеся в функции указания на близкий и отдаленный предметы, а также в иных функциях, типичных для указательных местоимений, – о них пишет Е.Кржижкова; далее, изучать ситуативное распределение местоименных и неместоименных средств. Все это представляется возможным осуществить, во-первых, в условиях наблюдения ряда живых говоров, а во-вторых, руководствуясь вопросником, составленным специально для изучения указательных местоимений.

ЛИТЕРАТУРА

[Бевзенко 1960] – *Бевзенко С.П.* Исторична морфол. укр. мови. Ужгород, 1960, с. 372.

[Горшкова, Хабургаев 1983] – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. Изд-во Моск. ун-та, 1983.

[ДАРЯ III, карты, рукопись] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Карты. Вып. III. (часть 2, рукопись).

[Диалектология 1964] – Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964; авт. раздела "Прилагательные и неличные местоимения" Е.В. Немченко.

[Диалектология 1973] – Русская диалектология. Учеб. пособие... под ред. П.С.Кузнецова. М., 1973; раздел "Прилагательные и неличные местоимения" написан Л.Н. Булатовой.

[Иорданиди 1973] – *Иорданиди С.И.* Основа выделения определенного артикля и семантика постпозитивного *-т* в языке былин. АКД. Тбилиси, 1973.

[Категория... 1979] – Категория определенности – неопределенности в славянских и балтийских языках. М., 1979.

[Кржижкова 1972] – *Кржижкова Е.* Замечания о системе указательных местоимений в современных славянских литературных языках. // Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. М., 1972.

[Лекомцева 1979] – *Лекомцева М.И.* Семантика личных и указательных местоимений в старославянском языке. // Категория определенности – неоп-

ределенности в славянских и балтийских языках. М., 1979.

[Майтинская 1969] – *Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957; раздел "Займеннік" написан А.Я. Бірылой.

[Самойленко 1959] – *Самойленко С.Ф.* Из истории восточнославянских местоимений (докт.дисс.). Л., 1959.

[Сидоренская 1967] – *Сидоренская Н.Д.* Особенности склонения неличных местоимений в псковских говорах. // Учен.зап. МГПИ им.Ленина. М., 1967.

[Сидоренская 1979] – *Сидоренская Н.Д.* О территориальном распространении псковских диалектных местоимений. // Псковские говоры. Сборник научных трудов памяти Б.А. Ларина. Ленинград, 1979, с. 130-133.

[Словарь... говора 1969] – Словарь современного русского народного говора (д.Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969, с. 609.

[Ухмылина 1978] – *Ухмылина Е.В.* Местоименные наречия в говорах горьковских будаков. // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1978.

[Хабургаев 1990] – Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – Изд-во Моск. ун-та, 1990, гл. 3 "Местоимения", с. 216-257.

[Черных 1994] – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II, М., 1994, с. 455, 253.

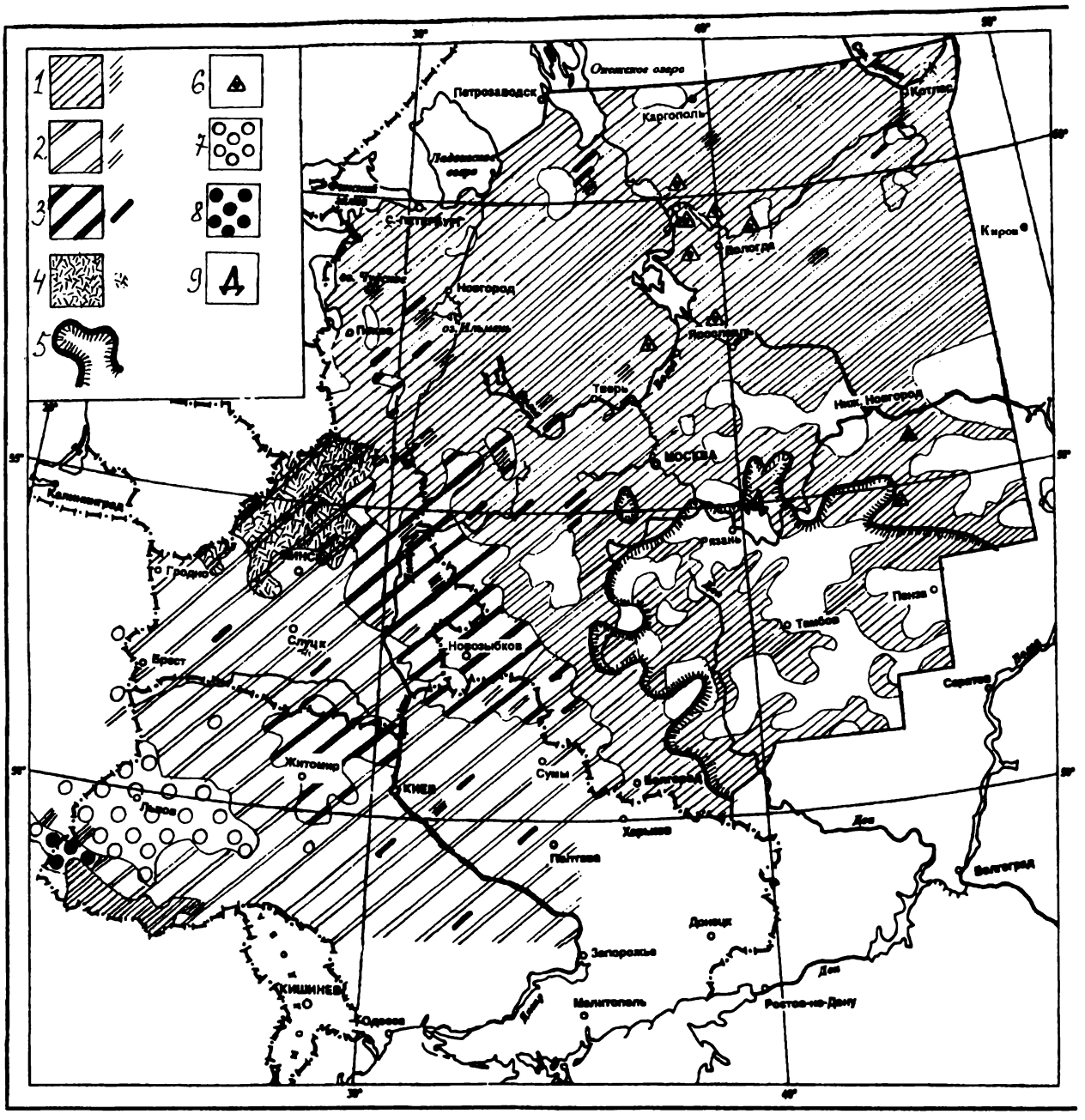
[Шведова, Белоусова 1995] – *Шведова Н.Ю., Белоусова А.С.* Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.

[Слоўнік] – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т.1-5, Мінск, 1979-1986.

[ЭСБМ] – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. В.У.Мартынаў. Т. 1-8, Мінск, 1978-1993.

[ESSJ] – Etymologický slownik slovanských jazyků. Svazek 2. Slova gramatická a zájmena. Red. Fr. Kopecný a H. Plevacová. Praha, 1980.

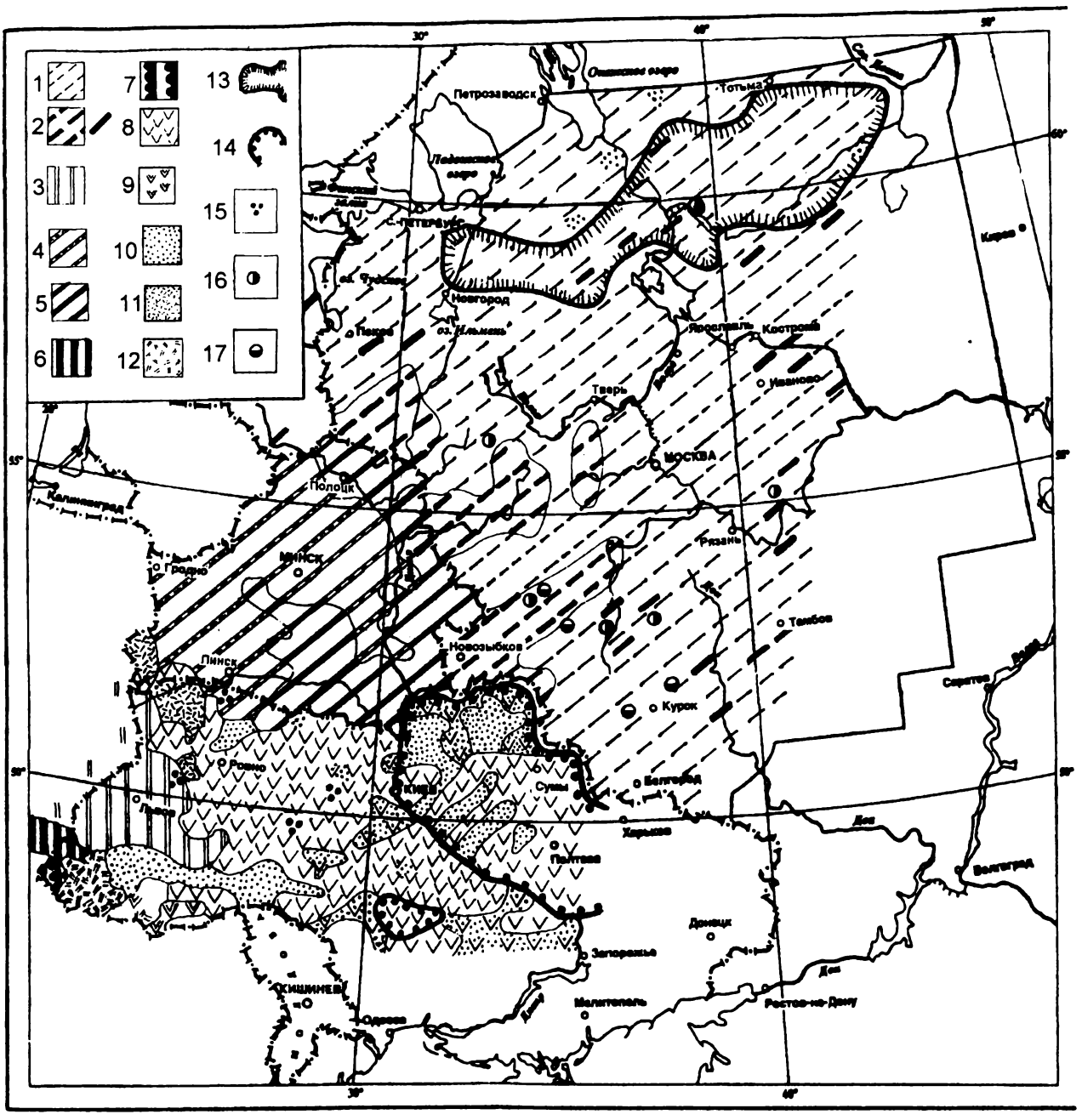
Карта № 1. Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. ***тот***

Условные обозначения:

1 – тот, 2 – той, 3 – тэй, тый, 4 – [уэ́]ный, ([уэ́]ндой **ДАБМ** *– 121), 5 – э́нтот, 6 – вонéтот, унéтот, 7 – та́мтой, 8 – та́мтот, 9* – район расположения д. Деулино.

Карта № 2. Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *э́тот*

Условные обозначения:

1 – э́тот, 2 – [jе́]тот, [йе́н]тот ОЛА 689, 705, ***3 – той, 4 – гето́й, 5 – [jе́т]ый ([jе]ный)*** Волог. Вытегор., ***6 – тот, 7 – ато́т, 8 – цей, 9 – цесь, о́цесь, 10 – сей ([сей] и [с'ей]), 11 – [с'ой], 12 – сесь, 13*** – зона, в отдельных говорах которой отмечено одно местоимение для указания на ближний и отдаленный предмет: ***тот*** или ***э́тот, 14*** – ареал сплошного употребления ***о́той, о́цей, 15*** – то же в единичных говорах, ***16– вон то́т, вот (вон) э́тот, 17 – то́т-то, э́тот-то.***

Т. В. Попова

ФОРМЫ ИНФИНИТИВА ОТ ГЛАГОЛОВ С ОСНОВОЙ НА /К, Г/ ТИПА РУС. ЛИТ. *ПЕЧЬ, БЕРЕЧЬ*[*]

Данная карта и комментарий к ней составлены на основе следующих материалов:

1) Карта № 101 "Форма инфинитива глаголов с основой на задненебный согласный" [ДАРЯ II, 1989].

2) Карта № 234 "Інфінітив дієслів *стрыгти, пекти*" [АУМ 2, 1988].

3) Карта № 178 "Форма інфінітыва дзеясловаў з асновай на *г*" [ДАБМ 1963].

4) Карта № 179 "Форма інфінітыва дзеясловаў з асновай на *к*" [ДАБМ 1963].

Кроме того, были использованы опубликованные работы по истории и диалектологии русского, украинского и белорусского языков и материалы неопубликованной кандидатской диссертации В. В. Масякиной [Масякина 1955].

Инфинитив (или *неопределенная форма глагола*) является исходной формой глагольной парадигмы, которая только называет действие и никак не обозначает его отнесенности к лицу, числу, времени, реальности или ирреальности. Из морфологических значений, присущих глаголу, в инфинитиве содержатся только несловоизменительные значения вида и залога (*делать, сделать, делаться*) [Русская грамматика 1980, 674]. Специальные инфинитивные флексии (или инфинитивные суффиксы) присоединяются, как правило, к основе прошедшего времени, которая выделяется в результате отсечения флексии *-а* и суффикса прошедшего времени *-л-* в форме прошедшего времени женского рода [Русская грамматика 1980, 646, 674].

С. П. Обнорский отмечает, что в др.-рус. языке "у глаголов с основой на *г, к* инфинитив оканчивался, в результате сращения *г* и *к* основы с флексией *-ти*, на *-чи*" [Обнорский 1953, 172]: *печи, мочи, беречи*.

Русский язык.

В современных русских говорах зафиксированы формы инфинитива следующих глаголов на заднеязычные: с основой прошедшего времени на /г/ – *беречь, бечь, жечь, лечь, мочь, -прячь, стеречь, стричь, -стичь* (и однокоренные); с основой прошедшего времени на /к/ – *печь, -влечь, -речь, сечь, течь, толочь* (и однокоренные). Наиболее часто в ответах на "Программу" встречаются инфинитивные формы *печь, беречь, лечь, мочь, стеречь, сечь, течь*. Редко, в качестве единичных примеров, приводятся формы *влечь, -речь, -стичь* [Бромлей 1989б, 131].

Формы инфинитива в говорах русского языка различаются как инфинитивным суффиксом, так и конечным элементом основы, к которому этот суффикс присоединяется. Поэтому при построении карты учитывались два указанных признака инфинитивных форм: это, прежде всего, инфинитивный суффикс, который в говорах русского языка представлен в большом количестве своих морфологических (/чи/, /ч/, /ти/ и др.) и фонетических ([ч'и], [чи], [ц'и]...) разновидностей, и характер исхода глагольной основы, которая выступает, как правило, в двух морфонологических (полная и усеченная) и нескольких фонетических разновидностях.

В русских говорах зафиксированы следующие инфинитивные суффиксы: /чи/, /ч/ и /т'и/. С суффиксом /чи/ отмечены такие инфинитивные формы, как, например: *п'éч'и́, б'ер'éч'и́; пéчи́, берéчи́; п'éц'и́, б'ерéц'и́; п'éкч'и́, б'ер'éкч'и́; п'éкц'и́, б'ер'éкц'и́; п'éч'ч'и́, б'ер'éч'ч'и́; п'етч'и́, б'ер'етч'и́* и некоторые другие; с суффксом /ч/ – такие формы, как: *п'еч', б'ер'éч'; п'ец', б'ер'éц'*; с суффиксом /т'и/ – формы *п'еч'т'и́, л'еч'т'и́; п'екст'и́, б'ер'екст'и́* [Образование 1970, 96]. Очень редко на юго-западе встречаются инфинитивные формы с суффиксом /т'/ – *п'ект', б'ер'éкт'; п'еч'т', б'ер'éч'т'*, которые нельзя считать сколько-нибудь характерными для русского языка.

I. Инфинитивный суффикс /чи/.

На русской территории известно два способа образования инфинитивных форм с суффиксом /чи/: этот суффикс может быть присоединен к усеченной (без заднеязычного согласного – *пеø-, береø-*), и к неусеченной (*пек-, берек-; печ-, береч-*) глагольной основе.

а) Формы инфинитива с суффиксом /чи/, присоединяемым к усеченной основе на гласный (на-

[*] Список использованной литературы см. на с. 136-137.

пример, *пеø* + *чи*, *береø* + *чи*), без заднеязычных /к, г/ в основе (ср. рус. диал. *пéчи́*, *тéчи́*, *берéчи́*, *мóчи́*; *сечи́*, *печи́*, *беречи́*), являются архаическими (см., например, [Дурново 1969, 147, 151, 152]). Они отмечены уже а ранних др.-рус. памятниках письменности (см., например, зафиксированные в "Ипатьевской летописи 1149 г.", в "Повести временных лет", в "Златоструе XII в." и др. формы *беречи*, *стеречи*, *печи*, *жечи*, *оутечи* и др. – цитируется по [Півторак 1974, 76-77]), где эти формы, являясь орфографической нормой, употреблялись строго последовательно вплоть до XIV в. Но и позже инфинитивы типа *печи*, *беречи* встречаются в памятниках письменности. Так, например, на протяжении XV–XVII вв. инфинитивные формы типа *печи* были обычными в московских граммотах, хотя в XVIII в. они уже не являлись орфографической и морфологической нормой. И даже в XIX в. эти формы продолжали употребляться достаточно широко (см.: [Кожина 1954, 16]; [Черных 1962, 269]).

В настоящее время инфинитивы типа *печи*, *беречи* распространены в северо-восточных русских говорах, а именно – в говорах межзональной группы северного наречия и соседних с ними западновологодских говорах, а также во владимирско-поволжских говорах и в восточносреднерусских акающих говорах группы В. Кроме того, эти формы отмечены и на северо-западе в некоторых акающих среднерусских говорах псковской группы. Необходимо иметь в виду, что в настоящее время инфинитивы типа *печи*, *беречи* употребляются последовательно и не имеют сосуществующих вариантов только в ряде северо-восточных говоров (это небольшие ареалы, образуемые говорами в районе Череповца, севернее Владимира, западнее Арзамаса и в районе Чебоксар). В остальных северо-восточных говорах (а именно – в костромских, вологодских и некоторых владимирско-поволжских) и в указанных северо-западных говорах данные формы сосуществуют в качестве вариантных с другими инфинитивными формами, например, *печи́/пекчи́*, *беречи́/берекчи́*; *печи́/печ...*, *печи́/пекчи́/печ...* (см. [Образование 1970, 96; ДАРЯ II, карта № 101]). Так, сосуществование инфинитивов *п'éч'и́*, *б'ер'éч'и́/п'еч'*, *б'ер'éч'* отмечено в двух больших ареалах – западном и восточном. Западный ареал образован теми акающими среднерусскими говорами, которые составляют псковскую группу говоров. Восточный ареал охватывает узкую полосу, имеющую форму подковы и идущую с севера на юг и с юга на восток; эта полоса образована северо-восточными русскими говорами и среднерусскими восточными говорами, в частности, – белозерско-бежецкими межзональными говорами северного наречия, восточными среднерусскими окающими говорами владимирско-поволжской группы, восточными среднерусскими акающими говорами отдела В. Выделяется, кроме того, и небольшой ареал южнорусских говоров в районе южнее Пензы, в которых также зафиксированы данные наиболее типичные для русского языка варианты типа *печи/печ*. На северо-востоке русской территории находим отдельные островки, образованные говорами, в которых сосуществуют формы типа *печи́*, *беречи́/пекчи́*, *берекчи́*, или же употребляются даже три варианта инфинитивных форм – *печи́/пекчи́/печ*, *беречи́/берекчи́/берéч*.

б) Достаточно распространенными в современных русских говорах являются новообразования типа *пекчи́*, *берекчи́* с полной основой на заднеязычный и инфинитивным суффиксом /чи/ ([ч'и, чи, ц'и, ци...]), например: *с'екч'и́*, *л'éкч'и*; *волокч'и́*, *п'екч'и́* (*и пр'ивыкч'и́* 'привыкнуть'), *б'ер'кч'и́*, *помокч'и́* (говор сел Окатово и Вороны Шабалинского района Вятской области [Бромлей, Булатова 1972, 346]); *п'екчи́*, *т'екч'и́*, *б'ер'екч'и́*, *л'екч'и́*, *жекч'и́* (говор села Ладва Прионежского района, Карелия [Бромлей, Булатова 1972, 309]). С. П. Обнорский полагает, что формы типа *пекчи́*, *берекчи́* – это "новое комбинаторное образование из основной формы на *-чи*, явившееся в результате скрещения с темами соответствующих глаголов в формах наст. вр.: *пеку* при *печи* → *пекчи*" [Обнорский 1953, 187]. А. И. Сологуб высказывает мнение, что "формы типа *пекчи́*, *берекчи́*... образовались в результате обобщения основы прош. времени и инфинитива. Поскольку для целого ряда говоров этой территории (северо-восточной диалектной зоны, – *Т. П.*) характерна основа наст. времени с задненебными во всех личных формах (*пеку – пекешь – пекут* или *пеку – пекошь – пекут*) [1], можно допустить в этих случаях влияние форм наст. времени" [Образование 1970, 96]. Таким образом, формы инфинитива с восстановленным заднеязычным в основе в севернорусских говорах объясняются либо влиянием форм настоящего времени, либо влиянием форм прошедшего времени.

Появление инфинитивов типа *пекчи́*, *берекчи́* следует относить, по словам А. И. Сологуб, к достаточно позднему времени: их первая фиксация отмечена в памятниках письменности XVIII в., в более ранних памятниках письменности данные формы не зафиксированы [Образование 1970, 96]. О сравнительно недавнем проникновении /к, г/ в инфинитивные формы *пекци́*, *текци́*, *стерекци́*, *берекци́* в говорах вла-

[1] См. [Попова 1995, 44, 45-51].

димирско-поволжской и вологодско-вятской групп (в которых употребляются и параллельные формы *пеци́*, *теци́*, *стереци́*, *береци́*) говорит и Р. И. Аванесов (см. [Аванесов 1947б, 11]). Однако К. Ф. Захарова (см. [Образование 1970, 309]) склонна относить появление форм типа *пе́кчи́*, *бере́кчи́* в данных говорах к более раннему периоду (к XV в.). Кстати, мнение К. Ф. Захаровой, как нам кажется, подтверждается фактом широкого в настоящее время распространения форм типа *пекчи́*, *берекчи́* именно на той территории, говоры которой характеризуются и многими другими достаточно архаическими чертами (см., например, [Дурново 1969, 151]; см. также карты и комментарии к ним в опубликованных двух первых выпусках монографии "Восточнославянские изоглоссы").

В настоящее время распространение форм типа *пекчи́*, *берекчи́* охватывает основную часть северо-восточных говоров (вологодских и онежских), совпадающую с границами северо-восточной зоны I-го пучка и территории онежской группы говоров [Образование 1970, 96]. Эти формы мы находим в целом ряде костромских, ярославских, калининских, владимирско-поволжских говоров, затем в вятских и пермских говорах, на Урале, Колыме, Алтае и в Якутии; кроме того, они отмечены в некоторых архангельских, новгородских и псковских говорах. Наиболее последовательно (т. е. без сосуществующих вариантов) формы *пекчи́*, *волокчи́*, *текчи́*, *секчи́*; *берекчи́*, *бекчи́*, *лекчи́*, *мокчи́*, *стерекчи́*; *пекци́*, *текци́*...; реже *пе́кчи*... употребляются в крайних северо-восточных и костромских говорах; в остальных же они сосуществуют с формами типа *печи́* и *печ* (см. карту). С. П. Обнорский, отмечая наличие форм типа *пекчи́*, *берекчи́* в архангельской, олонецкой и особенно вологодско-вятской группах говоров северо-восточного наречия, представляющих собой широкую полосу, указывает также и на употребление в этих говорах таких экзотических форм инфинитива от глаголов других классов, как, например, *сшибчи*, *приобрихчи*, образованных по модели *пекчи* [Обнорский 1953, 187]. Этот факт свидетельствует о продуктивности форм типа *пекчи* в указанных говорах.

Что касается северо-западных говоров, то можно предположить, что формы типа *пекчи́*, *берекчи́* в некоторых ленинградских, новгородских и псковских говорах возникли под воздействием белорусского языка, в котором инфинитивы типа *бераг(х)чы́*, а также *п'акчы́* являются чрезвычайно распространенными и относятся к достаточно ранним новообразованиям (см. об этом ниже, в разделе о белорусском языке). В пользу данного мнения говорит и общий белорусско-русский ареал, образованный указанными формами (см. карту).

Считаем необходимым привести сведения о диалектном употреблении инфинитивных форм типа *пекчи́*, *стерекчи́*, которые дает К. Ф. Захарова в связи с описанием костромской группы говоров. В своем исследовании К. Ф. Захарова отмечает в качестве одной из основных характеристик данной диалектной группы именно употребление форм инфинитива типа *пе/кчи́/*, *стере/гчи́/*; при этом она останавливается вкратце и на особенностях образования инфинитивных форм некоторых конкретных глаголов: "Так как наличие задненебного согласного в основе инфинитива является аналогическим, то не все глаголы на задненебные согласные образуют основу инфинитива однотипно. Ср. преимущественное употребление *пекчи́* (но не *печи́*), но инфинитив *толкчи́* возможен наряду с *толчи́* (формы типа *печь*, *стеречь*, *стричь* могут быть отмечены во всех современных говорах). Инфинитив глагола *стричь* чаще отмечают в виде *стри́гчи*; глаголы *течь*, *стеречь* имеют диалектные формы *текчи́*, *стерегчи́*. В говорах на территории между Ярославлем-Угличем эти глаголы (кроме глагола *печь*, который произносится здесь, как *печи́*) имеют ударение на основе: *стере́гчи*, *се́кчи*, *бе́гчи*, *запря́гчи*, *ле́гчи*, *те́гчи*, *помо́гчи*. Видимо, последние формы являются как бы переходной ступенью между формой, свойственной Костромской группе типа *пекчи́*, *стерегчи́* и под. и формой с ударением на основе и утратой конечного *-и*: *печь*, *стере́чь*..., свойственной говорам калининским и говорам западнее Углича. В связи с тем, что формы инфинитива типа *пекчи́*, *берегчи́* не характерны для более южной части ростово-суздальских говоров, можно думать, что их образование началось не ранее XV в. По памятникам их датируют и более поздним временем" [Образование 1970, 309].

в) Другие новообразования с суффиксом /чи/ типа *печ-чи́*, *береч-чи́*, *пец'-ц'и́*, *берец'-ц'и́* (в цокающих говорах); *пет-чи́*, *берет-чи́*, *пет-ц'и́*... (в результате утраты фрикативного элемента в конечном согласном основы) встречаются спорадически в русских говорах северо-восточной зоны (в некоторых самарских, ульяновских, восточно-горьковских, восточно-костромских, в говорах Мордовии и Чувашии), не образуя компактных ареалов. Данные формы изредка находим в памятниках письменности XIV–XVIII вв., например, *постритчися*, *петчи*, *петьчи*, *стеретчи*, *измотчи*, *уберетчися*, *беретчи* (см.: [Образование 1970, 96, сноска 102; Соболевский 1903, 259]). Как правило, эти формы употреб-

ляются только в качестве сосуществующих с другими, более употребительными.

Можно предположить, что на образование инфинитивных форм типа *печ'ч'и́*, *береч'ч'и́* и их фонетических вариантов повлияли соседние говоры с инфинитивами типа *печ'*, *берéч'* и *пекчи́*, *берекчи́*. Дело в том, что, судя по карте, говоры с наличием инфинитивов типа *печ'ч'и́*, *береч'ч'и́* занимают переходную полосу между ареалами, сформированными, с одной стороны, чрезвычайно продуктивными в русском языке формами типа *печ'*, *берéч'*, а с другой, – также продуктивными формами типа *пекчи́*, *берекчи́*. Поэтому в данном случае нельзя полностью игнорировать факт междиалектного взаимодействия.

Интересно отметить, что среди форм инфинитива с суффиксом /чи/ С. П. Обнорский не выделяет в самостоятельный тип инфинитивы *печчи*, *береччи*, говоря лишь о двух типах – *печи*, *беречи* и *пекчи*, *берекчи* [Обнорский 1953, 183-188]. Но уже В. В. Масякина считает, что эти формы образуют "своеобразный морфологический тип форм с основой на шипящий ч", в связи с чем в группе инфинитивов с суффиксом /чи/ ею выделяется три типа: 1) *печи*, *беречи*; 2) *пекчи*, *берекчи* и 3) *печчи*, *береччи* [Масякина 1955, 276-277].

Как самостоятельный тип рассматривает формы *печчи*, *береччи* и их фонетические варианты С. В. Бромлей, которая отмечает, что "формы на *-чи* (*-ци*), выступающие в записях с предшествующим согласным, относящимся к числу не задненебных, а зубных – *т*, *ч*, *ц* (*петчи́*, *печчи́*, *петци́*, *пецци́*...), в которых имеет место аффриката (шипящая или свистящая) с долгим затвором, интерпретировались морфологически одинаково – как формы с основой на *-ч* и суф. *-чи*" [Бромлей 1989, 133].

II. Инфинитивный суффикс /т и/.

а) В пределах северо-восточной зоны и западнее Чебоксар отмечены в отдельных говорах и формы инфинитива типа *печти́*, *лечти́*, которые являются поздними новообразованиями. Их можно рассматривать либо как контаминированные (к инфинитивной основе *печ-*, *леч-* присоединяется инфинитивный суффикс /ти/, свойственный глаголам других классов – *писати*, *нести*), либо как возникшие из форм типа *печ'ч'и* в результате утраты фрикативного элемента в согласном [ч] суффикса /чи/. Основа на [ч], возможно, возникла в результате аналогического воздействия глагольных форм наст.вр. 2, 3 л. ед. и 1, 2 л. мн. числа (*печешь*, *печет*, *печем*, *печете*).

На карте этот тип образования инфинитивов не отмечен.

б) В этой же диалектной зоне зафиксированы и инфинитивные формы типа *пекти́*, *бекти́*, *беректи́*, *лякти́*, *могти́*, *прилекти́*, *зжекти́*, *стрикти́*, которые наиболее последовательно употребляются в пределах вологодской группы говоров, а в архангельских, псковских, новгородских, костромских, курских говорах и на Колыме отмечены лишь в отдельных ЧДС, не образующих сколько-нибудь компактных ареалов [Обнорский 1953, 184-187; Образование 1970, 96, 278, 309].

Данные формы, которые образованы путем присоединения к неусеченной основе на /к,г/ инфинитивного суффикса /ти/, употребляются в указанных говорах только в качестве сосуществующих с более типичными для этих говоров формами [Обнорский 1953, 184]. Инфинитивы типа *пекти́*, *мокти́* С. П. Обнорский считает довольно поздними фонетическими новообразованиями, сменившими формы типа *пекчи́*, *мокчи́* [Обнорский 1953, 187].

В связи с этим можно предположить, что наличие форм типа *пекти́*, *беректи́* в некоторых северно-русских говорах, скорее всего, обусловлено междиалектными контактами с местными говорами, в которых распространены формы типа *печи́*, *пекчи́*, *писáти*, *нести́*, что свидетельствует об их контаминированном характере. Появление же данных форм на юге, а именно в некоторых говорах Брянской, Курской и Белгородской областей, следует, видимо, объяснять влиянием украинского языка (см. карту).

При описании вологодской группы говоров А. И. Сологуб отмечает в качестве ее характерных черт и интересующие нас инфинитивные формы типа *пекти́*, *берегти́*: "Наличие преимущественно в говорах Вологодской группы инфинитивов от глаголов с основой на задненебный согласный с задненебным в основе: *пекти́*, *берегти́* (ср. их наличие на других территориях лишь в единичных говорах: в Межзональных говорах северного наречия, в Костромской и Владимирско-Поволжской группах говоров), причем по говорам этой группы данные формы отмечают обычно в сосуществовании с формами типа *пекчи́* или типа *печи́*, которые имеют более широкое распространение и за пределами группы. Формы типа *пекти́* могут считаться собственно вологодскими новообразованиями, относящимися к позднему времени – XVIII в." [Образование 1970, 278].

III. Инфинитивный суффикс /ч/.

Основным диалектным вариантом инфинитивных форм от глаголов с основой на /к,г/ в современном русском языке и его литературной нормой является тип с инфинитивным суффиксом /ч/, кото-

рый присоединяется к усеченной основе на гласный: *печь*, *берéчь*. В диалектах отмечены различные фонетические варианты суффикса /ч/ ([ц', ц, ш', ш'ч', ч'ш'] и др.). например: *п'еч'*, *пъталóч'*, *ст'ир'éч'*, *жеч'* (говор с. Огорь Жиздринского района Калужской области. [Бромлей, Булатова 1972, 386]); *б'ир'éш'*, *п'еш'* (некоторые говоры в Московской, Курской, Орловской, Калужской и др. областях), *ст'ир'éш'ч'*, *жеш'ч'* (некоторые говоры в Смоленской области), *п'еч'ш'* (некоторые говоры в Калужской области), *ст'ир'éц'*, *п'ец'* (некоторые говоры в Рязанской области), *талóц*, *л'ец*, *стрыц* (некоторые говоры в Пензенской и Великолукской областях), *талóчц*, *ст'ер'éчц* (некоторые говоры в Рязанской и Великолукской областях) и др. (см. подробнее [Масякина 1955, 280-303]); ср. также отмеченные С. И. Котковым формы *п'еш'т'*, *б'ир'éш'т'* в некоторых орловских говорах (см. [Мацкевич 1959, 26]).

Эти инфинитивные формы с суффиксом /ч/ мы находим в большом ареале, идущем через всю русскую территорию с севера на юг. Данный ареал составляют следующие говоры: онежские и ладожско-тихвинские северного наречия; западные среднерусские окающие говоры (гдовские и новгородские); западные среднерусские акающие говоры (псковские и селигеро-торжковские); восточные среднерусские говоры (отдел А); все южнорусские говоры. Следует также отметить, что инфинитивные формы с суффиксом /ч/ в качестве сосуществующего варианта встречаются, фактически, и во всех остальных русских говорах (см. карту). Важно при этом подчеркнуть, что именно инфинитивные формы типа *п'еч'*, *б'ер'éч'* являются одной из характерных черт говоров южнорусского наречия. Наличие же их в севернорусских говорах (и особенно в северо-восточных) может служить подтверждением мнения Н. Н. Дурново о том, что "господствующие тенденции в современной эволюции с.-в.-р. говоров определяются влиянием московского койнэ и отчасти говоров Ярославской группы" [Дурново 1969, 151].

Инфинитивные формы типа *печ'*, *берéч'* являются новообразованиями. Единичные случаи употребления этих форм отмечены уже в ранних памятниках письменности, примерно с XI в. [Образование 1970, 96]. В более поздних памятниках письменности, начиная с конца XV в., инфинитивы типа *печь*, *беречь* встречаются (наряду с господствующими еще формами на /чи/) уже достаточно последовательно; например: *стеречь*, *извлечь*, *отвлечь*, *запрячь*, *постричь*, *течь*, *зажечь*, *беречь*, *отсѣчь*, *испечь* и мн. др. (см., например, "Хождение за три моря Афанасия Никитина", "Вологодское евангелие XVI в.", "Житие Протопопа Аввакума", "Послания Ивана Грозного", "Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г." и др.) [Масякина 1955, 80-81]. Важно отметить постепенное, с течением времени, увеличение в письменных текстах новых форм на /ч/ и их, фактически, исключительное употребление в памятниках письменности уже к концу XVIII в. Так, в русском языке в XVIII в. инфинитивы на /ч/ явно становятся морфологической нормой, хотя следует при этом отметить, что даже в печатных книгах XVIII в. (например, в "Ведомостях времени Петра Великого" 1703-1725 гг.) наряду с формами на *-чь* еще достаточно часто встречаются и традиционные формы на *-чи* [Кожина 1954, 16]. Характерно, что именно формы с инфинитивным суффиксом /ч/ типа *печь*, *беречь* были закреплены в качестве орфографической нормы в грамматике М. В. Ломоносова [Ломоносов 1952, 495]. Факт все более последовательного употребления инфинитивов типа *печь*, *беречь* в письменном языке в период с XVI по XVIII вв. убедительно свидетельствует о том, что формы с инфинитивным суффиксом /ч/ уже были широко распространены в то время и в живом языке.

В результате анализа территориального распределения инфинитивных форм с суффиксом /ч/ типа *печ'*, *береч'* в современных русских говорах напрашивается вывод о том, что именно указанные формы являются в настоящее время господствующими в русском диалектном языке и активно распространяющимися в северном направлении.

Украинский язык.

Характерной особенностью целого ряда украинских (а также и белорусских) говоров следует считать различие в судьбе инфинитивных форм от глаголов с основами, с одной стороны, на /к/, а с другой, – на /г/.

Если в севернорусских говорах и в русском литературном языке заднеязычные фонемы – глухая /к/ и звонкая /г/ – являются взрывными, что, видимо, и обусловило аналогичность образования форм инфинитива от обеих глагольных основ в одной и той же ЧДС (*печи́*, *беречи́*; *пекчи́*, *берекчи́*; *печь*, *берéчь*), то в украинском и белорусском языках (так же, как и в южнорусских говорах) в основах данной группы глаголов находим разные по способу образования фонемы – глухую взрывную заднеязычную фонему /к/ и звонкую фрикативную фарингальную фонему /г/ (которая, в зависимости от места образования, может быть реализована по говорам либо фрикативным задненебным согласным *h*, либо фрикативным фарингальным/гортанным *γ*) (см. [Бевзенко 1974, 37-38]), чем, возможно, и следует объяснять в ряде

случаев отсутствие параллелизма в судьбе инфинитивов от глагольных основ на /к/ и /г/ в одной и той же ЧДС (например, *печи́*, но *берехти́*). Однако в большинстве украинских говоров формы инфинитива образуются однотипно как от основ на взрывной /к/, так и от основ на фрикативный /г/ (например, *печи́*, *береч*и́; *пекти́*, *береути́/берегти́*/, *берехти́*). Аналогичное положение в плане однотипности поведения глагольных основ на /к/ и /г/ в формах инфинитива отмечено и в южнорусских говорах.

I. Инфинитивный суффикс /чи/.

а) Архаические формы инфинитива с суффиксом /чи/, который присоединяется к усеченной основе на гласный (*печи́*, *течи́*, *береч*и́, *мочи́*, *волочи́*, *стереч*и́, *стри́чи*; *печ'и́...*, *береч'и́...*; *печ'и́...*, *береч'и́...*; *пеш'и́...*, *береш'и́...*) находим прежде всего в говорах юго-западного наречия и в западной части волынско-полесских говоров: ср., например, инфинитивы в закарпатских говорах – *стри́чи*, *бі́чи*, *печи́* [Закревська 1966, 121]; инфинитивы в юго-западном говоре с. Саджава Ивано-Франковской области – *тэче́*, *пэче́*, *с'і́че́*; *моче́*, *бэрэче́*, *л'эче́*, *стре́чэ*, *б'і́чэ* [Попова 1970, 343]. Начальный элемент суффикса /чи/ может быть реализован твердой шипящей аффрикатой [чи, че, ч×] (в большинстве говоров), полумягкой [ч'и] (например, в западно-полесских говорах) или мягкой шипящей аффрикатой [ч'и, ч'і] (в целом ряде юго-западных диалектов – поднестровских, надсянских, бойковских, покутско-буковинских, гуцульских, в большинстве карпатских говоров). В западной части среднезакарпатских (в частности, верховинских) говоров находим инфинитивный суффикс [ш'и], т. е. на месте аффрикаты в суффиксе /чи/ в этих говорах употребляется мягкий глухой шипящий согласный [ш'], появившийся в результате утраты взрывного элемента в согласном [ч'], например, *стри́ш'и*, *мош'и́*, *сіш'и́*, *пеш'и́*, *л'аш'и́*, *ве́рш'и* (см. [Бевзенко 1974, 32-33; Марчук 1970, 169]).

Таким образом, инфинитивы с суффиксом /чи/, который присоединяется к усеченной глагольной основе на гласный, зафиксированы, фактически, только в говорах юго-западного и отчасти в говорах северо-западного наречий. При этом ареал распространения инфинитивных форм на /чи/ от глаголов с основой на /к/ шире, чем ареал с инфинитивами на /чи/ от глаголов с основой на /г/. Так, данные формы от глаголов с основой на /к/ типа *печи́*, *течи́* (и их фонетические варианты) отмечены в среднекарпатских, гуцульских, бойковских, надсянских, поднестровских, покутско-буковинских, а также в западной части волынско-полесских, волынских и подольских говоров (т. е. к западу от условной линии Камень-Каширский – Ковель – Владимир-Волынский – Збараж – Хмельницкий – Черновцы). Инфинитивы же от глаголов с основой на /г/ типа *береч*и́, *стри́чи* (и их фонетические варианты) занимают несколько меньший ареал – за счет узкой полосы на севере и востоке, образованной южно-волынскими, северно-поднестровскими и восточно-подольскими говорами, в которых формы типа *береч*и́, *стри́чи* не употребляются (только *печи́*, но *берегти́/берехти́*). Судя по карте № 234 [АУМ 2], инфинитивные формы с суффиксом /чи/ как от глаголов с основой на /к/, так и от глаголов с основой на /г/ (*печи́*, *береч*и́) находим в говорах, расположенных к югу от условной линии Рава-Русская – Львов – Збараж – р. Збруч – западнее Черновцов. При этом необходимо отметить, что в говорах данного юго-западного ареала, характеризующихся достаточно последовательным употреблением архаических инфинитивных форм типа *печи́*, *береч*и́, в качестве вариативных встречаются и формы типа *пекти́*, *берехти́*/ *берегти́/береути*, которые являются литературной нормой и представляют собой самый распространенный вариант в украинских диалектах.

Изредка в районе Ужгорода и в районе Черновцов (см., например, населенные пункты №№ 407, 409, 414, 416, 439 и др.) употребляются инфинитивы с суффиксом [ч'і]: *пич'і́*, *стри́ч'і* (см. карту № 234 в [АУМ 2]). Инфинитивные формы на [ч'і] (а также на [т'і] – *носи́т'і*) диалектологи и историки языка объясняют по-разному: влиянием соседних словацких говоров (И. Панкевич), влиянием белорусских и русских говоров (И. В. Бессараб), а также – отражением старых и очень редко встречающихся в памятниках письменности форм инфинитива на *-чѣ*, *-тѣ* (Л. А. Булаховский). Однако общепринятое мнение относительно происхождения данных инфинитивных форм с [і] пока еще отсутствует (см. об этом подробнее в [Марчук 1970, 165-166]).

Архаические инфинитивные формы типа *волочи*, *печи*, *рѣчи*, *сѣчи*, *течи* в староукраинских памятниках письменности XIV–XV вв. (южнорусских и западнорусских грамотах) употребляются вполне последовательно [Русанівський 1971, 37; Півторак 1974, 80]. В более поздних памятниках письменности (XVI – первой половины XVII вв.) эти формы также встречаются достаточно часто, но их употребление носит уже скорее традиционный характер [Русанівський 1971, 95].

б) Интересно также обратить внимание и на наличие в некоторых юго-западных говорах инфинитивных форм в глаголах на /г/, образованных от полных основ с суффиксом /чи/: *берехчи́*, *стри́хчи*, *запр'і́гчи*, *помогчи́*.

Украинские лингвисты называют такие инфинитивы формами с восстановленным /г/. Данные новообразования типа *берехчи́* формируют небольшие островные ареалы в западной части территории, занятой волынско-полесскими говорами и говорами, расположенными восточнее г. Теребовля и западнее г. Хмельницкий (см. [Марчук 1970, 168]). Обычно формы типа *берехчи́* сосуществуют в одной и той же ЧДС с другими инфинитивными формами. Что касается глаголов с основой на /к/, то инфинитивы типа *пекчи́* в украинских диалектах неизвестны.

В ряде памятников письменности западноукраинского происхождения конца XVI–XVII вв. зафиксированы формы на *-гчи, -гчы* (при отсутствии форм на *-кчи*): *выбегчы, устерегчы, бѣгчи* и др. (см. [Півторак 1974, 98]). В более поздних памятниках формы на *-гчи, -гчы* были вытеснены инфинитивами на *-гти, -кти*, проникновение которых в староукраинскую письменность отмечено уже с конца XVI в. Широкое же их употребление характеризует письменный язык XVII–XVIII вв. Именно эти формы становятся впоследствии литературной нормой украинского языка (см. [Півторак 1974, 98]).

в) Следует также отметить в глаголах с основой на /г/ инфинитивные формы типа *стри́шчи, запрашчи́, побі́шчи, бі́шчи, запрі́шчи*, которые зафиксированы И. Верхратским в надсянских говорах наряду с формами типа *могчи́, запре́чи* (см. [Марчук 1970, 169]). Эти формы образованы путем присоединения к полной глагольной основе на щипящий инфинитивного суффикса /чи/. Здесь можно предположить влияние форм настоящего времени. Но Л. А. Булаховский считает данные инфинитивные формы контаминированными (т. е. *бі́шчи* из *бі́чи* + *бі́гчи* + *бі́гти* + *біжу́*) [Булаховський 1956, 68].

II. Инфинитивный суффикс /ти/.

а) В подавляющем большинстве украинских говоров выступают инфинитивные формы типа *товкти́, пекти́, волокти́, текти́*; *берегти́, стерегти́, стри́гти* (полная основа на /к,г/ + инфинитивный суффикс /ти/), которые представляют собой довольно ранние новообразования и являются характернейшей чертой современного украинского диалектного языка и нормой современного украинского литературного языка. Наиболее последовательно инфинитивы данного типа употребляются в северноукраинских, юго-восточных и в значительной части юго-западных (прежде всего в волынских и в ряде подольских) украинских говоров. Спорадически в говорах, расположенных по границе с Белоруссией в бассейнах рек Горынь и Уборть и на севере Черниговской области, употребляются формы типа *стри́хт'і, пект'і́* с инфинитивным суффиксом [т'і] (ср. отмеченные в этих же говорах Н. И. Марчук формы *дýт'і, хоð'і́т'і* [Марчук 1970, 164]).

Таким образом, инфинитивные формы типа *пекти́, стри́гти/стри́хти* занимают очень большой ареал к востоку от условной линии Камень-Каширский – Ковель – Владимир-Волынский – Горохов – Броды – Збараж – Хмельницкий – Каменец-Подольский – и далее на юг до границы с Румынией.

Формы типа *текти, розсѣкти, отсѣкти, пекти, роспекти* в памятниках староукраинской письменности XVII–XVIII вв. (см., например, Літопис Григорія Грабянки XVIII в., Летопись Самоила Величка и др.) употребляются достаточно последовательно и являются, скорее всего, уже орфографической нормой языка того периода [Півторак 1974, 83]. Можно предположить, что в живом языке данные формы существовали уже и в более ранний период.

Важно отметить, что формы с восстановленными /к,г/ в основе инфинитива и суффиксом /ти/ в некоторых современных говорах ведут себя по-разному в зависимости от характера исхода основы, что обусловлено, по-видимому, способом образования этих согласных – взрывным характером /к/ и фрикативным характером /г/ (ср., например, *берегти́*, но *печи́* в ряде юго-западных украинских говоров). В то же время в полесских и юго-восточных говорах обе основы образуют формы инфинитива единообразно (*пекти́, бѣрегти́*). Очевидно, это объясняется наличием разных причин, повлиявших на становление данных форм в указанных говорах. Так, в полесских и юго-восточных украинских говорах (так же, как и в южнорусских диалектах) можно предположить существование унификационных морфологических тенденций в развитии форм инфинитива, что и обусловило образование этих форм от глаголов с основами на /к/ и /г/ по одной модели. Тогда как в юго-западных украинских говорах глагольные основы на /к/ и /г/ при образовании инфинитивов не подверглись аналогическому выравниванию и продемонстрировали устойчивое фонетическое различие взрывного /к/ и фрикативного /г/, которое оказалось сильнее морфологической аналогии.

б) С суффиксом /ти/, присоединяемым к полной глагольной основе на шипящий, в украинских говорах спорадически встречаются формы инфинитива типа *берешти́, стри́шти, би́шти*. Возможно, на образование таких инфинитивов повлияли формы настоящего времени с глагольной основой на шипящий: *бережу́, бережéш..., бережу́т'*. От глаголов на /к/ инфинитивы типа *печти́* в современных украинских говорах неизвестны.

Инфинитивные формы от глаголов с основой на /г/ типа *берешти́* находим в полосе говоров, идущей с севера на юг и расположенной между ареалами, образованными инфинитивами на /чи/ и инфинитивами на /ти/. Она проходит по западной части полесско-волынских говоров, по юго-западной части волынских говоров, по северо-восточной части поднестровских говоров, по западной части подольских и восточной части буковинских говоров; есть эти формы и в надсянских говорах (см. [Марчук 1970, 169]).

Проанализировав расположение ареалов, образованных на украинской диалектной территории инфинитивными формами с суффиксом /чи/ и суффиксом /ти/, которые характеризуют говоры старых украинских поселений, можно согласиться с выводом Н. И. Марчук, которая полагает, что, наряду с исконными архаическими формами с суффиксом /чи/ (*печи́*, *беречи́*), и формы с инфинитивным суффиксом /ти/ (*пекти́*, *берегти́*) можно также относить к достаточно давним образованиям. Остальные же типы инфинитивных форм (*пеш'и́*, *стри́шти*, *берехчи́*), не формирующие компактных ареалов и характеризующиеся спорадическим употреблением, следует считать результатом различных более поздних аналогических или междиалектных образований [Марчук 1970, 170].

В целом характеристика территориального распределения инфинитивных суффиксов от глаголов с основами на /к, г/ сводится к тому, что весь украинский диалектный континуум распадается на три части: восточную, западную и центральную. Самый большой ареал, расположенный к востоку от условной линии Камень-Каширский – Ковель – Владимир-Волынский – Горохов – Броды – Збараж – Хмельницкий – Каменец-Подольский и далее на юг – к востоку от Черновцов до государственной границы с Румынией, характеризуется инфинитивными формами типа *пекти́*, *сі́кти*; *берегти́*, *стри́гти*. Компактный ареал, расположенный к западу от условной линии Яворов – Львов – западнее Тернополя – и на юг к Черновцам, образован инфинитивными формами с суффиксом /чи/ типа *печи́*; *стри́чи*; *беречи́*. И, наконец, третий (центральный) ареал, представляющий собой узкую полосу, расположен между двумя обозначенными выше условными линиями; в говорах этого ареала мы находим как различные типы образования инфинитивных форм от основ на взрывной заднеязычный /к/ (тип *печи́*, *сі́чи*) и от основ на фрикативный /г/ (тип *стри́хчи*, *берехчи́*; реже – *стри́шчи* и в качестве вариативного *стри́чи*), так и наличие многочисленных вариативных форм в одной и той же ЧДС. Кстати, именно интенсивное взаимодействие говоров с различными способами образования инфинитивов, а также явления грамматической аналогии и приводят к расширению состава различных вариантов инфинитивных форм, что мы и наблюдаем в говорах указанного третьего ареала.

Белорусский язык.

Наиболее сложная картина в распределении диалектных вариантов форм инфинитива от глаголов с основой на /к,г/ наблюдается в современном белорусском языке (см. карту № 2). Это обусловлено прежде всего тем, что в судьбе инфинитивов от глаголов на взрывной /к/ и фрикативный /г/ отмечаются существенные различия, что нашло отражение даже в современном литературном языке, в котором в качестве нормы утвердились формы типа *пячы́*, *цячы́*, *таўчы́*, *валачы́* (в основах на /к/) и *берагчы́*, *сцерагчы́*, *стры́гчы* (в основах на /г/)[2].

I. Инфинитивный суффикс /чи/.

В данном случае следует различать два способа образования форм инфинитива с суффиксом /чи/: а) Инфинитивный суффикс /чи/ присоединяется к усеченной основе на гласный (например, *пе/ø/* + */чи/*); б) Инфинитивный суффикс /чи/ присоединяется к неусеченной основе на согласный (*пе/к/* + */чи/*, *стри/г/* + */чи/*; *стри/ж/* + */чи/*).

а) В современном белорусском языке в его диалектных и литературной формах архаический тип инфинитивов (*п'ачы́*, *ц'ачы́*) с усеченной основой может быть образован только от основ на взрывной заднеязычный /к/: *п'ачы́*, *таўчы́*, *ц'ачы́*; *пычы́*, *тоўчы́*, *сычы́*, *валачы́*. Этот тип форм инфинитива характеризует говоры западной части белорусской территории (расположенной к западу от условной линии Полоцк – восточнее Борисова – Бобруйск – Слуцк – южнее Барановичей – западнее Пинска и далее на юг до государственной границы), которую занимают говоры Молодеченской, Гродненской, Брестской, Минской и западной части Витебской областей. Во многих говорах данного региона в качестве сосуществующих употребляются и инфинитивные формы типа *п'е́кчы/п'акчы́*, *с'е́кчы/с'акчы́*, *таўкчы́*, *ц'акчы́* (см. [ДАБМ, карта № 179]).

б) Инфинитивы, в которых инфинитивный суффикс /чи/ присоединяется к неусеченной (полной) основе на согласные /к,г/; т. е. этот тип инфинитивных форм может быть образован как от глаголов с основой на /к/, так и от глаголов с основой на /г/: *п'акчы́/п'е́кчы* и *л'е́гчы*, *л'е́хчы*, *стры́гчы*, *стры́хчы*, *б'ирагчы́*, *б'ерахчы́*, *запре́хчы*. Формы *берагчы́*, *сце-*

[2] Только инфинитивная форма от глагола *сячы* утвердилась в двух вариантах: *сячы́* и *се́кчы* (см. [Граматыка 1962, 302]).

рагчы́, *стри́гчы*, *магчы́* являются литературной нормой современного белорусского языка и представляют собой господствующий в белорусских диалектах тип инфинитивов, образованных от глаголов с основой на /г/.

Инфинитивы типа *п'акчы́/п'е́кчы* не образуют ареалов, где бы они характеризовались исключительным употреблением, но эти инфинитивы, как уже упоминалось выше, встречаются в качестве вариантов, сосуществующих с архаическими формами типа *п'ачы́*, в западнобелорусских говорах.

Что касается глаголов с основой на /г/, то формы инфинитива с суффиксом /чи/ употребляются только с восстановленным /г/ в основе: *стры́г(х)чы*, *б'ераг(х)чы́*, *б'е́г(х)чы*. Характерно, что архаический способ образования инфинитивов типа *бечы*, *стрычы* от глаголов с основой на /г/ в современном белорусском языке полностью отсутствует [Мацкевич 1959, 21] [3].

Инфинитивы типа *стры́г(х)чы*, *б'ераг(х)чы*, как и *п'акчы́/п'е́кчы* являются новообразованиями. Данные формы, образованные от глаголов с основой на /г/, встречаются, фактически, во всех белорусских говорах, но наиболее последовательное их употребление отмечено в говорах Гродненской и Минской (кроме крайних южных) областей и в говорах западных районов Брестской области (см. [ДАБМ, карта № 178]).

Необходимо отметить, что традиционные архаические формы инфинитива от глаголов как с основой на /к/, так и с основой на /г/, образованные от усеченных основ с инфинитивным суффиксом /чи/, были широко представлены в памятниках старобелорусской письменности всех жанров вплоть до XVI в. (а от глаголов с основами на /к/ – и позже), когда в старобелорусском языке (так же, как и в старо-украинском) началось активное расшатывание традиционных орфографических норм: *волочи*, *зречисѧ*, *ѡболочи*, *печи*, *речи*, *сечи*, *течи*, *толчи*, *утечи*; *бѣчи*, *досѧчи*, *жечи*, *лечи*, *мочи*, *перемочи*, *стеречи* (цитируется по [Півторак 1974, 81-83, 95-97]). Однако, если в основах на /к/ архаический тип инфинитивных форм сохранился до наших дней и остался господствующим типом в белорусских говорах, то в основах на /г/ он был вытеснен типом *берагчы* и другими новообразованиями. Самым ранним из них является тип *берагчы*, который встречается уже в памятниках письменности XVI в., а в более поздних эти формы становятся преобладающими (см., например, такие памятники письменности, как "Псалтир XVI в.", "Діарі8шъ" первой половины XVII в., "Статут полоцького братства" конца XVII в., в которых отмечены инфинитивы *бегчи*, *стерегчи*, *ѡдбѣгчи* и др. – цитируется по [Півторак 1974, 99-100]).

При обращении к изучению инфинитивных форм от глаголов на /к,г/ в белорусском (а также и в украинском) языке исследователи не раз пытались объяснить как причины широкого распространения форм с восстановленными /к/ и /г/ в основе инфинитивов (*пекти́*, *берегти́*; *пекчи́*, *берегчи́*), так и причины различной судьбы инфинитивных форм от глаголов на /к/, с одной стороны, и от глаголов на /г/, с другой (ср., например, *п'ячы́*, но *берагчы́*), в целом ряде украинских и белорусских говоров. По вопросу о восстановлении /к, г/ в основе инфинитивов наиболее распространенным является мнение об аналогическом характере данных форм, о чем уже упоминалось выше. Есть и менее известнее точки зрения. Так, например, Г. П. Пивторак высказывает интересное предположение о том, что в некоторых из тех древнерусских диалектов, на основе которых формировались украинский и белорусский языки, слияние **-kt-* и **-gt-* в один звук (т. е. в **č*) в формах инфинитива никогда не было абсолютным еще со времен позднепраславянской эпохи: на месте данных сочетаний могли продолжать различаться также два звука, первый из которых, возможно, представлял собой либо слабый гортанно-придыхательный, либо слабый взрывной задненебный, либо слабый шипящий (^{ʔ}t, ^{k}t, ^{š}t). Со временем эти не совсем ярко выраженные элементы постепенно оформились в звуки *γ*, *ж*, *к*, *ч*, дав сочетания *γт*, *жт*, *кт*, *чт*; *жч*, *чч* (*береути*, *пекти*; *береучи́*, *пекчи́*; *бережчи́*, *печи́* < *печчи́*) [Півторак 1971, 97].

Относительно говоров, в которых инфинитивные формы с основами на /к/ и /г/ имели разную судьбу, можно высказать предположение, что в тех диалектах, где мы находим *береути́*, но *печи́* (либо *береучи́*, но *печи́* и *бережчи́*, но *печи́*), сочетание **-gt-* в формах инфинитива изменилось непосредственно в **-γt-* и поэтому на его месте никогда не могло быть **č* (ч), в то время как сочетание **-kt-* в формах инфинитива закономерно давало *č* (ч) [4].

[3] Правда, Г. П. Пивторак отмечает, что в говорах Гродненской области было зафиксировано два случая употребления таких инфинитивов, сосуществующих с другими инфинитивными формами [Півторак 1974, 85].

[4] Р. И. Аванесов отмечает, что "для эпохи, непосредственно предшествующей историческому периоду, мы можем указать лишь немногие диалектные черты. Можно думать, что дреговичи, древляне и другие "южнорусские" племена, а также северяне, радимичи и вятичи развили фрикативное *г*(*γ*), в то время как кривичи и словене сохранили взрывное образование *г*". [Аванесов 1947а, 124-125]. Н. Н. Дурново полагает, что *γ* из о.-сл. *g* "является результатом общего процесса, пережитого ю.-в.-р., м.-р., б.-р., чеш.,

Можно предположить, что восстановление взрывного заднеязычного и фрикативного гортанного в формах инфинитива – процесс очень старый. Такие формы мы находим на большой территории, занятой белорусскими и украинскими говорами, а также в целом ряде севернорусских говоров. Видимо, процесс восстановления /к,г/ в инфинитиве был обусловлен внутренними законами каждого из языков, обладающими, кстати, и другими чертами, которые объединяют украинский и белорусский языки и некоторые севернорусские говоры (см., например, [Дурново 1969, 152]). Что касается различия в судьбе глаголов с основами на /к/ и /г/ в целом ряде украинских и белорусских говоров, то данное явление также можно считать достаточно старым. Т. е. истоки различия в развитии основ на /к/ и /г/ в формах инфинитива идут, возможно, из древности.

в) В нескольких говорах на юго-западе (нас. пп. №№ 698, 729, 955, 962) и на востоке в районе городов Орша, Могилев и Чечерск (нас. пп. №№ 313, 316, 321, 549, 894) отмечены инфинитивные формы от глаголов с основой на /г/ типа *б'ераж(ш)чы́*, *с'ц'ераж(ш)чы́*, *стри́ж(ш)чы*, которые выступают в этих говорах в качестве сосуществующих вариантов.

II. Инфинитивный суффикс /ти/.

а) Данные инфинитивные формы образуются путем присоединения к полной глагольной основе на /к,г/ суффикса /ти/ ([ц'і, ц'и, ти, ты]), например: *п'акц'і́*, *п'е́кц'і*, *с'акц'і́*, *с'е́кц'і*; *п'акц'и́*, *п'е́кц'и*, *ц'е́кц'и*; *б'ераг(х)ц'і́*, *стры́г(х)ц'і*, *л'е́г(х)ц'и*, *дапамаг(х)ц'и́*, *с'ц'ераг(х)ц'и́*; *пекти́*, *пекты́*, *секты́*, *тоўкты́*; *ле́г(х)ты*, *стерег(х)ты́*, *помог(х)ты́*, *стры́г(х)ты*, *берег(х)ты́* (суффикс [ты] отмечен в говорах Маларицкого, Драгичинского и Пинского районов, в которых перед гласными переднего ряда употребляются твердые согласные) [Мацкевич 1959, 21-22; Нарысы 1964, 251]. Инфинитивы указанного типа характеризуют говоры восточной части юго-западной и южной диалектных зон, охватывающих южные районы Минской области, юго-западные районы Могилевской области, Гомельскую область и прилегающие к ним восточные районы Брестской области. С севера этот ареал ограничивается условной линией, которая идет от южной государственной границы на север к Пинску – южнее Барановичей – далее на восток через Слуцк – севернее Бобруйска – севернее Рогачева – Чечерск и на юг западнее Гомеля вплоть до государственной границы. Следует отметить, что на севере этого ареала пролегает полоса говоров, где мы находим *пекц'и́* (от глаголов с основами на /к/), но *бераг(х)чы́* (от глаголов с основами на /г/), т. е., в целом, ареал с типом *берагц'и́* несколько у́же, чем ареал с типом *пекц'и́*.

Белорусский ареал, образованный инфинитивами типа *пекц'и́*, *бераг(х)ц'и́*, соединяется на юге с большим украинским ареалом с инфинитивными формами *пекти́*, *стри́г(х)ти*; *пект'і́*, *стри́г(х)т'і*, а на востоке распространяется в районе Новозыбкова и на русскую территорию, где отмечены инфинитивные формы типа *се́кти́*, *пе́кти́*, *бере́кти́*.

Существует мнение, что белорусские формы инфинитива типа *пекц'и́*, *бераг(х)ц'и́* имеют общее происхождение с украинскими формами *пекти́*, *берег(х)ти́* [Мацкевич 1959, 22-23; Півторак 1974, 90]. Кроме того, важно учитывать и то обстоятельство, что в некоторых из данных белорусских говоров употребляются не только формы 1 л. ед. и 3 л. мн. наст., но и формы 1 л. мн. наст., в которых находим /к,г/ в основе (*п'аку́*, *п'аку́ц'*; *мау́*, *мау́ц'*; *п'ако́м*, *с'ако́м*, *стрыго́м*, *мау́о́м*), что также поддерживает устойчивость форм типа *п'е́кц'и/п'акц'и́*, *б'е́уц'и* и под. в данных белорусских говорах [Нарысы 1964, 252; ВСИ 1995, 44, 52, карта № 5].

Если формы типа *розсѣкти*, *пекти* и под. зафиксированы в памятниках староукраинской письменности XVII–XVIII вв., то в старобелорусских памятниках письменности указанные формы инфинитива не встречаются в связи с тем, что для белорусского письменного языка XIV–XVII вв. по-прежнему орфографической нормой оставались инфинитивы типа *печи*, *сечи*, *стеречи* [Півторак 1974, 81-83, 95-97]. Отсюда можно сделать вывод, что появление инфинитивных форм типа *п'екц'и́*, *б'ераг(х)ц'и́* в юго-восточных белорусских говорах шло с юга, со стороны украинских говоров, в которых инфинитивные формы *пекти́*, *берег(х)ти́* стали господствующим типом не позднее XVIII в. Вообще, тесная связь южнобелорусских и северноукраинских говоров проявилась также и в наличии фонетического явления смягчения согласных перед гласными переднего ряда, ср. белорусские формы *стры́г(х)ц'і*, *маг(х)ц'і́*, *п'екц'і́* и украинские формы *берегт'і́*, *стрі́т'і*, *пект'і́*, засвидетельствованные, в частности, в говорах северных районов Ровенской области, в некоторых говорах среднеполесской украинской диалектной группы, в северо-западных говорах Черниговской области [Назарова 1963, 13].

Формы инфинитива с суффиксом /ти/ в белорусских говорах можно считать, видимо, достаточно поздним новообразованием. Очевидно, что они, как уже указывалось выше, имеют общую исто-

словац., в.-луж. и северными говорами словин. еще в доисторическую эпоху, и свидетельствует о былом единстве этих языков или наречий" [Дурново 1969, 168].

рию с соответствующими украинскими формами. Однако распространение инфинитивов типа *пекц'и́*, *берагц'и́* далее на север белорусской территории было обусловлено, скорее всего, уже специфическими местными причинами, которые вызвали появление форм типа *пекц'и́* на месте исконных форм типа *печы́* через стадию *пекчы́*: формы типа *пекчы́* были вытеснены формами типа *пекц'и́* в результате аналогического воздействия на них инфинитивных форм типа *класц'и́*, *месц'и́* (см. [Мацкевич 1959, 22-23]).

б) На юго-западе Белоруссии в Брестской области в некоторых отдельных говорах, не образующих ареалов, только в глаголах с основами на /г/ формы инфинитива могут быть образованы с суффиксом /ти/, который присоединяется к полной основе, оканчивающейся на шипящие согласные [ж] или [ш]: *стры́жты*, *бы́жты*, *стеражты́*, *бырыжты́* (в говорах Драгичинского и Брестского районов); *б'и́шты*, *стры́шты*, *помошты́*, *стерашты́* (в говорах Брестского и Пинского районов) [Нарысы 1964, 251]; *стры́жты*, *бырыжты́*, *б'и́жты*; *бы́шты*, *стры́шты*, *помошты́* (в говорах Драгичинского, Пинского и Ивановского районов) [Мацкевич 1959, 22]. Можно предположить, что проникновение шипящего согласного в основу инфинитивных форм вызвано аналогическими причинами, и возникло это явление в тех говорах, в которых во всех формах парадигмы настоящего времени произносится согласный [ж]: *стрыжу́*, *стрыжэ́ш*, *стрыжэ́*..., *стрыжу́ц'* (см. [Мацкевич 1959, 22]; см. также [ВСИ 1995, 44, 52, карта № 5]). Указанные инфинитивные формы употребляются в данных юго-западных белорусских говорах только в качестве сосуществующих вариантов.

III. Инфинитивный суффикс /ч/.

а) Наличие инфинитивных форм, образованных от глаголов с основами на /к, г/ путем присоединения к усеченной основе инфинитивного суффикса /ч/ ([ч, ч', ц, ц', ш]), является диалектной спецификой северо-восточных белорусских говоров, например: *п'еч*, *с'еч*, *ц'еч*, *б'еч*, *с'ц'арэ́ч*; ср. также следующие фонетические разновидности инфинитивного суффикса /ч/: *талóц*, *п'ец*, *с'ец*, *с'ц'ирéц*, *б'ец*, *б'ир'éц*, *стрыц*, *памóц* – в говорах с цоканьем [Мацкевич 1959, 26; Нарысы 1964, 254]; *стрыш*, *б'еш*, *талóш*, *с'ц'ир'éш*, *б'ир'éш*, *л'еш* – в некоторых говорах Витебской области, переживших фонетический процесс утраты затвора в аффрикате [Мацкевич 1959, 26; Нарысы 1964, 254]. Однако ареал, образованный инфинитивами типа *п'еч*, больше ареала, образованного инфинитивами типа *б'арэ́ч*. Так, данные формы от глаголов с основой на /к/ (например, *п'еч*, *с'еч*) характеризуют говоры, расположенные к востоку от условной линии, идущей с севера на юг: от северной государственной границы к Полоцку – далее Лепель – Борисов – севернее Рогачева – Чечерин и на восток до государственной границы. В глаголах с основой на /г/ инфинитивы с суффиксом /ч/ (например, *б'еч*, *стрыч*) находим, фактически, в том же ареале, хотя он оказывается значительно у́же, поскольку условная линия, очерчивающая данный ареал на западе, от Полоцка смещена несколько на восток: Полоцк – Витебск – восточнее Могилева – восточнее Рогачева – Чечерин и далее на восток до государственной границы. Наиболее компактно инфинитивные формы типа *п'еч*, *б'арэ́ч* (т.е. образованные как от глаголов с основой на /к/, так и от глаголов с основой на /г/) представлены на территории Витебской, Могилевской и частично Гомельской областей, где их употребление характеризуется наибольшей последовательностью. Изредка эти формы фиксируются и в некоторых юго-западных говорах [Мацкевич 1959, 24]. Фактически, в пределах всего очерченного северо-восточного ареала (но особенно последовательно в его западной части) формы типа *п'еч*, *б'арэ́ч* сосуществуют в одной и той же ЧДС с другими инфинитивными формами, например: *л'еч/л'éгчы* (с. Зацякляссе Лепельского района, № 229), *ц'еч/ц'éкчы*, *п'еч/п'éкчы* (с. Фашчаўка Шклоўского района, № 323), *п'еч/п'екц'и́* (с. Закупленне Клічаўскага района, № 550), *дапамóч/дапамагц'и́* (с. Бярозкі Добрушского района) (цитируется по [Мацкевич 1959, 24]).

Следует учитывать, что белорусский ареал, образованный формами типа *п'еч*, *б'арэ́ч* и расположенный в северо-восточной части Белоруссии, непосредственно примыкает к русскому ареалу с явно продуктивными и господствующими в русском языке формами типа *п'еч'*, *б'ер'éч'*. В связи с этим оба ареала – как русский, так и белорусский – можно рассматривать как один общий ареал, охваченный одной и той же прогрессивной для настоящего времени тенденцией к образованию инфинитивных форм от данных глаголов с инфинитивным суффиксом /ч/ и усеченной основой. Важно также учитывать соотнесенность большей части данного ареала (в том числе и в белорусской его части) с тем ареалом, в котором представлены инфинитивные формы типа *н'ес'ц'/н'ес'т'*, *клас'ц'/клас'т'*: инфинитивный суффикс этих форм также не имеет конечного [и] и, следовательно, как и суффикс /ч/ в формах типа *п'еч*$^{(')}$, *б'ер'éч'*/*б'арэ́ч* характеризуется консонантной структурой (хотя при этом необходимо иметь в виду, что соотносительная связь форм типа *п'еч*$^{(')}$, *б'ер'éч*$^{(')}$ и *н'ес'т'*, *клас'т'* не является абсолютной: так, в некоторых бело-русских

говорах, а также и в ряде северо-восточных русских говоров находим инфинитивы *п'еч*(ʹ), *б'ер'éч'*/*б'арэ́ч*, но *клáс'т'и*/*клáс'ц'и*, *н'éс'т'и*/ *н'éс'ц'и*).

б) От глаголов с основами на /г/ в некоторых северо-восточных белорусских говорах употребляются в качестве сосуществующих вариантов инфинитивные формы, образованные с суффиксом /ч/, который присоединяется к полной основе. Например: *б'арéг(х)ч*, *л'ехч*, *б'ехч*, *сц'арéгч*, *стрыгч* (в отдельных говорах, расположенных вдоль восточной государственной границы); *б'арéжшч*, *л'ежшч*, *б'ежшч*, *стрыжшч* (с. Валосавичи Чечерского района); *стр'ижч*, *б'ежч*; *б'ешч*, *б'арéшч* (в единичных говорах Витебской и Могилевской областей вдоль восточной государственной границы) [Мацкевич 1959, 25-26; Нарысы 1964, 254]. Инфинитивы типа *б'арéг(х)ч*, *стр'иг(х)ч*, *с'ц'ар'éг(х)ч* в качестве вариативных форм отмечены и на северо-западе Белоруссии в районе г. Браслава.

Появление указанных многочисленных новообразований обусловлено различными фонетико-морфологическими и аналогическими причинами, а также взаимодействием разных говоров [Мацкевич 1959, 28].

IV. Инфинитивный суффикс /т'/.

В некоторых говорах Гомельской области употребляются инфинитивные формы от глаголов с основами на /к, г/ с суффиксом /т'/ ([т', ц']), который присоединяется к полной основе на согласный: *тоўкт'*, *легт'*, *б'егт'*, *стыгт'*, *памóгт'*; *с'екц'*, *ц'екц'*, *стрыгц'*, *б'ар'égц'* [Мацкевич 1959, 26]. Эти формы выступают, как правило, в качестве сосуществующих вариантов с инфинитивами типа *п'éкц'и́*, *б'éг(х)ц'и* (см. ДАБМ, карты №№ 178, 179).

***

Рассмотренный материал, характеризующий инфинитивные формы от глаголов с основами на заднеязычные /к, г/ типа рус. лит. *печь*, *беречь*, показал достаточно сложную картину территориального распределения на восточнославянском диалектном пространстве различных диалектных вариантов данных форм, которые могут быть образованы путем присоединения к полной или усеченной основе инфинитивных суффиксов /чи/, /т'и/, /ч/, /т'/.

В настоящее время наиболее представительными и продуктивными способами образования инфинитивов являются следующие два способа: а) это образование форм с суффиксом /ч/, который присоединяется к усеченной основе (тип *п'еч*(ʹ), *б'ер'éч'*/*б'арэ́ч*); данные формы характеризуют русский и белорусский языки; б) это формы, образованные с суффиксом /ти/, который присоединяется к полной основе (тип *пекти́*, *беретú*); данные инфинитивы характеризуют украинский язык.

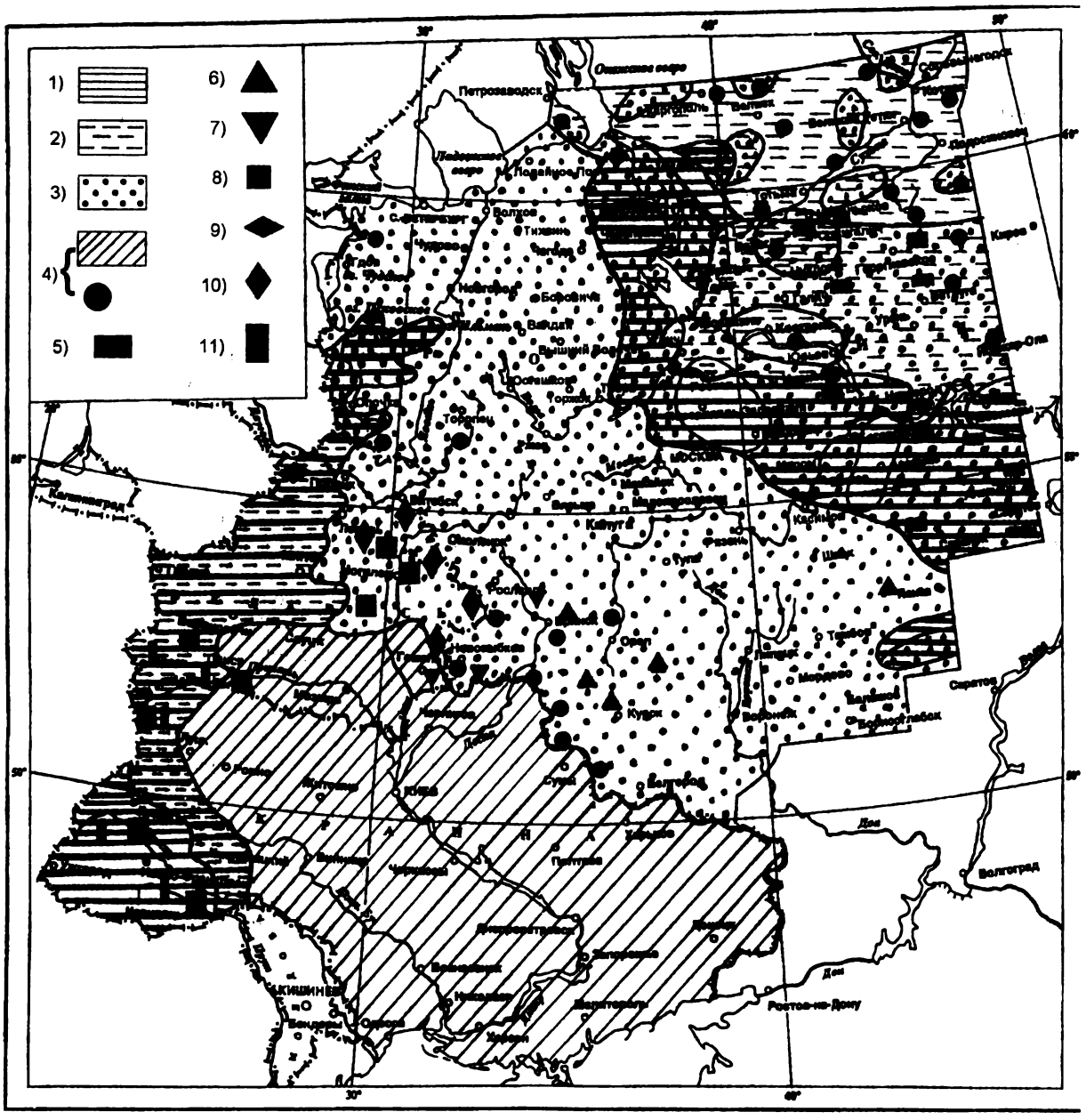
Инфинитивные формы с основой на /к, г/ в русском и белорусском языках могут быть образованы с суффиксами /чи/, /т'и/, /ч/ и /т'/, в то время как в украинском языке отмечено лишь два инфинитивных суффикса – /чи/ и /ти/. Следовательно, все три языка могут быть объединены по такому морфологическому признаку, как наличие инфинитивных форм с суффиксами /чи/ и /ти/, хотя сфера употребления этих суффиксов в каждом из языков различна.

В то же время такая фонетическая особенность, как характер исхода глагольной основы (имеется в виду способ образования заднеязычных согласных), объединяет украинский и белорусский языки и отделяет их от русского языка: в украинском и белорусском глухой [к] является взрывным, а звонкий [г] – фрикативным, тогда как в русском языке в большинстве его говоров оба согласных являются взрывными. Именно это обстоятельство обусловило единообразие в способах образования форм инфинитива в русском языке в одной и той же ЧДС как в глаголах с основами на /к/, так и в глаголах с основами на /г/ (*п'еч'*, *б'ер'éч'*; *п'еч'и́*, *б'ер'еч'и́*...), и расхождение в моделях образования указанных форм в глаголах с основами либо на /к/, либо на /г/ в ряде украинских и белорусских говоров (*печи́*, но *беретú* – в некоторых юго-западных украинских говорах; *п'ачы́*, но *б'ерачы́* – в большинстве белорусских говоров).

Архаический способ образования инфинитивов (тип *печи*, *беречи*), лучше сохранившийся в основах на /к/, характеризует юго-западные украинские говоры, большую часть юго-западных и центральных белорусских говоров (только основы на /к/) и северо-восточные и северо-западные русские говоры.

Наибольшую сложность и многообразие в распределении различных вариантов инфинитивных форм мы наблюдаем в северо-восточных русских говорах и в говорах белорусского языка (см. карты). Белорусский язык, в силу своего территориального положения между двумя ареалами, образованными наиболее продуктивными и поэтому активно распространяющимися на соседние говоры моделями инфинитивных форм (*п'еч'*, *б'ер'éч'* – на востоке и *пекти́*, *беретú* – на юге), демонстрирует наибольшую нестабильность, выражающуюся в наличии множества сосуществующих вариантов-новообразований, что особенно ярко проявляется в его крайних восточных и крайних южных говорах.

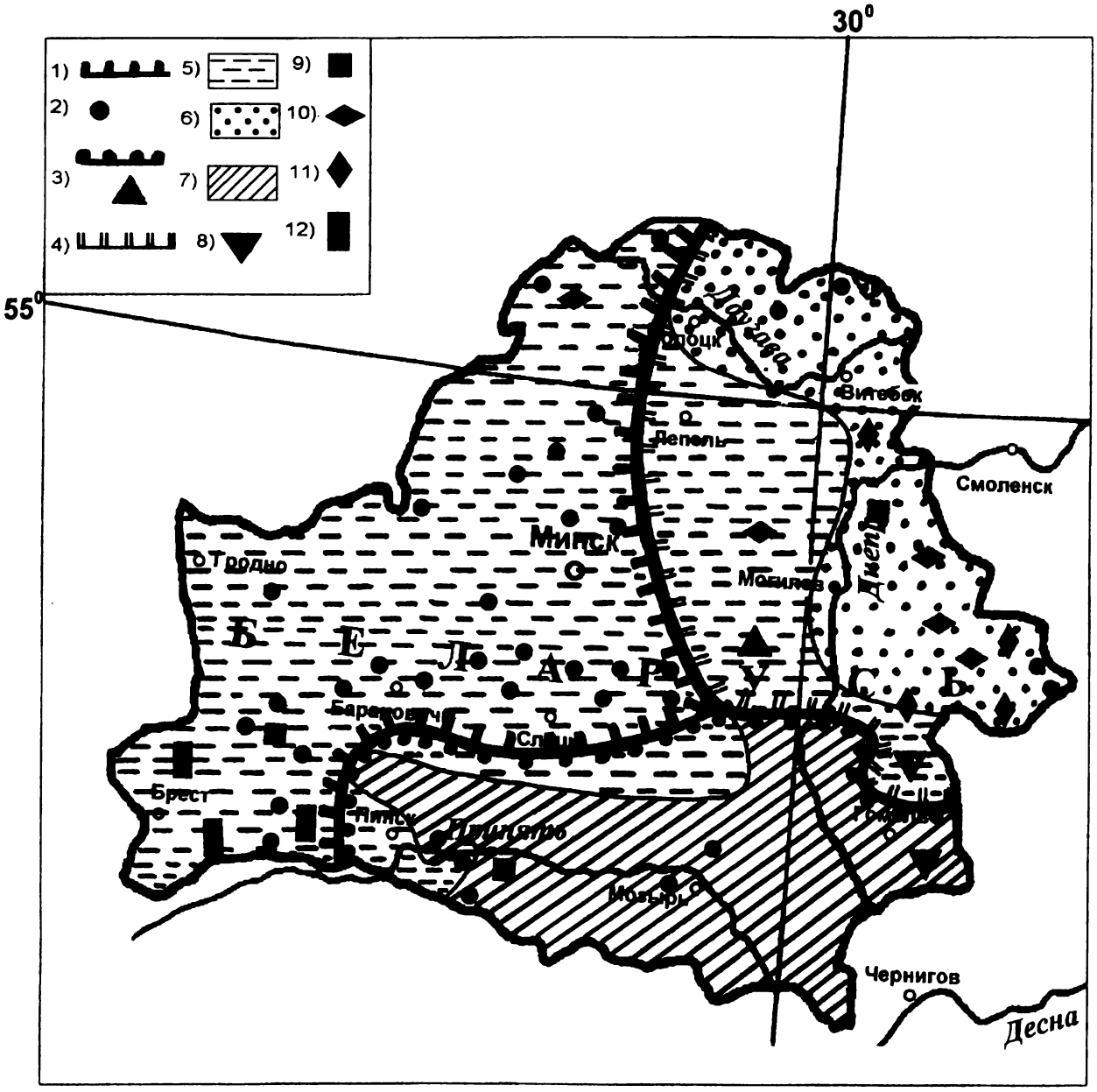
Карта № 1. Формы инфинитива от глаголов с основой на /к, г/ типа рус. лит. *печь*, *беречь*

Условные обозначения

1) /øчи/ – *пе́чи́*, *бере́чи́*;
2) /кчи/, /гчи/ – *пекчи́*, *берекчи́*/*бераг*(*х*)*чы́*;
3) /øч/ – *печ'*, *бере́ч'*;
4) /кти/, /гти/, – *пекти́*, *беректи́*; *пекци́*, *бераг*(*х*)*ци́*;
5) /ччи/ – *печчи́*, *береччи́*;
6) /øчт'/ – *печт'*, *бере́чт'*;
7) /кт'/, /гт'/, – *пект'*, *бере́кт'*; *пекц'*, *бере́кц'*;
8) /жчи/ – *бераж*(*ш*)*чи́*;
9) /гч/ – *бере́г*(*х*)*ч*;
10) /жч/ – *бере́ж*(*ш*)*ч*;
11) /жти/ – *бераж*(*ш*)*ти́*.

Карта № 2. Формы инфинитива от глаголов с основой на /к, г/ в белорусском языке (бел. лит. *пячы*, *берагчы*)

Условные обозначения:

1) /øчи/ – *печы́*;
2) /кчи/ – *пе́кчы*/ *п'акчы́*;
3) /øч/ – *печ'*;
4) /кти/, – *пек'ци́*, *пекты́*;
5) /гчи/ – *бераг(х)чы́*;
6) /øч/ – *б'аре́ч*;
7) /гти/, – *бераг(х)ц'и́*/*бераг(х)ты́*;
8) /кт'/, /гт'/ – *пекц'*, *б'аре́г(х)ц'*;
9) /жчи/ – *б'ераж(ш)чы́*;
10) /гч/ – *б'аре́г(х)ч*;
11) /жч/ – *б'аре́ж(ш)ч*;
12) /жти/, – *б'ераж(ш)ти́*/*б'ераж(ш)ты́*.

Т. В. Попова

ФОРМЫ ИНФИНИТИВА ОТ ГЛАГОЛОВ С ОСНОВОЙ НА ГЛАСНЫЙ ТИПА РУС. ЛИТ. *ХОДИТЬ, ВИДЕТЬ, ГНАТЬ, ПИСАТЬ*[1]

Данная карта составлена на основе следующих материалов:

1. Карта № 100 "Формы инфинитива глаголов типа *плести, грести* (I), типа *класть* (II) и типа *ходить* (III)" [ДАРЯ II, 1989].
2. Карта № 250 "Інфінітив дієслів з основою на голосний" [АУМ 1].
3. Карта № 232 "Інфінітив дієслів з основою на голосний" [АУМ 2].
4. Карта № 70 "Інфінітив дієслів з основою на голосний" [Назарова 1985, 95].
5. Карта № 173 "Форма інфінітыва дзеясловаў з асновай на галосны" [ДАБМ].

Кроме того были использованы опубликованные работы по истории и диалектологии русского, украинского и белорусского языков, в которых содержатся данные об образовании форм инфинитива от глаголов с основой на гласный в диалектах русского, украинского и белорусского языков.

Русский язык.

Вводные замечания.

В глаголах с основами на гласный в современных русских диалектах инфинитивные формы образуются преимущественно с инфинитивным суффиксом /т'/ (*ход'и́т'*) и реже /т'и/ (*ход'и́т'и*). Это свидетельствует о том, что русский язык прошел особый путь развития в отношении инфинитивных форм, так как исходными являлись инфинитивы с суффиксом /т'и/[2], а формы с /т'/ появились, видимо, позднее. В самых ранних древнерусских памятниках письменности XI в. зафиксированы в основном именно формы на /т'и/ типа: *запирати, соудити, держати, предати, губити*, хотя изредка встречаются и формы на /т'/, например: *напълнить* (Остр. ев. 1056-1057 гг.), *почьрпать* (Изборник Святослава 1073 г.), *вькусить* (Арханг. ев. 1092 г.) (примеры цитируются по [Півторак 1974, 15]). Интересно при этом отметить, что в старославянских памятниках письменности инфинитивные формы с суффксом /т'/ полностью отсутствуют, на что обращает специальное внимание Н. Ван-Вейк: "Окончание инфинитива *-tь*, которое одни исследователи считают праславянским вариантом, а другие рассматривают как более позднюю редукцию окончания *-ti*, в старославянских памятниках не встречается. Это говорит в пользу второй точки зрения..." (см. [Ван-Вейк 1957, 323]).

Можно предположить, что тенденция к редукции инфинитивного суффикса /т'и/ → /т'/, о которой упоминает Н. Ван-Вейк, была свойственна уже отдельным позднепраславянским диалектам, так как современные славянские языки, в которых есть формы инфинитива, не представляют единства в отношении морфологического строения инфинитивных форм. Так, в одних языках находим только инфинитивный суффикс /т'и/ (это прежде всего – старославянский, сербский и словенский языки), в других – употребляется преимущественно /т'и/ и значительно реже – /т'/ (например, в украинском и чешском языках), в третьих – тенденция к редукции конечного гласного достигла, фактически, полного развития, что привело к господству инфинитивного суффикса /т'/ (это – русский, белорусский, польский, словацкий, полабский, верхне-лужицкий и нижне-лужицкий языки).

Однако точка зрения о фонетической редукции инфинитивного суффикса /т'и/ → /т'/ разделяется далеко не всеми исследователями. Так, одни из них (например, Г. А. Ильинский) связывали инфинитивы на /т'/ с формами Вин. ед. сущ. ж. р. с основой на **ĭ* (см. [Ильинский 1916, 303]). Другие (например, А. И. Соболевский) видели в этих формах прямую связь со старым супином, а именно – с его утратой и заменой его инфинитивом (см. [Соболевский 1903, 165]).

Вопрос о происхождении инфинитивных форм с суффиксом /т'/ (в частности, в русском языке) – это предмет отдельного исследования, и в настоящей ра-

[1] Список использованной литературы см. на с. 136-137.

[2] "Показателем славянского инфинитива является *-ti*" [Мейе 1951, 194].

боте мы его не рассматриваем, так как для его решения необходимо привлечь, по нашему мнению, материал по истории инфинитива во всех славянских языках.

Но в качестве дополнения к вопросу о происхождении инфинитивных форм с суффиксами /т'и/ и /т'/ считаем необходимым отметить, что нам представляется наиболее правдоподобной точка зрения, согласно которой в позднепраславянском уже существовало диалектное различие по способу образования форм инфинитива – с вокалическим и консонантным суффиксами (т. е. /т'и/ и /т'/).

В связи с этим, имея в виду уже древнерусский язык, попробуем высказать следующее предположение. Если под нормой понимать реально вошедшие в употребление письменного языка (и нормированной речи) формы, допустимые системой, сложившейся в X/XI вв. в древнерусском языке, то можно признать, что древнерусской системой (в широком смысле) допускалось употребление инфинитивных форм как с суффиксом *-ти* /т'и/, так и с суффиксом *-ть* /т'/, однако реально вошли в древнерусский письменный язык и считались нормой лишь инфинитивы с суффиксом *-ти* /т'и/, что свидетельствует о том, что норма – это лишь степень реализации некоторых возможностей, допускаемых системой.

Таким образом, можно констатировать, что в исходной нормированной морфологической системе древнерусского письменного языка X/XI вв. глаголы с основой на гласный образовывали формы инфинитива с суффиксом /т'и/ (*-ти*), и это являлось в тот период орфографической нормой древнерусского письменного языка. В то же время в памятники письменности изредка проникали из живого языка (свойственные его системе в целом) и инфинитивные формы с суффиксом /т'/ (*-ть*), что для исходной морфологической системы древнерусского языка X/XI вв. не являлось характерным, поскольку не входило в его орфографическую норму.

В дальнейшем развитие в русском языке шло по линии расширения употребления инфинитивных форм с суффиксом /т'/ и постепенной элиминации форм с суффиксом /т'и/.

Считается, что в XV в. в живом языке инфинитивы на /т'/ уже являлись господствующими. Однако в памятники письменности они проникали еще довольно ограниченно. Например, в таких памятниках делового письма XV в., как московские грамоты и "Судебник Ивана III 1497 г.", на более чем 3 000 употреблений форм инфинитива насчитывается только 25 форм с суффиксом *-ть*. В списках "Задонщины" XV–XVII вв. первые инфинитивы на *-ть* зафиксированы а списке, относящемся к началу XVII в. (см. подробнее в [Півторак 1974, 21]).

Но начиная с XVII в. и в письменном языке преобладающими становятся инфинитивы на *-ть*. Так, по свидетельству П. Я. Черных, исследовавшему язык "Уложения 1649 г." – памятника письменности XVII в. (см. [Черных 1953, 350-351]), употреблено уже больше инфинитивов на *-ть*, чем на *-ти* (384 – *-ть* и только 367 – *-ти*). Непоследовательности в употреблении инфинитивных форм с суффиксами *-ть* и *-ти* и особенности письменного языка "Уложения" позволили П. Я. Черных сделать вывод, что в середине XVII в. в московском народно-разговорном языке инфинитивные формы на *-ти* типа *писати* воспринимались уже как архаизмы. А в XVIII в. при переиздании "Оды властелинам и судьям" Г. Р. Державина (первое издание – в 1780 г., второе – в 1787 г.) автор сам все инфинитивные формы на *-ти* последовательно заменил соответствующими формами на *-ть* (см. [Півторак 1974, 22]). Нельзя не отметить и соображения С. П. Обнорского по этому поводу, подтверждающие изложенное выше: "Образование инфинитива на *-ть* вообще в русском языке принадлежит старой поре, эпохе исчезновения редуцированных звуков (XII–XIII вв.), но в книжном языке долгое время сохранялись старшие формы на *-ти*, очевидно, поддерживавшиеся церковнославянской письменностью. Ср. обилие форм на *-ти* еще в Уложении Алексея Михайловича 1619 г. Однако уже в XVIII в. формы на *-ти*, следует думать, были чужды" [Обнорский 1953, 172].

Важно подчеркнуть, что из всех трех восточнославянских языков традиции древнерусского письма, в значительной степени совпадающие с церковнославянскими и поддерживаемые ими, наиболее долго господствовали именно в русском языке. В украинском и белорусском письменных языках церковнославянская основа была менее устойчива и рано подверглась влиянию народно-разговорной стихии ([Півторак 1974, 29]).

I. Инфинитивный суффикс /т'/.

Формы инфинитива с суффиксом /т'/ (типа *писáть*, *гнать*, *бить*, *ходúть*, *вúдеть*), являющиеся новообразованиями, употребляются во всех современных русских говорах и в современном русском литературном языке. Это означает, что данные формы распространены также и в тех говорах, где, в качестве сосуществующих, отмечены инфинитивы с суффиксами /т'и/ (*п'исáт'и*, *б'úт'и*) и /т/ (*ходúт*, *пит*).

II. Инфинитивный суффикс /т'и/.

В современном русском языке инфинитивные формы с архаическим суффиксом /т'и/ типа *ход'ú́т'и, п'ú́т'и, п'исá́т'и, гнá́т'и, в'ú́д'ет'и* отмечены в сравнительно небольшом количестве говоров. С. В. Бромлей пишет, что в тех говорах, которым известны данные формы, они, как правило, сосуществуют с формами на /т'/. Соотношение в разных ЧДС форм на /т'/ и на /т'и/ в речи носителей говора не является одинаковым. В результате сосуществования формы типа *игрá́т'* и *игрá́т'и* оказываются в этих говорах как бы в отношении факультативного употребления. При этом, отмечает С. В. Бромлей, необходимо учитывать то обстоятельство, что один из вариантов, а именно – /т'/, совпадая с литературной нормой, поддерживается ею, в связи с чем, возможно, восприятие этого варианта, как диалектного, постепенно утрачивается. Вариант же /т'и/ в этой ситуации приобретает подчеркнуто диалектный характер (см. [Бромлей, Булатова 1972, 184-185]).

Говоры, в которых употребляются инфинитивы на /т'и/, встречаются в рассеянном виде на отдельных территориях северо-восточной зоны – в вологодских, костромских и пермских говорах, а также в ряде новгородских говоров. Эти формы, как правило, зафиксированы в речи старшего поколения; молодежь употребляет чаще формы на /т'/ (см. [Обнорский 1953, 175]). Наиболее плотные сгущения говоров с инфинитивами на /т'и/ типа *п'исá́т'и* отмечены в районе Белого моря и в Заветлужье (см. карту). В среднерусских говорах формы на /т'и/, фактически, не встречаются (см. [Обнорский 1953, 175]).

Характерным представителем таких диалектных систем является система говора деревень Окатово и Вороны Шабалинского района Вятской обл., где отмечено большое количество форм инфинитива с суффиксом /т'и/: *бро́с'ит'и, подýмат'и, стáв'ит'и, сложˊ'ú́т'и, спá́т'и, п'ú́т'и, уходˊ'ú́т'и, рабóтат'и, кормˊ'ú́т'и* и мн. др. С. В. Бромлей специально подчеркивает необусловленность в употреблении данных форм: "формы на /т'и/ в этом говоре чаще выступают в конце синтагмы перед паузой, однако встречаются и в середине синтагмы, так что их употребление нельзя считать обусловленным положением во фразе" [Бромлей, Булатова 1972, 345-346]. В качестве морфологического варианта инфинитивного суффикса /т'и/ в говоре деревень Окатово и Вороны выступает суффикс /т'/, представленный, как указывает С. В. Бромлей, несколькими фонетическими вариантами – [т', т˙, т], например: *д'ержáт'//д'ержáт˙//держáт*. При этом формы инфинитива с [т'] встречаются в речи чаще, чем формы с [т] и [т˙] [Бромлей, Булатова 1972, 345].

И все же, по сведениям С. П. Обнорского, среди русских диалектов есть такие говоры, в которых инфинитивные формы с архаическим суффиксом /т'и/ употребляются последовательно и тем самым как бы реализуют диалектную норму. Это вятские говоры. Однако наличие (и господство) в них инфинитивов на /т'и/ С. П. Обнорский связывает не с особенностями морфологической системы, а со спецификой фонетического устройства этих говоров, которым свойственна особая ритмика речи, растягивающая конечные слоги [Обнорский 1953, 175].

III. Инфинитивный суффикс /т/.

В современном русском языке инфинитивы с суффиксом /т/ типа *брат, быт, éхат, жалéт, катáт, любú́т, пахáт, читáт* спорадично отмечаются в говорах северного наречия и в некоторых сибирских говорах, которые генетически связаны с севернорусскими говорами. Однако вопрос о происхождении этих форм пока еще не получил достаточно убедительного объяснения (см. [Обнорский 1953, 192]).

Важно отметить, что в памятниках русской письменности XVI–XVIII вв. (таких, как, например, "Казанский летописец", "Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г.", "Подлинникъ о книжномъ переплетѣ XVI–XVII вв." и др.) изредка встречаются инфинитивные формы на *-тъ* и *-т*: *дат, молвит, колотитъ, поколотитъ* (примеры цитируются по [Півторак 1974, 44]). Причина проникновения этих форм в памятники письменности пока до конца не ясна, хотя и существует много гипотез. Так, вряд ли это могут быть остатки старого супина, поскольку после XV в. ни в одном из восточнославянских памятников письменности формы супина не были зафиксированы (см., например, [Черных 1962, 271; Бевзенко 1960, 340-341]). Трудно допустить и предположение о том, что наличие инфинитивов на *-тъ* и *-т* – это отражение уже существующего диалектного явления, так как и в современных русских говорах, как было указано выше, инфинитив с суффиксом /т/ представлен крайне непоследовательно. Поэтому сомнительно, чтобы в XV–XVII вв. данные формы были распространены в диалектах более широко, чем в настоящее время, в связи с чем вряд ли редкое употребление рассматриваемых форм в памятниках письменности было обусловлено именно наличием их в диалектном языке. Скорее всего можно допустить, что приведенные выше инфинитивные формы с *-тъ* и *-т* – это результат еще неустоявшейся орфографической нормы того периода.

Исследуя данное явление в современных русских диалектах, С. В. Бромлей отмечает, что на территории Севера такие формы инфинитива, как *драт*, *ход'úт* и др., фиксируются, в основном, в тех говорах, где факультативно на конце слова представлены твердые согласные на месте исконно мягких [Бромлей 1989а, 131]. Однако и в северном наречии, и в некоторых других говорах возможна фиксация [т] на месте **t'* только в формах инфинитива, что, по-видимому, исключает фонетическую обусловленность данного появления [т]. Поэтому мы отмечаем на нашей карте указанный признак, но лишь в тех пунктах, которые перечислены в ДАРЯ в комментарии к карте № 100 (см. [Бромлей 1989а, 130, 131]).

Украинский язык.

I. Инфинитивный суффикс /т'и/.

Наиболее последовательно из всех современных восточнославянских языков архаический инфинитивный суффикс /т'и/ представлен в формах инфинитива в глаголах с основой на гласный в современном украинском языке. Инфинитивы с суффиксом /т'и/ являются и нормой украинского литературного языка: *голи́ти*, *купáти*, *лютúти*, *носúти*, *поправля́ти*.

Инфинитивные формы на /т'и/ находим в подавляющем большинстве современных украинских говоров (за исключением говоров северного наречия и южной части юго-восточного наречия), например: *носúти*, *т'агну́ти*, *копáти*.

Уже в украинских галицко-волынских грамотах XIV в., в галицких и молдавских грамотах XV в., а также в грамотах XV в., вышедших из Западного Полесья, инфинитивные формы с суффиксом /т'и/ представлены чрезвычайно широко, поскольку формы на *-ти* являлись орфографической нормой для галицко-волынских грамот XIV–XV вв., а также для галицких и молдавских грамот XV–XVI вв., хотя в этих грамотах, наряду с *-ти*, изредка можно было обнаружить и инфинитивы с суффиксом *-ты* (см. например, [Керницький 1967, 252-253]).

Историки украинского языка не раз подчеркивали, что господство форм на *-ти* в памятниках староукраинской письменности – это не следствие традиции древнерусского письма, а непосредственное влияние живых говоров, в том числе и говоров галицко-волынской диалектной группы, на основе которой и был сформирован староукраинский письменный язык (=давньоукраїнська актова мова) (см. [Гумецька 1958, 291; Марчук 1970, 163]).

В отдельных единичных средне- и западнополесских говорах (расположенных севернее Волыни, Ровно, Житомира, Киева, Чернигова) и в некоторых закарпатских (крайних ужанских) говорах, образующих редкие островки, отмечены инфинитивные формы с суффиксом [т'і]: *ду́мат'і*, *робúт'і*, *часáт'і* (см. [Назарова 1963, 13; Лавер 1967, 143; Бевзенко 1960, 339]); в ряде приграничных севернополесских говоров зафиксированы такие инфинитивные формы с суффиксом [т'і], как, например; *ду́т'і*, *хад'и́т'і*, *раб'и́т'і*, *гнáті*, *копáті* (см. [Марчук 1970, 164]). П. Н. Лизанец указывает на наличие инфинитивного суффикса [т'і] в глаголах с основами на согласный (при суффиксе [ти] в глаголах с основами на гласный) в некоторых украинских говорах, расположенных на юге Белоруссии в Пинской области: *цвист'і́*, *одвезт'і́*, *скубт'і́*, *ревт'і́*, но *писáти*, *читáти* [Лизанец 1969, 190].

Инфинитивные формы на [т'і] диалектологи и историки языка объясняют по-разному: влиянием соседних словацких говоров (И. Панкевич), влиянием белорусских и русских говоров (И. В. Бессараб), а также отражением старых и очень редко встречающихся в памятниках письменности форм инфинитива на *-тѣ* (Л. А. Булаховский). Однако общепринятое мнение относительно происхождения данных инфинитивных форм на [т'і] пока еще отсутствует (см. об этом подробнее в [Марчук 1970, 165-166]).

Формы инфинитива с суффиксом [т'і] на карте не показаны.

II. Инфинитивный суффикс /т'/.

Формы инфинитива с суффиксом /т'/ (например, *носúт'*, *купáт'*, *ходúт'*) представлены в современных украинских говорах в значительно меньшей степени, чем в русском и белорусском языках.

Как свидетельствуют материалы АУМ, данные формы занимают господствующее положение только в северном наречии (за исключением западнополесских говоров). Наиболее последовательно они выступают в говорах, расположенных в районе г. Сумы и г. Шостка (к северу от р. Сейм) и на Черниговщине, а на Правобережье распространение инфинитивов с /т'/ очерчивается следующей изоглоссой, идущей от р. Горынь на восток к городам Ровно – Новгород-Волынский – Житомир – Белая Церковь – Киев. Юго-западному наречию в целом и большинству юго-восточных говоров инфинитивные формы с суффиксом /т'/ несвойственны. Только на территории исторической Полтавщины выделяются отдельные говоры, в которых употребляются инфинитивы на /т'/ (это некоторые переяславские, пирятинские, прилук-

ские, лохвицкие, хоролские, кременчугские, миргородские говоры и говоры в районе городов Ромны и Лубны) (см. [Бузук 1929, 191-192]).

На карте юго-восточный массив условно показан как единый ареал с равноправно сосуществующими вариантными формами инфинитива с суффиксами /т'и/ и /т'/ (т. е. *нос'ú́т'и//нос'ú́т'*), например, в херсонских говорах: *танцюва́ти, гловá́ти/глита́ти/гловá́т'*; *гиржа́т'*, *ни$^{\epsilon}$су́т'*, *чита́т'*, *паласка́т'*, *б'іжа́т'*, *толо́ч'ат'*, *воло́ч'ат'*, *колиха́т'* [Нагін 1964, 31, 33, 34, 39, 40]. В действительности же в рамках этого юго-восточного ареала находятся отдельные говоры с различным распределением инфинитивов на /т'и/ и /т'/ (Н. Н. Дурново, например, отмечает преимущественное употребление инфинитивов на *-ти* при редко встречающихся инфинитивах на *-т'* в глаголах с основой на гласный в восточноукраинских говорах [Дурново 1969, 206]). Это могут быть говоры: а) только с инфинитивами на /т'и/, б) только с инфинитивами на /т'/, в) с сосуществующими формами на /т'и/ и /т'/, количественное соотношение которых в разных ЧДС может быть различным. Однако выделить все указанные типы употребления инфинитивных форм на карте не представляется возможным. Поэтому нами принято решение показать на карте данный большой ареал обобщенно, подчеркнув при этом тот факт, что в разных ЧДС рассматриваемой зоны возможно наличие инфинитивов как отдельно либо с /т'и/, либо с /т'/, так и с различным сосуществованием суффиксов /т'и/ и /т'/, которые, однако, употребляются в говорах данной территории рассеянно и не образуют сколько-нибудь компактных ареалов.

Инфинитивные формы с суффиксом /т'/ в украинском языке – это новообразование, но возникшее в достаточно отдаленные времена. Об этом можно судить, исследуя язык памятников староукраинской письменности. Так, в памятниках письменности XIV–XVII вв. находим преимущественно инфинитивные формы на *-ти* и лишь в очень редких случаях встречаются инфинитивы на *-ть*. Например, в украинских грамотах XIV–XV вв., изданных В. Розовым, отмечено 372 формы на *-ти* и только 19 – на *-ть*. Грамоты XV в., изданные В. М. Русановским, содержат 357 инфинитивов на *-ти* и лишь 3 инфинитива на *-ть* (см. таблицу на с. 47 в [Півторак 1974]). В украинских памятниках письменности XVI–XVII вв. инфинитивные формы на *-ть* также встречаются крайне редко, хотя в данном случае следует уже различать место происхождения того или иного памятника письменности. Так, в грамотах, написанных в Галиции и Молдавии, употребляются исключительно только инфинитивы на *-ти*, тогда как в памятниках, вышедших из восточных и северных областей (Киев, Чернигов), формы на *-ть* встречаются уже достаточно часто, например, *збить*, *водить*, *заховать* ("Актова книга Житомирського міського уряду кінця XVI ст.", "Пересопницьке євангеліє 1556 року", "Збірник слів і житій святих XVII–XVIII вв." и мн. др. – см. подробнее в [Півторак 1974, 23-24]).

Вполне вероятно, что в памятниках письменности, вышедших из восточных и северных земель, в инфинитивах на *-ть* отражались реальные диалектные формы; в тот период проникновению "разговорной стихии" в письменный язык уже не могли противостоять ослабевшие со временем традиционные правила древнерусского письма (см. подробнее в [Булаховський 1956, 35]).

В староукраинском письменном языке в целом параллелизм суффиксов *-ти* и *-ть* не был ярко выраженным, так как инфинитивы с суффиксом *-ть* не имели в то время достаточно сильной поддержки со стороны народно-разговорного языка (за исключением, может быть, северо-восточных говоров). Но в некоторых памятниках письменности XVI–XVII вв. при абсолютном господстве инфинитивов на *-ти*, все же встречаются примеры параллельного употребления форм на *-ти* и *-ть*: *збить и зранити... и при нем побрати* ("Актова книга Житомирського..."), *промолчивать албо таити правдꙋ* ("Острозький збірник 1588 р.") (цитируется по [Півторак 1974, 41]). И все же такое сосуществование редких форм на *-ть* и последовательно употребляющихся инфинитивов на *-ти* можно объяснить, скорее всего, случайным характером параллельного употребления двух суффиксов, а не отражением в письменном языке той вариативной системы, которая уже реально существовала в некоторых украинских диалектах.

Однако интересно отметить, что параллелизм (вариативность) в употреблении инфинитивных форм с суффиксами *-ти* и *-ть* достаточно ярко проявился в языке украинских писателей XIX – начала XX вв. (например, у Т. Шевченко, у П. Гулак-Артемовского и др.), которые, видимо, не были свободны от влияния на их язык юго-восточных говоров, а иногда употребляли либо одни, либо другие инфинитивные формы в стилистических целях.

III. Инфинитивный суффикс /т/.

По материалам АУМ, в некоторых украинских говорах формы инфинитива могут быть образованы с суффиксом /т/ (*писа́т, купа́т, ходи́т*). Это прежде всего среднеполесские говоры (см., например, [Мат-

віяс 1990, 45, 51]), которые группируются наиболее компактно в бассейне р. Ужу (приток р. Припять). Южная изоглосса ареала, образованного по данному признаку, идет на юг от г. Коростень и доходит до среднего течения р. Ирши (приток р. Тетерев). Кроме того, инфинитивы с суффиксом /т/ зафиксированы в некоторых полтавских говорах, расположенных, в основном, в бассейне нижнего течения рек Орель и Ворксла, а также в отдельных буковинских говорах, разбросанных в районе правобережья р. Южный Буг. Т. В. Назарова объясняет появление этих форм фонетическими причинами, а именно – отвердением согласных перед [и] и дальнейшей редукцией (утратой) конечного безударного [и] (см. [Назарова 1963, 3-16]).

Необходимо отметить, что инфинитивные формы с суффиксом /т/ (*-тъ*, *-т*) встречаются и в памятниках староукраинской письменности. Например: *писатъ* (Молдавские грамоты XIV–XV вв.), *ховатъ*, *губытъ*, *оучинит*, *проситъ* ("Жывоты святых отцевъ на шесть месяцев", XVII в.). Более 80 случаев с /т/ (*постановит*, *нагородит* и др.) на 164 случая с *-ти* зафиксировано в "Актовій книзі Стародубського міського уряду XVII ст.". Но более всего примеров с *-тъ* и *-т* находим в "Кролевецькій ратушній книзі XVII – першої половини XVIII ст.": в первом томе засвидетельствовано 327 форм с *-тъ* и 164 формы с *-ти*, во втором – 607 форм с *-тъ* и 589 форм с *-ти*. Важно при этом подчеркнуть, что "Кролевецкая ратушная книга" вообще не содержит инфинитивов с суффиксом *-ть*, хотя написана она в той местности, где в настоящее время в говорах употребляются исключительно только инфинитивные формы на [т'] типа *писáт'*. Поэтому можно допустить, что орфографические варианты инфинитивного суффикса *-тъ* и *-т*, употребляющиеся в данном памятнике письменности, на самом деле обозначают согласный [т'] (см. подробнее в [Півторак 1974, 44]). Это еще раз свидетельствует о том, что вряд ли целесообразно слепо доверять всем случаям употребления инфинитивов на *-тъ* и *-т* в памятниках староукраинской письменности, полагая, что в каждом написании отражен реальный диалектный факт. Видимо, причина появления рассматриваемых форм в памятниках староукраинской письменности – это результат окончательно еще неустоявшейся для того периода орфографической нормы. Данное обстоятельство свидетельствует также и о том, что воздействие древнерусской традиционной орфографической нормы на Украине с течением времени все более и более ослабевало.

Белорусский язык.

I. Инфинитивный суффикс /т'и/.

По данным ДАБМ, инфинитивные формы с архаическим суффиксом /т'и/ ([ц'и, ц'і, т'и, ты]) зафиксированы лишь в сравнительно небольшой группе юго-западных (брестских) говоров, которые вплотную примыкают к западно-полесским говорам северноукраинского наречия. Это говоры, расположенные в следующих районах Брестской области: Целяханском, Пружанском, Ленинском, Столінском, Брестском, Камянецком, Пинском, Лагойском. Здесь инфинитивные формы с суффиксом /т'и/ употребляются наиболее последовательно. Кроме того, эти формы встречаются в некоторых крайних западных говорах Гродненской области (Лидский, Гродненский, Свислоцкий, Вовковисский и другие районы) и в ряде южных и восточных говоров Гомельской области (Мозирский, Ельский, Брагинский, Добрусский и Гомельский районы). Например: *хадз'иц'и*, *ваз'úц'и*, *кас'úц'и*, *раб'úц'и*, *пайúц'и* (н. п. № 368, с. Сухая Долина Гродненской обл.); *ваз'úц'и*, *кас'úц'и*, *раб'úц'и*, *пайúц'и* (н. п. № 367, с. Мяшэтнікі Скідзельского района); *кос'úц'и*, *рубáц'и*; *носы́ты*, *возы́ты*; *рабúти* (брестские говоры). В тех говорах, в которых перед гласными переднего ряда употребляются только твердые согласные, инфинитивные формы образуются с суффиксом [ты], например: *брáты*, *жáты*, *ходы́ты*, *робы́ты*, *косы́ты* (Каменецкий, Высокаўски, Маларыцки, Кобрынски, Іванаўски, Пінски, Столински, Лагішынский, Бярозаўскі и др. районы Брестской области) [Нарысы 1964, 247].

В окраинных районах указанных ареалов с инфинитивным суффиксом /т'и/, а также, фактически, во всех говорах, расположенных на юго-востоке Гомельской области, отмечается сосуществование форм инфинитива в одной и той же ЧДС с суффиксами /т'и/ и /т'/, например: *хадз'úц'и/хадз'úц'*, *йéхац'и/йéхац'*, *жы́ц'и/ жы́ц'* [Нарысы 1964, 247]).

В некоторых говорах находим вариативные формы инфинитива и с тремя суффиксами: /т'и/, /т'/ и /т/, например, *хадз'úц'и*, *раб'úц'и*, *развадз'úц'и*, *малóц'и*, *кас'úц'и*, *капáц'и*; *хадз'úц'*, *раб'úц'*, *палóц'*; *хадз'úц*, *раб'úц*, при этом формы типа *раб'úц'и* наиболее распространены в речи старшего поколения (н. п. № 350, с. Поречье Гродненской области) (см. [Мацкевич 1959, 7-8; карта изоглосс № 7]; [Нарысы 1964, 253, карта изоглосс № 24]; [ДАБМ, каментарыі]).

Важно отметить, что ареал с архаическим инфинитивным суффиксом /т'и/, который охватывает современные белорусские и украинские говоры, нередко выделяется и по другим (и часто – также архаическим) признакам. Это обстоятельство может

свидетельствовать о том, что в более древние времена, возможно, еще в XIII в., говоры-предки современного белорусского языка находились в тесном контакте с говорами-предками современного украинского языка и образовывали вместе определенное единство. Отсюда напрашивается вывод, что юго-западные белорусские говоры и западнополесские говоры украинского языка вместе с некоторыми говорами украинского юго-западного наречия имеют общее происхождение (см. об этом: [Карский 1904, 120-121; Булаховский 1953, 102; Аванесаў 1964, 397, 401-402]).

В памятниках старобелорусской письменности XIII–XVIII вв. очень широко представлен суффикс *-ти*: *позвати*, *грабити*, *кликати*, *забити*, *думати* (см. примеры в [Півторак 1974, 20]).

Анализ употребления инфинитивных форм на *-ти* в памятниках старобелорусской письменности на протяжении нескольких веков позволяет высказать предположение, что в стародавние времена данные формы были распространены на значительно большей территории, чем это представлено сейчас (см. [Півторак 1974, 30]).

II. Инфинитивный суффикс /т'/.

В современном белорусском языке глаголы с основой на гласный почти повсеместно образуют формы инфинитива с суффиксом /т'/ ([ц', т']), которые являются новообразованиями, ср.: *хадз'ú ц'*, *жац'*, *кас'ú ц'* и др. Это является и нормой современного литературного белорусского языка. Лишь на юго-западе и в некоторых других отдельных говорах, как было показано выше, представлены инфинитивные формы с суффиксом /т'и/: *хадз'ú ц'и*.

В памятниках старобелорусской письменности примеров на употребление инфинитивов с суффиксом /т'/ (*-ть*) содержится в целом значительно больше, чем в русских и украинских памятниках письменности. Однако количество примеров на употребление форм инфинитива на *-ть* в памятниках старобелорусской письменности разных периодов далеко не одинаково. Так, например, памятникам XIII в. инфинитивные формы на *-ть* вообще неизвестны. В памятниках XIV в. встречаются лишь единичные случаи употребления этих форм. Из известных нам памятников XV в. только в "Повісті про волхвів" зафиксировано две формы инфинитивов с суффиксом *-ть*: *згодить* и *служить*. Но в сборнике № 367, составленном в конце XV в., обнаружено уже 12 таких форм: *слухать*, *поустать*, *пановать* и др. Очень мало еще форм на *-ть* и в памятниках первой половины XVI в. Правда, интересные факты содержат сборники с текстами Псалтыри, переписанными и переведенными с польского. Так, если в полных списках Псалтыри XVI в. 95,4 % всех случаев употребления инфинитивов приходится на формы с *-ти* и только 4,6 % – на формы с *-ть*, то в кратких переводах с польской Псалтыри Врубеля соотношение этих форм уже иное: 60,7 % – формы на *-ти* и 39,3 % – формы на *-ть*. Данное обстоятельство Е. Ф. Карский справедливо объясняет влиянием польского оригинала. В рукописном списке Троянской истории, собранном во второй половине XVI в., также в результате польского влияния, инфинитивных форм на *-ть* отмечено даже больше, чем соответствующих форм на *-ти* (см. [Півторак 1974, 25]).

И только в оригинальном памятнике письменности – в "Статуті 1988 року", где инфинитивные формы на *-ти* и *-ть* выступают, фактически, как равноправные варианты, можно говорить о том, что как формы на *-ти*, так и формы на *-ть* отражают уже в какой-то степени грамматическую норму того периода, хотя утверждать, что в конце XVI в. новые инфинитивные формы на *-ть* уже стали грамматической нормой для всего старобелорусского письменного языка, пока еще преждевременно. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в значительном количестве памятников письменности XVI–начала XVII вв. преобладают пока еще традиционные инфинитивы с суффиксом *-ти*. Однако важно подчеркнуть, что тенденция к постепенному становлению новой грамматической нормы в отношении форм инфинитива в письменном языке в конце XVI в. была уже ярко выражена.

В XVII в. в разных памятниках письменности – в зависимости от места их создания и индивидуальных особенностей переписчиков – отмечается и разное соотношение инфинитивных форм на *-ти* и *-ть*. Но для памятников XVIII в. формы инфинитива с суффиксом *-ть* – уже обычное явление. Особенно в этом отношении показательны Комедии XVIII в., отражающие живой народно-разговорный язык, где инфинитивы на *-ть* и *-ць* употребляются уже вполне последовательно (см. об этом подробнее в [Півторак 1974, 24-30]).

В период существования нового белорусского литературного языка (XIX– начало XX вв.) нормой допускалось параллельное употребление инфинитивных форм с двумя суффиксами – /т'и/ и /т'/, и эта черта отражала, без сомнения, живое произношение, характеризующее народно-разговорный язык.

В настоящее время формы инфинитива с суффиксом /т'/ ([ц']) являются нормой современного белорусского литературного языка. Они утвердились и

в большинстве современных белорусских говоров в качестве единственной или господствующей грамматической формы.

II. Инфинитивный суффикс /т/.

Инфинитивные формы с суффиксом /т/ ([т]) отмечены в некоторых южных говорах Гомельской области (например, в говоре с. Нижні Жари, Брагинского района, и в говоре с. Плушковичі, Мозирского района) (см. [Бірыла 1990, 96-97]).

Судя по [ДАБМ, каментарыі], говоров, в которых формы инфинитива от глаголов с основой на гласный образовывались бы исключительно только с суффиксом /т/, по-видимому, очень мало. Некоторые из таких говоров расположены в Полесье. Например: *ходз'ú̀ц, брáц, дáц, жáц, воз'ú̀ц, кос'ú̀ц, роб'ú̀ц, пойú̀ц, пáс'в'иць* (н. п. № 808, с. Запесочье, Туровского района, Полесской области); *ходз'ú̀ц, говорыць, кос'ú̀ц, роб'ú̀ц, жáц, молоць'ú̀ц* (н. п. № 850, с. Снядин, Петрыкавского района, Полесской области). Гораздо чаще встречаются говоры, в которых инфинитивные формы на /т/ сосуществуют с формами на /т'/ или /т'и/. Например: *ход'ú̀т, кос'ú̀т, брат, отк'идáт, запраýáт, споváт, ýукáт*; и значительно реже – *спóр'ит'*, *к'идáт'*, *в'úп'ит'* (н. п. № 1008, с. Михайловка, Наровлянского района, Полесской области); *ходú̀т, брат, жат, косú̀т, робú̀т, пойú̀т* – и *хадз'ú̀ц'*, *брáц'*, *дáц'* (н. п. 1013, с. Бук, Наровлянского района, Полесской области); *робы̀т, побáчыт, жат, шептáт, ч'есáт, побрáт, ждат, кос'ú̀т, зач'епú̀т, ход'ú̀т, брат, дат* – и *розв'идн'áт'*, *теýáт'*; *дáты* (н. п. № 1007, с. Свеча, Наровлянского района, Полесской области); *брат, дат, давáт, жат, вазы̀т, кас'ú̀т, раб'ú̀т, спрáшывать, паú̀т* – и *хад'úты, ум'ирáты, даж'ивáты* (н. п. № 1027, с. Нижние Жары, Камаринского района, Гомельской области); *вз'ат, нос'ú̀т, ýул'áт, пытáт, рвать, куры̀т, п'ер'емувáт* – и *пазы̀чыт'*, *сказáт'*, *получ'ú̀т'*, *д'úлат, побáч'ит'*, *роскáзват'*, *вр'úзат'*, *п'исáт'*; *з'б'ирáти*; *пор'úзаты* (н. п. № 978, с. Глушковичи, Лельчицкого района, Полесской области).

В памятниках старобелорусской письменности наряду с формами инфинитива на *-ти* и *-ть* попадаются и инфинитивы на *-тъ* и *-т*. Наибольшее количество таких форм встречается в памятниках конца XVI–XVII вв.: *позволитъ, заразитъ, дивоватъ, любитъ* и др. (примеры цитируются по [Півторак 1974, 42-43]). О происхождении данных инфинитивных форм трудно сказать что-либо определенное. Вряд ли в этом можно видеть отражение диалектного явления. Скорее всего причину появления инфинитивов на *-тъ* в памятниках старобелорусской письменности следует объяснять неустановленностью орфографических норм, в частности, смешением букв ъ и ь.

***

Материал, характеризующий диалектные способы образования форм инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус. лит. *ходить, брать*, показал, что данные формы могут быть образованы в современных восточнославянских диалектах с суффиксами /т'и/, /т'/ и /т/.

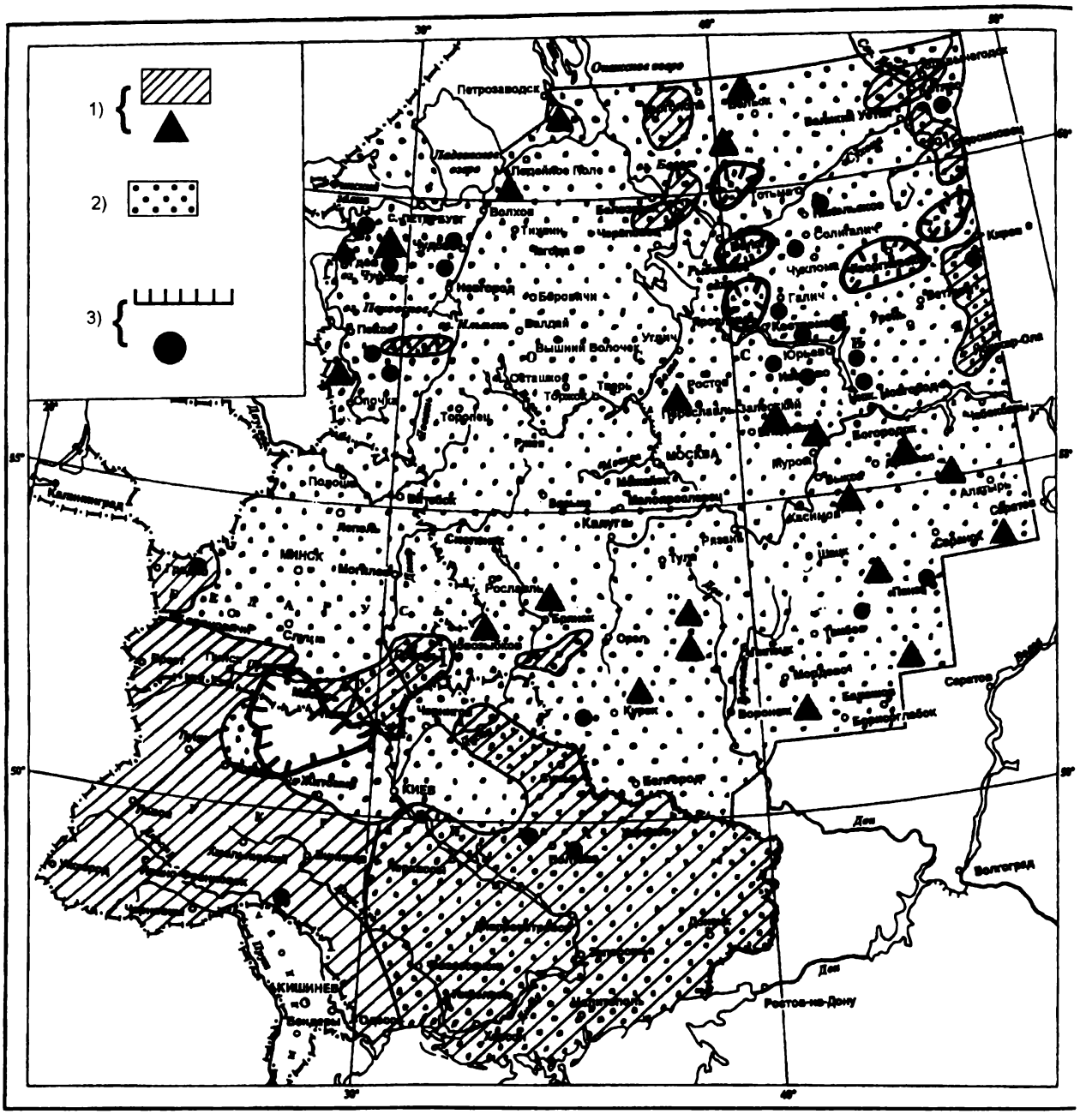
Наиболее распространенными в настоящее время оказываются инфинитивы с суффиксом /т'/ (*воз'úт', кос'úт', брат', давáт'*), являющиеся инновациями, которые демонстрируют продуктивный для современного периода способ образования форм инфинитива. Эти формы полностью отсутствуют лишь в юго-западных и западных украинских говорах, а также в юго-западных (полесских) белорусских говорах. Ясно прослеживается тенденция к укреплению и расширению сферы употребления инфинитивных форм с суффиксом /т'/, фактически, на всей территории распространения восточнославянских диалектов.

Инфинитивы с архаическим суффиксом /т'и/ (*брáт'и, воз'úт'и*) занимают значительно меньшую территорию: это юг (большинство украинских и небольшая часть белорусских говоров) и север и северо-восток (редкие островки, образованные русскими говорами).

Только на юго-западе восточнославянской территории (это полесские белорусские говоры и западнополесские, западные и юго-западные украинские говоры) инфинитивы типа *п'исáт'и, брáт'и* представляют собой устойчивую систему и не имеют сосуществующих (вариативных) форм с суффиксами /т'/ и /т/. Что касается юго-востока, где также отмечен большой массив украинских говоров с инфинитивами типа *брáт'и*, то следует подчеркнуть, что эти формы в данных говорах уже сосуществуют с инфинитивами с суффиксом /т'/ типа *брат'* и поэтому не образуют последовательной системы. Можно предположить, что формы на /т'и/ постепенно вытесняются в этих говорах формами на /т'/. В русских говорах (на севере и северо-востоке восточнославянской территории) формы инфинитива с суффиксом /т'и/ также сосуществуют с формами на /т'/, которые являются в данных говорах господствующими.

По поводу инфинитивных форм с суффиксом /т/ можно отметить, что этот способ образования данных форм является совершенно непродуктивным. Поэтому вряд ли можно ожидать расширения их сферы употребления.

Карта. Формы инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус. лит. *ходить*, *видеть*, *гнать*, *писать*

Условные обозначения:

1) /т'и/ – *п'иса́т'и*, *в'и́д'ет'и*, *гна́т'и*, *ход'и́т'и*;
2) /т'/ – *п'иса́т'*, *в'и́д'ет'*, *гнат'*, *ход'и́т'*;
3) /т/ – *п'иса́т*, *в'и́дет*, *гнат*, *ход'и́т*.

Т. В. Попова

ФОРМЫ ИНФИНИТИВА ОТ ГЛАГОЛОВ С ОСНОВОЙ НА СОГЛАСНЫЙ ТИПА РУС. ЛИТ. *ПЛЕСТИ, ВЕСТИ, ГРЕСТИ* И *КЛАСТЬ, ПРЯСТЬ, ГРЫЗТЬ*

Данная карта составлена на основе следующих материалов:

1. Карта № 100 "Форма инфинитива глаголов типа *плести, грести* (I), типа *класть* (II) и типа *ходить* (III)" [ДАРЯ II 1989].

2. Карта № 174 "Форма інфінітыва дзеясловаў з нерухомым націскам на аснове типу *сёсці*" [ДАБМ].

3. Карта № 175 "Форма інфінітыва дзеясловаў тыпу *несці* і месца націску ў ёй" [ДАБМ].

Кроме того, были использованы опубликованные работы по истории и диалектологии русского, украинского и белорусского языков, в которых содержатся данные об образовании форм инфинитива от глаголов I спряжения с основой в парадигме настоящего времени на зубные и губные согласные в русских, украинских и белорусских диалектах.

Русский язык.

Вводные замечания.

В ДАРЯ II на карте № 100 глаголы типа *плести, вести, грести*, с одной стороны, и *класть, прясть, грызть*, с другой, рассматриваются раздельно, что обосновывается в первую очередь различием в ударении этих двух подклассов одного класса глаголов: в формах прош. вр. глаголы первого подкласса имеют, как правило, неподвижное ударение на окончании (ср. *плела́, плели́*; *гребла́, гребли́*), глаголы же второго подкласса характеризуются ударением на основе (ср. *кла́ла, кла́ли*; *гры́зла, гры́зли*) [Бромлей 1989а, 128]

В морфологическом и морфонологическом аспектах эти глаголы имеют следующие признаки. В формах настоящего времени их основы представлены в двух вариантах, которые оканчиваются на твердые и мягкие зубные (первый и второй подклассы) и губные (первый подкласс) согласные: [д/д'] (например, *бре*[*д*]*у́*, *бре*[*д'о́*]*шь*..., *кла*[*д*]*у́*, *кла*[*д'о́*]*шь*...), [т/т'] (например, *ме*[*т*]*у́*, *ме*[*т'о́*]*шь*..., *проч*[*т*]*у́*, *проч*[*т'о́*]*шь*...), [з/з'] (например, *ве*[*з*]*у́*, *ве*[*з'о́*]*шь*..., *гры*[*з*]*у́*, *гры*[*з'о*]*шь*...), [с/с'] (например, *не*[*с*]*у́*, *не*[*с'о́*]*шь*...), [б/б'] (например, *гре*[*б*]*у́*, *гре*[*б'о́*]*шь*...). В формах инфинитива основа выступает в усеченном варианте, без конечных согласных, отмеченных в основах настоящего времени (например, *кла-ø-*, *пря-ø-*, *ме-ø-*, *проче-ø-*, *ве-ø-*, *гры-ø-*, *не-ø-*, *гре-ø-*). К этим усеченным основам в русском литературном языке присоединяется либо инфинитивный суффикс *-сти* /*ст'и*/ (если ударение падает на конечный суффиксальный [и]), либо инфинитивный суффикс *-сть* /ст'/ (если ударение падает на основу), например, *нести́*, *грести́*; *кла́сть*, *прочесть*[1].

Таким образом, в русском литературном языке в данных двух подклассах глаголов выбор инфинитивного суффикса определяется ударением: при наосновном ударении – это суффикс *-сть* (/ст'/), при наконечном – *-сти́* (/ст'и́/). Однако в значительной части говоров русского языка картина в целом иная: оба подкласса глаголов ведут себя в отношении выбора инфинитивного суффикса одинаково, вне зависимости от ударения. Во всяком случае, карта № 100, на которой из второго подкласса нанесены только формы с инфинитивным суффиксом /ст'и/ (т. е. *кла́ст'и, сёст'и*), показывает, что ареалы, образованные данными формами, располагаются, фактически, исключительно только в пределах тех ареалов, в говорах которых отмечен инфинитивный суффикс /ст'и/ и в глаголах первого подкласса (т. е. *плест'и́*, *плёст'и*, *гребсти́*, *скребсти́*). В результате разграничить по типу образования форм инфинитива глаголы данных двух подклассов во многих говорах русского языка (а также в украинских и белорусских говорах, как будет доказано ниже) было бы затруднительно. Поэтому полагаем, что в диалектном плане глаголы двух указанных подклассов целесообразно рассматривать вместе, нерасчлененно.

И все же в русских говорах для глаголов второго подкласса основным следует считать суффикс /ст'/ (*класт'*). По данным С. В. Бромлей, в 62 % говоров, где зафиксированы инфинитивные формы этих глаголов с суффиксом /ст'и/ (*кла́ст'и*), они выступают в качестве сосуществующих с инфинитивами с суффиксом /ст'/ (*класт'*). И только, следовательно, в 38 % говоров (которые расположены прежде всего на севере и северо-востоке картографируе-

[1] Известно, что сочетание [ст'] в инфинитивных формах типа *мести, класть* возникло в результате диссимилятивной замены конечных согласных основы [д, т] согласным [с] при сочетании их с инфинитивным суффиксом /т'и/ и действия открытых слогов (**tʲi* → *sti*) [Мейе 1951, 108]: *мет/ти́* → *ме/сти́*, *клад/ти́* → *кла́/сти́*.

мой территории) инфинитивные формы с суффиксом /ст'и/ от глаголов второго подкласса (*кла́с'т'и*) представлены в качестве единственных (см. подробнее в [Бромлей 1989а, 129]). На нашей карте (так же, как и на карте № 100 в ДАРЯ) отмечены лишь те ареалы, в говорах которых в глаголах второго подкласса употребляются инфинитивные формы с суффиксом /ст'и/ (*кла́с'т'и*). На всей остальной территории распространены формы с инфинитивным суффиксом /ст'/ (*клас'т'*).

По данным С. В. Бромлей, на русской территории зафиксированы следующие глаголы: первого подкласса – *бости́, блюсти́, брести́, везти́, вести́, вязти́* ('вязать'), *гнести́, грести́, мести́, нести́, плести́, ползти́, расти́, скрести́, скусти́* ('щипать'), *трясти́, цвести́*; и второго подкласса – *грызть, есть, класть, красть, лезть, -пасть* (*паду́т*), *прясть, сесть, -честь*. Наиболее часто в ответах встречаются инфинитивы глаголов *нести́, вести́* (*веду́т* и *везу́т*), *грести́, расти́, плести́, трясти́, мести́*; *есть, класть* и *сесть* [Бромлей 1989а, 128, 129].

Выделение (вслед за устоявшейся в русской грамматике традицией) именно инфинитивных суффиксов /ст'и/ и /ст'/ (*-сти* и *-сть*), а не /т'и/ и /т'/ в данном классе глаголов, видимо, совершенно справедливо и полностью оправданно, так как в языковом сознании диалектоносителей звуковые последовательности [с'т'и] и [с'т'] в данных инфинитивных формах воспринимаются как самостоятельные морфологические элементы – показатели форм инфинитива (см., например, [Бромлей, Булатова 1972, 178; Мацкевич 1959, 12]). Только этим обстоятельством можно объяснить наличие инфинитивных форм с суффиксами /ст'/, /ст'и/ и от глаголов других классов (в частности, с основой на гласный) во многих восточнославянских диалектах. Из русских говоров С. В. Бромлей (см. [Бромлей 1989а, 130]) приводит следующие формы: С.-Зап. 1,4,7 – *взясть*, 19 – *взясть, продасть*; 22, 79, 80, 85, 88 – *взясть*; 217 – *продасти*; С. 232, 266, 1337 – *плысть*; Зап. 591 – *дасть*; Ю. 10, 13, 14 – *плысть, гнисть*; 144 – *плысть, гнисть, дусть*; 147 – *рюсть* ('реветь'); 172 – *плысть*, 356 – *гнисти*, 360 – *продасть*, 439, 440, 489, 577 – *отдасть*, 643 – *плысть*, 727 – *ткасть*, 748 – *плысть*, 809 – *раздасть*; Ю. 287 – *зажесть*.

С. П. Обнорский указывает на наличие аналогичных форм в русских сибирских говорах: *брасти, взясть, взясти, встасти, гнасть, дасти, достасть, достасти, добусти, остасти, побысти, поднясти, продасти* (см. [Обнорский 1953, 192].

Всем современным восточнославянским языкам известны инфинитивные формы с /ст'и/ и /ст'/ в древнерусском глаголе *клѧти*: рус. *клясть*, укр. *клясти*, бел. *клясці́*. Ср. также встречающиеся в белорусских и украинских говорах инфинитивные формы *плисти́, гни́сти, пливсти́, ревсти́* (укр.) и *плысці́, гні́сці* (бел.), являющиеся достаточно поздними новообразованиями (см. [Булаховський 1951, 69], а также [Півторак 1974, 61-62]). Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что в приведенных выше формах элементы [ст'] и [ст'и] совершенно четко выделяются в структуре инфинитивов, выполняя функцию инфинитивных суффиксов.

В русских говорах в настоящее время два подкласса глаголов (*нести* и *класть*) образуют формы инфинитива с суффиксами /ст'и/, /ст'/, /ст'ит'/, /с'/.

I. Инфинитивный суффикс /ст'и/ ([с'т'и]).

Формы инфинитива с архаическим суффиксом /ст'и/ (*н'ест'и́, кла́с'т'и*) мы находим в большом диалектном массиве, который образован севернорусскими окающими говорами, центральными и восточными среднерусскими говорами и крайними восточными южнорусскими говорами. Сравнительно небольшие ареалы, в которых употребляются инфинитивы с суффиксом /ст'и/, зафиксированы и на северо-западе русской территории.

Интересно отметить, что в некоторых единичных говорах (новгородских, среднерусских восточных акающих говорах и в говорах верхне-днепровской группы), расположенных в пограничной полосе между ареалами, образованными инфинитивами с суффиксом /ст'и/ (*н'ес'т'и́*) и /ст'/ (*н'ес'т'*), находим глаголы первого подкласса с переносом ударения на основу (*н'е́с'т'и, в'е́с'т'и, м'е́с'т'и*) [Образование 1970, 97].

Рассматривая в лингвогеографическом аспекте инфинитивные суффиксы глаголов в формах типа рус. лит. *нести* и *класть*, необходимо еще раз специально подчеркнуть, что в целом ряде русских говоров (хотя и не во всех), составляющих ареалы с наличием инфинитивов с суффиксом /ст'и/, два подкласса данных глаголов (т. е. *нести* и *класть*) ведут себя все же по-разному, а именно: глаголы первого подкласса (*нести*) образуют инфинитив преимущественно с суффиксом /ст'и/, тогда как в глаголах второго подкласса (*класть*) в формах инфинитива находим суффикс /ст'/. Такое распределение двух инфинитивных суффиксов свойственно и литературной норме русского языка. Однако в значительной части русских говоров данная зако-

номерность в образовании инфинитивных форм в двух подклассах глаголов не соблюдается, и соотношение инфинитивных форм с суффиксами /ст'и/ и /ст'/ может быть самым разнообразным.

Считаем необходимым привести наблюдения А. И. Сологуб и К. Ф. Захаровой, сделанные ими об употреблении глаголов типа рус. лит. *нести*, *класть* в некоторых говорах ладого-тихвинской, вологодской и костромской диалектных групп. В этих говорах авторами отмечены разные типы сосуществования инфинитивных форм с суффиксами /ст'и/ и /ст'/. Так, для говоров ладого-тихвинской группы А. И. Сологуб считает характерным: "Сосуществование форм инфинитива типа *нести* (архаических) и типа *несть* (новообразований). Последние в исключительном употреблении характерны для говоров южного наречия русского языка (кроме Тульской группы говоров) и для части говоров Ладого-Тихвинской группы". [Образование 1970, 253]. Говоры вологодской группы, по мнению А. И. Сологуб, характеризует: "Последовательное распространение архаических по своему характеру форм инфинитива с суффиксом *-ти* глаголов типа *нести́*, *везти́* и глагола *идти́*, а также рассеянное распространение инфинитивов с безударным *-ти* типа *кла́сти*, *ходи́ти*. Аналогичное распространение обоих указанных типов образования инфинитивов характерно для говоров северо-восточной диалектной зоны в целом" [Образование 1970, 278]. В костромской группе говоров К. Ф. Захаровой отмечается: "Распространение инфинитивов типа *нести́*, *грести́*, *итти́* (с ударением на конечном гласном инфинитива) при отсутствии *-и* в формах инфинитива у глаголов типа *ходи́/т'/*, *спа/т'/*, *ес/т'/*; ср. лишь изредка встречающиеся преимущественно по течению р. Унжи формы типа *кла́сти*, *се́сти*, *е́сти*, всегда употребляемые наряду с *класть*, *сесть*, *есть*. В говорах между Ярославлем и Угличем глаголы типа *грести́* имеют форму *гребсти́*" [Образование 1970, 309].

На карте говоры, в которых употребляется инфинитивный суффикс /ст'и/ как в глаголах первого, так и второго подклассов (т. е. *нести́*, *кла́сти*), обозначены двумя знаками: косой штриховкой и изоглоссой. Говоры, в которых глаголы первого подкласса образуют формы инфинитива с суффиксом /ст'и/, а глаголы второго подкласса – с суффиксом /ст'/ (*нести́*, *класть*), обозначены на карте только одним знаком: косой штриховкой. В границах этих же ареалов встречаются единичные говоры, в которых зафиксированы особые образования инфинитивных форм от глаголов на губные (рус. лит. *грести*, *скрести*), а именно: инфинитивные суффиксы – либо /ст'и/, /ст'/, либо /т'и/, /т'/ – присоединяются не к усеченной основе, а к основе, оканчивающейся на губной: *грепст'и́*, *скрепст'и́*; *грепст'*, *скрепст'*; *грепт'и́*, *скрепт'и́*; *грепт'*, *скрепт'*. Эти говоры обозначены на карте знаками.

Также в пределах данных ареалов (а именно – в некоторых архангельских, вологодских, костромских, московских и ленинградских говорах) отмечены и инфинитивные формы сложного образования: это контаминированные формы, в которых к усеченной основе присоединяются последовательно, агглютинативным способом, два суффикса – /ст'и/ + /т'/, например: *вести́т'*, *нес'т'и́т'*, *паст'и́т'*, *плест'и́т'* (см. [Обнорский 1953, 191-192; Образование 1970, 97]). Следует при этом отметить, что данные формы в качестве вариативных свойственны и ряду говоров (например, смоленских, калужских и орловских), основными инфинитивными формами в которых являются формы с суффиксом /ст'/ (т. е. *нест'*, *вест'*). Образование подобных форм свидетельствует о том, что в данном случае имеет место перераспределение морфологических границ и, следовательно, наличие иного морфологического членения: инфинитивы типа *вести́*, *нести́* стали восприниматься в этих говорах целиком в качестве неделимой глагольной основы на гласный, к которой совершенно закономерно присоединяется инфинитивный суффикс /т'/ (так же, как, например, в *писа́т'*), т. е. {основа /н'ест'и/ + инфинитивный суффикс /т'/} → *н'ес'т'и́т'*. Можно высказать предположение, что указанные формы – это довольно поздние новообразования, возникшие под влиянием русского литературного языка, в котором инфинитивы с глагольной основой на гласный могут быть образованы только с суффиксом /т'/ (диалектное явление гиперизма, или сверхстарательности). Данное предположение подтверждается наличием форм типа *нести́т'* даже в тех севернорусских окающих говорах, которым инфинитивные формы с суффиксом /т'/ абсолютно чужды (см., например, говор деревни Боярское Харовского района Вологодской области – БСТ № 915). В этом говоре при наличии инфинитивов *ходи́т'*, *отколупа́т'*, *спат'*, *тит'*, *брат'*, *пл'аса́т'*, *пла́кат'*, *соли́т'* отмечены формы *пасти́ть* и *ити́ть* (т. е. *пасти́т'*, *ити́т'*), не являющиеся органическими образованиями для глагольной системы данной ЧДС.

II. Инфинитивный суффикс /ст'/ /[с 'т ']/.

Формы инфинитива с суффиксом /ст'/ как в глаголах второго подкласса (типа *клас'т'*), так и в глаголах первого подкласса (типа *н'ес'т'*) с пере-

носом ударения на основу – находим на остальной русской территории (см. карту). Например: *клас'т'*, *пр'ас'т'*, *укра́с'т'*, *пайе́с'т'*, *л'ес'т'*, *прач'е́с'т'*, *с'ес'т'*, а также – *пл'ес'т'*, *цв'ес'т'*, *с'н'ес'т'*, *рос'т'*, *пр'ив'е́с'т'*, *пало́с'т'*, *тр'ес'т'*, *с'в'ес'т'*, *н'ес'т'*, *сабл'у́с'т'* (говор деревни Огорь Жиздринского района Калужской области [Бромлей, Булатова 1972, 386]).

Необходимо отметить, что отдельные вкрапления инфинитивных форм типа *нест'* в глаголах первого подкласса отмечены и в северо-восточном и северном ареалах, образованных по признаку наличия в говорах инфинитивных форм с суффиксом /ст'и/. Можно высказать предположение, что формы на /ст'/, которые в этих говорах, как правило, сосуществуют с господствующими формами на /ст'и/, возникли сравнительно недавно под влиянием либо инфинитивных форм глаголов второго подкласса, либо литературного языка. Приведем следующие примеры сосуществования данных инфинитивных форм: /ст'и/ – *гр'ес'т'и́*, *в'ес'т'и́*, *н'ес'т'и́*, *рос'т'и́* и очень редко /ст'/ – *зав'е́с'т'*, *в'ес'т'*, *скр'ес'т'* при наличии таких форм, как *попа́с'т'*, *пр'ас'т'*, *клас'т'*, *укра́с'т'* (говор деревни Ладва Прионежского района, Карелия [Бромлей, Булатова 1972, 308]); /ст'и/ – *м'ес'т'и́*, *н'ес'т'и́*, *рос'т'и́*, *в'ес'т'и́*, *пас'т'и́*, *спл'ес'т'и́*, *полс'т'и́*, *цв'ес'т'и́*, *бос'т'ис'а*; *пр'ас'т'и*, *пр'е́с'т'и*, *гры́с'т'и*, *сл'е́с'т'и*, *с'е́с'т'и*, *кла́с'т'и*, *упа́с'т'и* и единично /с'т'/ в *зал'е́с'т'*, *напр'е́с'т'*, *попа́с'т'* (говор деревень Окатово и Вороны Шабалинского района Вятской области [Бромлей, Булатова 1972, 346]).

III. Инфинитивный суффикс /с'/ ([с']).

Формы с усеченным суффиксом инфинитива /с'/, присоединяемым к усеченной основе (например, *весь*, *гресь*, *месь*, *несь*, *рось*, *расцве́сь*, *тресь*) находим, по данным С. П. Обнорского, в некоторых ярославских, вятских, пермских, калининских и смоленских говорах ([Обнорский 1953, 176, 177]). Эти формы встречаются спорадично, не образуя компактных и четких ареалов, и, как правило, сосуществуют с теми формами, которые на данной территории являются господствующими. Например, в калининских говорах они могут быть вариантами инфинитивных форм на /ст'/ и /ст'и/, в смоленских – сосуществовать с инфинитивными формами на /ст'/. Можно предположить, что в говорах, в которых находим инфинитивные формы типа *н'ес'*, *рос'*, они появились в результате действия фонетической тенденции к упрощению конечных групп согласных [2]. Редкие формы с инфинитивным суффиксом /с'/ отмечены, например, в говорах деревень Деулино и Ладва: *л'ес'/л'ес'т'*, *укра́с'*, *ур'ес'*, *пр'ес'/пр'ас'т'* при закономерном употреблении форм типа *клас'т'*, *с'ес'т'* и *в'ес'т'*, *н'ес'т'*, *зур'ес'т'*, *саскр'е́с'т'* (говор деревни Деулино Рязанского района Рязанской области [Бромлей, Булатова 1972, 431]); *попа́с'*, *пр'ас'*, *вы́пр'ас'*, *клас'* при наличии обычных для говора форм на /ст'и/ и форм на /ст'/ – типа *в'ес'т'и́*, *н'ес'т'и́* и *попа́с'т'*, *клас'т'* наряду с редко употребляющимися формами на /ст'/ типа *в'ес'т'*, *скр'ес'т'* (говор деревни Ладва Прионежского района, Карелия [Бромлей, Булатова 1972, 308]).

IV. Инфинитивный суффикс /ст'и/ + /т'/ ([с 'т 'ит']).

Спорадично, но, фактически, по всей территории распространения русских говоров (а именно – в некоторых архангельских, вологодских, новгородских, костромских, калининских, ленинградских, смоленских, московских, калужских и орловских говорах) отмечены в качестве сосуществующих контаминированные, сложные формы типа *вести́ть*, *нести́ть*, *па́стить*, *плести́ть*, *спасти́ть* [Обнорский 1953, 191-192; Образование 1970, 97]), в которых два инфинитивных суффикса присоединены последовательно к усеченной глагольной основе. Наличие подобных форм свидетельствует о том, что в данном случае имеет место перераспределение морфемных границ и новое морфологическое членение рассматриваемых глагольных форм (см. об этом выше): {основа /н'ест'и́/} + {инфинитивный суффикс /т'/} [3].

В исходной морфологической системе др.-рус. языка X/XI вв. данные глаголы образовывали формы инфинитива с суффиксом /ст'и/: *vesti*, *vezti*, *nesti*, *mesti*, *plesti*, *bosti*, *gryzti i prästi*, *pasti* [Историческая грамматика 1982, 24]. В более позднее время наряду с инфинитивами на /ст'и/ (*-сти*) в памятники письменности стали проникать и инфинитивные формы на /ст'/ (*-сть*). Нормой русского литературного (письменного) языка XVI–XVII вв. были, видимо, уже как формы на *-сти*, так и формы на *-сть*. Об этом свидетельствует язык таких памятников письменности, как "Уложение 1649 г.", "Подлинник о книжном переплете XVI–XVII вв.", "Послание царя Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь

[2] Известно, что формы существительных типа *гос'*, *кос'* (вместо *гос'т'*, *кос'т'*) распространены в говорах северного наречия русского языка, а также в говорах, расположенных к западу и северо-западу от Москвы [Образование 1970, 214].

[3] Аналогичным образом возникли и отмеченные С. П. Обнорским возвратные формы типа *умыва́тцать*, *любова́тцать* [Обнорский 1953, 192], в которых возвратная инфинитивная форма с суффиксом *-ть* и возвратной частицей *-ся* (→ [тца]) вся целиком воспринималась как единая глагольная основа на гласный, к которой присоединялся инфинитивный суффикс /т'/.

1573 г.", где мы находим инфинитивы *поѣсти*, *привести* ("Послание 1573 г."), *розвести* ("Подлинник"), *красти*, *класти*, *упасти* ("Уложение") наряду с инфинитивными формами *красть*, *отнесть*, *привесть*, *свесть* ("Уложение"), *скласть* ("Подлинник") (цитируется по [Півторак 1974, 53]). Как следует из приведенных примеров, различия между формами инфинитива от глаголов первого и второго подклассов в тот период скорее всего, не существовало.

Интересно отметить, что суффикс /ст'/ (*-сть*) в глаголах первого подкласса довольно широко употреблялся и не носил характера просторечия и в художественных произведениях конца XVIII – начала XIX вв., например: *сплесть* (А. Кантемир), *перевесть*, *снесть*, *несть* (А. С. Пушкин), *месть* (И. А. Крылов), *потрясть* (А. Майков), *принесть* (Н. В. Гоголь), *цвесть* (А. П. Чехов) и мн. др. (Цитируется по [Півторак 1974, 54]).

Обращаясь к истории форм инфинитива с суффиксами /ст'/ и /ст'и/ в русском литературном языке, нельзя не упомянуть и М. В. Ломоносова, который в своей грамматике допускал вариативное произношение инфинитивных форм в глаголах данных двух подклассов (т. е. с наконечным и с наосновным ударениями) как с суффиксом *-сть*, так и с суффиксом *-сти*, например, *скрести* и *скресть*, *вести* и *весть*, *плести* и *плесть*; но только *грысть*, *честь*, *клясть*; *нести*, *пасти*, *трясти* (см. [Ломоносов 1952, 495]). Возможно, в данном случае целесообразно предполагать наличие влияния на развитие русской литературной нормы в инфинитивных формах на /ст'/ (тип *класть*) южнорусских говоров, а в инфинитивных формах на /ст'и/ (тип *нести*) – севернорусских говоров (см. подробнее [Обнорский 1953, 175–182]).

Интересными являются и формы инфинитивов *гребстн*, *погребстн*, *скребстн*, которые изредка появляются в памятниках письменности XVII в. (например, *погребстн* ("Послание 1573 г."), *выскребстн* ("Подлинник XVI-XVII вв.") – цитируется по [Півторак 1974, 69]), а в настоящее время встречаются в некоторых современных псковских говорах [Образование 1970, 97]. Возможно, в диалектах они возникли под влиянием инфинитивных форм типа *нести*, *вести*. Но нельзя полностью исключать и влияние церковно-славянского языка [Півторак 1974, 69].

Важно также указать на нестандартные формы, зафиксированные в XVII в. в древнерусских памятниках письменности, – *запрястить* и *зрести* (= *запретить*, *зреть*) [Обнорский 1953, 192].

В современном русском литературном языке инфинитивный суффикс *-сть* (/ст'/) имеют, как известно, глаголы с исконным наосновным ударением, т. е. глаголы второго подкласса. Все остальные глаголы на *-сть* типа *несть*, *месть* с изначально наконечным ударением все же не стали литературной нормой, и их употребление носит просторечный или стилизованный характер (см. [Обнорский 1959, 175-182]).

Украинский язык.

Нормой современного украинского литературного языка являются инфинитивные формы с суффиксом /сти/ как в глаголах первого, так и в глаголах второго подклассов: *їсти*, *кла́сти*, *пря́сти*, *упа́сти*; *везти́*, *нести́*, *брести́*, *плести́*, *цвісти́*, *трясти́*.

В истории украинского языка этот глагольный класс оказался наиболее устойчивым и однородным: во всех современных украинских говорах мы находим только инфинитивный суффикс /сти/ ([сти, ст'і, зт'і, сте, стэ, зтэ]), например, *ме́сти́*, *пле́сти́*, *ве́сти́*, *кла́сти*, *па́сти* – в большинстве говоров [Марчук 1970, 163]; *цвист'і́*, *одвезт'і́* в северноукраинских говорах [Лизанець 1969, 190]; *па́стэ*, *ўпа́стэ*, *бра́стэ*, *гре́зтэ*, *мэсте́*, *грэбсте́*, *скубсте́* – в юго-западном говоре с. Саджава [Попова 1970, 343]; *висте́*, *нисте́* – в волынских говорах [Залеський 1973, 29].

Свидетельством того, что в украинском языке сочетание /сти/ в данных инфинитивных формах воспринимается как самостоятельный морфологический элемент – инфинитивный суффикс, могут служить такие диалектные новообразования аналогического происхождения, как, например: *гни́сти́*, *плúсти́*, а также *ве́рсти*, 'кинуть', *бости́*, *бісти́*, *л'а́сти*, известные в закарпатских (мараморошских и боржавских) и лемковских говорах (см. [Лавер 1967, 143-145]); ср. также формы *плиўсти́* (поднестровские говоры), *ре́ўсти́* (закарпатские, восточно-подольские, волынские, полтавские говоры), *гре́псти* (закарпатские говоры), приведенные Н. И. Марчук (см. [Марчук 1970, 163, 164]).

В памятниках украинской письменности, начиная с XV в., мы также находим инфинитивные формы от глаголов рассматриваемого класса только с суффиксами *-сти* и *-зти*, например: *спасти*, *повести*, *принести* ("Українські грамоти XV ст."), *звезти*, *красти*, *спасти* ("Актова книга Житомирського міського уряду кінця XVI ст."), *привести*, *изпрѧсти* ("Урбар" XVIII ст.). Существуют, правда, отдельные случаи написания *-сть*, в формах инфинитива в некоторых памятниках староукраинской письменности (например, *оупасть* "Острозький збірник XVI ст.", *погресть*), но это, скорее всего, – полонизмы, а не собственно украинское диалектное явление, проникшее в письменный язык (см. подробнее [Півторак 1974, 51]).

Белорусский язык.

I. Инфинитивный суффикс /ст'и/ ([сц'і, с'ц'и, ст'и]).

Данный суффикс в формах инфинитива глаголов первого и второго подклассов встречается в подавляющем большинстве белорусских говоров (за исключением говоров, расположенных в восточной части Витебской, Могилевской и Гомельской областей) (см. [Мацкевич 1959, 8-9, карта № 1]).

Говоры, в которых отмечен суффикс /ст'и/, могут различаться между собой местом ударения в инфинитивных формах. Так, на севере и юго-западе Белоруссии (это говоры, расположенные севернее города Молодечно, в районе г. Гродно, в Брестской, на юге Минской и на западе Гомельской областей) употребляются архаические формы с исходным ударением на суффиксальном /и/ (т. е. с наконечным ударением): *в'ас'ц'и́, м'ас'ц'и́, н'ас'ц'и́, трас'ц'и́, пл'ас'ц'и́, гус'ц'и́* (ср. также реализацию глагола *грести* с восстановленным губным в основе: *грабц'и́, грапц'и́*); в говорах Драгиченского района Брестской области отмечены следующие формы: *местú, вестú, нестú,ростú* [Мацкевич 1959, 9].

В центральных говорах (это говоры, расположенные в Минской области, в западной части Могилевской области и на юге Гомельской области) находим инфинитивные формы с наосновным ударением: *м'éс'ц'и, трéс'ц'и*... [Мацкевич 1959, 10] [4]. Можно допустить, что данные формы возникли в результате аналогического выравнивания по инфинитивным формам тех глаголов, которые имели изначально наосновное ударение: *сéсці, лéзці, крáсці, прáсці, пáсці, упáсці, папáсці, клáсці* [Мацкевич 1959, 10; Нарысы 1964, 249].

Но ударение в глаголах первого подкласса (*нести*) во многих белорусских говорах не является стабильным, т. е. либо наконечным, либо наосновным. В тех же самых районах акцентные варианты чаще всего распределяются в разных ЧДС, но могут сосуществовать и в одной диалектной системе. Особенно характерно вариативное (с точки зрения ударения) употребление инфинитивных форм в юго-западных говорах Минской области и в восточных говорах Гомельской области: *н'éс'ц'и/н'ас'ц'и́, в'éс'ц'и/в'ас'ц'и́*.

Важно напомнить, что глаголы первого подкласса (тип *нести*) исконно имели ударение на флексии во всех восточнославянских языках [Обнорский 1953, 182], в том числе и в белорусском языке. Перенос ударения на основу (т. е. *нестú → нéсти*), возможно, был спровоцирован глаголами второго подкласса (тип *класть*). Данный процесс аналогической унификации по ударению привел к тому, что во многих говорах появились инфинитивные формы типа *брéсть* (см., например, [Обнорский 1953, 182; Мацкевич 1959, 10, 27]). Предполагается, что этот процесс наиболее интенсивно проходил в говорах с диссимилятивным аканьем, где он поддерживался свойственным этим говорам явлением редукции безударных гласных [Нарысы 1964, 249; Півторак 1974, 57]. Кстати, в белорусском языке ареал с инфинитивным суффиксом /т'/ ([ц']) полностью совпадает с ареалом диссимилятивного аканья (см. [ДАБМ, карты №№ 1 и 175]).

Инфинитивы с унифицированным ударением на основе и с сохранением суффикса /ст'и/ ([с'ц'і]) (например, *в'éс'ц'і*) характерны для большинства белорусских говоров. Эти формы являются и нормой белорусского литературного языка: *клáсці, трэ́сці, сéсці, вéсці, плéсці, лéзці* и т. д. [5] Наконечное ударение свойственно в литературном языке только инфинитивным формам в глаголах с основой на губные: *дзяўцí, храпцí, раўцí*, наконечное ударение находим и в некоторых других глаголах: *брысцí, ісцí, гусцí, гнясцí, запасцí, плясцí, паўзцí, расцí, цвісцí* (см. [Мацкевич 1959, 11]).

В этих глаголах, кстати, также выделяется в качестве самостоятельного морфологического элемента – инфинитивного суффикса – сочетание [сці].

В большинстве белорусских памятников письменности XIV–XVIII вв. господствующими являются формы инфинитива на *-сти*, например: *блюсти, привести, класти, расти, разъсѣсти, счести, чести, перевести* (см. "Договір Полоцька з Ригою 1407"; "Страсті Христові XV в."; "Збірник різних рукописів кінця XVII в." и др.) (цитируется по [Півторак 1974, 57-58]). Суффикс *-сть* в старобелорусских памятниках письменности встречается редко и засвидетельствован он только с середины XVI в., например: *класть, рость, прывесть, запасть, довесть* (см. "Псалтырь XVI в.", "Пролог XVII в.", "Хронограф XVIII в." и др.) – цитируется по [Півторак 1974, 58-59].

Не так просто объяснить причину появления инфинитивных форм с суффиксом *-сть*. Возможно, уже в те времена данные формы представляли собой диалектное явление и проникали в памятники письмен-

[4] Напомним, что, как указывалось выше, русскому языку также известны формы инфинитивов от глаголов первого подкласса с наосновным ударением. Но такие инфинитивы встречаются лишь в единичных русских говсрах, расположенных в пограничной полосе между ареалами, образованными инфинитивными формами с суффиксом /ст'и/, с одной стороны, и с суффиксом /ст'/, с другой.

[5] Известно, что литературные акцентологические нормы белорусского языка опираются на диалектную базу восточной подгруппы юго-западных говоров и на среднебелорусские говоры.

ности. В ряде случаев нельзя отрицать и влияния польского языка [Півторак 1974, 59].

Важно обратить внимание на то, что в одном и том же памятнике старобелорусской письменности могли сосуществовать инфинитивные формы как с суффиксом *-сти*, так и с суффиксом *-сть*. Например: *ести – переесть* ("Короткое описане кройники полской", начало XVII в.), *поднести – отнесть* ("Роздуми на неділі всього року", XVII в.), *навести – привесть, красти – выкрасть* ("Хронограф", XVII в.) – цитируется по [Півторак 1974, 59]. Но основным инфинитивным суффиксом был суффикс *-сти*, в то время как суффикс *-сть* встречается в памятниках старобелорусской письменности достаточно редко.

Анализируя современную ситуацию в белорусских говорах, можно сказать, что процесс утраты конечного [и] в инфинитивном суффиксе (*-сти* → *-сть*) в белорусском языке не являлся продуктивным. Возможно, образование инфинитивов именно с суффиксом *-сти* (а не *-сть*) в белорусских говорах находится в одном ряду и с другими фонетическими явлениями, подтверждающими вокалический характер белорусского языка, что еще более ярко проявилось в украинском языке, который также (если не в бóльшей степени) относится к языкам вокалического типа.

II. Инфинитивный суффикс /ст'/ ([с'ц', ст']).

Данный суффикс находим в северо-восточной группе говоров у глаголов как с исходным наосновным, так и с исходным наконечным ударением, т. е. в глаголах и первого, и второго подклассов, например: *с'ес'ц'*, *прас'ц'*, *клас'ц'*, а также *н'ес'ц'*, *в'ес'ц'*, *трес'ц'*, *м'ес'ц'* [Мацкевич 1959, 15]. Это говоры, расположенные в северной части Молодеченской области, в Витебской и Могилевской областях, в восточной части Гомельской области. На востоке они примыкают к большому ареалу, образованному русскими говорами, в которых формы инфинитива также образуются с суффиксом /ст'/.

В белорусском языке развитие инфинитивов с /ст'/ шло в направлении с северо-востока на юго-запад [Півторак 1974, 56]. Среди причин появления форм инфинитива с суффиксом /ст'/ одной из главных является перестройка глагольной акцентной системы в глаголах первого подкласса (тип *нести*), исконно имевших ударение на суффиксе во всех восточнославянских языках [Обнорский 1953, 182]. Перенос ударения на основу – это новообразование (*нести́* → *не́сти*), возникшее под влиянием глаголов второго подкласса (тип *класть*, бел. *кла́с'ц'и*) [Мацкевич 1959, 10, 27]. В настоящее время инфинитивы с унифицированным ударением на основе и с сохранением суффикса /ст'и/ (*в'ёс'ц'и*) характерны для большинства белорусских говоров. Утрату же конечного /и/, т. е. процесс аналогической унификации, доведенный до логического конца (ср. *брести́* → *бре́сти* → *бресть* [Обнорский 1953, 182]), находим лишь в небольшой части современных белорусских говоров.

III. Инфинитивный суффикс /с'ø/ ([с']).

Утрата конечного /т'/ ([ц']) встречается в небольшом количестве говоров, фонетическим системам которых, возможно, свойственно явление упрощения групп согласных. Эти говоры расположены, в основном, на востоке Витебской и Могилевской областей и в некоторых других районах Белоруссии. Например: *нес'*, *клас'*, *м'ес'*, *в'ес'*, *гр'ес'*, *пл'ес'* [Мацкевич 1959, 15].

В результате фонетического явления упрощения групп согласных конечное сочетание [с'ц'] изменилось в [с']. Данное явление отмечается в этих говорах и в существительных, например: *шерс'* (вм. *шерс'ц'*), *улáс'*, *бал'ёс'*, *злос'*, *рáдас'*, что показано в [ДАБМ] на карте № 59.

***

Рассмотренный диалектный материал показал, что в восточнославянских говорах формы инфинитива от глаголов с основой на зубные и губные согласные (ср. рус. лит. *брести, мести, грести, класть*) могут быть образованы с суффиксами /ст'и/, /ст'/ и /с'/.

Наиболее представительным в современных говорах является архаический суффикс /ст'и/ (*н'ёс'т'и́, с'ёс'т'и*), который в большинстве диалектных систем (а именно – в украинских, большей части белорусских и в значительном количестве русских говоров) присоединяется к усеченным основам глаголов как первого подкласса (тип рус. лит. *нести*), так и второго подкласса (тип рус. лит. *сесть, прясть*). Инфинитивные формы данного образования находим в "периферийных" областях всего восточнославянского диалектного пространства, а именно – на юге, западе, северо-западе, северо-востоке и востоке исследуемой территории.

Значительно меньшая территория, расположенная в самом центре всего восточнославянского диалектного пространства, характеризуется наличием инфинитивных форм с суффиксом /ст'/ (*н'ес'т'*, *с'ес'т'*). Этот тип инфинитивов, являющийся новообразованием, находим в северо-западных русских,

среднерусских, южнорусских, севернобелорусских и восточнобелорусских говорах.

Инфинитивные формы с суффиксом /с'/ представлены спорадически в отдельных русских и белорусских говорах. Обращает на себя внимание скопление этих форм (*н'ес'*, *с'ес'*, *клас'*) в некоторых крайних восточнобелорусских говорах в районе Витебска и Могилева и в крайних юго-западных русских говорах в районе Смоленска.

ЛИТЕРАТУРА

(к трем комментариям Т. В. Поповой)

[Аванесов 1947а] – *Аванесов Р. И.* Вопросы образования русского языка в его говорах. // "Вестник МГУ", № 9. М., 1947.

[Аванесов 1947б] – *Аванесов Р. И.* Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. // "Доклады и сообщения фил. фак-та МГУ. Вып. 2". М., 1947.

[Аванесаў 1964] – *Аванесаў Р. І.* Групоўка дыялектаў беларускай мовы. // "Нарысы па беларускай дыялекталогіі". Мінск, 1964, с. 382-403.

[Бевзенко 1960] – *Бевзенко С. П.* Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960.

[Бевзенко 1974] – *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Фонетика. Одеса, 1974.

[Бірыла 1960] – *Бірыла М. В.* Парныя па цвердасці-мяккасці *д – дз'* (*д'*) и *т – ц'* (*т'*) у беларускіх гаворках. // "Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. Вып. VII". Мінск, 1960.

[Бромлей 1989а] – *Бромлей С. В.* Карта 100. //ДАРЯ. Выпуск II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989.

[Бромлей 1989б] – *Бромлей С. В.* Карта 101. //ДАРЯ. Выпуск II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989.

[Бромлей, Булатова 1972] – *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[Бузук 1929] – *Бузук П.* Діалектологічний нарис Полтавщини. // "Український діалектологічний збірник. Кн. І". Київ, 1929.

[Булаховський 1951] – *Булаховський Л. А.* З історичних коментарів до української мови. Інфінітив та супин. //"Мовознавство", 1951, № 11.

[Булаховский 1953] – *Булаховский Л. А.* Вопросы происхождения украинского языка. //ВЯ, 1953, № 2.

[Булаховський 1956] – *Булаховський Л. А.* Питання походження української мови. Київ, 1956.

[Ван-Вейк 1957] – *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.

[ВСИ 1995] – "Восточнославянские изоглоссы. 1995". Изд. "Наука". М., 1995.

[Граматыка 1962] – "Граматыка беларускай мовы. Том І. Марфалогія". Мінск, 1962.

[Гумецька 1958] – *Гумецька Л. Л.* Нарис словотворчої системи української актової мови XIV–XV ст. Київ, 1958.

[Дурново 1969] – *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

[Закревська 1966] – *Закревська Я. В.* Система особових форм дієслова в західних говорах української мови. //"Українська лінгвістична географія". Київ, 1966.

[Залеський 1973] – *Залеський А. М.* Вокалізм південно-західних говорів української мови. Київ, 1973.

[Ильинский 1916] – *Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.

[Историческая грамматика 1982] – "Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол". М., 1982.

[Карский 1904] – *Карский Ю. Ф.* Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904.

[Керницький 1967] – *Керницький І. М.* Система словозміни в українскій мови (на матеріалі пам'яток XVI ст.). Київ, 1967.

[Кожина 1954] – *Кожина М. К.* Морфология глагола в "Ведомостях" Петровского времени/ АКД. Л., 1954.

[Лавер 1967] – *Лавер В. І.* Особливості інфінітива в говорах Закарпаття. // "Матеріали XXI наукової конференції Ужгородського держ. університету. Серия філологічна". Київ, 1967.

[Лизанец 1969] – *Лизанец П. М.* Морфологічні особливості деяких українських говірок Пінщини (БРСР). //"Українська діалектна морфологія". Київ, 1969.

[Ломоносов 1952] – *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7. Российская грамматика. М.-Л., 1952.

[Матвіяс 1990] – *Матвіяс І. Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990.

[Марчук 1970] – *Марчук Н. Й.* Ареали інфінітивних форм у говорах української мови. // "Праці XIII респ. діал. наради". Київ, 1970.

[Масякина 1955] – *Масякина В. В.* Глаголы с основой на заднеязычный согласный в истории русского языка и его диалектов. (В сравнении с фактами истории украинского и белорусского языков и их

современных говоров). Кандидатская диссертация. Саратов, 1955 (рукопись).

[Мацкевич 1959] – *Мацкевич Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова у беларускай мове. Мінск, 1959.

[Мейе 1951] – *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

[Нагін 1964] – *Нагін Я. Д.* Фонетичні особливості херсонських говірок. // "Українська діалектологія і ономастика". Київ, 1964.

[Назарова 1963] – *Назарова Т. В.* Інфінітиви на *-т* у середньополіських говорах. //"Питання граматики і лексикології української мови". Київ, 1963.

[Нарысы 1964] – "Нарысы па беларускай дыялекталогіі". Мінск, 1964.

[Обнорский 1953] – *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

[Образование 1970] – "Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров". М., 1970.

[Півторак 1974] – *Півторак Г. П.* Морфологія інфінітива в східнослов'янських мовах. Київ, 1974.

[Попова 1970] – *Попова Т. В.* Морфонологические чередования согласных в спряжении глагола настоящего времени в юго-западном украинском говоре с. Саджава. // "Праці XIII респ. діал. наради". Київ, 1970.

[Попова 1995] – *Попова Т. В.* Карта 5. //"Восточнославянские изоглоссы. 1995". Изд. "Наука". М., 1995.

[Русанівський 1971] – *Русанівський В. М.* Структура українського дієслова. Київ, 1971.

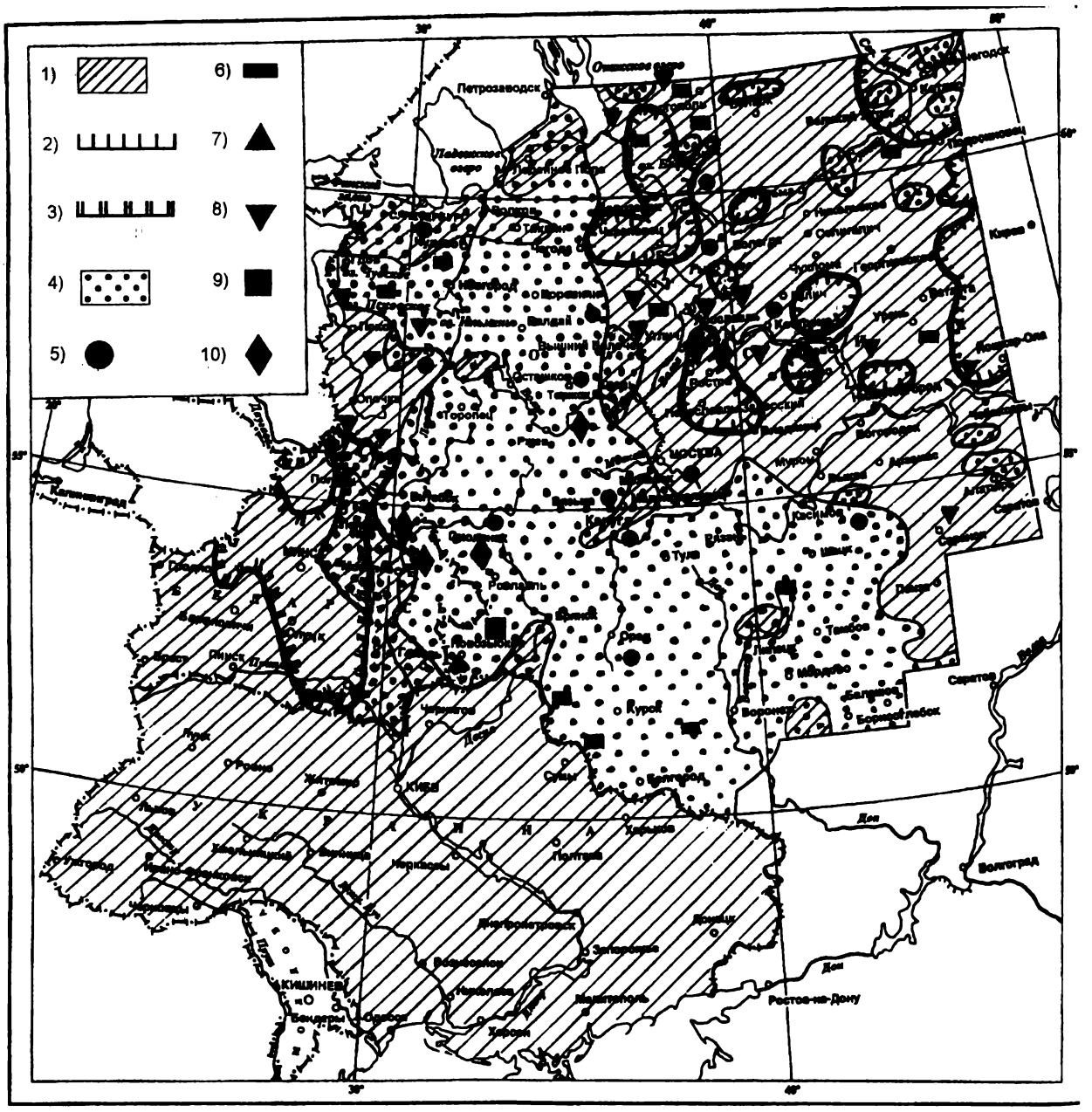
[Русская грамматика 1980] – "Русская грамматика. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология." М., 1980.

[Соболевский 1903] – *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 3. М., 1903.

[Черных 1953] – *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953.

[Черных 1962] – *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1962.

Карта. Формы инфинитива от глаголов с основой на согласный типа рус. лит. *плести, вести, грести* и *класть, прясть, грызть*

Условные обозначения:

1) /ст'и/ – *пл'ес'т'и́, гр'ес'т'и́*;
2) /ст'и/ – *пл'éс'т'и, гр'éс'т'и, пл'éс'ц'и*;
3) /ст'и/ – *клáс'т'и, с'éс'т'и*;
4) /ст'/ – *пл'ес'т', гр'ес'т', с'ес'т'*;
5) /ст'ит'/ – *пл'ес'т'и́ т', гр'ес'т'и́ т'*;
6) /бт'и/ – *гр'епт'и́, скр'епт'и́*;
7) /бт'/ – *гр'епт', скр'епт'*;
8) /бст'и/ – *гр'еп с'т'и́, скр'епс'т'и́*;
9) /бст'/ – *гр'еп с'т', скр'епс'т'*;
10) /с'/ – *в'ес', гр'ес', м'ес', н'ес'*.

Л. Е. Лопатина

КОНСТРУКЦИИ ТИПА РУС. *КОРОВА (КОРОВУ) ПОДОЕНО*, БЕЛ. *ГРЫБЫ ПАЗБИРАНА*, УКР. *ГРОШІ УЗЯТО*

Объектом картографирования являются нехарактерные для русского литературного языка безличные конструкции предложений со сказуемым – кратким страдательным причастием в форме среднего рода и прямым объектом действия, выраженным формой вин. падежа существительного (*корову подоено*) либо формой им. падежа (*корова подоено*). Конструкции второго типа, характерные для русских говоров, могут рассматриваться как двусоставные (подлежащно-сказуемостные); однако можно видеть в них и особый вин. падеж, совпадающий с им. падежом, но не являющийся подлежащим. Бесспорным признаком предложений второго типа является отсутствие координации родовых форм существительного и причастия.

По своей семантической сущности такие конструкции, обозначая результат действия, завершившегося в прошлом, относятся к перфектным (о других перфектных причастных конструкциях в русских говорах см. [ВСИ 1995, 82-86]). Синтаксическая природа этих оборотов характеризовалась различными исследователями неоднозначно. Об истории данного вопроса см. [Кузьмина, Немченко 1971, 48-52, 60, 61; Трубинский 1984, 103-109]. В указанном и в последующих исследованиях И. Б. Кузьмина, основываясь на анализе русского диалектного материала, приходит к выводу о безличном характере большинства рассматриваемых конструкций.

Данные конструкции восходят к древнерусскому периоду; отмечены они и в более поздних русских памятниках XV–XVII вв. Например: *законъ написано и дано* (Посл. Феод. Печ.); *поручено же бы(с) ему стража морьская* (Лавр. лет.); *печера утверждено* (Пут. иг. Дан.); *головы пошмано* (Новг. договорная гр. 1314 г.); *И та грамота писано* (Гр. 1518); *вся потребная всякому человеку бога ради давано, скорбного словомъ ползовано* (Домострой, 64) (см.: [Борковский и Кузнецов, 395; Ист. грам. Синтаксис 1978, 284-290]). Отметим, что примеры с выраженной формой вин. п. в русских памятниках встречаются редко и, напротив, очень широко распространены в староукраинских и старобелорусских памятниках. Например: 1) *0ддано нам грамоту од тебе* (Укр. гр. 1649 г.), *што орла въ Вавилонъ къ Іереміи слано* (Отв. клир. Острож., 429), *Тогда его здрайцею учинено* (Пересторога, 217); 2) *приставовъ на границу выслано* (Вестов. отписки Кмиты, № 58), *которого пытано* (Страсти Христовы, л. 27) [Сравнительно-исторический синтаксис, 1968, 177, 178].

При картографировании материала русских говоров нами использованы картотека и карта ДАРЯ (неопубликованная), а также монография И. Б. Кузьминой (см. [Кузьмина 1993, 134-138]).

Материалы картотеки ДАРЯ свидетельствуют о широком употреблении некоординированных двукомпонентных конструкций с кратким причастием среднего рода от переходных глаголов, их употребление достаточно четко локализовано, что и отмечено на карте. Например: *и бабки-то все объезжено, не только доктора* (Новг.); *шубу давно уже отдано* (Лен.); *сколько меня пересватано* (Пск.); *поставлено скамейка*; *одна лощина скошено*; *всех было взято на войну* (Вол.). Интересно также, что ареалы употребления причастий на *-но*, *-то* в сочетании с именем в им. п. и вин. п. по преимуществу совпадают, что косвенно свидетельствует о семантической и формальной близости данных конструкций, т. е., по-видимому, мы имеем дело в обоих случаях с выраженным объектом. От этой группы предложений следует отличать предложения без координации главных членов, такие, как напр.: *а у меня свой ребёнок был взято в Сланцы* (Пск.); *попрошено соседи были помочь дом строить* [Кузьмина 1993, 137]. Такие конструкции с наибольшей степенью уверенности могут быть признаны двусоставными: двусоставность предложения подчеркивается здесь связочным глаголом *был*, согласованным с именным компонентом. Данные конструкции характерны для говоров северо-запада. Единичные примеры употребления конструкций с именем в вин. падеже отмечены также в говорах костромских, восточных среднерусских, а также в южнорусских, на границе с украинскими и белорусскими говорами.

К сожалению, диалектные атласы белорусского и украинского языков не дают конкретных материалов по интересующему нас вопросу. Что касается белорусского языка, то, по данным исследования [Нарысы 1964, 301], подобные конструкции, в целом по Белоруссии неупотребительные, распространены (только с вин. падежом прямого объекта) лишь в некото-

рых северных районах Белоруссии (Полоцком, Витебском и др.). Например, *грыбы пазбирана, грошы узята, дом замкнёна, авёс змолата.* Однако этот материал не картографирован.

Совсем иная картина наблюдается в украинском языке, где такие предложения, также только с формой вин. падежа прямого объекта, характерны для литературного языка, как и для диалектов. Подобные украинские конструкции одно время считались не вполне литературными; однако по мнению Л. А. Булаховского, они органично вписываются в систему украинского литературного синтаксиса [см. Булаховский, 35; Курс сучасної, 1951, 67]. Например: *Йому обіцяно роботу* (пример А. А. Потебни, см. [Борковский и Кузнецов, 396]. *Його пограбовано*; *Гроші взято* (*узято*) и т. п. Ср. также примеры из произведений Т. Г. Шевченко: "*Там-то його й скалічено, Та й на Україну Повернено з отставкою...*", "*І в хаті вибито вікно*" и др. [Ільїн, 63]. В силу широкой распространенности этого явления, не представляющего собой своеобразной диалектной черты, оно тоже не картографировалось, но монографические свидетельства позволяют нам отметить наличие подобных конструкций в украинских говорах на карте.

ЛИТЕРАТУРА

[Борковский, Кузнецов 1963] – *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

[Булаховський 1948] – *Булаховський Л. А.* З історичних коментаріїв до української літературної мови. // Наукові записки Київського держ. університету, т. VII, в. 3, 1948.

[ВСИ 1995] – Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.

[Ільїн 1958] – *Ільїн В. С.* Оформлення присудка в українських поезіях Т. Г. Шевченка. В сб.: Дослідження з синтаксису української мови. Київ, 1958.

[Ист. грам. Синтаксис 1978] – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

[Кузьмина, Немченко 1971] – *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

[Кузьмина 1993] – *Кузьмина И. Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

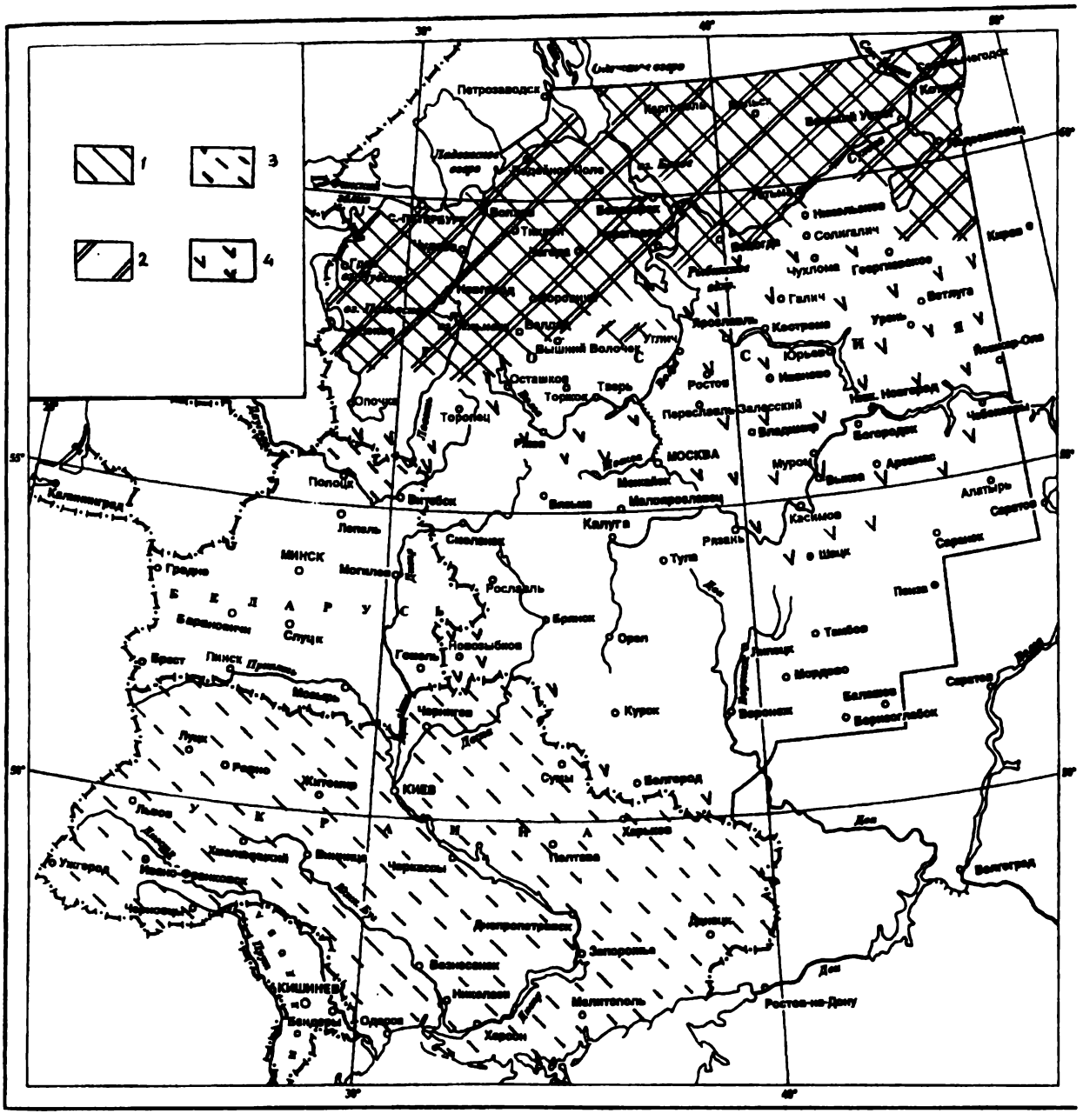
[Курс сучасної 1951] – Курс сучасної української літературної мови, т. II. Синтаксис. Київ, 1951.

[Нарысы 1964] – Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

[Сравнительно-исторический синтаксис 1968] – Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М., 1968.

[Трубинский 1984] – *Трубинский В. И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Карта № 1. Конструкции типа рус. *корова (корову) подоено*, бел. *грыбы пазбирана*, укр. *гроші узято*

Условные обозначения:

1 – конструкция типа *корову подоено*; 2 – конструкции типа *корова подоено*; 3 – конструкции типа *корову подоено* (не картографировано); 4 – конструкции типа *корову подоено* – единичные случаи употребления.

Л. Е. Лопатина

ФОРМЫ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Во всех современных восточнославянских литературных языках существует морфологическая категория одушевленности-неодушевленности. Одушевленность здесь выражается совпадением формы вин. п. с формой род. п. в ед. ч. (только у слов муж. р. 1 скл.) и во мн. ч. (у существительных всех трех родов). Напр.: рус. *слушать певца, певцов, певиц, соловьев*; укр. *попросити сина, сестер, братів, доглядати корів, коней*; бел. *успомніць брата, хлопцаў, сяброваk, карміць сабачак*. У неодушевленных существительных те же формы совпадают с формой им. п. Напр.: рус. *вижу стол, столы, книги, деревья*; укр. *читати журнал, журналы, бачити море, озера*; бел. *бачыць самалёт, сады, палі, фурманкі*.

История развития этой категории в восточнославянских языках достаточна сложна. Прямой объект, относящийся к названиям животных, в древнерусском языке, как правило, выражался у слов муж. р. в ед. ч. формой вин. п., равного им. п. Например: *Аще кто украдетъ бобръ, то 12 гривъ продажи* (Рус. пр.); *И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свои* (Лавр. л.). Таким же вин. падежом мог выражаться и объект, относящийся к названиям лиц – словам муж. р. в ед. ч. Например: *Аже кто познаеть челядинъ свои...* (Рус. пр.); *И иде Ростову съ дружиною своею, а снъ оставивъ Новегородѣ* (Новг. л.). Однако более распространенной была в подобных случаях форма вин.-род. п.: *...пъхнеть мужъ мужа* (Рус. пр.); *Романъ же слышавъ и пусти шюрина своего домовъ* (Ипат. л.) [Нариси 1960, 78]. Форма вин. п. прямого объекта в древнерусском языке вытесняется формой род. п. не во всех названиях живых существ одновременно. Замена эта произошла прежде всего в собственных именах лиц [Некрасов 1903, 239], например: *оубивъ Ярополка* (Сказ. о Б. и Г.). В нарицательных же названиях лиц вин. п. объекта, равный им. п., сохранялся значительно дольше.

Для неодушевленных существительных муж. р. обычным было при выражении прямого объекта употребление вин. п. ед. ч., равного им. п.: *и се видѣ стълпъ огньнъ* (Ж. Феод. Печ.); *и видѣвъ градъ прослезися о немъ* (Сл. Илариона, 51-52); *оуже есмы перебрели Днѣпръ* (Лавр. л.). Однако следует отметить, что уже в ранних древнерусских памятниках изредка встречались примеры употребления вин. п. неодушевленных существительных, равного род. п., напр.: *оуслыши гласа моего* (Сказ. о Б. и Г.) и *оуслыши гласъ мои* (там же). Формы род. п. неодушевленных существительных при выражении прямого объекта чаще всего употреблялись при глаголах восприятия, однако они возможны в древнерусских памятниках разного времени и при глаголах иной семантики. Например: *того запасу ключнику ведати* (Домострой); *приказал нам боронити стен и города* (Пов. о Скандербеге) и др. [Историческая грамматика 1978, 345, 346, 348].

Остаточные явления подобного употребления формы вин.-род. п. сохранились вплоть до нашего времени. Как отмечает Е. Ф. Карский, "в современном белорусском языке, как отчасти и в старом западнорусском, нередко употребляется родительный падеж вместо винительного и от названий предметов неодушевленных единственного и отчасти множественного числа" [Карский 1956, 405]. Многочисленны такие примеры в старобелорусских памятниках. Например: *слухаючи слова Божого* (Дневн. Евлаш.); *гледѣти мое битвы* (Пов. о витязях). Отмечены подобные примеры и в староукраинских памятниках и, прежде всего, в Галицко-Волынской летописи [Сравнительно-исторический синтаксис 1968, 214]. Встречается подобное употребление и в современных говорах, например, в украинских степных говорах: *роскажи казкіў; усіх силіў кинут'* [Жилко 1966, 83].

Вариативность различных форм вин. п. регулировалась в истории восточнославянских языков в процессе формирования категории одушевленности – неодушевленности.

Начало формирования категории одушевленности-неодушевленности относится к XIV в., т. е. к концу общего древнерусского периода и началу истории отдельных восточнославянских языков. Так, Г. А. Хабургаев начало распространения вин. п., равного род. п., у одушевленных существительных относит к XIV в. [Хабургаев 1990, 170]. В этот период форма вин. п., равного род. п., употребляется преимущественно у личных существительных. Например: *Почтивъ нареченного их Феофила* (Моск. л.); *нас пожаловалъ* (Хож. Аф. Ник.) [Историческая грамматика 1978, 350]. Формой вин. п., равного род. п., чаще всего выражался объект – собственное

имя лица муж. р.: *Посла Всеволодъ Стополка в Новъгород* (Ипат. л.); *Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе* (Сл. о плк. Иг.).

Наблюдение над языком древнерусских памятников позволило сделать вывод: к XIV в. для деловых и летописных текстов стало обычным употребление нового аккузатива одушевленных существительных [Крысько 1994, 110-111, 118]. Например: *А в городъ послати ми своихъ намѣстниковъ, а тебѣ своего намѣстъника* (Гр. 1389, 1, моск.); *егда же изби бояръ* (Лавр. л., 481). Однако параллельно продолжала употребляться и форма старого вин. п.: *повелѣ паломници тѣ пустити* (Лавр. л., 481).

В дальнейшем, в XV–XX вв., при вариативности вин. п. формы его, совпадающие с род. п., в ед. ч. представлены большим количеством употреблений во всех группах одушевленных имен муж. р., а подобные формы мн. ч. значительно уступают по своей распространенности старым формам. Таким образом, во мн. ч. процесс формирования категории одушевленности проходил менее последовательно, чем в ед. ч.: род. п. в функции вин. п. мн. ч. стал употребляться во всех родах существительных при обозначении живых существ, однако нередко сохранялась возможность употребления в той же функции и вин.-им. п. Например: *...брати от оусего их товароу... или воли или яловици или барановъ или кони или кобили* [ССУМ, т. I 1977, 86]; *везли вепровъ кормныхъ чотырохъ побитыхъ* [ГСБМ 1982-1991, вып. 3, 112].

Кроме того, процесс формирования категории одушевленности был неравномерным в различных восточнославянских языках. Можно предположить некоторую замедленность в развитии категории одушевленности-неодушевленности в западных восточнославянских языках. Об этом, в частности, говорится применительно к староукраинским памятникам в [Нариси 1960, 84]: первые примеры употребления форм вин.-род. п. мн. ч. в названиях лиц засвидетельствованы лишь в памятниках XIV в., однако это еще единичные примеры; чаще такая форма фиксируется в памятниках XVI в. и особенно XVII в.

В результате исторического развития современные восточнославянские языки и их диалекты демонстрируют единство в употреблении форм вин. п. ед. ч. и наличие вариативности в формах вин. п. мн. ч. Так, в литературном украинском языке, при преимущественном употреблении в функции вин. п. мн. ч. одушевленных существительных формы род. п., возможно также употребление форм им. п.: ср. *пасти коней* и *пасти коні* [Курс 1951, 77]. Однако такого рода примеры из художественной литературы в [Нариси 1960, 79, 80] квалифицируются как архаизмы. Например: *А наймичка До царівни б рада слать старости* (Т. Шевченко); *Мав дід два сини* (І. Франко).

В белорусском литературном языке обычно употребляются конструкции типа *даглядаць коней, карміць курэй*, но в разговорной речи, а под ее влиянием и в художественных произведениях встречаются случаи употребления одушевленных существительных муж. р. в форме вин. п., равного им. п.: *шукаць коні, даглядаць каровы* и т. п. [Беларуская граматыка 1986, ч. 2, 11].

В русском литературном языке одушевленность последовательно выражается во мн. ч. совпадением формы вин. п. с формой род. п.: *вижу братьев, сестер, животных*; однако исключение составляют специфические конструкции со значением приобщения к множеству лиц, типа *пойти в няньки, в солдаты* [Краткая грамматика 1989, 155-156].

Более значительные различия в употреблении форм вин. п. одушевленных существительных наблюдаются в восточнославянских говорах. Старый вин.-им. п. мн. ч. сохраняется в значительной части украинских говоров не только при обозначении животных, но и лиц. Последовательно употребляется архаичный вин. п. мн. ч. одушевленных существительных и в ряде белорусских говоров. Встречается такое употребление и в некоторых русских говорах.

Таким образом, исследование данного явления – употребления форм одушевленных существительных в вин. п. мн. ч. – представляет особый интерес, а имеющийся материал позволяет представить его на сводной карте восточнославянских говоров. В нашей работе были использованы карты [ДАБМ № 209, № 210; АУМ 1 № 277 и АУМ 2 № 263], а также [ДАБМ каментарыі] и комментарии в [АУМ 1, АУМ 2]. Помимо перечисленных карт, мы используем для нашей сводной карты также данные монографий [Жилко 1966], [Нариси 1960] и [Нарысы 1964].

К сожалению, вопрос об употреблении конструкций с им. п. мн. ч. одушевленных существительных в функции вин. п. не был предусмотрен Программой ДАРЯ, поэтому в отношении русских диалектов нет достаточно систематического материала и данное явление не картографировано. Как пишет И. Б. Кузьмина, "регулярными данными мы располагаем только для конструкций с им. п. мн. ч. и только применительно к говорам на территории, прилегающей к Белоруссии и Украине..., поскольку работавшие здесь диалектологи пользовались, помимо Программы, специальными дополнениями, учитывающими некоторые явления, известные белорусским и украинским говорам" [Кузьмина 1993, 22]. (Вопр. 5 Доп. I и вопр. 12 Доп. II спрашивают, какую форму имеют

одушевленные сущ. при употреблении в функции вин. п. мн. ч. – совпадающую с формой род. или им. п.).

Итак, употребление в части украинских, белорусских и, реже, русских говоров старого вин. п. мн. ч. (совпадающего с им. п.) существительных, представляющих собой названия живых существ, исторически восходит к древнерусскому вин. п. периода, предшествующего процессу формирования категории одушевленности-неодушевленности; ср., например: *Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды* (Ипат. л., л. 28).

Как показывает наша сводная карта, историческая (старая) конструкция с им.-вин. п. мн. ч. одушевленных существительных в функции прямого объекта встречается в большей части украинских говоров, в западных и юго-западных белорусских говорах и, реже, в части русских говоров. На остальной восточнославянской территории в той же функции употребляется преимущественно конструкция с новым вин. п., равным род. падежу.

Наиболее сложная картина употребления такого вин. п. мн. ч. прямого объекта представлена на украинской территории. К сожалению, карты украинских атласов не всегда дают в этом отношении достаточно однородный и сопоставимый материал. Так, на карте № 263 [АУМ 2] картографируются конструкции с личными существительными следующего типа: *ждати* (*чекати*) *гостей* (и варианты: *гост'ох*, *гост'іў*; *ждати* (*чекати*) *гості*; кроме того, даны предложные конструкции типа *ждати* (*чекати*) *на гості/на гостей*. Конструкции с существительными – названиями животных, типа *пасти коней* даны на этой карте лишь с формой вин. п., равного род. п., причем последние конструкции занимают значительно меньшую территорию в сравнении с конструкциями типа *ждати гостей*. Это, хотя и не отмечено картографически, косвенно свидетельствует о широком распространении на данной территории конструкций типа *пасти коні*. На карте № 277 [АУМ 1] представлено употребление конструкций с существительными – названиями животных типа *пасу коней*, *коріў.../коні*, *корови*... В комментарии к карте говорится, что картографированный материал включает конструкции и с другими глаголами (*доглядати*, *бити*, *купувати*, *кликати*, *запрягати*, *доїти*, *мати*, *гнати*) и с существительными – названиями других домашних и диких животных.

В целом на основе данных украинских карт и упомянутых нами монографий [Жилко 1966] и [Нариси 1960] возникает такая картина. Форма вин.-им. п. мн. ч. одушевленных существительных употребляется прежде всего на юго-западной территории, ср.: *Він мав хлопці* (Закарп. обл.). Встречается подобная конструкция и в западной части юго-восточных говоров (центральные приднепровские, полтавские, западная часть степных говоров), частично – и в северных (полесских) говорах. Например: *М'ала кон'і*, *м'ала свин'і*; *Пригнала гуси*; *Пасу корови*, *овечк'і*; *Свої діди ми не забули*; *Обійшов родичі* (волынские говоры); *Пасу коні*, *корови*, *свині* (правобережные полесские говоры); *Ja п'іду кон'і напоју* (западностепные говоры). По данным АУМ и комментариев, содержащихся в нем, конструкции с вин. п., равным им. п., употребляются в перечисленных говорах параллельно с конструкциями, в которых одушевленные существительные употребляются в вин. п., равном род. п.: *Гон'у кор'іў* (и *корови*) и т. п. Как правило, здесь наблюдается преимущественное употребление формы вин.-род. п. Однако, по свидетельству сборщиков материала [АУМ 1, комментарі], в отдельных пунктах (122, 312) в левобережных полесских говорах чаще употребляется форма вин.-им. п. В свою очередь, на украинской территории распространения старого вин. п., равного им. п., также возможно параллельное употребление двух форм вин. п. Например: *чекайемо гостіў*, *гостей* (270), *пасу коней* (293).

В юго-восточных и северных украинских говорах чаще употребляются конструкции с прямым дополнением, выраженным вин. п. мн. ч., равным род. п. Например: *Ja пасу кор'іў*, *гусей*; *Погнаў до дому курей*; *Він покликаў дітей* (среднеприднепровские и др. говоры), *Пасу коней*, *кориў*, *свиней* (правобережнополесские говоры), где наряду с подобными конструкциями встречаются соответственно и конструкции с вин.-им. п. мн. ч.: *Пасу кон'і*, *корови*, *свин'і*.

Реже, впрочем, так же как и в белорусских и в русских говорах, распространено употребление вин.-им. п. мн. ч. названий лиц. Наиболее последовательно архаичная форма вин. п. мн. ч. названий лиц употребляется в закарпатских, юго-западных гуцульских говорах, западной части приднепровских говоров и части подольских говоров, например: *Був собі чоловік і мав діти* (подольские говоры). В остальных говорах встречаются параллельные формы вин. п. Напр.: *Питаю син'іў* (и *сини*); *чекайемо гості*, *гостей* (и *гості*).

Таким образом, во многих украинских говорах параллельно с конструкциями, где объект выражен формой вин.-им. п. мн. ч., выступают конструкции с вин.-род. п. мн. ч. одушевленных существительных.

Ф. Т. Жилко отмечает, что в настоящее время в украинском языке наметилась тенденция к ослаблению интенсивности распространения вин. п., равного

именительному [Жилко 1966, 118-119]. Об этом говорится также в [Курс 1961, 210].

Специфической украинской диалектной чертой является употребление предложных объектных конструкций типа *чекати на гостей, чекати на гості*, равнозначных беспредложным конструкциям типа *чекати гостей/гості*. Такие конструкции отмечены в [АУМ 2, 263] в приднестровских говорах, причем, как показывает эта карта, в них употребляется преимущественно вин.-им. п.

В белорусских диалектах также возможно употребление двух форм вин. п. мн. ч. Белорусский атлас, в отличие от украинского, дает раздельное картографирование (не сохраненное на нашей карте) распространения конструкций с вин.-им. п. мн. ч. одушевленных существительных муж. и жен. рода: на карте № 209 [ДАБМ] показаны конструкции типа *падаіла кароў/падаіла каровы*, на карте № 210 [ДАБМ] – конструкции типа *пагнаў валоў/пагнаў валы*. Как показывают эти карты, на юге и юго-западе белорусской территории прямое дополнение, выраженное одушевленным и неодушевленным существительным, в большинстве случаев не различается по форме: и в том и в другом случае употребляется вин.-им. п. При этом карты демонстрируют более широкое употребление конструкций со старым вин. п. мн. ч. существительных жен. р. типа *падаіла каровы* в сравнении с конструкциями типа *пагнаў валы, пас'е кон'и*. Следует, однако, подчеркнуть, что в [ДАБМ, каментарыі, 753-755] даны как абсолютно преобладающие примеры вин. п., равного им. п., существительного *кони*, реже, других существительных, напр.: *пас'е кон'и*, но *палав'иў п'итухоў* (167); *пасéц' кон'и*, но *запрох валоў* (323); однако: *палавíў п'атух'и, п'атухоў* (311); *пастрал'ал'и ваўкоў, запрагл'и валоў*, очень редко – *валы*.

Приведем также примеры из [Нарысы 1964, 309-310]: *с'остры треба выдац' замуж* (Чэрвенский р-н); *майу унук'и, волы пас'еш, гадуйе чужыйе дз'еци* (Ивацэвицкий р-н); *ты загнала качк'е* (Драгчынский р-н); *хто майе дочк'и, той ходз'иц бес сарочк'и* (Слуцкий р-н). С наибольшей последовательностью эта особенность отражается на юге Белорусии, особенно в полесских говорах. В остальных говорах белорусской территории подобные существительные могут употребляться как в вин.-им. п., так и в вин.-род. п. мн. ч.: *пагнаў валоў* (*валы*), *падаіла кароў* (*каровы*), *разводзім пчол, вырасціла дзяцей, загнала цялят* и др. Об этом свидетельствуют также сборщики материалов для ДАБМ [ДАБМ, каментарыі, 753]. Например: *падаіла каровы, палав'иў курей* (148), *каршун палав'иў куры, калхос развоz'иц' пчол* (185) и др.

Материал русских диалектов представлен в монографии [Кузьмина 1993, 22-27]. На основании этого материала наиболее уверенно можно говорить об употреблении старой формы вин.-им. п. мн. ч. одушевленных существительных в западной части среднерусских и южных говоров, а именно: в некоторых населенных пунктах Псковской, Смоленской, Брянской, Курской и Белгородской областей, расположенных преимущественно вблизи белорусской и украинской границы. Именно эта русская территория употребления архаичной формы вин. п. поддается картографированию, благодаря систематическим исследованиям данной территории и данным, полученным в соответствии с дополнительными вопросами (о них см. выше).

Наиболее распространены здесь, так же как и на белорусской и украинской территории, сочетания с существительным *кони* типа: *кони запрячь, кони пасла, надо кони поить*. Кроме того, встречаются следующие примеры: *коровы отбирали* (Пск.); *подоила коровы/коров* (Вел.); *погнал быки, постриг овечки* (Смол.); *щуки ловили* (Брян.).

На остальной территории, более отдаленной от белорусского и украинского пограничья, старый вин. п., в результате менее систематических исследований, отмечен лишь спорадически. Подобные примеры встречаются в северном наречии (Вологодская, Ярославская обл.), в среднерусских говорах (Московская, Тверская, Новгородская обл.) и в южном наречии (Калужская, Рязанская обл.). Например: *волки жеребяты загложут* (Вол.); *зачем дала лошади* 'лошадей' (Яр.); *пойду скоты загонять* (Твер.); *зайцы капканьями ловили* (Ряз.). Отмечено также несколько случаев с предлогами + вин.-им. п.: *пошли по кони* (Вол.); *по ребяты в Ульяново* (Калуж.).

Как и в западных восточнославянских языках, во всех отмеченных русских пунктах вин.-им. п. встречается значительно реже у существительных, называющих лицо, чем у существительных-названий животных. Вот несколько из немногочисленных примеров: *ожидать гости, старики жалеть надо* (Пск.); *ждала сыны, поила дочки* (Смол.); *ждала внуки, выбирали бригадири* (Брян.); *мальчуганы надо вырастить, взяли братья* 'братьев' (Вол.).

Следует отметить также, что, несмотря на систематические записи русских примеров с вин.-им. п. в приграничной белорусско-украинской зоне, нельзя и здесь говорить о массовости подобных употреблений. По-видимому, в данном случае непосредственное белорусско-украинское влияние вряд ли имело место, тем более что основная зона распространения формы старого вин. п. расположена на юго-западе

Белоруссии и Украины. Поэтому, как и И. Б. Кузьмина [Кузьмина 1993, 26-27], полагаем, что употребление вин.-им. п. одушевленных сущ. нельзя объяснить только архаичностью и юго-западным влиянием. По-видимому, здесь имеет место влияние русских конструкций с предикативным наречием *надо* (см. ниже).

Возвращаясь к истории данного явления и учитывая расположение территорий сохранения данной архаичной падежной конструкции (о чем говорят и примеры архаичного вин. п. мн. ч., отмеченные в Вологодской области [см. Кузьмина 1993, 23-24]), следует согласиться с утверждением А. Б. Пеньковского, что данный факт можно квалифицировать как результат не до конца осуществившегося на периферийных территориях процесса формирования категории одушевленности, т. е. о возможном отставании периферийных диалектов от основного направления развития данного языкового явления [Пеньковский 1975, 157].

Кроме того, в различных восточнославянских диалектах употребление разных форм вин. п. подвергалось и другим влияниям. С конца XIV в. укрепляются политико-государственные связи украинских и белорусских земель с польскими, еще усиливающиеся в XV–XVI вв. Это не могло не вызывать языкового взаимовлияния [см. Лер-Сплавинский 1954, 199, 207]. Так, белорусский и украинский языки могли испытывать влияние польского языка, в котором развивалась специфическая лично-мужская (męsko-osobowa) категория, не свойственная другим славянским и, в частности, восточнославянским языкам, что способствовало сохранению в соседних говорах старого вин. п. при обозначении животных и замедлению в них процесса замены старого вин. п. личных существительных формой род. п. вплоть до XVII в.

В отношении русских диалектов добавим, что представляется справедливым мнение И. Б. Кузьминой о влиянии на сохранение форм вин.-им. п. мн. ч. конструкций с предикативным наречием *надо* типа *надо куры/надо кур, кот надо/кота надо* [Кузьмина 1993, 26-27]. Им. п. в составе подобных конструкций достаточно регулярно употребляется в севернорусских, среднерусских и южнорусских говорах в западной их части. Эта точка зрения подтверждается сопоставлением ареала распространения конструкций типа *пасти кони* на русской территории нашей карты и конструкций типа *вода надо, кот надо* на карте № 6 [Кузьмина 1993, 109], демонстрирующим почти полное совпадение обеих территорий.

Итак, категория одушевленности-неодушевленности имеет общевосточнославянский характер. Неравномерная представленность данной категории в восточнославянских диалектах объясняется, с одной стороны, замедленностью языковых процессов на периферийных территориях, а с другой – иноязычным влиянием (в белорусских и украинских говорах), либо внутрисистемной аналогией (в русских говорах).

ЛИТЕРАТУРА

[Беларуская граматыка, ч. 2, 1986] – Беларуская граматыка, ч. 2. Мінск, 1986.

[Граматыка, т. II, 1966] – Граматыка беларускай мовы, т. II. Мінск, 1966.

[ГСБМ 1982–1991] – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982–1991. Вып. 1-11.

[Жилко 1966] – *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. 1966.

[Историческая грамматика 1978] – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

[Карский 1956] – *Карский Е. Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2-3. М., 1956.

[Краткая грамматика 1989] – Краткая русская грамматика. М., 1989.

[Крысько 1994] – *Крысько В. Б.* Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

[Кузьмина 1993] – *Кузьмина И. Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

[Курс 1951] – Курс сучасної української літературної мови, т. II. Київ, 1951.

[Курс 1961] – *М. А. Жовтобрюх, Б. М. Кулик.* Курс сучасної української літературної мови. Київ, 1961.

[Лер-Сплавинский 1954] – *Т. Лер-Сплавинский.* Польский язык. М., 1954.

[Нариси 1960] – Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960.

[Нарысы 1964] – Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

[Некрасов 1903] – *Н. П. Некрасов.* О заменительных падежах: родительном и винительном – в современном русском языке. //"Известия ОРЯС", т. X, кн. 2, 1903.

[Пеньковский 1975] – *Пеньковский А. Б.* Заметки о категории одушевленности в русских говорах //Русские говоры. М., 1975.

[Сравнительно-исторический синтаксис 1968] – Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968.

[ССУМ, т. 1, 1977] – Словник староукраїнської мови, т. 1. Київ, 1977.

[Хабургаев 1990] – *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М., 1990.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

(Гр 1389, 1, моск.) Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.

(Домострой) – Домострой, XVI в. – В кн.: Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908.

(Ипат. л.) – Ипатьевская летопись, ок. 1425 г. – ПСРЛ, т. II. Спб., 1908.

(Лавр. л.) – Летопись Лаврентьевская. ПСРЛ. т. 1, Л., 1926.

(Моск. л.) – Московский летописный свод конца XV века. – ПСРЛ. т. 25, М.-Л., 1949.

(Пов. о витязях) – Повесть о витязях. //Из истории романа и повести. Сб. ОРЯС, т. 44, № 3. Спб., 1888.

(Пов. о Скандербеге) – Повесть о Скандербеге. М.-Л., 1957.

(Рус. пр.) – Русская Правда (краткая редакция) по Академическому списку XV в. //Правда русская, т. I. М.-Л., 1940.

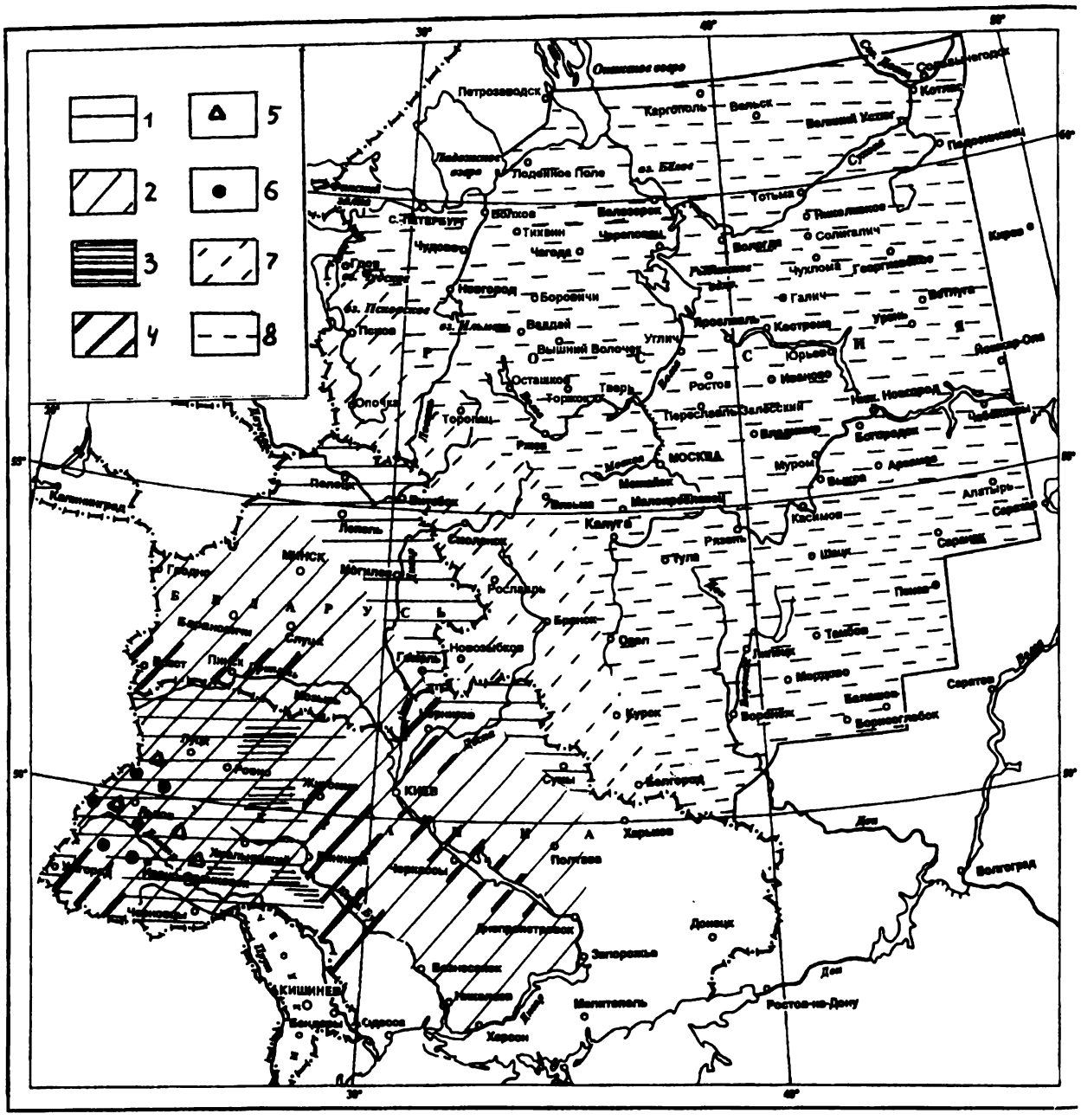
(Сказ. о Б. и Г.) – Сказание о Борисе и Глебе конца XI в. //Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. I. М., 1899.

(Сл. Илариона) – Слово Илариона о Законе и благодати. //Мусин-Пушкинский сборник 1414. СПб., 1893.

(Сл. о плк. Иг.) – Слово о полку Игореве. М.-Л., 1950.

(Хож. Аф. Ник.) – Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466-1472 гг. М.-Л., 1948.

Карта № 2. Формы винительного падежа множественного числа одушевленных существительных

1
2
3
4
5
6
7
8
Петрозаводск
Вологда
Ярославль
Кострома
Иваново
Тверь
Смоленск
МОСКВА
Рязань
Калуга
Брянск
Орел
Курск
Белгород
Харьков
Полтава
Киев
Минск
Могилев
Гомель
Витебск
Пинск
Житомир
Луцк
Ровно
Тернополь
Хмельницкий
Винница
Черновцы
Кишинев
Одесса
Херсон
Николаев
Запорожье
Днепропетровск
Донецк
Мелитополь
Ростов-на-Дону
Волгоград
Саратов
Пенза
Тамбов
Воронеж
Липецк
Нижний Новгород
Владимир
Муром
Рыбинск
Вологда
Архангельск
Сыктывкар
Киров
Пермь
Ижевск
Оренбург
Самара
Ульяновск
Казань
Йошкар-Ола
Чебоксары
Нижний Тагил
Екатеринбург
Челябинск
Курган
Тюмень
Омск
Новосибирск
Барнаул
Кемерово
Красноярск
Иркутск
Чита
Якутск
Хабаровск
Владивосток
Магадан
Петропавловск-Камчатский
Южно-Сахалинск
Анадырь
Салехард
Норильск
Тикси
Диксон
Мурманск
Архангельск
Петрозаводск
Санкт-Петербург
Псков
Новгород
Великие Луки
Смоленск
Брянск
Калининград
Гродно
Брест
Белосток
Варшава
Люблин
Ровно
Львов
Ивано-Франковск
Черновцы
Кишинев
Одесса
Николаев
Херсон
Запорожье
Днепропетровск
Донецк
Мелитополь
Ростов-на-Дону
Волгоград
Саратов
Пенза
Тамбов
Воронеж
Липецк
Курск
Белгород
Харьков
Полтава
Сумы
Чернигов
Киев
Житомир
Винница
Тернополь
Хмельницкий
Луцк
Ровно
Брест
Гомель
Могилев
Минск
Витебск
Смоленск
Калуга
Тула
Рязань
Орел
Брянск
Тверь
Ярославль
Кострома
Иваново
Владимир
Муром
Нижний Новгород
Чебоксары
Йошкар-Ола
Киров
Пермь
Ижевск
Оренбург
Самара
Ульяновск
Казань

Г. П. Клепикова

НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ПЛУГА. 1. 'ЛЕМЕХ'; 2. 'ОТВАЛ'

Рассматриваемые ниже обозначения относятся к двум функционально релевантным деталям плуга. Поскольку в вопросники всех трех восточнославянских атласов включен общий вопрос о названиях плуга и его частей (ср.: ДАРЯ № 164, ДАБМ № 184, АУМ № 23), то можно было бы ожидать получения *полного* и достаточно надежного материала для всего диалектного макроконтинуума – Восточной Славии. В действительности соответствующие карты содержатся только в ДАБМ (№№ 255, 256) и АУМ (I №№ 300, 301, II №№ 304, 305) и отсутствуют в ДАРЯ (и более того, – судя по архивным материалам, хранящимся в ИРЯ РАН, они включены не во все региональные тома русского атласа), что существенно затрудняет картографическое сопоставление и анализ данных на всей восточнославянской диалектной территории. Основную причину отсутствия в ДАРЯ карт, посвященных названиям частей плуга [1], по-видимому, можно усматривать в том, что русский диалектный континуум (как он отражен в ДАРЯ) характеризуется *отсутствием* ареально значимых противопоставлений лексических явлений (=названий той или иной реалии, т. е. той или иной части плуга, – в нашем случае 'лемеха' и 'отвала') и, следовательно, топологической "монотонностью" (недифференцированностью). Подобные ситуации обычно служат аргументом для невключения карт такого типа в атласы [2].

Вместе с тем сама недифференцированность ареалов подобных лексических единиц в русском диалектном континууме (в противоположность белорусскому и украинскому!) может иметь свое, "внешнелингвистическое" обоснование [3], которое базируется на данных о распространении с середины XIX в. до начала XX в. на русской территории (Европейская часть России) самого сельскохозяйственного орудия – плуга *современного* типа. В этом отношении важные сведения содержатся в историко-этнографическом атласе "Русские" (М., 1967 [далее – Атлас]) и некоторых этнографических монографиях (ср., например, последнее издание монографии "Русские" [М., 1997]; далее – Русские. 1997).

Так, из материалов указанного Атласа (см. "Комментарии", с. 59) следует, что с середины XIX в. до 80-х гг. в нечерноземных губерниях и части черноземных преобладали с о х и [4] (подробно о типах сох и географии этих типов см. на с. 39, 41, а также на картах самого Атласа; ср. и: Русские. 1997, с. 178-179). Во Владимирской, Ярославской и Костромской губерниях была распространена к о с у л я – тип усовершенствованной сохи (=соха "плужного" типа – см.: Атлас, с. 42) [5], а на юге и юго-востоке Европейской части России (Дон, Воронеж, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье), где сеяли много пшеницы, – употребляли и тяжелые деревянные плуги (самодельные), – так наз. "крестьянский плуг" (с распахиванием залежных земель эти плуги теряли свое хозяйственное значение и исчезали) (Атлас, с. 44, 49-51) [6]. Подробная информация об использовании указанных пахотных орудий (с учетом *частотности* этих орудий в отдельных областях повсеместно~часто~редко) в период с середины XIX в. вплоть до 80-х гг. содержится на карте № 1 Атласа (см. нашу упрощенную карту-схему 1а, с. 172).

После 80-х гг. XIX в. и в начале XX в. стали появляться легкие плуги (однолемешные одноконные) – кустарного производства (ср., например, так наз. "мышкинские" плуги) и фабричного. Эти новые плуги были железными (реже – деревянными), они использовались для подъема целины, пара, первой вспашки и под. (Атлас, с. 44-45). Железные плуги были прежде всего у казачества и зажиточных крестьян в степных районах Юга и в Заволжье, где производилось большое количество зерна на продажу. Подавляющее большинство крестьян (середняки и бедняки) вынуждены были пользоваться старой, недостаточно совершенной техникой (Атлас, с. 59). О распространении плугов и соотношении их с другими пахотными орудиями к началу XX в. см. на карте № 2 Атласа (ср. и нашу карту-схему 1б).

Таким образом, относительно позднее распространение плуга "нового" типа (и – соответственно – "официальной" технической терминологии его частей) в различные, особенно северные, районы Европейской России, со своими природными и климатическими особенностями, оказало значительное влияние на формирование и бытование *современных* русских *диалектных* наименований и самого орудия, и его частей.

По материалам (=комментарии) региональных русских атласов, в которых отсутствуют карты, посвященные терминологии плуга, (см. выше), все-таки

можно представить состояние соответствующей диалектной терминологии. Так, например, во "Введении" к Западному тому (=Зап.) (машинопись, с. 218) находим указание, что в качестве наименований частей плуга используется "установленная терминология", известная повсеместно, поэтому картографирование терминов и не проводилось. Во "Введении" к Южному тому (=Южн.) (машинопись, с. 119) говорится, что в ответах по большей части отсутствуют данные о названиях частей плуга (т. е. констатируется отсутствие специально "диалектных" названий); кроме того, иногда значение полученных ответов неясно, а часть ответов представляет собой "общепринятые технические термины", – все это препятствовало составлению полноценных карт. Наконец, во "Введении" к Северному тому (=Сев.) кратко отмечается, что материал ответов на в. 164 "в плане картографирования не рассматривался". Существенно иное положение с картографированием в русских атласах названий сохи (и ее частей). При том, что известно (в том числе и из комментариев): сама реалия практически уже вышла из употребления (хотя в памяти крестьян она сохранялась долго, что позволило эксплораторам русских атласов собрать интересные сведения) [7], и – соответственно – терминология относится к архаическому пласту лексики. Тем не менее, как известно, в некоторых региональных атласах были составлены группы карт с комментариями.

Описанная ситуация в русских говорах и практическая невозможность (=нецелесообразность) картографирования имеющихся отрывочных данных ДАРЯ о терминах частей плуга, принципиально отличается от ситуации в белорусской и украинской лингвогеографии, – в ДАБМ и АУМ есть карты на названия ряда деталей плуга, и в том числе – интересующих нас. Это дает основание рассматривать зафиксированные названия в общевосточнославянской перспективе, – даже если бы для русской диалектной территории отсутствовали полноценные (в ДАРЯ) лингвогеографические данные (при том, что существуют затруднения в использовании в полном объеме материалов *анкетирования*). В качестве компенсации могут выступать данные как "Словаря русских народных говоров" (=СРНГ), так и иных публикаций по русской диалектной лексике. Однако наиболее важным источником сведений в данной ситуации являются материалы ОЛА, содержащиеся в ответах на в. № 562-564 (хранятся в ИРЯ РАН). В этом случае обе части восточнославянского континуума – украинско-белорусская (репрезентированная данными национальных атласов) и русская (представленная прежде всего материалами ОЛА), несмотря на существенные различия в частоте сетки обследования [8], – условно могут считаться вполне сопоставимыми. Это сопоставление рассматривается как корректное, поскольку оно позволяет изучать *континуум* диалектных форм в Восточной Славии с учетом и более широкого контекста, образуемого не только собственно лингвистическими, но и историко-культурными факторами развития диалектов и их взаимодействий, что находит свое отражение в конфигурациях изоглосс и типах ареалов. При этом отметим, что в методах рекартографирования фактов ДАБМ и АУМ, с одной стороны, и ОЛА, – с другой, отсутствуют какие бы то ни было различия.

1. 'лемех плуга'

Таким образом, ситуация в русском диалектном континууме описывается, по материалам ОЛА, – с учетом показаний такого труда по диалектной лексике, как "Словарь русских народных говоров" (=СРНГ). Подчеркнем, что дифференциальный характер "частных" диалектных словарей (на которых и базируется СРНГ) отражается прежде всего в том, что в диалектах собиралась "специфическая" лексика, поэтому сведения о новейшей терминологии плуга (=его частей), не имеющей "локальной" окраски, оказываются скудными. Можно сделать вывод, по СРНГ, что основными наименованиями данной детали плуга являются репрезентанты слав. *lemexъ/ *lemešь [9]. При этом вариант *лéмéх* (мн. *лемехи, лемеха*) определяется как принадлежащий литературному языку, а *лéмеш* – как "областное" (ССРЛЯ 6, 150-151).

Соответственно – в СРНГ последний вариант отражен значительно лучше, что позволяет судить о его географии и характеризовать как "западную" и "юго-западную" лексическую черту, ср.: *лéмеш* – Пск., Смол., Твер., Зап. Брянск., далее – Ср. Урал, Сиб., *лемéш* – Пск., Новг., Прибалтика, Смол., Ленингр., КАССР, Твер., Орл., Ворон., далее – Ставрополье, *лемеш* – Курск., Орл., Калуж. (СРНГ 16, 248), ср. и костр. *лемеш* (Даль II, 636). Напротив, вариант *лемех* в данном значении – именно как "общеупотребительное" (=литературное) – фактически отсутствует в СРНГ, ср. *лéмех, лемёх* 'сошник у плуга...' (Даль), также – *лемек* 'то же' (Н. Новг.), *лемах* (Ср. Урал) [10].

Это впечатление полностью подтверждается данными ОЛА. Последние позволяют, в частности, определить восточную границу зоны преимущественного употребления репрезентантов слав. *lemešь (*западная* граница ареала отмечается уже за пределами

России (см. ниже), – она проходит вблизи Пскова – Новгорода – Ст. Руссы – Дно – Новоржева – Торопца – Ржева – зап. Волоколамска; далее – Дорогобуж – зап. Жиздры – Навля – Льгов – Суджа (исключается из этого ареала небольшой р-н – Невель и Велиж). Другая микрозона – р-н Тосно-Волхова-Будгощи-Чудова; единично подобные формы отмечены сев. Москвы, зап. Воронежа, южн. Владимира. При этом в ряде пунктов сетки ОЛА зафиксировано значительное число фонетико-акцентуационных вариантов (например:
l'e'm'eš// 'l'em'ex [563 – р-н Волхов, Ленингр. обл.];
l'i'm'eš//l'i'm'ex [562 – р-н Тосно, Ленингр. обл.];
'l'em'ex//'l'em'eš [634 – р-н Крестец, Новг.];
l'e'm'əx//l'e'm'əš [679 – р-н В. Волочка, Твер.];
'l'em'ex//'l'em'eš [716 – р-н Старицы, Твер.];
'l'em'eš//l'e'm'ex [822 – р-н Севска, Брян.];
l'i'm'eš [редко]//l'i'm'ex [844 – р-н Н. Оскола, Белгор.] и др.; таким образом, варьируется произношение безударного *е* – l'a'm'eš, l'i'm'eš, l'e'm'eš, 'l'em'aš, 'l'em'iš и под. Следовательно, преобладающими на русской территории являются варианты, восходящие к *lemexъ и демонстрирующие так же, как и рассмотренные выше формы, различное произношение безударного *е* ('l'a'm'ex, l'i'm'ex, l'e'm'ex, l'e'm'ox, l'ęm'ox, l'em'ix, l'i'm'ak и др.). Специально отметим, что формы на =x, по данным ОЛА, представлены повсеместно на Русском Севере, – в том числе – севернее линии Няндома – Вельск, которая ограничивает территорию ДАРЯ.

Широко представлены продолжения *lemexъ /*lemešь в белорусских говорах. ДАБМ (№ 255) выявляет достаточно четкое ареальное противопоставление двух вариантов. Так, *лямéх* господствует на западе и северо-западе Белоруссии, а в виде небольших (островных) ареалов отмечен и в других областях (например, р-н Минска, Бобруйска, Мозыря, Гомеля и под.), редко отмечается акцентуационный вариант – *лемéх* (иногда параллельно с другими, в том числе инокоренными, названиями – ср. зап. Барановичи, в р-не Бреста, Мозыря, Бобруйска, Орши, Витебска и т. д.). Вариант *лямéш*, в виде нескольких микроареалов, представлен на Востоке и Северо-Востоке, в этой же зоне фиксируется и значительно менее частотный вариант *лéмеш* – в виде анклавов в р-не Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, реже – в Восточном Полесье, в р-не Барановичи и Молодечно и др. Все перечисленные варианты образуют на Востоке Белоруссии сложное соотношение, "мозаику", небольших ареалов и анклавов; в ряде случаев картина дополняется и параллельным употреблением названий с другими корнями (см. карту 1). Зона бел. *лямéш* (*лемеш*) имеет непосредственное продолжение в западнорусских говорах (см. выше).

В украинских говорах, согласно АУМ (I, № 300, II, № 304), основным для обозначения 'лемеха плуга' является вариант *ле'мíш* (иные названия фиксируются преимущественно в юго-западных говорах – см. ниже). Отраженные в комментариях варианты (АУМ I, с. 62, II, с. 68) различаются произношением гласных, ср., например, вост.-укр. *'ла'м'іш, ле'м'їш, ле'миш* и др., но и *'лемеш, лем'еш, л'е'м'еш, ле'мнеш, 'леме^{a}ш, ле'мйеш* и под. (более или менее четкие ареалы указанных форм не выявляются), единичны фиксации варианта *'лемех* (зап. Коростеня), *л'е'м'іех* (сев. Чернигова). Вариант *ле'мíш* преобладает на Западе Украины (о произношении безударного *е* см. специальную карту в АУМ II – № 33); случаи фиксации вариантов, восходящих к *lemexъ, единичны, ср. *ли'мих* (сев.-запад), *ли^{e}м'іх* (р-н Ковеля, Самбора, Черновцы).

География рассмотренных восточнославянских названий может быть сопоставлена с соответствующими данными иных славянских языков, и в частности, севернославянских; ср. наличие в польском и словацком репрезентантов *lemešь (ОКДА V, № 24). На Юге Славии, по данным БДА (I, № 257, II, № 264, IV, № 363), выявляется ареал соответствующего термина в Северо-Восточной Болгарии, есть данные о наличии его в Западной Македонии, в Боснии (ОКДА V). Таким образом, вариант, восходящий к *lemexъ, является восточнославянским (преимущественно русским!), тогда как в большинстве современных славянских языков (диалектов) ему противостоят рефлексы *lemešь (о существовании в прошлом в некоторых других языках [чешском, например] продолжений *lemexъ см.: ЭССЯ 14, 106).

Другим названием для 'лемеха плуга', которое известно трем восточнославянским языкам, является производное от *соха – сошни́к* (о *soxa – Фасмер III, 729). В ССРЛЯ (14, 454) значение лексемы *сошник* определяется в общем виде – как 'режущая клинообразная часть сохи, культиватора и под....'. По-видимому, этот термин существует в русских говорах, однако его география неясна (в нашем распоряжении – лишь данные словаря В. Даля) [11].

В белорусско-украинской диалектной зоне это название распространено на юге Белоруссии (Полесье и некоторые сопредельные районы) и на севере Украины. Таким образом, здесь, в пограничье двух языков, отмечается достаточно обширный и компактный ареал; вне этого ареала данное название 'лемеха' отмечается редко (ср., например, в р-не Минска, на северо-западе Белоруссии – р-н Поставы). Весьма немногочисленны и фонетические варианты, – в белорус-

ских говорах отмечен по существу один вариант – *сашнік* (ДАБМ, с. 821), на Украине – *сош'ник, сош'нік, саш'ник, саш'нік* (АУМ I, с. 62) и *сош'ник, суш'лик, сош'ни́к, сош'нэ́к* и др. (АУМ II, с. 68; об изменении безударного *о* см. отдельные карты – АУМ I, № 71, 171, АУМ II, № 55).

В восточнославянской макрозоне отмечается ряд локальных названий.

Отметим прежде всего бел. *нарог* (< слав. *narogъ < na= + rog=, подробнее – ЭССЯ 23, 67, также – Фасмер III, 45), представленное в центральных белорусских говорах (в частности, в р-не Минска), на северо-западе (р-н Молодечно-Докшицы) и на западе, – параллельно с некоторыми иными наименованиями (р-н Гродно). В виде единичных фиксаций или небольших островных ареалов встречается на северо-востоке и востоке страны (р-ны Витебска, Орши, Рогачева), сев. Полоцка. О наличии подобного термина в русских говорах свидетельствуют материалы СРНГ – *нарог* (зап.) 'сошник, лемех' (20, 126; ср. Даль); с учетом польских (и старопольских) форм делается вывод, что "...название принадлежит этнолингвистической общности, которая характеризуется определенным культурно-языковым единством, в частности, типом так наз. литовской сохи" (ЭССЯ). Очевидно достаточно позднее возникновение этого термина.

В белорусских (р-н Гродно, Поставы) и украинских (южн. И.-Франковска) говорах спорадически отмечается и название *нож* 'лемех' (иногда – параллельно с иными лексемами (об этимологии – Фасмер III, 80).

На территории Украины представлена зона, где, наряду с наиболее частотным наименованием (=репрезентанты *lemeš), присутствует и большое число локализмов, образующих выраженные микроареалы. Речь идет о юго-западных говорах (а также лемковских – в Восточной Словакии) (помимо АУМ, сведения об интересующих нас диалектных терминах см. в: ЛАЗГ, № 179, ОКДА V, № 24, AGB, № 39 и под.). Так, в западнозакарпатских, бойковских, части лемковских [Вост. Словакия], гуцульских и покутско-буковинских говорах зафиксированы названия 'лемеха плуга': *залізо* (*з'і'л'ізо, Зе'л'ізо, зи'л'ізо, жі'л'ізо* и др.) и – та же лексема с определением (*малойе, широке, задне, спідне* и др.) (об этимологии – Фасмер II, 42-43). Заметим, что аналогичные лексемы, содержащие мотивационный признак 'железо', используются в западнословацких говорах (ze'lezo), южнопольских – Подкарпатье (ze'losko и др.), моравских ('žel'e:sko) (ОКДА V; там же – венг. 'ɛkɛvɔ̃s, молд. 'š'eru/ рум. fier 'то же').

В надсянских говорах, части бойковских и в некоторых лемковских (вост. Прешова – Вост. Словакия) употребляется название *над* (*нады*), – к эвентуальному *nadъ (отсутствует в ЭССЯ, – по-видимому, как не относящееся к праславянскому фонду?), подобно *nado (отражено в серб. nado 'сталь' и под.), может рассматриваться как сложение *na= + *dě(ti) ("в нулевой ступени", ср. *pridъ, *so̯dъ и др. – ЭССЯ 22, с. 9) [12]. О карпатоукраинском *над* 'лемех' (и семантике однокоренного глагола *надити*) см. в: КДА, карта № 154.

В верховьях р. Тиса (Закарпатье) зафиксировано локальное название *п'лита* (*п'лета, 'лита*) (об этимологии – Фасмер III, 283), которое, несомненно, является новым термином, – возможно, возникшим в результате переноса с другой части плуга – 'отвала' (см. ниже).

АУМ II фиксирует в гуцульских говорах такой локализм, как *по'ст'їў* 'лемех', с семантическим сдвигом (из 'вид крестьянской обуви из кожи'), что свидетельствует о позднем возникновении наименования (то же и в: ОКДА; ср. и ю.-буков. [на территории Румынии] postîţ, – правда, как будто в ином значении: 'нижняя часть плуга, на которую насажен лемех' – ALR sn I, № 22). Отметим, что тот же мотивационный признак фиксируется и в некоторых других, единичных наименованиях 'лемеха' в закарпатских говорах – *бош'к'ір* (< венг. bacskor 'вид обуви' – MNyTESz); сюда же *капиц* (ср. польск. kapiec 'вид обуви' и под., к слав. *каръть – подробнее – ЭССЯ 9, 150-151), также – гуцул. čere'vyk (ОКДА; к слав. *červikъ < *červo или *červьjь 'кожный покров [живота]' > 'обувь из кожи' – ЭССЯ 4, 81-84) и бойк. 'čob'it (ОКДА) – тюркизм, обычное значение – 'вид обуви' (подробнее о *чобот* см. в Фасмер IV, 370). Ср. и типологически близкую семантику рус. *башмак* 'часть плуга' (СРНГ).

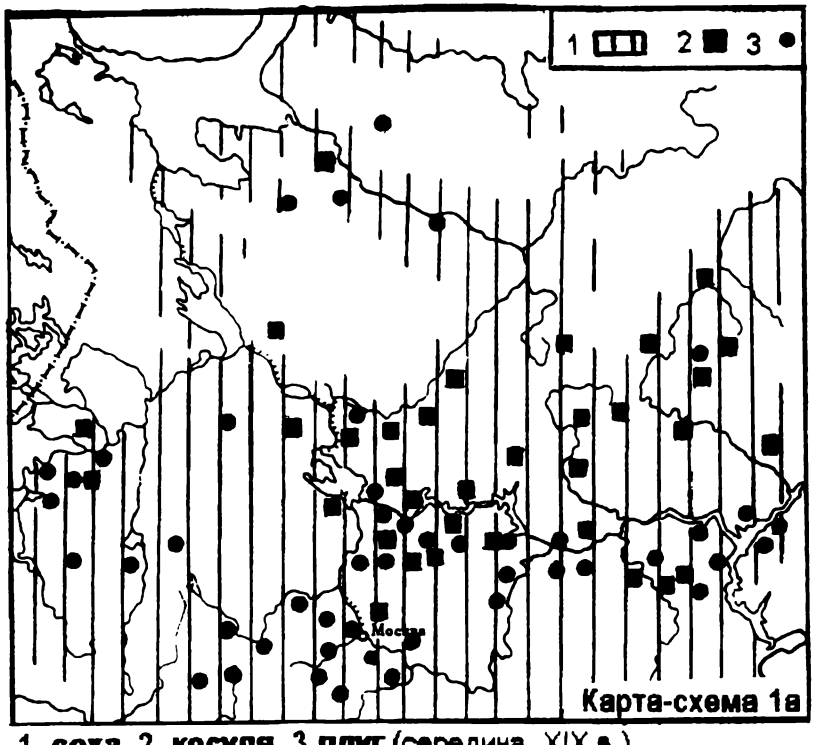
Наконец, в комментариях к атласам приводятся и другие названия, которые могут указывать или на плохое знание информаторами частей плуга (и отсюда – смешение их названий), или на явление переноса названий с одной части на другую. Таковы, например, бел. *разак* (*разачок*), *палазок* и под. (ДАБМ).

2. 'отвал плуга'

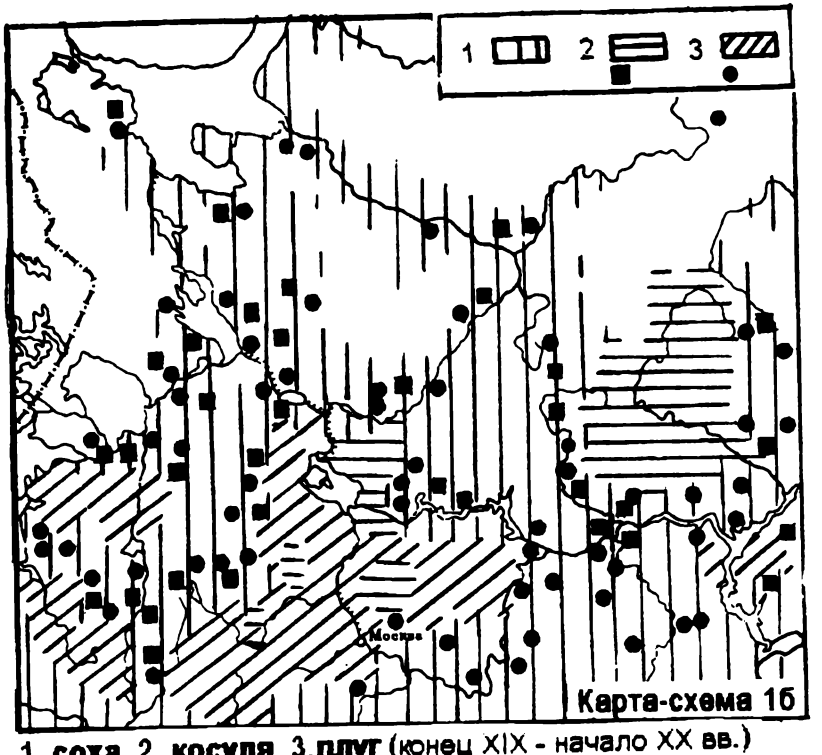
Техническим термином для данной детали плуга в русском литературном языке является *отва́л* (ССРЛЯ 5, 1256), – достаточно новое образование: от + *вал* I, II (=*валить*) (Фасмер I, с. 268). О распространении его в русских говорах мы располагаем, с одной стороны, весьма скудными сведениями: в СРНГ эта лексема в данном значении отсутствует, в нем представ-

Карта 1а, 1б. "Названия частей плуга"

Карта 1а. Распространение сохи, косули, плуга в России (середина XIX в.).
Карта 1б. Распространение сохи, косули, плуга в России (конец XIX в. – начало XX в.).

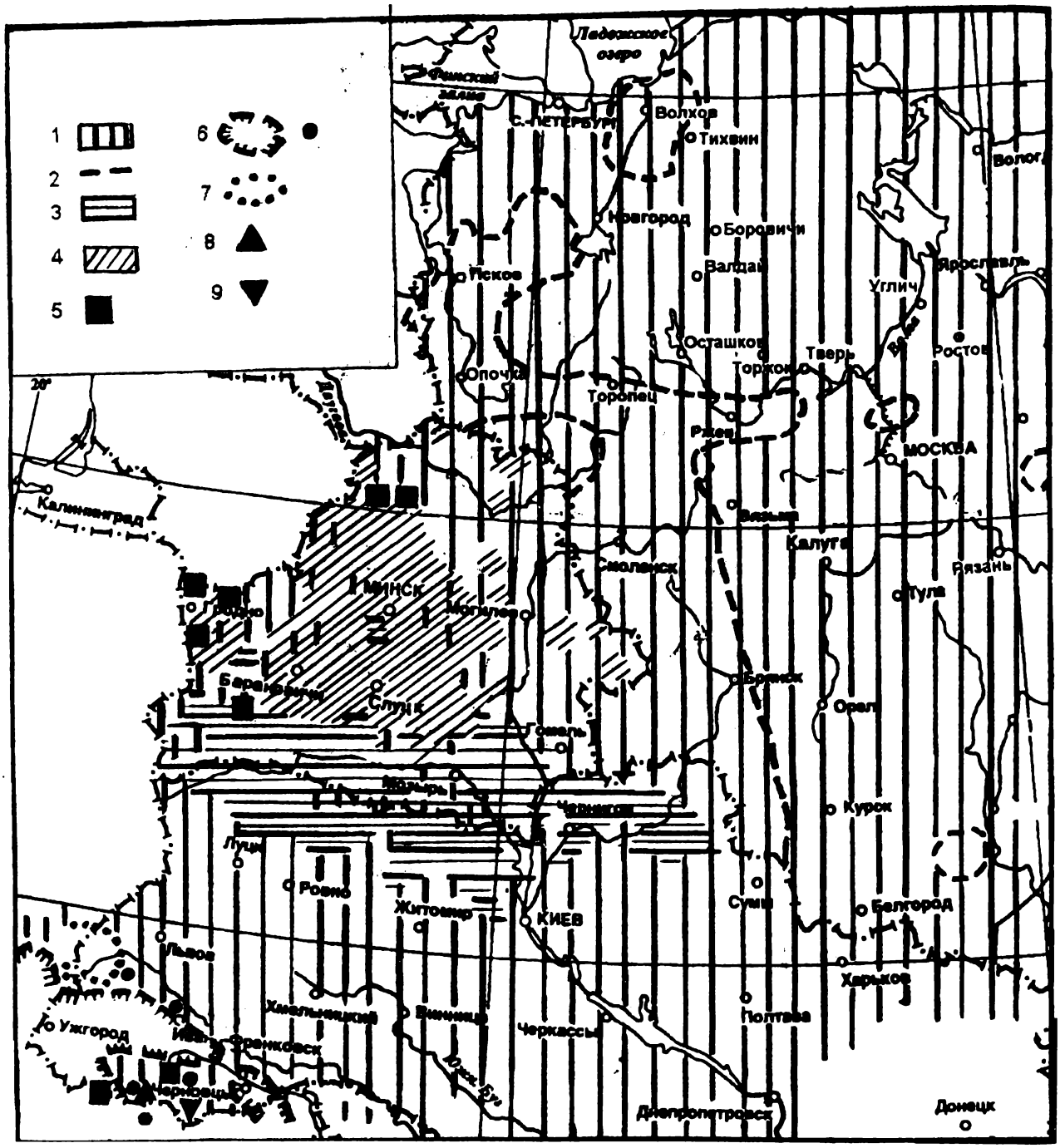

1. **соха**, 2. **косуля**, 3.**плуг** (середина XIX в.)

1. **соха**, 2. **косуля**, 3.**плуг** (конец XIX - начало XX вв.)

Карта 1. "Названия частей плуга"

Условные обозначения:

Название ‘лемеха плуга’. 1. – рефлексы слав. *lemešь/ lemexъ, 2. преимущественное распространение рефлексов слав. *lemešь, 3. репрезентанты sošnik, 4. бел. *нарог*, 5. бел. *нож*, укр. *ніж*, 6. укр. *залізо*(+Adj.), 7. укр. *над* и под., 8. укр. *плита* и под., 9. укр. *пос'т'іў*.

лены однокоренные – *отва́ла* 'то же' (Ср. Урал, Свердл.), *отва́лка* 'то же (у плуга, сохи)' (Яросл., Самара, Н. Новг., Урал, Сиб. [Кемер., Новосиб., Краснояр., Омск., Приирты́шье]), *отва́лок* (Орл., Кир., Н. Новг., Марийская АССР, Ю. Урал, Сиб. [Томск]) (СРНГ 24, 128, 129). С другой, – это материалы ОЛА (ответы на в. № 564). По этим данным наиболее частотными для русских говоров обозначениями 'отвала плуга' являются термин ot'val (ot'val, ot'vaц, at'val и под. варианты) и соответствующие (правда, немногочисленные) дериваты; из последних укажем, например: ot'valok (576 – Верхнетоемск. р-н, Арх.), otva'l'ixa (591, 592 – Вашкинск., Кирилл. р-ны, Арх.), at'valka (754 – р-н Гусь-Хрустальный, Влад.), ср. val/ot'val (538 – Лешуконск. р-н, Арх.) (см. карту 2, с. 123); заметим, что большинство подобных дериватов зафиксировано севернее упоминавшейся выше линии Няндома-Вельск.

В белорусских говорах, по данным ДАБМ, соответствующая лексема в наиболее частотном варианте *атва́л* отмечена в компактном ареале на северо-востоке Белоруссии, спорадически – сев. Полоцка и вдоль границы с Литвой (р-ны Поставы-Сморгонь-Вороново, зап. Гродно), а также в некоторых центральных районах (южн. Слуцка, ок. Барановичи, сев. Петрикова); единичными фиксациями являются фонетический вариант *отва́л* и словообразовательный *атвальня* (ДАБМ с. 821; вероятно от того же корня, с л > р, и единичное *атварніца*). Названия с тем же корнем представлены в ряде северовосточных украинских говоров, – в вариантах *ат'вал*, *ад'вал* (р-н Чернигова-Шостки-Конотопа), отдельные фиксации – сев.-зап. Житомира, р-н Канева, Черкасс (*од'вал*, *'отва́л'*), р-н Александрии (*відвал*) (АУМ I, с. 62) [13].

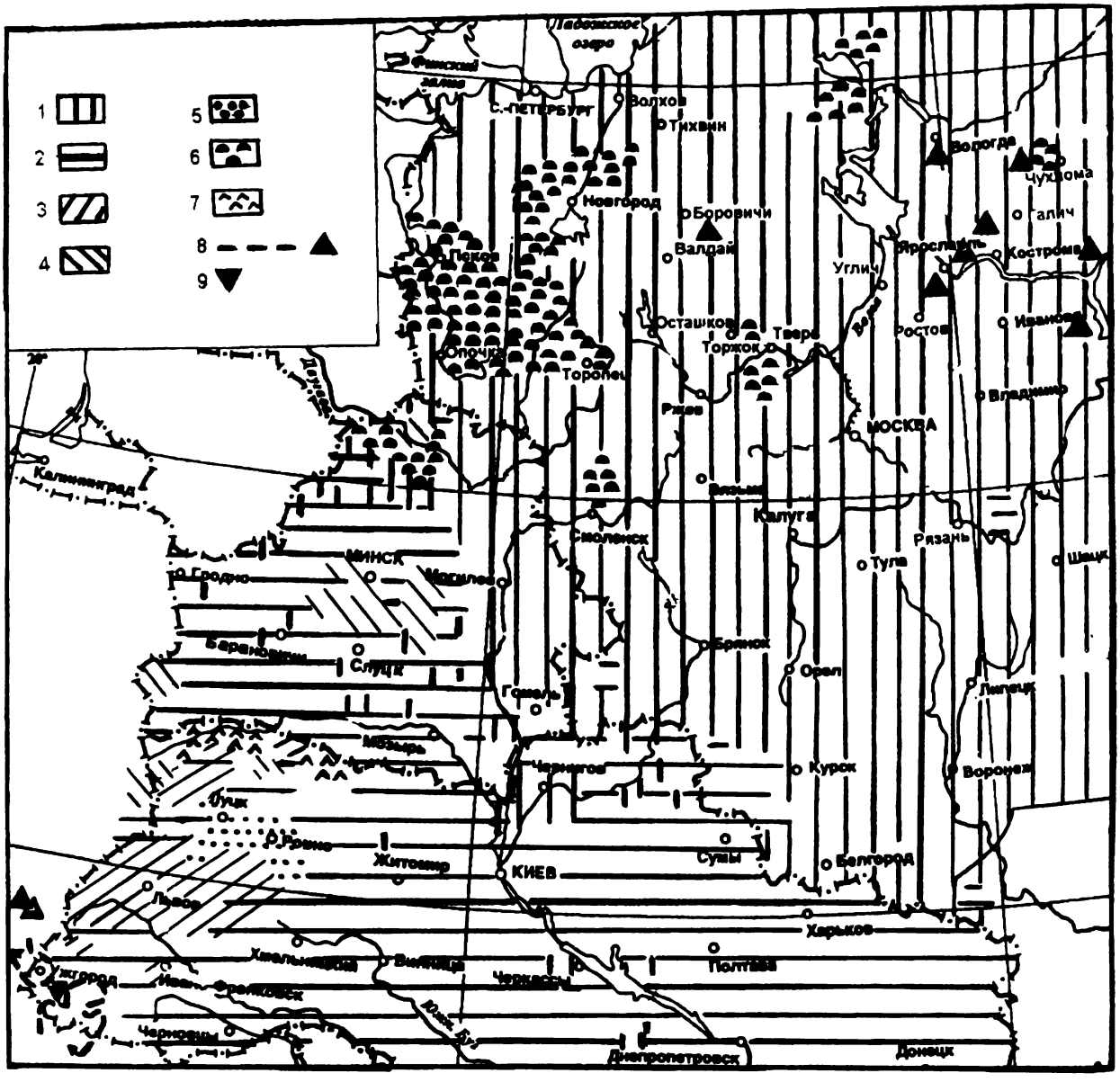
Наиболее распространенными названиями 'отвала плуга' в восточнославянском диалектном континууме являются репрезентанты слав. *polica. Ср. обширную территорию распространения *палiца* на юге, западе и в центре Белоруссии (ДАБМ; фонетические и иные варианты в комментариях не приводятся), а также господствующей формы *полиц'а* и некоторых других в Восточной Украине, в подольских говорах, в большей части волынских, части карпатоукраинских (бойковские, гуцульские, буковинские). В комментариях к АУМ I, II приводится большое число фонетических вариантов, так как существует множество диалектных рефлексаций гласных (*о*, *и*) и согласного (*ц*). Так, в АУМ I (с. 62) находим следующие записи: *па: 'л'іца* (*па'л'іца*, *па'лiца*, *па'лица*), *по'л'іца* (*пу'лiца*, *пуо'л'іца*, *по'лі"ца*), *по'лица* (*по'л'ід'а*, *па'лиц'а*, *по'ли'ц'а*, *'полниц'а*, *пш'лиц'а*) и т. д., еди-нично – *па'л'н'іца*, также – *па'личка* (*по'личка*, *по'лич'а*, *'поличка* и др.). В АУМ II (с. 68) приводятся варианты произношения данного названия, например, *по'л'іеца*, *пуо'лiц'а*, *по'вица*, *'полица*, *'пол'іц'а*, *пу'л'ічкі"*, кроме того, даются отсылки к фонетическим картам на то или иное явление *в целом* (рефлексы *и* – № 17, рефлексы *о* – № 58, произношение *ц* – № 98). По-видимому, заимствованием из восточнославянских языков (=украинского?) объясняется рум. диал. (сев–вост.) poliță 'то же' (ÓКДА).

Ситуация в русских говорах такова (при этом слово *полица* отсутствует в ССРЛЯ). В СРНГ содержится значительный объем сведений о распространении *полица* (*палица* и др.), но в значении 'отвал *сохи*' (ср. – Пск., Смол., Литва, Брянск., Твер., Моск., Волог., Влад., Нижегор., Арх., Орл., Курск., Ряз., Пенз., далее – Урал, Сиб.) [14]; отметим лишь две фиксации лексемы *полица* в значении 'плуг' (Вят., Иркут.). Важны сведения, содержащиеся в ОЛА, – они свидетельствуют, что репрезентанты слав. *polica присутствуют в юго-западных русских говорах: 'pa'l'ica (часто параллельно с at'val) в р-не Севска-Льгова-Суджи, а единично отмечены также в п. 848 (р-н Белгород), в пп. 768 (Рязан.), 798 (р-н Сураж, Брянск.) (а за рамками ДАРЯ – в п. 578 – р-н Красноборска, Арх.).

Другие названия этой части плуга, фиксируемые ДАБМ и АУМ, квалифицируются как локальные. Таковы названия, образованные по модели *от= + клад=* (с сущности, сходный мотивационный признак [=внутренняя форма], что и в *отвал*). Эти названия, в вариантах *откладня* (*откладніца*, но и *уткладня*), также *акладня* (*укладня*, *акладніца*, ср. и *накладня*) и даже *кладня* (ДАБМ, с. 821), отмечены в центральных говорах (р-н Минска), и в ряде небольших островных ареалов на севере (р-н Полоцка), на юго-западе (р-н Бреста). Однокоренные названия, как единичные, известны, по АУМ II, на северо-западе Украины, в микрозонах, примыкающих к Белоруссии, ср. в р-не Ковеля – *уклад'н'а*, *клад'н'а*, те же формы зафиксированы в украинских говорах на востоке Польши – *отк'ладн'е* (*отклад'н'а* и др.) (р-н Бяла Бельска), *вітк'ладн'а* (южн. Кросно) и под.

Некоторым западноукраинским говорам известно употребление в значении 'отвал (плуга)' лексемы *п'лита* (*пл'е"та*) – небольшой ареал Дубно – Ровно – Луцк (об этимологии см. выше). В р-не Ровно также отмечен окказионализм *пла'ха* (?) 'то же' (АУМ II, только комм., с. 68), для которого можно указать соответствие в русских говорах – *плаха*, *плашка*, но – со значением 'отвал у сохи' (Южн., № 163, с пометой, что данное название более характерно для северо-западных говоров!) (при

Карта 2. "Названия частей плуга"

Условные обозначения:

Название ‘отвала плуга’. 1. – рефлексы слав. *otъvalъ, 2. рефлексы слав. *polica, 3. укр. *б'л'аха*, 4. бел. *откладня́*, укр. *откла'дн'а*, 5. укр. *плита*, 6. рефлексы слав. *kridlo, 7. укр. *зак'р'ід*, бел. *закр'и́й*, 8. рус. *доска* (+Adj.), укр. *дошка*, 9. укр. *кор'манка*.

этимологизировании связывается с *плоский* – подробнее: Фасмер III, с. 275).

Значителен ареал ("разорванного" типа) фиксации названия *бл'аха* (*'бл'еха*, *'бл'іха* и под., – подробнее о рефлексах 'а > е и др. см. карты 42, 48 в АУМ I) [15]; по-видимому, из *'бл'аха* и единичное *'пл'аха* (р-н Дубровицы, Ровен.).

Рефлексы слав. *kridlo [16] в интересующем нас значении отмечаются, по ОЛА, в некоторых западнорусских говорах, – krы'ło. Отмечается несколько больший ареал данной формы, – он охватывает говоры в р-не Пскова – Порхова – Холма – Нелидово – истоки Днепра – В. Луки – Пустошка – Опочска – Пыталово. Меньший ареал очерчивает окрестности сев. Новгорода (р-н Чудово – Будгощь – М. Вишера); микроареал данного рефлекса зафиксирован в р-не Чарозеро (п. 593) и оз. Белого (пп. 586, 587, 590); единичные случаи употребления данного термина см. и в. п. 670 (Чухломск. р-н, Костр.), п. 723 (Палех, Иван.), п. 745 (Семеновск. р-н, Н. Новг.). За пределами территории ДАРЯ название отмечено в низовьях Сев. Двины (пп. 532, 535 – Арх., также пп. 574, 575, 577 – Вельск., Устьянск., Красноборск. р-ны Арх.). Узколокальными являются бел. *крыло* 'то же' (север, р-н Полоцка), укр. кри^{с}ло (р-н И.-Франковска – единично). Далее этот тип названия 'отвала' известен в Ю. Польше (Подкарпатье) – *'skšydȩo* и под. (ОКДА V).

В говорах украинско-белорусского пограничья (север Волыни-Пинское Полесье) зафиксирован локализм с корнем, восходящим к слав. *krojь [17], – ср. бел. *закр'йй* (единичное – ДАБМ, с. 825) и укр. *за'кр'іі* (модель за= + *крои*=). Таким образом, семантика продолжений слав. *krojь включает, помимо *крой* (*покрой* и под.) и др., также и семантические признаки, указывающие на обработку (=резку) земли; ср., например, 'плужный нож' (чеш., польск.), 'острая часть плуга' (укр.) и др. (ЭССЯ). Данное приставочное образование может рассматриваться как имеющее значение 'то, что **з а** плужным ножом', т. е. – 'отвал'.

В севернорусских говорах отмечены при обозначении 'отвала плуга', названия, восходящие к слав. *dъska [18], часто с определениями, ср.: dos'ka (пп. 703 – Ростовск., Яр., 707 – Костромск., 689 – Галичск. Костр.), ot'val'naja dos'ka (п. 641 – р-н Вологды), ot'val'na dos'ka (п. 668 – Грязовец, Волог.), ot'val'na dos'ka/ot'vał (п. 636 – Мошенск. р-н, Новг.), dos'ka/ot'vał (п. 685 – Рыбинск., Яр.). В юго-западных украинских говорах (запад и центр Закарпатья) также известно большое число репрезентантов слав. *dъska в интересующем нас значении, ср. варианты *'дош'ч'ка*, *'дошка*, *'дока*, *'дышка*, а также *'дочка* и *'деска* (Вост. Словакия – ОКДА V; последняя форма – словакизм) [19]. Данное название зафиксировано в западнославянских диалектах – ср., например, слвц. *'deska*, *'doska* 'то же', морав. 'deska, польск. 'descka (ОКДА V); там же – о заимствовании в румынский как *названия* (şîţă, şiţă), так и способа мотивации (названия), ср. рум. диал. scîndură 'доска' > 'отвал' (подробнее – Клепикова, с. 265).

Еще одним локализмом, характерным для украинских говоров Закарпатья, является название *кор'манка* и под. (р-н Берегово), представляющее собой заимствование из венгерского (ср. венг. kormány < слав. кръма < слав. *kъrma, подробнее: MNyTESz 2; о слав.*kъrma I, II см. ЭССЯ 13, 220-223). Впрочем, возможно и опосредованное заимствование из венгерского – через румынский, в диалектах которого (в том числе в сопредельных с Закарпатьем районах) широко известны термины corman, cormană и под. – также 'отвал плуга' (см.: ОКДА V) < венг. kormány (при том, что в румынском есть и "собственное", прямое заимствование из славянского – cîrmă – Rosetti III, 64).

Наконец, по ОЛА, в русских говорах для обозначения 'отвала', возможно, используются рефлексы слав. *lemešь/lemexъ, разумеется, если это не ошибки собирателей, – характерно, что подобные употребления чаще всего отмечаются на Русском Севере (*вне* территории ДАРЯ), где знакомство с данным орудием, по-видимому, было слабым (поэтому, как правило, эти формы нами не приводятся на карте 2). Из единичных (и не картографируемых нами) названий приведем еще 1) p'e'ro (устье Сев. Двины [не картографируется], Каргопольск., а также на юге – п. 846 [Белгор.]); 2) 'nožьik (Смоленск.), ср. и noš/'l'em'eš (Кингисеппск., Ленингр.), noš (Север, не картографируется); 3) saš'n'ik (п. 825 – Орл.), soš'n'ik (п. 556 – Арх.), pr'i'sox (п. 538 – Устюженск., Волог.), pr'i'sox//at'vał (п. 682 – Бежецк., Твер.); 4) lo'patka (п. 570 – Каргопольск., Арх.); 5) ot'r'es (п. 639 – Каргопольск., Арх., п. 709 – Макарьевск., Костр.). Из окказионализмов, также не картографируемых, отметим no'sok (п. 543 – Арх.), spa'dok (п. 811– Брянск.), an:a'polok (п. 773 – Смоленск.), ras'pašn'ik (п. 764 – Калужск.)

Упомянем ряд терминов, содержащихся лишь в комментариях к ДАБМ и АУМ. Они остались по некоторым причинам некартографированными (как единичные, "окказионализмы" или вызывающие сомнение), – таковы, например, бел. *корч*, *спа'дак* (ДАБМ, с. 821), укр. *адва'рот*, *по'лик*, *'полка* (АУМ I,

с. 62) и *полот'но*, *'стоўба* (буков.), *стоў'бица* (Вост. Словакия), также – *за'л'ізо*, *шыро'койе жэ'л'ізо*, *жі'л'ізо ве'ликойе* (Закарпатье) (АУМ II, с. 68), – последние названия могут быть недостоверными, если иметь в виду наличие в говорах Закарпатья аналогичных названий для 'лемеха' (см. выше).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Несколько лучше положение с картографированием в ДАРЯ частей *сохи* (вопрос № 163), – при том, что в некоторые региональные атласы не включены отдельные карты этой семантической группы.

[2] Впрочем, в соответствии с принятой в русском национальном атласе практикой, основания для исключения подготовленных карт из корпуса (или невозможности их составления) обычно не эксплицируются, хотя во введении и комментариях к тому или иному тому содержатся отдельные указания такого рода. Далее они используются нами.

[3] Ср. мысль Ф. де Соссюра о необходимости различать "внутреннюю" лингвистику и "внешнюю", к которой он относил "...все пункты, которыми лингвистика соприкасается с этнологией, все связи, которые могут существовать между историей языка и историей нации, расы, цивилизации..." и под. (*Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 43-44). Ныне во "внешнелингвистических" факторах предложено разграничивать "внелингвистические" и "экстралингвистические". Ср., например: *Толстой с. 18.*

[4] Соха на протяжении многих веков (и в том числе в XIX в. и начале XX в.) являлась главным пахотным орудием в средней полосе Европейской России. На Русском Севере она появилась вместе с новгородской, ростово-суздальской, московской волнами переселенцев (XIII–XVI вв.); на Западе, уже в XVIII в., соха была представлена повсеместно, на Востоке, помимо сохи, использовался с а б а н (только для вспашки нови, залежи и под.). Наконец, на Юге полевые работы велись с помощью сохи и плуга (Атлас, с. 34, специально о *сабане* – с. 53).

[5] Подробно об устройстве *косули*, ее преимуществах перед сохой (=более глубокая пахота) и под., см. Русские. 1997, с. 167, 172.

[6] Плуг был известен еще в Древней Руси (например, у вятичей), однако не имел широкого распространения, – даже в России XIX-начала XX вв. Одну из причин видят в том, что плуг – степное орудие, где тяжелые (черноземные) почвы; в центральных губерниях, где представлены подзолистые почвы, плуг разрушал подзол. На Севере плуг мог быть использован лишь на суглинках, на целине (Белозерье, Сев. Двина, Вологда) (Русские. 1997, с. 167; о пагубности глубокой вспашки и вообще об использовании тяжелых машин для земледелия в ряде районов России – там же, с. 207-208). Об использовании плуга для вспашки дернистых почв см.: Атлас с. 48-49; Русские. 1997, табл. на с. 175. Здесь же упомянем о существовании в указанный период (XIX–XX вв.) и такого орудия.

[7] Например, в Сев. анализируются *два типа* отвала сохи, которые в части нас. пп. вполне точно устанавливаются по прилагаемым рисункам и описаниям, а в части ответов тип отвала остается неясным (машинопись, с. 3720). В том же томе фиксируются различия между сохой, косулей и близкими по устройству и функции пахотными орудиями. Так, отмечается – "...В настоящее время эти орудия не употребляются (за исключением единичных случаев использования некоторых из них в индивидуальных хозяйствах) и в значительной части нас. пп. не сохранились. Поэтому рисунки и описания часто даются по воспоминаниям старожилов, а во многих ответах приводится лишь простой перечень названий. Большинство таких ответов условно картографировано в связи с тем, что эти названия обычно закреплены за определенными частями пахотных орудий" (там же, с. 3710). Во "Введении" к Зап. находим – "...это орудие (=соха), видимо, очень давно вышло из употребления. Часто также знают слово *соха*, но не помнят названий частей этого орудия... оно ни у кого не сохранилось. Названия же его частей жители... называли по памяти" (машинопись, с. 217). И далее – "...соха является пережиточным сельскохозяйственным орудием и, не употребляясь в сельскохозяйственном производстве колхоза, лишь ...в единичных случаях сохранилась в индивидуальном хозяйстве колхозников. Поэтому, если соха не забыта совсем, названия ее и ее частей приводятся в ответах только по воспоминаниям стариков; рисунки и объяснения часто отсутствуют или сопровождаются оговоркой, что они даны условно на основании различных описательных характеристик... названия частей сохи, картографируемые на каждой отдельной карте, оказалось возможным квалифицировать как соответствующие друг другу лишь на основании *функции* данной части в процессе пахоты" (с. 2338). Ср. и: "...названия 'полицы' картогра-

фированы независимо от ее устройства..., но лишь по функции..." (с. 2344).

[8] В ОЛА – более 320 нас. пп. (ОЛА, т. 1, с. 23-25), в ДАРЯ – свыше 4200 нас. пп. (ДАРЯ, т. III [М., 1996], Приложение III, с. 314 и след.

[9] Подробнее об этимологии см.: ЭССЯ 14, 107, 110. Учитывается наличие балтийских соответствий (ср. латыш. lemesis 'острие плуга', лит. lẽmežis, lamežis 'часть, к которой крепится лемех'), – далее – к слав. *lem= 'ломать, бить' (< и.-е. *lem=/*lom=/*ləm=), и первоначальным могло быть значение 'орудие, *взламывающее* землю при пахоте'. Большинство исследователей исходят из основы на =es=, осложненной в праславянском суфф. =j= (по типу рус. тѣлешь < *tělo, *tělese); заслуживает внимания и версия (А. Вайана), исходящая из *lemen= и оценивающая *lemex= и *lemeš= как экспрессивные формы с суфф.=хъ: šь. Первую форму считают более поздней (=вторичной), в то же время "можно предполагать достаточно раннее появление" формы *lemехъ. Подробнее об особой близости семантики славянских и балтийских форм (в том числе и прусск. limtwey), восходящих к и.-е. *lem=, см.: Топоров. 1990, с. 256-260 (="...исходя из общих балто-славянских оснований, прусский и славянский сформировали общий запас технических терминов и соответствующей фразеологии, существенно отличный от восточнобалтийской традиции").

[10] СРНГ содержит большой материал, указывающий на возможность употребления рефлексов *lemехъ/lemešь для обозначения *других* частей плуга (и сохи), ср. *лéмех*, *лемёх* 'большой широкий деревянный "зуб"... перед сошником; отвал (у сохи-косули)' (Яр.), 'нижняя часть ручек (плуга-сабана)' (сиб.), 'род плуга, сохи' (вят.) и др., ср. и: *лéмех* 'плуг' (Мордовия – ЭССЯ 14, с. 107) и под., *лемéш* 'лемех сохи' (Дон) (СРНГ) и др. Вместе с тем *лемех* выступает в говорах и в качестве **строительного** термина – *лемех* (собир.) 'обработанные особым образом... деревянные пластинки, идущие на покрытие церковных куполов, крыш и т. д.' (Перм.), 'бревенчатый... фронтон двускатной крыши дома' (Сиб.), 'жерди, лежащие на стропилах...' (Влад.) и др. (СРНГ). О некоторых фонетических вариантах продолжений слав. *lemехъ/lemešь в русских говорах можно судить по материалам архивов региональных атласов и по данным ответов на в. 562 ОЛА (см. далее).

[11] О *произношении* лексемы в диалектах (= в значении 'лемех *сохи*'), помимо *сошник* (*сошники*), также как *шошники*, *шашники* (два) *шашн'ика* и под. см. в архивах региональных атласов (Зап. № 382, Южн. № 263, Сев. № 381).

[12] Приводимый в ЭССЯ глагол *naditi (рефлексы – в южнославянских, русском, украинском языках) возводится к *nado; ср. и: *nada, также представляющее собой сложение – *na= +dě(ti) (ЭССЯ 21, 229, 231 и др., 22, с. 9).

[13] Этот тип наименований известен западнославянским языкам, ср., например, зап.-слвц. 'odval'nica, ю.-польск. ǫodva'l'nica и под. (ОКДА V, № 23).

[14] Сходные данные находим и в архиве русских региональных атласов, в которых содержатся карты на названия частей *сохи* (ср., например, в Зап., № 385 – *полиэца*, *пáл'ица*, *пáли́ца* и др.; в Сев., № 381, дан обстоятельный комментарий этнографического характера и приводятся важнейшие фонетические варианты (*поли́цá*, *пáлицá* и др.).

[15] О происхождении *бляха* (через польск. blacha < др.-в.-нем. blĕh, ср. в.-нем. blĕch) см.: Фасмер I, 180. Очевидно, что украинские говоры заимствовали лексему-термин прямо из польского, о чем может свидетельствовать существование ее в польских диалектах, например, в Ю. Польше (ОКДА V; там же – слвц. 'bl'aха, морав. pl'eh).

[16] Этимология: *kridlo (//*skridlo) – девербатив от несохранившегося глагола *skriti 'летать (кругами)'. Первичное значение – 'крыло' (во всех славянских языках), ср. семантическое развитие – 'плавники (рыбы)', 'створка (двери)' и др. (подробнее – ЭССЯ 12, 152-153), но не упоминается 'отвал плуга', хотя оно отмечено у М. Фасмера [I, 188]: *крыло*... 'часть плуга...'; рус., бел. *ы* – результат сближения с *крыть* (там же).

[17] Как девербатив от несохранившегося глагола *kriti, с корневым вокализмом о (ЭССЯ 12, 182). Слав. *krojiti определяется как "отыменный глагол от отглагольного имени этого корня" (=*krojь) (ЭССЯ, там же, 181).

[18] Считается старым германизмом, который в свою очередь восходит к лат. discus (< греч. δισκος) (ЭССЯ 5, 154).

[19] Укажем и параллель в русских говорах, где, по СРНГ 8, 141) также известно название *доска* 'часть *сохи*, отвалок' (Вят., Волог., Литва). Ср. материалы северного тома ДАРЯ (№ 381) – отмечено *доска* 'отвал *сохи*'.

ЛИТЕРАТУРА

БДА – Български диалектен атлас. I-IV. София, 1964-1978.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 1-4. СПб. 1903.

КДА – Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

Клепикова – *Клепикова Г. П.* Явление параллелизма в семантическом развитии диалектов карпато-балканского ареала. // Македонски јазик, XL-XLI. Скопје, 1995.

ЛАЗГ – *Дзендзелівський Й. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл. УРСР. I-II. Ужгород, 1958, 1960.

ОКДА – Общекарпатский диалектологический атлас. Т. 5. Bratislava, 1997.

ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Тт. 1 (М., 1988), 3 (в печати).

СРНГ – Словарь русских народных говоров. I-. Л.-СПб. 1965-.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. 1-17. М.-Л. 1950-1967.

Толстой – *Толстой Н. И.* Общие проблемы и методика лингво- и этнографических исследований. // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.

Топоров. 1990 – *Топоров В. Н.* Прусский язык. М., 1990.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологиченский словарть русского языка. i-IV. М., 1964-1973.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. 1-. М., 1074-.

AGB – *Rieger J.* Atlas gwar bojkowskich. I-. Wrocław–Warszawa... 1980.

ALR – Atlasul lingvistic român. Sn. V. I. Bucureşti, 1956.

MNyTESz – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. 1-3. Budapest, 1967-1976.

Rosetti – *Rosetti A.* Istoria limbii română. I-III. Bucureşti, 1964.

Г. П. Клепикова

НАЗВАНИЯ 'МУРАВЬЕВ'

Данные о названиях 'муравья (муравьев)' в восточнославянских диалектах отражены в ДАРЯ (II, к. № 76, составлена Н.А. Липовской) и АУМ (I, к. № 326, составлена А.С. Лысенко, II, к. № 340, составлена А. Залесским). Соответствующий материал по белорусским говорам отсутствует в ДАБМ, – по-видимому, ввиду "монотонности" ландшафта белорусского диалектного континуума, поэтому для его характеристики использованы карта № 41 и комментарий к ней, опубликованные в 1-м томе ОЛА (составитель карты – Я.В. Закревская). Они свидетельствуют о распространении в белорусских говорах лишь названий с корнем *morv= (см. ниже). Сведения, содержащиеся в ОЛА, как дополнение к материалам национальных атласов, привлекаются при анализе также русских и украинских диалектных фактов[1].

Следует подчеркнуть, что большое число вариантов, прежде всего фонетико-словообразовательных, создают известные трудности при рекартографировании в рамках ВСИ, поэтому решено отразить имеющийся материал на двух основных, *обобщающих*, картах, – собственно лексической (включающей данные ДАРЯ, АУМ и ОЛА), и словообразовательной (в основу которой положена соответствующая карта ОЛА), а также одной *дополнительной* лексической карты.

Лексическая карта (№ 1), при том, что преобладающими являются варианты с корнем *morv=[2], указывает на наличие в русском и украинском диалектных континуумах значительных ареалов (и единичных фиксаций) наименований 'муравья', образованных от других корней; тем самым актуализируется лексическое противопоставление большей части восточнославянского лингвистического пространства остальным языкам Славии (включая и белорусский язык), в которых употребляются, по данным ОЛА, лишь дериваты с корнем *morv=. Они частично репрезентируют общеславянские модели (ср. продолжения *morvъ, *morvь, *morvьka и под. – ЭССЯ 19, с. 296-297) или представляют собой более поздние образования. При составлении карты № 1 нами проведено объединение некоторых знаков, представляющих относительно редкие варианты, что, на наш взгляд, увеличивает наглядность соотношения противопоставленных явлений.

Словообразовательная карта (№ 2), воспроизводящая в упрощенном виде словообразовательную карту № 41 из ОЛА, отражает ареалы только наиболее частотных и значимых для дифференциации восточнославянского диалектного пространства словообразовательных моделей, манифестированных как *однокоренными*, так и *разнокоренными* дериватами. В то же время в комментариях, как указано выше, приводятся все зафиксированные в атласах варианты.

I. *Лексический* аспект изучения восточнославянских диалектных названий 'муравьев (муравья)' (см. карту 1).

1. Названия, содержащие корень *morv=.

Выше было констатировано, что подобные названия оказываются для восточнославянских языков наиболее частотными (и, вероятно, многие из них наиболее старыми), при этом важно подчеркнуть, что в этих языках безусловно преобладают варианты с изменением гласного ***о*** (в начальном слоге) в ***и*** (: mor=> mur=); граница этого явления фактически совпадает с ареалом самой Восточной Славии, захватывая, впрочем узкую полосу говоров в Восточной Польше (см.: ОЛА). Наиболее ясно это изменение в продолжениях слав. *morvьjь, – см., например, рус. *муравей* < **моровей* и под. (по мнению М. Фасмера, – под влиянием слов *мурава*, *мур*, см.: Фасмер III, 11, 10)[3].

1. Ареал репрезентантов, восходящих к *morvьjь

[1] Это, во-первых, позволяет учесть малочастотные единичные фонетико-словообразовательные и лексические варианты, отсутствующие в ДАРЯ и АУМ, и, во-вторых, в результате сопоставления всех имеющихся в нашем распоряжении фактов, дополнить и уточнить представления о географии того или иного названия. Важно при этом иметь в виду расхождения в формулировках вопросов программ национальных атласов и ОЛА, – в первом случае речь идет о формах *мн.*ч., во втором – *ед.*ч. Иногда это оказывается существенным.

[2] Подробно об этимологии слов, восходящих к слав. *morv =< *morvi и соответствиях в других индоевропейских языках, продолжающих удвоенную форму в и.–е. *mor-m[o]= (ср. также варианты с m >ɻ [:morɻ=]) см. в: ЭССЯ 19, с. 248; там же – об экспрессивности "ломанного" удвоения корня (= "визуальная ономатопея"). Фактор изначальной экспрессивности названия данного насекомого продолжал, по-видимому, действовать и в дальнейшем, при возникновении новых дериватов, – уже на почве отдельных языков, и, в частности, восточнославянских.

[3] О лексеме *murava, содержащей тот же корень, что и в *mura, *murъ и под. и суфф. =av=, см.: ЭССЯ 20, с. 193.

(в обобщенной транскрипции ОЛА – mur-av-ьj-ь) включает прежде всего центральную и восточную части русского диалектного континуума, это большинство среднерусских говоров и многие говоры южнорусского наречия, а также отдельные севернорусские говоры. Карта № 76 ДАРЯ свидетельствует, что образование *муравей*[4] типично, в частности, для восточных среднерусских говоров и примыкающих к ним говоров южной части севернорусского наречия, – костромские и соседние с ними вологодские, ряд белозерско-бежецких; западнее указанного, достаточно компактного, массива отметим фиксации формы *муравьи* в некоторых пп. селигеро-торжковской группы, в отдельных псковских, новгородских, гдовских говорах, обычно – в виде незначительных вкраплений в ареалах иных названий (в том числе как лексические дублеты). В южнорусских говорах данная форма известна в верхнедеснинской группе и в межзональных говорах типа "А". Однако в южной части обозначенной выше макрозоны господствующим является фонетический вариант с l-epentheticum – *муравли* (=v-ьji > v-l'i) (возможно, в некоторых случаях как факт лексикализованной фонетики)[5]. Он представлен в южной полосе восточных среднерусских окающих говоров (собственно – владимиро-поволжской группы) и восточных среднерусских акающих; в южном наречии в данный ареал входят: вся Восточная группа говоров, многие говоры тульской, также – оскольские, ряд елецких, южные курско-орловские и межзональные говоры типа "А". На западе южного наречия эта форма известна значительному числу верхнедеснинских говоров, единично – в р-не Трубчевска и Новозыбкова; ср. и фиксации сев.-вост. Смоленска, сев. г. Белый, в р-не Торопца, В. Лук, Осташкова, Острова. В северном наречии форма встречается спорадически, – ср. сев. Устюжны. сев.-вост. Вологды.

Существование формы *муравú* (которую можно трактовать и как результат утраты j в *муравьú*, но и как мн.ч. к *муравь*, – ср., кстати, в комм. 211), а также вариантов *муравы́*, *мура́ви* зафиксировано ДАРЯ в отдельных говорах южн. Ряжска, в р-не Твери, а на севере русской территории – сев. Луги, в р-не Будгощи и Волхова, Устюжны, Боровичей, Рыбинска, далее – сев. Костромы, южн. Вологды, вост. Кологрива, сев.-зап. В. Устюга и др.; на крайнем юго-западе – в р-не Новозыбкова-Трубчева-Севска (сюда же – фиксации ОЛА: mu'raf' [п. 735 – моск., п. 810 – тамб., п. 788 – калуж.], mu'raf [п. 794 – ряз.]).

В восточной части **украинского** диалектного континуума форма *мураў'йі* (АУМ I, № 326; в комментариях, с. 69: *мурав'л'і*, также – *мурав'л'а*, *мурав'л'іе*, и др. [м.б., собир.]), в виде единичных фиксаций или цепочек островных (микро)ареалов, отмечена в говорах практически всех наречий. Наиболее часто эти фиксации – в восточно= и среднеполесских говорах (р-н Житомир-Коростень, Чернигов Нежин), в слобожанской микрозоне (р-н Шостка – Конотоп – Сума), в средненаддепровских (р-н Киев, Канев – Черкассы – Лубно), особенно часто – к западу и югу от Полтавы, реже – в р-не Б. Церкви, на севере степных говоров (р-н Кировоград, Александрия); на востоке юго-западного наречия – спорадически вблизи Бердичева, Винницы, Жмеринки, Умани. Напротив, в западноукраинской макрозоне (АУМ II) вариант *мураў'лі* (редко *мурав'йі*)[6] образует достаточно компактный ареал, охватывающий надсянские, часть надднестровских говоров (к северу от р. Днестр) и бóльшую часть волынских говоров (запад и центр, иногда – параллельно с иными наименованиями от того же корня или инокоренными, прежде всего с корнем *ком*=), некоторые подольские; этот вариант спорадически находим в западнополесских и др. Вариант *мурал'і* (по-видимому, в результате утраты *ў*) встречается редко – лемковские говоры на территории Польши.

Единичны, по данным ОЛА, случаи употребления подобного деривата в **белорусских** говорах (обычно – как дублет), ср. mura'w'eį (п. 328 – витебск.), mura'v'eį (пп. 345, 364, 371, 398 – гродн., брест., могилев., гомельск.).

В восточнославянских диалектах широко распространены варианты, имеющие как бы "усеченную" основу (за счет отсутствия элемена =v=: *morv= > mor=), к которой присоединены суфф. =aš=/=ax=, =aš-ьk=.

Дериваты с суфф. =*аш*=, =*ашк*= хорошо представлены на русской языковой территории. Так, словообразовательной особенностью северного наречия является бытование формы *мураши́* (единично – *мура́ши*, *муро́ши*, *мараши́*; сюда же и вариант *марши́*

[4] В ДАРЯ (III, с. 210 и сл.) приводятся различные фонетические варианты, которые картографируются как основная форма (*мура́вьи*, *мураф'йй*, *муравёйи*, ср. *муравьё*); в комментариях к карте ОЛА находим, помимо *mura'v'ej* / *mura'veį* (*mura'v'ei*) также *mura'w'eį*, *murəv'ej*, но и *muro'v'eį* (*muro'v'ej*), *mara'v'ei* (*mara'v'ej*), *məra'v'ej*, *məra'v'ij* (*mərov'ei*) (к **morovej*?) и др.

[5] Ср. единичные – *мóраўли* (Ю. п. 40 – брянск.), *мурали́* (Ю. п. 410 – курск.) и др. В ОЛА – помимо *mura'v'el'* - *muraf''əl'* (п. 754 – влад.), *mu'ravl'* (п. 796 – ряз., пп. 823, 824 – курск.), ср. и: *muravl'//muravl'ej* (!) (п. 808 – липецк.) и *muraf'* ~ *mura'vl'i* (п. 795 – ряз.).

[6] В ОЛА (с. 69), помимо соответствующей формы ед.ч. mura'vel' (mura'vel), находим и *murahel'* (п. 414 – львов.), ср. и *mu'ral* (п. 419 – львов.).

[ДАРЯ, с. 211]). Вариант представлен в значительном числе говоров этого наречия (в западной части ареала – в ряде случаев – параллельно с образованиями, содержащими иные корни); это говоры ладого-тихвинской группы, многие белозерско-бежецкие, онежские, лачские, также говоры вологодской группы. В то же время в костромских говорах дериват отмечается эпизодически. В среднерусских говорах название *мураши* фиксируется спорадически в западных (акающих) говорах – псковских, отдельных новгородских, селигеро-торжковских, также, как единичные, – в отдельных среднерусских окающих. В южнорусском наречии указанная форма фиксируется ДАРЯ крайне редко, ср., например, зап. Калуги, с.-вост. Брянска, вост. Воронежа и под.[7]

Родственный лексико-словообразовательный вариант *мура́шки* (и *мурашки́* представлен в достаточно большом числе русских говоров. Основной (и компактный ареал) совпадает по существу с границами группы южного наречия; к нему непосредственно примыкает, к северо-западу от Можайска, микрозона между Калугой и Малоярославцем, ср. фиксации в р-не Брянска. Далее к востоку в пределах южного наречия – указанный дериват выступает редко, – так, он зафиксирован в р-не Тулы, южн. Орла и Ст. Оскола, в р-не Ливны, также к северу от Тамбова. В среднерусских говорах название известно мало, укажем отдельные случаи употребления в говорах гдовской группы, южн. Москвы, вост. Н. Новгорода и др. Наконец, в северном наречии упомянем в этой связи некоторые говоры ладого-тихвинской группы (р-н Лодейное Поле), единичные записи в р-не Волхова и Боровичей, далее – р-н Устюжны, Вытегры, Рыбинска, Ветлуги и др. В комм. ДАРЯ (с. 211) аналогично картографирован и такой вариант, как *мура́шики* (ср. и в ОЛА: mu'ťašьk – [пп. 567, 621 – волог.]).

Вариант *мурашки* является, по данным ОЛА, господствующим в **белорусских** диалектах (ср.: mu'raška).

На Украине АУМ выявляет три значительных, и дистанцированных друг от друга, ареала формы *му'р$^{(')}$аш'ки* (ср. и многочисленные восточноукраинские фонетические варианты: *му'раш'кі, =кі, =ки* и под., *мо'рашки, мѡ'рашка, мо̂'рашки, мураш'ки*, [АУМ I, 69]); наиболее обширный – в североукраинских говорах (полесских), непосредственно продолжающих ареал соответствующих форм в белорусской и юго-западной русской зонах. В Западной Украине этот вариант фиксируется в южной части наддне-

[7] В ОЛА, помимо форм mu'raš, mura'šы, отмечены более редкие – 'muraš, но и mo'rыš, mo'ruš (пп. 590, 591 – волог.), ma'rыš (п. 615 – волог.).

ровских говоров, также в бойковской и северозападной закарпатской микрозонах. Наконец, на востоке небольшие островные ареалы формы *мурашки* отмечаются довольно часто в средненадднепровских говорах (ср. Миргород – Полтава, южн. Черкасс) и на севере степной группы (Кировоград – Александрия – Днепропетровск), так же – в некоторых слобожанских (р-н Сум)[8]

Наконец, ареал варианта *му'р'ахи* (*мур'йахи*) характерен прежде всего для западноукраинского диалектного ландшафта, – это западнополесские говоры, часть среднеполесских, в виде единичных фиксаций или небольших островков форма отмечена в волынских, надднестровских говорах, но и во многих гуцульских и буковинских, а далее на восток – в виде узкой полосы вдоль течения р. Ю. Буг (АУМ), однако в последнем районе преобладает вариант *му'рахи* (*му'рах'і*, единично – *ми'рахи*; некоторые дополнения могут быть извлечены из комм. ОЛА).

Факт существования аналогичных вариантов в **белорусских** говорах подтверждает материал ОЛА, ср.: 'mu'raxa (р-н Брест), в непосредственной близости от ареала соответственных форм в украинском диалектном континууме.

Отметим и малочастотные названия 'муравья (муравьев)' от корня *morv=, зафиксированные в восточнославянских атласах.

а) Названия, реализующие словообразовательную модель mur-av-ъk-a: укр. *му'раўки* (*муравки*) фиксируется в средненадднепровских говорах (особенно часто – в р-не Черкассы – Днепропетровск – Полтава и т. д.) и как правило – параллельно с иными названиями с тем же или другим корнем (АУМ).

б) Названия, объединяемые метаформой mur-janъk-a: укр. *мур$^{(')}$ан'ки* (*мур'йанки*), отмечаются, в основном, в лемковских говорах (Вост. Словакия, соседние р-ны Ю. Польши; ср. и в р-не Хелм), но и в центральной и восточной частях Закарпатья (см. соответствующие данные в комм. ОЛА: *mu'r'anka, mu'r'aŋka, mu'ran'ka*, ср. *mur'a'nok*). Дальнейшие изменения фонетического облика слова, в результате, в частности, преобразований групп согласных, представлены формами лемк. *мур'ван'кы, мурдвйанка, мурва'н'і.*

в) Ряд близких вариантов отмечен в юго-западных украинских говорах, речь идет о, несомненно, экс-

[8] Составитель карты АУМ II, № 340 (с. 76) как вариант к *му'р$^{(')}$аш'ки* рассматривает и зап.-укр. *мурашчки* (отдельные пп. в р-не И.-Франковска, в Восточном Закарпатье), далее – в гуцульских говорах Марамуреша (Румыния); ср., впрочем, и в говорах р-на Бяла-Подляска (Польша). Сюда же и вариант *мор'ач'ки* (лемк., Вост. Словакия), явно экспрессивное *морму'л'ачки* (там же) и даже *мрач'ки* (!) (р-н Санок, Польша).

прессивных образованиях, которые могут быть объединены метаформой mur-an-ъk-ьl=ь, таковы *муранť'л'і*, *муранд'л'і*, *муранди'ли*, далее – *мурад'л'і*, но и *мо'ронтл'і* и под., распространенные в южной части бойковских говоров, на северо-западе и западе Закарпатья, также в лемковских (Вост. Словакия) (ср. и некоторые фонетические варианты в комм. ОЛА; ряд редких вариантов зафиксирован в: ЕСУМ 3, с. 535 и сл.).

г) Единичны случаи реализации в восточнославянском диалектном континууме модели morv-ьс-ь, ср. рус. muro'v'ec (п. 742 – влад.), бел. mura'vec (п. 395 – гомельск.) (ОЛА), ср. и укр. *мо'ровец* (п. 685 – Марамуреш [Румыния]).

д) В русских говорах, принадлежащих к тверской группе, отмечены весьма специфические формы (вероятна возможность контаминации нескольких типов вариантов), воспринимающиеся как явно экспрессивные – *мара́куши* (*мурако́ши*), *мура́киши* (верховья рр. Тверца, Мста, Молога) (тот же ареал фиксирует ОЛА: mu'ťakuš, mu'ťakuška и даже – mu'kak'iš).

2. Названия с корнем kom=.

На обширной территории Восточной Славии (=русские и украинские диалекты) вычленяется ареал названий 'муравья (муравьев)', который может квалифицироваться как некомпактный, "разорванный", с нечеткими границами, в состав которого входит множество небольших "островков" и точечных фиксаций различных наименований – как результат значительного числа пересечений с ареалами названий с иными корнями (обычно – с корнем morv=). В ареале представлены дериваты, в которых синхронно могут быть выделены корень *ком=* и суфф. *=ар*(,)[9], *=ах=*, */=аш(к)=*, *=аш(н')=* и др. (ср. *комар/комар'*, *комаха*, *комашка*, *комашня* и под.). Ввиду отсутствия четких противопоставлений указанных слообразовательных вариантов и высокой степени дублетности форм в отдельных пп., что отражено на картах национальных атласов, на нашей карте № 1 все дериваты представлены *недифференцировано*; это позволяет описать *в целом* географию соответствующих наименований.

Величина ареала, его характер и структура дает основания предположить относительно раннее возникновение названий с указанным корнем. При этом предпочтительной кажется этимологическая версия, поддерживаемая и развитая в наше время В.Н. Топоровым, согласно которой исходным является не звукоподражательный корень,[10] а корень слав. *kom= (: балто-слав. *kem=/*kam= < и.-е. *kem=/*kom[o]= 'сжимать, сдавливать и под.'). Согласно последней версии, этот корень соотносится с семантическим ядром, которое описывается "как наличие *множественности* (курсив наш – Г.К.) мелких однородных элементов, «сдавливаемых» в нечто единое, где уже не различаются отдельные элементы"[11]. Данная этимология упрощает разыскания в семантической сфере с целью поиска оснований (=общий семантический признак – 'множественность, единство') для объяснения **единого** славянского названия *komarъ для 'комара (комаров)' (='летающих и жужжащих насекомых') и 'муравья (муравьев)' (='ползающих, копошащихся насекомых'), – при учете того, что первое из этих значений лексемы является общеславянским, а второе имеет характер локализма (и, может быть, сужающего область своего употребления и уступающего место однокоренным дериватам, ср., несомненно, поздние образования типа укр. *комахи*, *комашня* и под.).

Названия с корнем *ком=* отмечаются в **русском** диалектном континууме, – они характерны прежде всего для говоров южного наречия. В ДАРЯ картографированы варианты *комари́/комары́*, *кума́ши*, *комура́шки*. Преобладающим является вариант *комари́*, фиксируемый главным образом в говорах курско-орловской группы и во многих говорах тульской, а также – в елецких, оскольских говорах, в западной части рязанских; единичные записи – в р-не Н. Ломова – Балашова, а на северо-западе – в р-не В. Лук. Менее частотен вариант *комары*, – как правило, в виде "вкраплений" он присутствует внутри описанного выше ареала, на его периферии, а также в виде цепочки "островков" располагается на некотором расстоянии от него, ср., например, в р-не Рязани, Калуги, Ефремова, близ Орла, Липецка, Воронежа, Ст. Оскола, восточнее – в р-не Н. Новгорода и Арзамаса, также – Саранска, Борисоглебска и др.

Два других названия имеют минимальное распространение, являясь, в сущности, локализмами. Так, вариант *кума́ши* известен в микроареале Луга – В. Новгород, вариант *комура́шки* (вероятно, контаминация *комар=+мурашки*?) отражен точечными фиксациями в р-не Юхнова, Мещовска, вост. Брянска. В

[9] С исторической точки зрения форма *комар* (<*komarъ), возможно, имеет и более сложное истолкование, см.: Топоров В.Н. Прус. яз. [I – K], с. 201-202.

[10] Так – в: ЭССЯ 10, с. 169 (слав. *komarъ/komarь); последнее, на том же основании, рассматривается как родственное слав. *čьmelь/*čьmela (там же, 4, с. 145).

[11] Подробнее – Топоров В.Н. Указ. соч., с. 189, ср. с.201; на с. 187 рассмотрено соотношение балт. *kem=/: слав. *kam= "с несколькими семантическими полями, сводящимися при глубокой реконструкции к единому источнику".

коментариях ДАРЯ (которые, заметим, содержат минимум сведений о названиях с данным корнем) находим и некартографируемые варианты *кома́шки* (Ю. п. 399 – курск., п. 555 – ряз.) и *кома́рики* (Вост. п. 796 – ульян.).

Значительным (и более компактным) является ареал соответствующих названий на **украинской** языковой территории[12]. Они фиксируются в говорах Западной и Восточной Украины (АУМ) в полосе, постепенно расширяющейся к срединной части страны и далее на восток (= в виде *клина*, рассекающего массив говоров, где преобладают формы с корнем *morv=, и острие которого ориентировано с востока на запад). Внутри данной зоны в ряде р-нов отмечается параллельное употребление значительного числа лексических (разнокоренных) и словообразовательных (однокоренны) вариантов. Названия с корнем *ком=* в целом характерны для волынских говоров (исключение составляет западная их часть – вдоль р. Зап. Буг), далее – для западных, северо-западных и центральных надднестровских (за исключением юго-востока, где явно преобладают названия *мурашки, мураўки*), в части подольских; отмечены они на востоке восточнополесских (Нежин, Прилуки) и в слобожанских говорах (именно в области распространения последних осуществляется контакт с южнорусскими ареалами бытования названий с корнем *ком=*).

= Вариант *кома'р'і* (*кўома'р'і, кома'ри*) наиболее широко представлен в подольских говорах – Хмельницкий – Жмеринка – Винница, на правом берегу р. Ю. Буг и в р-не Умани; западнее этой зоны – в говорах верховий рр. Горынь, Стырь, также зап., вост., южн. Тернополя (единично); укажем и анклав данных форм в р-не Б. Церкви, то же – в отдельных говорах степной группы.

= Вариант *ко'махи* (*кω'махи, ку'махэ* и др.) выступает как наиболее частотный в говорах Волыни, далее – в микрозоне к югу от Житомира до Винницы, Умани и Б. Церкви (т. е. в пограничье между средне-, восточнополесскими и подольскими говорами). Наличие здесь достаточно большого числа дублетов *ко'махи ~ комаш'н'а* может быть истолковано как соотношение форм мн.ч. и собирательных; таким же образом могут быть объяснены параллельно встречающиеся формы *ко'машки ~ комашн'а* (отмечены, например, в некоторых восточнополесских, в центральной и средней части среднеднепровских говоров).

= Вместе с тем имеется достаточное количество фиксаций только формы *комаш'н'а* (*кωмаш'н'а, кумаш'н'а* и др.), – такова ситуация в р-не Шепетовки – Новоград-Волынского, единично – в р-не Житомира, Бердянска, также Б. Церкви – Канева; вариант фиксируется также в микрозоне Прилуки – Лубны, в р-не Ромны, Нежин, Ахтырка, зап. и вост. Черкассы, в некоторых пп. близ Знаменки, Днепропетровска и др. Только в ОЛА приводятся формы *komaš'nupa* (Левобережье – пп. 462, 478, 482, 492-494, 513), также параллельно с иными формами.

= Только в восточноукраинской зоне отмечен вариант *ко'машки* (*комаш'к'і, комаш'ки, кумаш'ки* и др.), границы распространения которого не могут быть четко определены, кроме того, он записан часто параллельно с иными названиями как однокоренными, так и разнокоренными.

3. Названия типа рус. диал. *сикляха* и под.

Подобные (и близкие к ним) названия отмечены только в части русских диалектов (упоминание [например, у Ю. Лаучюте – см. ниже] белорусских соответствий нуждается в дальнейших разысканиях). Это русское эксклюзивное наименование 'муравья (муравьев)' (и некоторые близкие к нему) заслуживает детального рассмотрения в свете проблематики восточнославянской общности.

Прежде всего ареал названий указанного "типа" оказывается достаточно большим и сложным, – не только по *конфигурации* (="кружевным"[13], с пересечениями с иными ареалами, прежде всего манифестирующими названия с корнем *мурав=, мураш=* и под., а также и с наличием многочисленных "островных" вкраплений внутри других ареалов), но и по *структуре*. Последнее означает, что данный ареал может рассматриваться как **единый** лишь по признаку противопоставленности двум другим, описанным выше, ареалам, репрезентирующим продолжения a) *morv= и b) *kom=, – т. е. как ареал «не–***a**, не-***b**», в целом противостоящий ареалу «***a+b***».

В качестве некоего единства рассматриваемый ареал воспринимается во многом благодаря *интерпретации* засвидетельствованных диалектных фактов автором карты № 76 ДАРЯ и – соответственно – ее реализации графическими средствами (прежде всего – близкими цветами, а также штриховками и заливкой), которые с одной стороны, дают основание рассматривать как родственные такие формы, как *щукаши, щуканцы, стуканцы* и т. п. (=оранжевый цвет), а,

[12] Отметим, что в АУМ как разнокоренные интерпретируются, с одной стороны, *кома'р'і*, с другой – *ко'махи, ко'машки* и под. (что отражено в цветовом противопоставлении знаков); мы же в данном случае объединяем все эти названия, базируясь, во-первых, на указанной выше этимологии, и, во-вторых, имея в виду более четкое ареалогическое выявление и соотношение разнокоренных энтомонимов.

[13] О термине см., например: Бородина 18.

с другой, – *сикляхи*, *сикаши*, *сикуны*, *ссакуши* и под. (=красный). Разумеется, могут возникать сомнения в правильности объединения тех или иных форм и отражения их на карте сходным образом, однако в данной статье мы сознательно принимаем содержательно-графические решения Н.А. Липовской (лишь в отдельных случаях мы позволили себе произвести объединение некоторых малочастотных вариантов, различающихся в ДАРЯ). При этом для нас, во-первых, важен самый факт выявления в части русского диалектного континуума ареальной единицы, образуемой ***конгломератом*** названий, большинство которых интуитивно воспринимается как родственные (=близкие) друг другу; вместе с тем установление **подлинного** родства *всех* зафиксированных форм – чрезвычайно сложная задача, поскольку несомненен экспрессивный характер большинства этих названий, и, следовательно, их возникновение и развитие может объясняться не только собственно фонетическими причинами или изменениями в сфере мотивации (=сменой мотивационных признаков), но и актуализацией ассоциативных связей с лексемами, содержащими некоторые иные корни. Во-первых, существенно, что эксплицированное на карте № 76 ДАРЯ *соотношение* лексем-компонентов (resp. соответствующих комплексов) внутри данного ареала может быть описано как реализация принципа, согласно которому *синхронное* состояние определенного диалектного ландшафта есть развернутая в пространстве *диахрония*[14]. В пользу такого подхода, в частности, свидетельствует структура ареала – выделение зоны наименований 'муравья', принимаемых в качестве "первичных", и зон ("поясов"), манифестирующих стадии возможных изменений фонетического облика последних. Именно поэтому считаем необходимым проанализировать названия, образующие указанный "ареал"; с этой целью здесь воспроизводится, с известными упрощениями, фрагмент карты ДАРЯ, на котором отражаются лишь названия, противопоставленные названиям с корнями *morv= и *kom= (т. е. «не–*a*, не-*b*») (карта 1а, с. 172).

По-видимому, "исходными" среди многочисленных наименований, не являющихся продолжениями данных корней, можно считать 1) фонетико-словообразовательные варианты с основой *сикл=*: *сикля́хи* (*сикля́шки*, сюда же, по ДАРЯ, и единичные фиксации [сев.-запад] *сцекля́хи*, *ст'икля́хи*, ср. и южн. [орл.!] *кикля́хи*), ср. и единичное (р-не Невеля) *сепля́ги*[15] (может быть, как-то связано и с единичным *земля́нка*, – зафиксировано в р-не Смоленска); 2) также варианты с метатезой [?] *-=кл=>=л[ ]к=*, ср. сев. *силя́куши* (редкие варианты – *селя́куши*, *сяля́куши*, *силя́киши*, *селя́киши*, но и *стиля́куши*, *стеля́куши*, ср. и в.: ОЛА).

Невозможность надежной этимологизации таких названий на славянской почве приводит исследователей к выводу, что в данном случае речь идет о заимствовании из балтийского. Так, Ю. Лаучюте ("Словарь балтизмов в славянских языках". М., 1982, с. 131) полагает, что подобные названия, бесспорно, связаны с ихтионимами (ср. рус. диал. *сакла* 'уклейка', твер. *сикля* 'то же'; впрочем, см. и: **донск.** *сикля* 'какая-то маленькая рыбка' у: Фасмер III, 620, с пометкой "неясно"); общим признаком для использования близких названий рыб и муравьев, по мнению Ю. Лаучюте, является их малые размеры, а в качестве их первоисточника указываются лтш. sîks 'маленький, мелкий', sikt, sîkt 'мельчать, становиться слабым и под.', с суфф. =l=: siklis, sikliņš 'маленький лес', sìkle 'молодой лес' и др.; заимствованные балтизмы позднее "обросли славянскими суффиксами"[16]. С "балтийской" версией в целом согласуется география названий с корневой частью *сикл=/ сил[ ]к=*. Так, вариант *сикляхи* и под. зафиксирован на крайнем северо-западе русской языковой территории – западные среднерусские говоры (в основном, акающие): бóльшая часть псковских (примерно до р. Ловать), западная часть гдовских и южная – новгородских говоров (вместе с русскими говорами в Прибалтике); при этом в пределах очерченного микроареала отмечены и единичные записи – *сикля́шки* (р-н Острова, Порхова, Новоржева, Опочки, Торопца; дистантно – и сев. Луги); та же форма *сикля́хи* – зап. В. Новгорода, а отдельные фиксации – в севернорусском наречии, например, – в р-не Бежецка, зап. Вельска (!) и в некоторых пп. западной группы южнорусских говоров: р-н Себежа и Невеля, также в верхне-днепровской группе (сев. г. Белый).

Небольшой ареал *силя́куши* и под. характеризуется как "разорванный", его части располагаются зап. и южн. Боровичи, вост. Валдая, зап. В. Волочок, а отдельные записи засвидетельствованы в р-не Торжка.

---

[14] Н.И. Толстой с. 342.

[15] В ОЛА (с. 170): s'ip'l'аха 'то же' (русские говоры в Эстонии); эта форма прямо может быть возведена к эст. sipelgas (ср. водск. sipp[e]likas)(письменное сообщение С.А. Мызникова – см. также ниже).

[16] В тоже время М. Фасмер сопоставляет с балтийскими формами (лтш. siklis 'небольшое болото...', sîkt 'иссякать') только заимствованное *сигла* 'болото, топь' и под. (III, 618), а также исконное *сякнуть* (*иссякнуть*) (< слав. *sękнoti) (Фасмер III, 826). Слабым местом "балтийской" этимологии, таким образом, являются расхождения в семантике, на что исследователи обращают специальное внимание, однако это возможно, "если перед нами древний балтийский субстрат" (С.А. Мызников).

зап. Твери, – т. е. на пограничье *трех* диалектных групп: юг ладого-тихвинской, восток новгородской и север селигеро-торжковской (в этой же микрозоне многочисленны пересечения с ареалами названий, содержащих иные корни).

На востоке к ареалу *сикляхи* и под. примыкает зона (имеющая вид меридионально ориентированной полосы), где преобладают наименования с корневой частью *сик=* и суфф. *=ах=* (*сикахи*), *=аш=* (*сикаши́*, единично – *секаши́*): *=ашк=* (*сика́шки*, *сека́шки*, ср. единично в р-не Брянска – *сико́шки*). Микроареал *сика́хи* (с частыми вкраплениями *сика́шки*) определяется преимущественно как восточно-псковский (между р. Ловать, верховьями Зап. Двины и Волги), сюда же – и западная часть селигеро-торжковских говоров; единично этот вариант представлен сев. Луги, зап. Ст. Руссы, также – в р-не Боровичи; вариант *сика́шки* редко фиксируется зап. и южн. Ст. Руссы, зап. Валдая, у истоков Зап. Двины, но и зап. Александрова(!). Вариант *сикаши́* характерен для значительной части ладого-тихвинской группы северного наречия (Будгощь – Боровичи), для востока новгородских говоров (при этом весьма часто вариант употребляется параллельнол с иными названиями, – прежде всего с корнем *morv=), единично – ю.-вост. С. Петербурга, зап. Устюжны, южн. Ярославля.

На нашей карте 1а особо выделены и иные дервиты с корневой частью *сик=* и суфф. *=ун=/=унц=*: *сикуны́/сикунцы́* и под. (на карте ДАРЯ они разграничиваются) (ср. и сев. *секуны́*, *секунцы́*, а также *си́каницы*, *сигунцы́*). Перечисленные варианты, в виде небольших островков и единичных фиксаций, представлены, главным образом, в северных русских говорах; первый вариант, с суфф. *=ун=*, известен в р-не Боровичи, оз. Кубенского, близ Галича, вост. Кологрива, далее – на крайнем востоке среднерусских говоров (в р-не Арзамаса); вариант с суфф. *=унц=* – отмечен в р-не Бежецка, Клина, сев. Москвы, сев. Рыбинска, вост. Грязовца.

Возможно, корневой элемент *сик=* в описанных выше группах названий можно оценивать как продолжение *сикл=* (с упрощением *=кл=> =к=*), если допускать народно-этимологическое с б л и ж е н и е явно иноязычных лексем, с неясной "внутренней формой" (*сикляхи* и др.) с исконным глаголом *сикать* 'мочить(ся)', 'шипеть' и под. (подробнее о нем: Фасмер III, 620); это позволило бы видеть в вариантах *сикаши́*, *сикуны́* и т. п. результат мотивационной адаптации указанного заимствования[17]. Подобное объяснение, по нашему мнению, может быть распространено и на рассматриваемые далее формы.

Так, к **востоку** от описанного выше ареала *сикахи* выявляется ареал "кружевного" типа, представляющий названия *ссакуши́* (*ссаку́шы*, [*с*]*сака́ши*, *сцак*[*ъ*]*ши*, *сцаку́шки* и др. – р-не Осташков – Ржев – Торжок – В. Волочок, далее, в виде небольших вкраплений, – зап. Бежецка, Ю. Устюжны, единично – в р-не Твери, Стрицы, Волоколамска; на западе, в виде небольшого анклава, – южн. оз. Ильмень); указанные формы часто употребляются параллельно с другими. Близкие фонетические варианты *ссякуши́* ([*с*]*ся́ку́ши*, *ссякиши́*, *стякуши́*, *стекуши́*, *ссёкуши* и др.), объединяемые на нашей карте 1а с вариантом *ссакуши* и под., являются практически единичными, – см. в р-не Бежецка, Устюжны, на побережье Рыбинского вдхр., зап. Вологды. Тот же корневой элемент, с различными фонетическими модификациями, но с суфф. *=ун=*, *=унц=*: *с*[*с*]*акуны́*, *с*[*с*]*ыкуны́*, *ссаконы́*, *сцакуны́*, *сцыкуны́*, *ссякуны́*, и *с*[*с*]*акунцы́*, (*саку́нцы*, *ссякунцы́*, *сагунцы́*, *ссы́кунцы*, *сыкунцы́*, *сс*[*ъ*]*концы́*, [*с*]*цыганцы́*, а также – возможно, под влиянием иных мотивационных признаков – *ссуканцы́*, *суконцы́*, *соконцы́*, и даже: *сканцы́*, (п. 635 – р-не Твери)[18]. Эти названия зафиксированы ДАРЯ в южной части белозерско-бежецких говоров, ю.-зап. Вологды, зап. Костромы, а также – единично – в р-не Твери, Клина.

К **северу** от области распространения варианта *сикляхи* (в части гдовских, и новгородских говоров) фиксируется достаточно компактный микроареал (впрочем, пересекающийся в значительной своей части с иными ареалами), где представлено название *сся́хи* (*сся́шки*, *ссáхи*; ср. и, по ОЛА: vo's':аха [п. 655 – пск.]). ДАРЯ отмечает (в р-не Гдова, в нескольких небольших островных вкраплениях – р-не Пошехонья, Вологды, так же – сев. Кологрива) и иную фонетическую форму – с изменение *х* > *к*: *сся́ки* (сюда же – *стя́ки*, *стя́ги* [!]). В перечисленных вариантах также усматривается действие "народной этимологии", направленное на "прояснение" «внутренней формы» в названиях типа *сикляхи* и под. путем сближения с мотивационным признаком 'мочить(ся)'; однако в данном случае налицо субституция основы *сик=* (*:сикать*) (см. выше) ~ *сса=* (*сся=*) /*сца=* (*:сцать*) < слав. *sьkati (о возможном родстве обеих основ см.: Фасмер III, 816). Наконец, отметим наличие на карте ДАРЯ малочисленных фиксаций с корневым элемен-

[17] Впрочем, следует иметь в виду и возможность влияния на русские диалекты прибалтийско-финских языков на уровне *мотивационных признаков*, ср. использование в вепсских и карельских названиях 'муравья' признака 'мочиться' (kuzi, kusi и др.) (по сообщению С.А. Мызникова).

[18] Отметим, что, несомненно, близкое к перечисленным наименованиям рус. диал. *скунец* 'то же' трактуется М. Фасмером как "темное" (III, с. 662).

том *ссых=* – (*за*)*ссы́хи*, *обоссы́хи*/*обосси́хи*, *бассы́хи* (отдельные пп. близ Калязина, Ростова, Иванова, Галича и др.) (на нашей карте 1а они отсутствуют). Кроме того, в комментарии ДАРЯ перечислено значительное число единичных наименований с корневыми элементами *сик=* и (*с*)*сак=*, которые зафиксированы не только в пределах рассматриваемого ("третьего") ареала, но и в зонах, где употребляются названия с корнем *morv=; первый корень отмечен в *си́киши*, *сикали́*, *сикачи́*, *си́ка*[*ф*]*ки*, *сико́тки*, *сика́тки*, *посика́лки*, [*ть*]*сика́хи*, второй – в *сса́ники*, *с*[*с*]*а́нцы*, *сца́кочки*, *сся́къткы*, *ся́котки*, *кривоса́чки*, также – *стяку́хи*, *ссюны́*, *сти́оли* и др. (ДАРЯ с. 212).

Рассмотрение приведенных выше названий показывает, что по мере удаления от достаточно четко очерченной области "первичных" наименований данного насекомого (=*сикляхи* и под.) микроареалы вариантов-трансформаций последних становятся все менее определенными. Все очевиднее становится их "островной" характер; вместе с тем усиливается и чересполосица многочисленных (и, несомненно, поздних) фонетико-словообразовательных вариантов, – особенно наглядна она на востоке макроареала (белозерско-бежецкие, тверские говоры, запад вологодских и костромских).

Наконец, как указывалось, на карте ДАРЯ (и на нашей карте 1а) заметно обособляется от перечисленных выше названий 'муравьев' *группа* энтомонимов, которые характеризуются значительными различиями как на словообразовательном, так и на фонетическом уровнях и которые – вместе с тем образуют некое единство на восточной периферии "третьего" ареала. Одну часть этой периферийной зоны (в целом имеющей вид небольших островков, со значительным числом пересечений с иными ареалами) образуют фиксации названий *стуканцы́* (*стуганцы́*, *стаканцы́*, *стяконцы́*, *стиганцы́*, *стыганцы́*, *стоганцы*, далее – *стр*[*ъ*]*ганцы*, *строганцы*, *стриганцы*) и *щуканцы* (*щикунцы*, *щекунцы́*, *чикунцы́*, *щеконцы́*, *щиканцы́*, и даже – *штанцы́* [С. п. 637 – твер.]). Фонетический облик некоторых из перечисленных наименований весьма близок к формам типа *с*(*с*)*акунцы* и под., – изменения касаются начального ***с***: (=долгое) (оно может переходить в *ст=* и далее – в *стр=*), метатезы *а* ~ *у* (> *о*/*а*); более сложные трансформации предполагаются в вариантах типа *щекунцы*, *чикунцы* и др., – здесь по-видимому, ***с***:/***с***': изменялось в ***ш***': (=***щ***) и ***ч***'. показательно, что упомянутые варианты также фиксируются в зоне высокой частотности суфф. =*унц=*.

Более сложные изменения следует предположить в названиях насекомого, отмеченных в другой части рассматриваемого "**периферийного**" субареала (а именно на юге белозерско-бежецких говоров), – *щукаши́* (*чукаши́*, *счукаши́*, *чикаши́*, *чигаши́* и даже – *чука́сы* [С. 407 – моск.!]); тем не менее, вероятно, они могут быть сопоставлены с некоторыми вариантами, рассмотренными выше (например, *сикаши* и под.), хотя в дальнейшем могут быть установлены их родственные связи с совсем иными лексическими единицами.

В целом, изучение соотношения русских диалектных наименований 'муравьев', отраженных на нашей карте 1а, дает, на наш взляд, веские основания поддерживать сформулированное выше мнение о том, что все перечисленные названия (большинство которых является малочастотными и даже единичными фиксациями) могут быть в конечном счете родственными, и что допустима их интерпретация как различных стадий *усвоения* носителями русской речи лексемы (=лексем), содержащей заимствованный корень с неясной «внутренней формой», – путем, с одной стороны, его переосмысления (resp. сближения с исконными лексемами сходного звучания, и независимо от степени возникающей при этом семантической мотивированности/немотивированности!), а с другой, – значительных, по диалектам, изменений фонетического облика использовавшихся слов, что, кстати, облегчалось восприятием их как экспрессивных. В то же время нам представляется справедливым мнение С.А. Мызникова о том, что "...в зависимости от ареала и формы слова, ... материал возможно классифицировать и как балтийский субстрат, как результат взаимодействия славян и прибалтофиннов (в отношении тождественной мотивации), и как эстонско-водское заимствование (для гдовских и смежных с ними говоров). Кроме того, нельзя исключать и исконность таких образований, как *сикунцы*, *сикухи*" ...(цитированное выше письмо).

* * *

Наконец, считаем необходимым привести в качестве дополнительного материала сведения, содержащиеся в АУМ. Корпус последних образуют названия-энтомонимы, которые составители АУМ *отвели* от картографирования, – поскольку в атласе учитывались лишь *общие* названия насекомого, а наименования разновидностей муравьев (по месту обитания, по цвету и под.) только перечислены в комментариях (см.: АУМ I, с. 69, II, с. 76). В противоположность данному подходу на соответствующей карте ДАРЯ картографированы **все** зафиксированные названия, – независимо от того, были ли это общие (=родовые) названия или видовые (см.: ДАРЯ, с. 210), случаи же фиксации в комментарии видов насекомого являются

единичными (ср.: *ворабыши*, *букашки*, *журавли* и др. – с. 212).

Наибольшее число подобных "видовых" названий (а также их фонетико-словообразовательных вариантов) отмечено в западноукраинских говорах (АУМ II). Неясность этимологии многих из этих названий объясняет наличие большого числа трансформаций их фонетического облика, что указывает на действие народной этимологии, стремящейся установить какие-то связи с исконными словами, ср., например, *па'л'имоди* (*па'ламудн'і*, *пара'муди*, далее, возможно, – *желе'муд'і*), – зафиксировано в виде единичных вкраплений в западно- и среднеполесских говорах, на севере волынской группы (р-н Дубно, Новоград-Волынский); на востоке изолированные (="островные") ареалы отмечены в р-не Житомира, см.: *па'римоткі*, *па'ли'мотки*, *пере'мутка*, *порэ'муді* (далее – ср. и *тала'мутка*, *жа'ри'мотки*) (ср., по ОЛА, ра'łemudy 'маленькие красные муравьи' – в р-не Шепетовки); возможно, сюда же и единичное *паро'йайи*). Значительное распространение имеют "антропоморфные" названия некоторых видов муравьев, – укажем весьма частотное *ковал'і* (в надсянских, части бойковских, некоторых надднестровских, в отдельных буковинских; в Восточной Украине – единично), – может быть, в названиях подобного типа отражается связь с народными поверьями и обычаями, касающимися данного насекомого (подробнее: Гура с. 510 – 514); редко используются этнонимы – ср. зап.-укр. *ка'цаби*, *'пол'ки*, вост.-укр. *та'тари*, а также иные названия антропонимного характера: *солдатики*, *денисики*. Локализмами, также неясной этимологии, являются и западноукр. *'дирлици*, *кинд'рици*, *шенд'рици* (*шк'інд'рици*), *йенд'рици* (Полесье), *'дриці*, также *бі̇здрици*; также – *гіме'риці*, *млеі̇ки*. Более прозрачна "внутренняя форма" в таких названиях, как *кузу'лици*, *чер'вінці*, *'рудики*, а также *'мош'ка* (ср. и единичные ю.-рус. *мушка́рки* и сев.-рус. *мушкары́*); здесь же упомянем названия с корнем *мух=*: muxa'ґуса (ОЛА – буков.), mu'xar (там же – север Молдовы).

II. **Словообразовательный аспект** изучения восточнославянских названий 'муравьев'

Специальное рассмотрение данного аспекта стало возможным, благодаря тому, что карта № 41 в ОЛА является словообразовательной. Как указывалось, она воспроизводится на нашей карте № 2, – с некоторыми упрощениями; в конечном счете они сводятся к учету словообразовательных типов (=моделей), представленных в достаточно больших по величине ареалах, и элиминированию фиксаций малочастотных словообразовательных моделей (и тем более – узколокальных форм). В качестве последних можно указать югозап.-укр. (mur)-an-ъk-ьl-ь, (mur)-jan-ъk-ъ / (mur)-aš-ьč-ьk-ъ, (kom)-aš-ьn-a и др. рус. диал. (mur)-av-ъ, (mur)-ak-uš-ь и др., рус., укр. (kom)-ar-ь и под.

К достаточно обширным, охватывающим говоры различных языков Восточной Славии, относятся ареалы дериватов (1) с суфф. =ax=(a) (в России – западнорусские говоры, в Украине – надднестровские, в Беларуси – некоторые полесские), (2) с суфф. =aš-ьk=(a) (часть югозападных русских, большинство белорусских говоров, североукраинские говоры и практически говоры всей Левобережной Украины, и, кроме того, некоторые бойковские), (3) с суфф. =av=ьj- (ь) /=av-ьl=(ь) (что характерно для большинства русских говоров – северно- и среднерусских; как вариант к иным названиям-вариантам – в украинском диалектном континууме и – единично – на юге Беларуси). Значительным по величине является и ареал деривата с суфф. =ax=(ъ), – однако он отмечается лишь на русской диалектной территории (исключительно – севернорусские говоры).

В целом современное восточнославянское пространство – в плане *соотношения* функционирующих в нем словообразовательных моделей – может быть определено как совокупность *широтно* расположенных (микро)зон; при этом не исключено, что в прошлом зоны бытования отдельных моделей были более компактными (=едиными), и лишь позднее эта ситуация изменилась в результате расширения сферы употребления некоторых из них. Таким образом, ныне оказывается разделенным на три части ареал форм с суфф. =ax=(-a, -ъ): западнорусские и западноукраинские говоры (при том, что *корневая* часть подобных дериватов может быть различной – см. выше). Можно видеть следы поздней инвазии (с востока на запад) словообразовательного типа (mur)=av-ьj(ь)/(mur)=av-ьl=(ь) в северной и западной (=к северу от р. Днестр) украинских зонах. Как позднее явление, по-видимому, можно трактовать и дистантность двух ареалов, репрезентирующих модель с суфф. =aš-ьk=(a), – с одной стороны, часть северорусских говоров, с другой – белорусско-восточноукраинско-югозападнорусская макрозона.

* * *

Таким образом, раздельное рассмотрение лексических и словообразовательных фактов, касающихся названий интересующих нас энтомонимов, выявляет ряд существенных деталей, которые помогают более полно охарактеризовать восточнославянскую ситуацию. В результате становится возможным изучение черт, общих диалектам *всех* языков Восточной Славии (и – в то же время – известную их противопос-

тавленность диалектам иных славянских языков на лексическом и на словообразовательном уровнях), а также описание особенностей дифференциации восточнославянского диалектного ландшафта *в целом*.

ЛИТЕРАТУРА

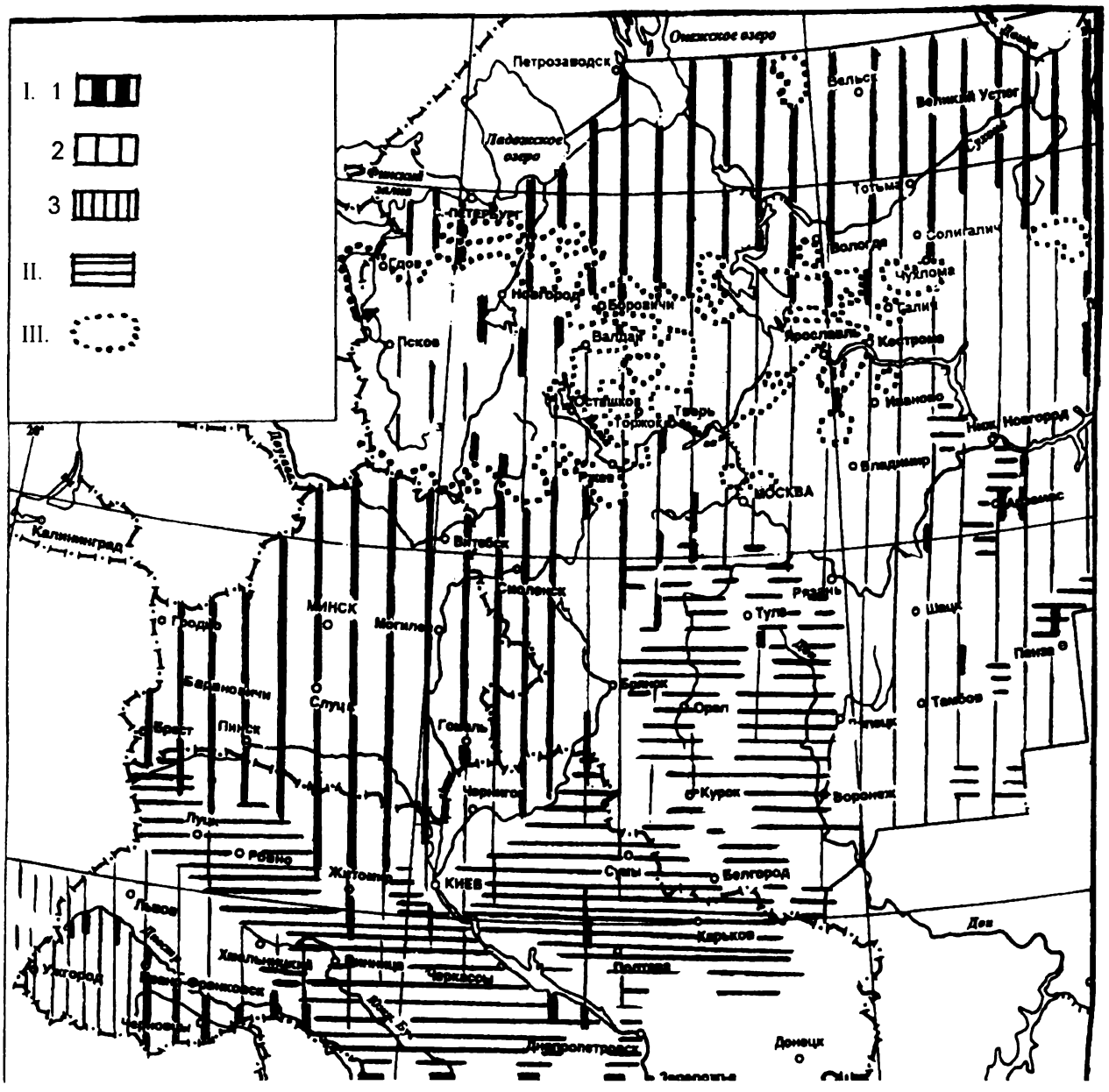
Бородина – *Бородина М. Л.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.

Гура – *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. 1– . Кив, 1982.

Толстой – *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской лексикологии // Славянское языкознание. V межд. съезд славянистов. М., 1968.

Карта 1. "Названия муравьев"

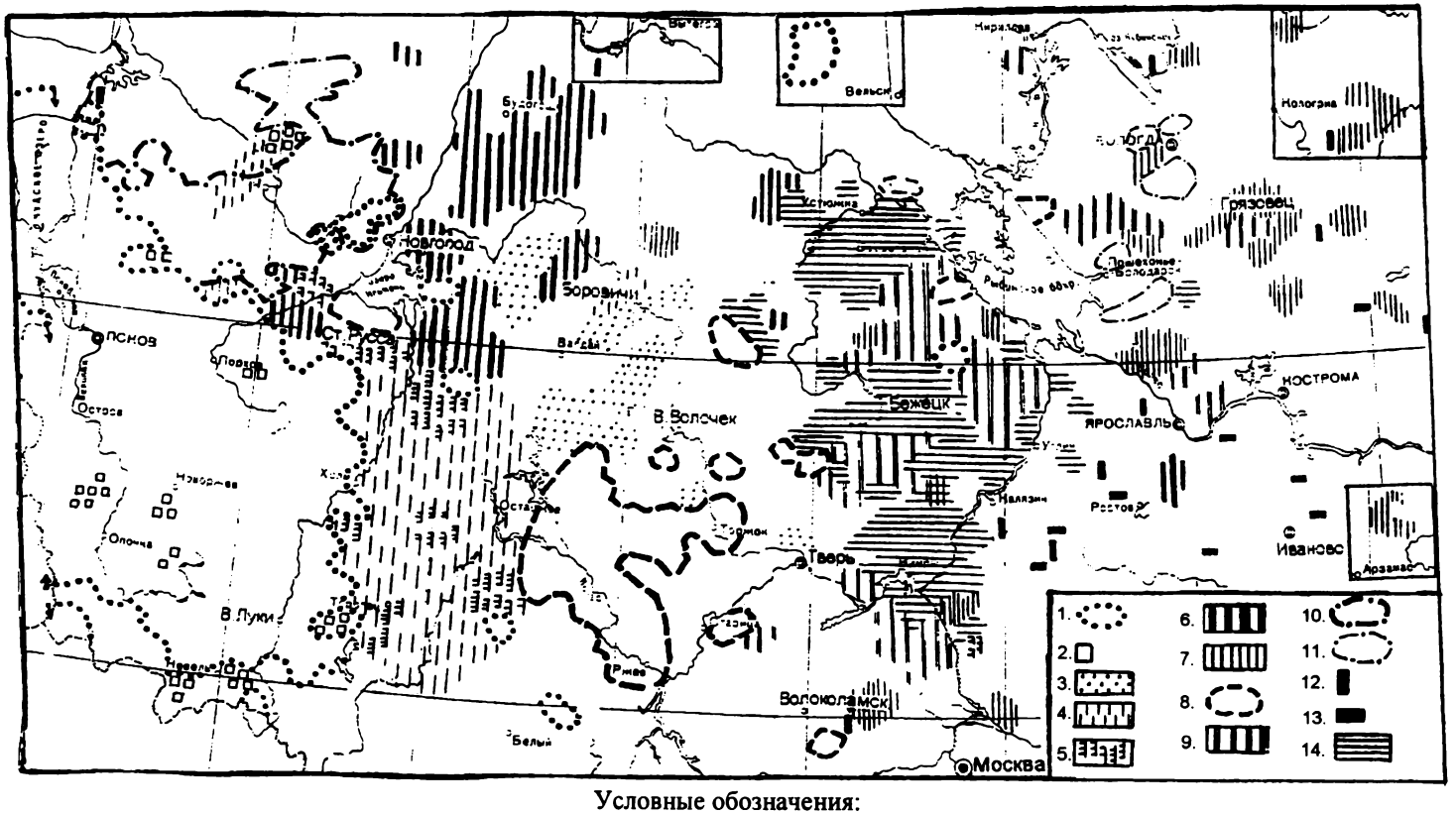
Условные обозначения:

I. Названия с корнем *morv=: 1. mur-aš-(ь), mur-aš-ьk-(a)/ mur-ax-(a), 2. mur-av-ьj-(ь)/ mur-av-ьl-(ь), 3. mur-an-ъk-(ъ)/ mur-jan-ъk-(ъ), mur-an-ъk-ьl-(ь);

II. названия с корнем *kom=;

III. ареал «не *morv=, не *kom=».

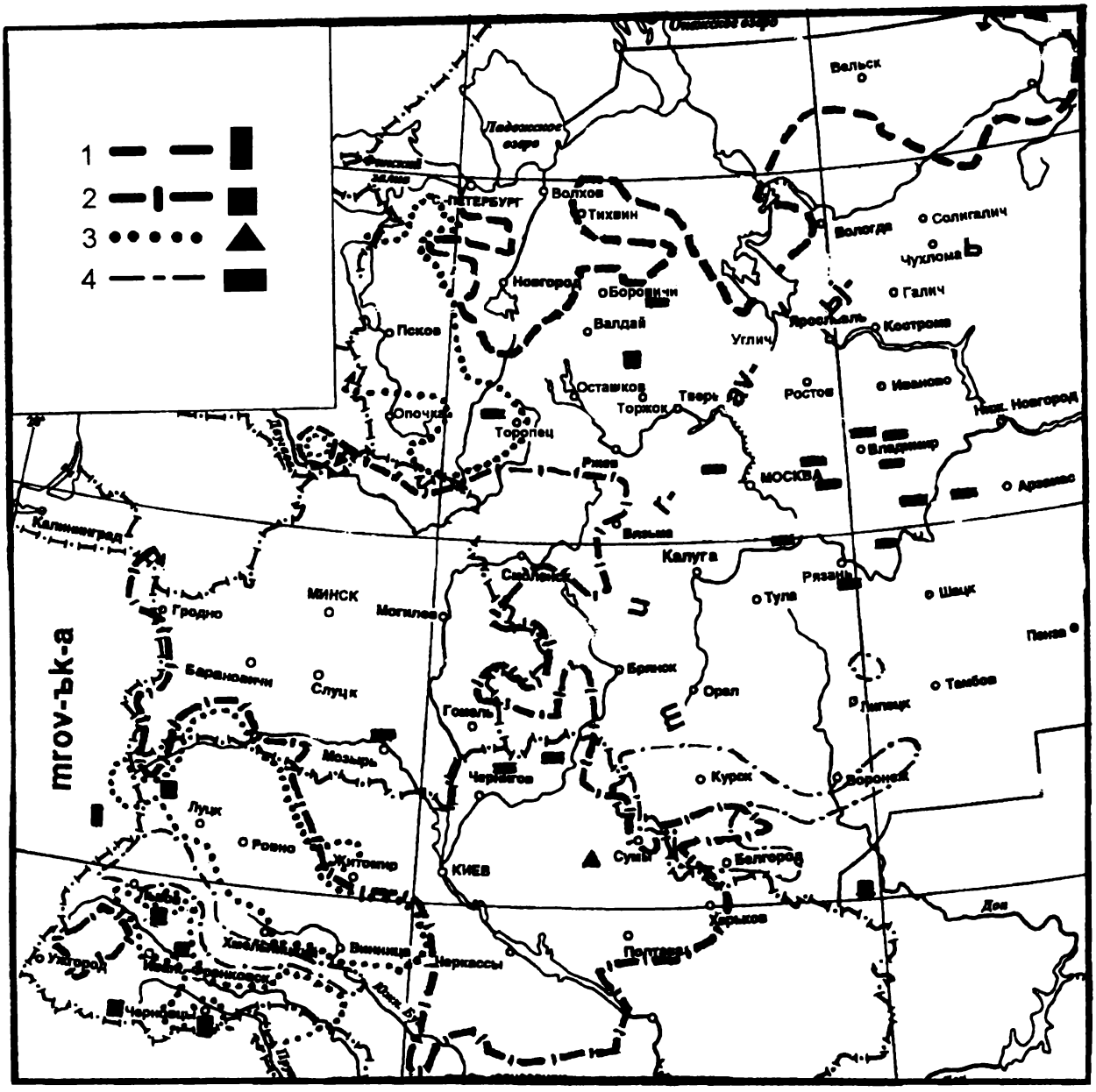
Карта 1а. "Названия муравьев"

Условные обозначения:

1. *сикляхи* и под., 2. *сикляшки*, 3. *сиклякуши* и под., 4. *сикахи*, 5. *сикашки*, 6. *сикаши*, 7. *сикуны*, *сикунцы*, 8. *ссакуши* (*ссякуши*) и под., 9. *ссакуны*, *ссакунцы* и под., 10. *ссяхи*, 11. *ссяки*, 12. названия с корнем (*с*)*сик*=, (*с*)*сак*=, 13. названия с корнем *ссых*=, 14. *щукаши*, *щуканцы*, *стуканцы*, *строганцы* и под.

Карта 2. "Названия муравьев"

Условные обозначения:

1. суфф. = aš= (mur-aš-ь, sik-aš-ь),
2. суфф. = aš=ьk= (mur-aš-ьk-a, kom-aš-ьk-a, sik-aš-ьk-a),
3. суфф. = ax= (mur-ax-a, kom-ax-a, sik-ax-a),
4. суфф. = av=ьl= (mur-av-ьl-ь).

Для заметок

Для заметок

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Утверждено к печати
Научным советом
Института русского языка им. В.В.Виноградова
Российской академии наук

Ответственный редактор Т.В.Попова

Оригинал-макет подготовлен к печати
в отделе диалектологии и лингвогеографии
Института русского языка им.В.В.Виноградова РАН

119530, Москва, Очаковское шоссе, п/о 530, а/я 173.

Лицензия ИД №00994 от 18.02.2002. Подписано в печать 01.07.2002.
Формат 84x108/$_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.48.
Тираж 500 экз. Заказ №1018.

Институт русского языка им В.В. Виноградова.
121019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

12-00

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

90431

12-00

ISBN5-93786-038-1

